

История Шумера и Аккада. Рассказ о ранних расах Вавилонии с доисторических времен до основания вавилонской монархии

Л. В. Кинг

A HISTORY OF SUMER AND AKKAD

AN ACCOUNT OF THE EARLY RACES
OF BABYLONIA FROM PREHISTORIC
TIMES TO THE FOUNDATION OF
THE BABYLONIAN MONARCHY

BY
LEONARD W. KING, M.A., F.S.A.

Assistant in the Department of Egyptian and Assyrian
Antiquities, British Museum

WITH MAP, PLANS, AND ILLUSTRATIONS

LONDON
CHATTO & WINDUS
1910

The Project Gutenberg eBook of A History of Sumer and Akkad.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История Шумера и Аккада

Автор: Л. В. Кинг

Дата выхода: 2 июля 2015 [eBook #49345]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Мадлен Фурнье и Марком Д'Хуге (Изображения щедро предоставлены Hathitrust).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A HISTORY OF SUMER AND AKKAD ***

ИСТОРИЯ ШУМЕРА И АККАДА

РАССКАЗ О РАННИХ РАСАХ ВАВИЛОНИИ С ДОИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕН ДО
ОСНОВАНИЯ ВАВИЛОНСКОЙ МОНАРХИИ

ЛЕОНАРД У. КИНГ, М.А., Ф.С.А.

Ассистент отдела египетских и ассирийских древностей Британского музея
С КАРТОЙ, ПЛАНАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

НЬЮ-ЙОРК

КОМПАНИЯ ФРЕДЕРИКА А. СТОКСА

PUBLISHERS

1910

Photo, Mansell & Co.

Стела Нарам-Сина, царя Агаде, изображающая царя и его союзников в триумфе над своими врагами - Фото, Mansell & Co.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раскопки, проведенные в Вавилонии и Ассирии за последние несколько лет, значительно расширили наши знания о ранней истории этих стран и перевернули многие представления о возрасте и характере вавилонской цивилизации. В настоящем томе, посвященном истории Шумера и Аккада, предпринята попытка представить этот новый материал в связном виде и ознакомить читателя с результатами, полученными в результате недавних открытий и исследований, в той мере, в какой они затрагивают самые ранние исторические периоды. Здесь рассказывается о зачатке цивилизации в Месопотамии и о ранних городах-государствах, которые время от времени образовывались на землях Шумера и Аккада, двух великих дивизий, на которые в тот период была разделена Вавилония. Примитивная скульптура и другие археологические останки, обнаруженные на ранних вавилонских стоянках, позволяют составить довольно полное представление о расах, которые в те далекие времена населяли страну. С их помощью можно понять, как постепенно изменялись первобытные условия жизни и как из грубых начал развилась сравнительно развитая цивилизация, которую унаследовали поздние вавилоняне и ассирийцы и которая оказала заметное влияние на другие расы древнего мира.

В ходе этой истории отмечаются точки, в которых происходили ранние контакты с другими землями, и в исторический период оказалось возможным проследить пути, по которым шумерская культура выходила за пределы Вавилонии. Вероятно, даже в доисторические времена великие торговые пути более поздней эпохи уже были открыты для движения, и культурные связи вполне могли иметь место в то время, когда политические контакты не могут быть исторически доказаны. Этот факт необходимо иметь в виду при рассмотрении ранних отношений Вавилонии с Египтом. В результате недавних раскопок и исследований было признано необходимым изменить мнение о том, что египетская культура на ранних этапах своего развития находилась под сильным влиянием культуры Вавилонии. Но некоторые параллели слишком поразительны, чтобы быть результатом совпадения, и, хотя южные шумерские поселения не обнаружили следов доисторической культуры, столь же ранней, как неолит и додинастические египтяне, египетские данные позволяют предположить, что между доисторическими народами Северной Африки и Западной Азии мог иметь место определенный контакт.

Гораздо более тесными были узы, связывавшие Шумер с Эламом, великим центром цивилизации, лежавшим на его восточной границе, а недавние раскопки в Персии показали, насколько самостоятельным было развитие каждой цивилизации. Только после семитского завоевания шумерская культура оказала заметное влияние на эламскую, а семитское влияние сохранялось в стране даже при шумерском господстве. Через семитских жителей северной Вавилонии культурные элементы Шумера и Элама перешли за Тавр и, будучи ассимилированными хеттами, достигли западного и юго-западного побережья Малой Азии. Поэтому в свете последних открытий была предпринята попытка оценить, каким образом вавилонская культура повлияла на ранние цивилизации Египта, Азии и Запада. По прямым или косвенным каналам культурное влияние Шумера и Аккада в той или иной степени ощущалось на территории от Элама до Эгейского моря.

Учитывая последствия этой ранней цивилизации, важно определить регион мира, из которого шумерская раса достигла Евфрата. До недавнего времени можно было сформировать теорию по этому вопросу только на основе доказательств, предоставленных самими шумерами. Но исследования в Туркестане, результаты которых теперь полностью опубликованы, позволяют нам с определенной уверенностью заключить, что первоначальный дом шумерской расы следует искать за горами к востоку от Вавилонской равнины. Раскопки, проведенные в Анау близ Асхабада второй экспедицией Пампелли, выявили следы доисторических культур в этом регионе, которые представляют собой поразительные параллели с другими ранними культурами к западу от Иранского плоскогорья. Более того, физиографические данные, собранные первой экспедицией Пампелли, дают адекватное объяснение расовым волнениям в Центральной Азии, которые, вероятно, послужили причиной шумерской иммиграции и других последующих миграций с Востока.

Давно предполагалось, что в исторические времена на значительных территориях Центральной Азии произошли заметные изменения природных условий. Например, нынешнее сравнительно засушливое состояние Монголии разительно отличается от того, каким оно должно было быть в эпоху, предшествовавшую монгольскому вторжению в Западную Азию в XIII веке, а путешественники, проследовавшие по маршруту армии Александра, возвращавшейся из Индии через Афганистан и Персию, отмечают разницу в характере страны в настоящее время. Свидетельства аналогичного изменения природных условий теперь собраны в Русском Туркестане, и этот процесс также проиллюстрирован в результате исследований, проведенных доктором Штейном по поручению индийского правительства на границах пустыни Такламакан и в оазисах Хотана. Очевидно, что все эти районы в разные периоды были гораздо лучше обводнены и более густонаселенны, чем сегодня, и что изменения климатических условий повлияли на характер страны таким образом, что вызвали расовые миграции. Более того, есть признаки того, что общая тенденция к засушливости не была равномерной и что за циклами повышенной засушливости следовали периоды, когда страна была способна поддерживать значительное население. Эти последние наблюдения имеют важное значение для шумерской проблемы, и поэтому они довольно подробно рассматриваются в Приложении I.

Физические последствия таких климатических изменений, естественно, будут более заметны в среднеконтинентальных регионах, чем в районах, расположенных ближе к побережью, и иммиграция семитских кочевников в Сирию и Северную Вавилонию, возможно, была вызвана аналогичными периодами засухи в Центральной Аравии. Как бы то ни было, несомненно, что ранние семиты достигли Евфрата через сирийское побережье и основали свои первые вавилонские поселения в Аккаде. До сих пор не решено, кто раньше занял Вавилонию - они или шумеры. Расовый характер шумерских богов можно лучше всего объяснить, если предположить, что самые ранние культовые центры в стране были семитскими; но отсутствие семитских идиом в самых ранних шумерских надписях является столь же веским доказательством против этой теории. Этот вопрос, вероятно, не будет решен до тех пор, пока не будут проведены раскопки в таких северовавилонских местах, как Эль-Охемир и Телль-Ибрахим.

То, что шумеры сыграли более важную роль в зарождении и формировании вавилонской культуры, несомненно. В области управления, права, литературы и искусства семиты просто заимствовали у своих шумерских учителей, и, хотя в некоторых отношениях они улучшили свои модели, в каждом случае первоначальный импульс исходил от шумерской расы. Например, Свод законов Хаммурапи, оказавший столь заметное влияние на Моисеево

законодательство, как теперь доказано, был шумерского происхождения; а недавние исследования показали, что более поздняя религиозная и мифологическая литература Вавилонии и Ассирии, на которую так сильно повлияли евреи, была в значительной степени заимствована из шумерских источников.

В ранней истории Шумера и Аккада доминирует расовый конфликт между семитами и шумерами, в ходе которого последние постепенно терпели поражение. Основание вавилонской монархии знаменует собой завершение политической карьеры шумеров как расы, хотя, как мы видели, их культурные достижения надолго сохранились в более поздних цивилизациях Западной Азии. Рисунки на обложке этого тома могут быть восприняты как символ двойственного характера раннего населения страны. На лицевой стороне обложки изображены два семитских героя или мифологических существа, поливающие горбатов или буйволов на вавилонской равнине; рисунок взят с печати Ибни-Шарру, писца на службе у раннего аккадского царя Шар-Гани-Шарри. Панно на задней стороне переплета взято из "Стелы стервятников" и изображает армию Эаннатума, попирающую мертвые тела своих врагов. Бритые лица шумерских воинов составляют разительный контраст с густой бородой семитского типа на печати.

Следует, пожалуй, сказать несколько слов еще по двум вопросам - ранней хронологии и передаче шумерских собственных имен. Общий эффект последних исследований заключается в сокращении очень ранних дат, которые раньше были в моде. Но существует явная опасность того, что реакция пойдет слишком далеко, и необходимо четко обозначить моменты, когда доказательства уступают место предположениям. Следует признать, что все даты, предшествующие основанию Вавилонской монархии, неизбежно являются приблизительными, и хотя у нас нет определенных точек соприкосновения между ранней и поздней хронологией Вавилонии, рекомендуется, насколько это возможно, мыслить периодами. В Хронологической таблице ранних царей и правителей, которая печатается как Приложение II, была сделана попытка создать схему хронологии; основания, на которых она основана, кратко изложены в третьей главе, в которой обсуждается возраст шумерской цивилизации.

Транслитерация многих шумерских имен собственных также условна. Во многом это объясняется полифоничностью шумерских знаков, но несомненно и то, что сами шумеры часто использовали идеографическую систему выражения. В качестве примера можно привести древнее название города, местоположение которого отмечено курганами Телло. На шумерском языке это название записано как Ширпурла, с добавлением определителя места, и ранее предполагалось, что шумеры произносили это название как Ширпурла. Но мало сомнений в том, что, хотя оно и было написано таким образом, на самом деле оно произносилось как Лагаш, даже в шумерский период. Точно так же название его ближайшего соседа и древнего соперника, ныне отмеченного курганами Джоха, до недавнего времени передавалось так, как оно написано, - Гишху или Гишху; но теперь мы знаем из двуязычного списка, что на самом деле это название произносилось как Умма. Читатель легко поймет, что в случае с менее известными городами, чьи названия еще не были найдены в поздних слоговых таблицах и двуязычных текстах, фонетические чтения могут быть в конечном итоге отброшены. В тех случаях, когда принятые варианты являются определенно предварительными, к ним добавляется соответствующее примечание.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить доктора Э. А. Уоллиса Баджа за разрешение опубликовать фотографии предметов, иллюстрирующих раннюю историю Шумера и Аккада, которые хранятся в Британском музее. Я также благодарю месье Эрнеста Леру из Парижа за любезное разрешение использовать иллюстрации из опубликованных им работ, которые

имеют отношение к раскопкам в Телло и развитию шумерского искусства; г-на Рафаэля Пампелли и Карфагенского музея. Рафаэлю Пампелли и Институту Карнеги в Вашингтоне за разрешение воспроизвести иллюстрации из официальных отчетов второй экспедиции Пампелли; а также редактору журнала *Nature* за любезное разрешение сделать *клише* с блоков, первоначально подготовленных для статьи "Закаспийская археология", которую я представил в этот журнал. С моим коллегой, мистером Х. Р. Холлом, я не раз обсуждал проблемы, связанные с ранними отношениями Египта и Вавилонии; а месье Ф. Тюро-Данген, заместитель директора Музеев Лувра, с готовностью предоставил мне информацию о сомнительных надписях на исторических памятниках, как в самом Лувре, так и в Императорском Османском музее во время своего недавнего визита в Константинополь. Добавлю, что планы и рисунки в этом томе - работа мистера П. К. Карра, который не пожалел усилий в попытке точно воспроизвести характер оригиналов.

L. B. КИНГ.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ: ЗЕМЛИ ШУМЕРА И АККАДА

Тенденция последних археологических исследований - Изучение происхождения - Неолитический период в Эгейском регионе, в регионе Средиземноморья, Нехватка неолитических останков в Вавилонии во многом объясняется характером страны - Проблемы, поднятые раскопками в Персии и Русском Туркестане - Сравнение самых ранних культурных останков в Египте и Вавилонии - Самые ранние известные обитатели южноавилонских стоянок - "Шумерский спор" и смещение проблемы в сторону ранних отношений шумеров и семитов - Земли Шумера и Аккада - Естественные границы - Влияние геологического строения - Влияние речных отложений - Евфрат и Персидский залив - Сравнение Тигра и Евфрата - Шатт-эль-Ниль и Шатт-эль-Ниль.раннее течение Евфрата и тенденция реки к отклонению на запад - изменения в болотах - распределение населения и расположение ранних городов - подъем и спад рек и регулирование воды - граница между Шумером и Аккадом - ранние названия Вавилонии - "Земля" и ее значение - [терминология-1](#)

ГЛАВА II

МЕСТА РАСПОЛОЖЕНИЯ РАННИХ ГОРОДОВ И РАСОВЫЙ ХАРАКТЕР ИХ ЖИТЕЛЕЙ

Характеристика раннеавилонских городищ - Французские раскопки в Телло - Названия Ширпурла и Лагаш - Результаты работ де Сарзека - Немецкие раскопки в Сургуле и Эль-Хиббе - Так называемые "огненные некрополя" - Джоха и ее древнее название - Другие курганы в районе Шатт-эль-Кар - Хаммам - Телль-Од - Систематические раскопки в Фаре (Шуруппак) - Шумерские жилищаДома и круглые здания неизвестного назначения - Саркофаги - Могилы и погребения с циновками - Различия в погребальных обычаях - Раскопки в Абу Хатаб (Кисурра) - Погребения с горшками - Частичное исследование Бисмая (Адаб) - Хектайм-Джидр - Судьба городов, которые избежали западных семитов - Американские раскопки в Ниппуре - Британские работы в Варке (Эрех), Сенкера (Ларса), Телль Сифр, Телль Медина,

Мукайяр (Ур), Абу Шахрейн (Эриду) и Телль Лахм - Наши знания о северовавилонских местах - Раскопки в Абу Хабба (Сиппар) и недавние работы в Вавилоне и Борсиппе - Места Агаде, Куте, Кише и Описе - Французские раскопки в Сузах - Источники нашей информации по расовой проблеме - Шумерский и семитский типы - Контрасты в обработке волос, физических черт, очевидные несоответствия - доказательства поздних и ранних памятников - доказательства расового характера шумерских богов - теория профессора Мейера и лингвистические доказательства - современное состояние проблемы - первоначальная родина и расовое родство шумеров - путь семитского завоевания - происхождение западных семитов - восточные пределы семитского влияния 16

ГЛАВА III

ВОЗРАСТ И ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ШУМЕРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Влияние последних исследований на старые системы хронологии - Сокращение очень ранних дат и выделение исторических периодов - Опасность того, что реакция пойдет слишком далеко, и необходимость отмечать, где доказательства уступают место предположениям - Хронология более отдаленных эпох и наши источники информации - Классификация материала - Основы поздних местных списков и хронологической системы Беросса - Палеография и систематические раскопки - Отношение ранней хронологии к более поздней. Влияние последних археологических и эпиграфических данных - Процесс отсчета снизу и основы, на которых мы можем строить - Вопросы, по которым все еще существуют разногласия - Дата основания Вавилонской монархии - Приблизительный характер всех более ранних дат и необходимость мыслить периодами - Вероятные даты династий Ура и Исины - Даты для более ранних эпох и для первых следов шумерской цивилизации - Пред-Вавилонское изобретение клинописи - Истоки шумерской культуры должны быть прослежены до эпохи, когда она не была шумерской - Относительный интерес ко многим шумерским достижениям - Примечательный характер шумерского искусства скульптуры и гравировки - Соответствующий вклад Шумеры и семиты - Методы композиции в шумерской скульптуре и попытки нетрадиционной обработки - Совершенство деталей в лучших шумерских работах - Литье из металла и вопрос о меди или бронзе - Сплошные и полые отливки и медное покрытие - Терра-фигурки из котты - искусство инкрустации и гравировки - более фантастическая сторона шумерского искусства - рост натуралистического подхода в шумерском дизайне - период упадка-56

ГЛАВА IV

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ШУМЕРЕ; РАССВЕТ ИСТОРИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ ЛАГАША

Происхождение великих городов - местные культовые центры в доисторический период - самые ранние шумерские поселения - развитие города-бога и эволюция пантеона - лунный и солнечный культы - постепенный рост города, иллюстрируемый ранней историей Ниппура и его святилища - постройки самого раннего шумерского периода в Телло-Сторе. Жилища и места для мытья примитивной сельскохозяйственной общины - Жители страны, изображенные в архаической скульптуре - Самые ранние письменные источники и доисторическая система землевладения - Первые правители Шуруппака и их должности - Цари и патесисы ранних городов-государств - Начало истории в Шуруппаке. Рассвет истории в Лагаше и сюзеренитет Киша - Соперничество Лагаша и Уммы и Месилимский

договор - Роль города-бога и теократические настроения того времени - Ранняя борьба Киша за господство - Коннотация царских титулов в ранний шумерский период - Ур.Нина - основатель династии в Лагаше - его правление и политика - его сыновья и семья - положение шумерских женщин в общественной и официальной жизни - статус Лагаша при Акургале - 84

ГЛАВА V

ВОЙНЫ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ; ЭАННАТУМ И СТЕЛА СТЕРВЯТНИКОВ

Состояние Шумера после воцарения Эаннатума - Начало войны между Уммой и Лагашем - Набег на территорию Нингирсу и видение Эаннатума - Поражение Уша, патеси Уммы, и условия мира, наложенные на его преемника - Пограничный ров и стела разграничения - Ратификация договора на пограничных святилищах - Клятвенные формулы на Стеле стервятников - Первоначальный вид Стелы и фрагменты, которые были восстановлены - Восстановление сцен на ней - Нингирсу и его сеть - Эаннатум в бою и на марше - Оружие шумеров и их метод сражения в тесной фаланге - ЩитЦарское оружие и телохранители - Погребение мертвых после битвы - Порядок завоеваний Эаннатума - Отношения Киша и Уммы - Поражение Киша, Разгром Киша и Мари и сюзеренитет Эаннатума на севере - Дата его южных завоеваний и доказательства его власти в Шумере - Его отношения с Эламом и другие группы его походов - Положение Лагаша под властью Эаннатума - Его система ирригации - Оценка его правления - 120

ГЛАВА VI

КОНЕЦ ДИНАСТИИ УР-НИНА, РЕФОРМЫ УРУКАГИНЫ И ПАДЕНИЕ ЛАГАША

Причина разрыва прямой преемственности в Лагаше - Умма и Лагаш в правление Эаннатума I. - Успешный набег Урлумы - Его поражение от Энтемены и аннексия его города - Конус Энтемены и его краткое изложение исторических событий - Территория владычества Энтемены - Источники для истории периода между Эаннатумом II. Источники для истории периода между Эаннатом II и Уруагиной - Относительный порядок Энетарци, Энлитарзи и Лугаль-анда - Период волнений в Лагаше - Светская власть первосвященников и ослабление патесиата - Борьба за престолонаследие - Печать Лугаль-Причины усиления чиновничества и угнетения Привилегии города-бога, узурпированные патеси и его дворцом Сборщики налогов и инспекторы "вплоть до моря"- Неприсвоение священных земель и храмового имущества, реформы Уруагины - отмена ненужных должностей и искоренение злоупотреблений - пересмотр погребальных сборов - штрафы за воровство и защита бедных слоев населения - отмена платы прорицателям и регулирование разводов - законы Уруагины и шумерское происхождение кодекса Хаммурапи - отношения Уруагины с другими городами - влияние его реформ на стабильность государства - падение Лагаша-157

ГЛАВА VII

РАННИЕ ПРАВИТЕЛИ ШУМЕРА И ЦАРИ КИША

Завершение эпохи в шумерской истории-Увеличение могущества Уммы и перенос столицы в Эрех-Расширение империи Лугаль-Заггиси, и его экспедиция на побережье Средиземного моря - Период Лугаль-кигуб-нидуду и Лугаль-кисальси - Двойное царство Эреха и Ура - Эушагушанна из Шумера и его борьба с Кишем - Конфедерация Киша и Описа - ЭнбиИштар из Киша и временное препятствие

семитской экспансии на юг - позднее царство Киша - дата правления Урумуша и масштабы его империи - экономические условия в Аккаде, выявленные по обелиску Маништусу - период правления Маништусу и его военные походы - его статуи из Суз - Элам и ранние семиты - переходный период - новый свет на основы Аккадской империи-192

ГЛАВА VIII

АККАДСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К КИШУ

Саргон Агадский и его значение - Раннее признание его места в истории - Поздние предания о Саргоне и современные записи о правлении Шар-Гани-Шарри - Открытие в Сузах памятника "Шарру-Ги, царя" - Вероятность того, что он был отцом Маништусу и основателем царства Киш - Кем же был Саргон? Указания на то, что в традиции перепутаны только имена, а не факты - Долг Аккада перед Кишем в искусстве и политике - Расширение семитской власти на запад при Шар-Гани-Шарри - Предполагаемое завоевание Кипра - Торговые связи в этот период и исчезновение города-государства - Свидетельства политики, проводимой в отношении Киша. Завоевание Нарам-Сина и "царства четырех четвертей" - его "Стела победы" и его отношения с Эламом - Нарам-Син в верховьях Тигра, и история стелы Пир-Хусейна - Преемники Нарам-Сина - Изображения семитских батальных сцен - Стела победы в Лагаше, вероятно, в память о первоначальном завоевании Киша Аккадом - Независимые семитские княжества за пределами Шумера и Аккада - Причина аккадского превосходства и обожествления семитских [царей](#) - 216

ГЛАВА IX

ПОЗДНИЕ ПРАВИТЕЛИ ЛАГАША

Шумерская реакция, сдержанная семитским влиянием - Продолжительность промежуточного периода между саргонской эпохой и эпохой Ура - Свидетельства из Лагаша о последовательности правителей в этом городе, которые преодолевают разрыв - Археологические и эпиграфические данные - Политическое состояние Шумера и полунезависимое положение, которым пользовался Лагаш - Ур-Бау представитель раннего патетизма этой эпохи - Увеличение власти Лагаша при Гудеа - Его завоевание Аншана - Его отношения с Сирией, Аравией, его влияние скорее торгового, чем политического характера - развитие строительного искусства, которое ознаменовало поздний шумерский период - эволюция вавилонского кирпича и свидетельства новых архитектурных идей - восстановление Э-нинну и сложный характер шумерского ритуала - искусство периода Гудеа - его правление - золотой век Лагаша - посмертное обожествление Гудеа и его культ - отношения его сына, Ур-Нингирсу, с династией Ура - [252](#)

ГЛАВА X

ДИНАСТИЯ УР И ЦАРСТВА ШУМЕР И АККАД

Участие Ура в борьбе с семитским господством в раннюю эпоху, и ее последующая история - Организация ее ресурсов при Уре -Энгур - его претензии на основание царства Шумера и Аккада - подчинение Аккада Дунги и шумерское национальное возрождение - контраст в обращении Дунги с Вавилоном и Эриду - дальнейшие свидетельства шумерской реакции - завоевания ранних лет Дунги и приобретение им областей, ранее принадлежавших Аккаду - его принятие лука в качестве национального оружия - его эламские походы и трудности с удержанием контроля над завоеванными провинциями - смена титула и принятие божественного ранга -

сохранение семитского влияния в Эламе под шумерским господством - характер эламской администрации Дунги - его реформы в области официальных весовых стандартов и системы отсчета времени. Продолжение политики Дунги его преемниками - Культ царствующего монарха, доведенный до экстравагантности - Результаты административной централизации, когда она сопровождается полным делегированием полномочий царем - Чистота должностей и провинциальное неправильное управление - главные причины падения могущества Ура - 278

ГЛАВА XI

РАННИЕ ПРАВИТЕЛИ ЭЛАМА, ДИНАСТИЯ ИСИНА И ВОЗВЫШЕНИЕ ВАВИЛОНА

Преемственность царств Шумера и Аккада и расовый характер царей Исина - эламское вторжение, положившее конец династии Ура - коренные правители Элама, представленные династиями Хутран-Доказательства того, что изменение титулов не отражало революцию в политическом состоянии Элама - Ни один период эламского контроля в Вавилонии не последовал за падением Ура - Источники для истории династии Исин - Семья Ишби-Ура и причина разрыва в преемственности - Возникновение независимого царства в Ларсе и Уре, и возможность второго эламского вторжения - род Ур-Ниниба, за которым последовал период смуты в Исине - связь династии Исина с вавилонской - опровержение предположения о вторжении амореев во времена Либит-Иштара - захват Исина в правление Син-Мубаллита - эпизод в войне Вавилона с Ларсой - последние цари Исина и основание вавилонской монархии - положение Вавилона в последующие исторические периоды, и завершение независимой политической карьеры шумеров как расы - сохранение их культурного влияния - 303

ГЛАВА XII

КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ ШУМЕРА В ЕГИПТЕ, АЗИИ И НА ЗАПАДЕ

Отношения Шумера и Аккада с другими землями - Культурное влияние, переносимое великими торговыми путями, часто независимо от политических контактов - Доисторическое отношение шумерской культуры к культуре Египта - Обнаруженные следы сильного культурного влияния - Гипотеза о семитском вторжении в Верхний Египет в свете последних раскопок - Характер неолитической и раннединастической культур Египта, как следует из изучения ранних могил и их содержимого - Изменения, которые могут быть прослежены в связи с улучшением технического мастерства - Подтверждение из изучения черепов - Коренное происхождение египетской системы письма и отсутствие вавилонского влияния - Вводящий в заблуждение характер других культурных сравнений - Проблема луковичной булавы - головы и каменной цилиндрической печати. Проблема луковичной булавы и каменной цилиндрической печати - Доисторические миграции цилиндра - Семитские элементы в египетской цивилизации - Сирия как звено в историческом периоде между Евфратом и Нилом - Отношения Элама и Шумера - Свидетельства раннего семитского влияния в эламской культуре и доказательства его сохранения - Элам до семитского завоевания - Прото-Эламская письменность независимого развития - Ее исчезновение параллельно исчезновению хеттских иероглифов - Характер ранних слоев курганов в Сузах и наличие неолитических останков - Доисторическая керамика Суз и Муссы - Невероятность предполагаемых связей между культурами Элама и додинастического Египта - Более убедительные параллели. Более убедительные параллели в Малой Азии и Русском Туркестане -

Связь доисторических народов Элама с эламитами в истории - Неолитическое поселение в Ниневии и доисторические культуры Западной Азии - Значение Сирии в распространении вавилонской культуры на запад - Степень раннего вавилонского влияния на Кипре, Крит и область эгейской [цивилизации-321](#)

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Недавние исследования в Туркестане в их связи с шумерской [проблемой-351](#)

II. Хронологический список царей и правителей Шумера и [Аккада-359](#)

[ИНДЕКС-363](#)

СПИСОК ТАБЛИЧЕК

I. Стела Нарам-Сина, изображающая царя и его союзников в триумфе над врагом - [фронтиспис](#)

II. Дверной проем здания в Телло, возведенного Гудеей; слева - более позднее здание эпохи Селевкидов [20](#)

III. Внешняя сторона стены фундамента в Телло, построенной Ур-Бау [26](#)

IV. Известняковая фигура раннего шумерского патеси, или высокопоставленного чиновника [40](#)

V. Фрагмент шумерской скульптуры, изображающей сцены поклонения [52](#)

VI. Памятники Блау [62](#)

VII. Диоритовая статуя Гудеа, представленная как архитектор храма в Гатумдуге [66](#)

VIII. Глиняный рельеф с фигурой вавилонского героя и фрагмент известняка с рельефной скульптурой; оба предмета иллюстрируют символ выливающейся вазы [72](#)

IX. Оттиски ранних цилиндрических печатей, на которых выгравированы сцены, изображающие героев и мифологических существ в противостоянии со львами и быками [76](#)

X. Юго-восточный фасад здания в Телло, возведенного Ур-Ниной [90](#)

XI. Известняковые фигуры ранних шумерских правителей [102](#)

XII. Дощечки Ур-Нина и Дуду [111](#)

XIII. Часть "Стелы стервятников", изваянная со сценами, изображающими Эаннатума, ведущего свои войска в бой и в поход [124](#)

XIV. Погребение мертвых после битвы [138](#)

XV. Часть черной базальтовой ступы с надписью Эаннатума [146](#)

XVI. Кирпич Эаннатума с записью его генеалогии и завоеваний и в память о затоплении колодца в храме Нингирсу [154](#)

XVII. Мраморные ворота-мешок с надписью Энтемена [162](#)

- XVIII. Серебряная ваза, посвященная Энтеменом богу Нингирсу [168](#)
- XIX. Булавовидные головки и часть диоритовой статуэтки, посвященной различным божествам [206](#)
- XX. Булавовидная головка, посвященная богу Солнца Шар-Гани-Шарри, и другие votивные предметы [218](#)
- XXI. Крестообразный каменный предмет с votивным текстом раннесемитского царя Киша [224](#)
- XXII. Оттиски цилиндрических печатей Убиль-Иштара, Хашхамера и Килуллы [247](#)
- XXIII. Глиняные конусы Галу-Баббара и других правителей [259](#)
- XXIV. Кирпичный столб в Телло времен Гудеа [263](#)
- XXV. Сидящая фигура Гудеа [268](#)
- XXVI. Vотивные конусы и фигурки [273](#)
- XXVII. Ворота-розетка Гудеа, на которых запечатлено восстановление храма богини Нины [274](#)
- XXVIII. Кирпич Ур-Энгур, царя Ура, свидетельствующий о восстановлении храма Нинни в Эрехе [280](#)
- XXIX. Vотивные таблички Дунги, царя Ура, и других правителей [288](#)
- XXX. Глиняные таблички с храмовыми счетами, составленные в царствование Дунги [292](#)
- XXXI. Круговые таблички времен правления Бур-Сина, царя Ура [298](#)
- XXXII. Кирпичи Бур-Сина, царя Ура, и Ишме-Дагана, царя Исина [310](#)
- XXXIII. Образцы глиняных конусов с votивными надписями [314](#)
- XXXIV. (i и ii) Северный и Южный курганы в Анау в Русском Туркестане. (iii) Терракотовые статуэтки культуры медного века из Южного кургана в Анау [352](#)

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

- 1-2. Фигурки ранних шумеров, выгравированные на фрагментах раковин. Самый ранний период: от Телло [41](#)
- 3-5. Более поздние типы шумеров, представленные головами мужских статуэток из Телло [42](#)
- 6-8. Примеры скульптуры более позднего периода, представляющие различные расовые типы [44](#)
- 9-11. Фрагменты круглого барельефа раннего периода, посвященного встрече двух вождей и их последователей [45](#)
12. Известняковая панель, изображающая Гудеа, которого Нингишзида и другое божество ведут в присутствие сидящего бога [47](#)

13. Фигура сидящего бога на цилиндрической печати Гудеа [48](#)
- 14-15. Примеры ранних шумерских божеств на votивных табличках из Ниппура [49](#)
16. Фрагмент архаичного рельефа из Телло, изображающий бога, поражающего связанного пленника тяжелой булавой или булавой [50](#)
- 17-19. Ранние и поздние формы божественных головных уборов [51](#)
20. Перфорированная дощечка с гравировкой, изображающей сцену возлияния богине [68](#)
21. Фрагменты скульптуры, относящейся к лучшему периоду шумерского искусства [69](#)
22. Известняковая голова льва из угла бассейна в храме Нингирсу [70](#)
23. Верхняя часть женской статуэтки из диорита, периода Гудеа или немного позже [71](#)
24. Известняковая голова женской статуэтки, относящейся к лучшему периоду шумерского искусства [72](#)
25. Одна из серии медных женских фигурок-оснований с опорными кольцами [74](#)
- 26-27. Головы быка и козла, отлитые из меди и инкрустированные перламутром, ляпис-лазурью и т. д. [75](#)
28. Штампованная терракотовая фигурка бородатого бога в рогатом головном уборе [75](#)
29. Схема декора с вазы для возлияний из Гудеи, изготовленной из темно-зеленого стеатита и первоначально инкрустированной раковиной [76](#)
30. Выпуклая панель из раковины с боковой стороны кубка, на которой выгравирована сцена, изображающая льва, нападающего на быка [79](#)
- 31-33. Фрагменты раковины с выгравированными формами животных, которые иллюстрируют развитие натуралистического подхода в шумерском дизайне [80](#)
- 34-37. Панели из перламутра с гравировкой шумерских узоров, которые использовались для инкрустации рукояток кинжалов [82](#)
38. Архаическая бляшка из Телло с выгравированной в низком рельефе сценой поклонения [94](#)
39. Фигура Лупада, высокопоставленного чиновника города Умма [96](#)
40. Статуэтка Эсара, царя Адаха [97](#)
41. Эмблемы Лагаша и бога Нингирсу [98](#)
42. Булавовидная голова, посвященная Нингирсу Месилимом, царем Киша [99](#)
43. Ранняя шумерская фигурка женщины, демонстрирующая шумерскую одежду и способ укладки волос [112](#)
44. Дощечка Ур-Нина, царя Лагаша [113](#)

45. Часть бляшки Ур-Нина, изваянной с изображениями его сыновей и высших чиновников его двора [114](#)
46. Часть Стелы грифов, изображающая Нингирсу, который заманивает врагов Лагаша в свою сеть [131](#)
47. Часть Стелы грифов с изображением жертвенной сцены, которая происходила при погребении погибших после битвы [140](#)
48. Часть Стелы стервятников, изображающая Эаннатума, решающего судьбу пленных, взятых в бою [141](#)
- 49-51. Детали гравировки на серебряной вазе Энтемена [167](#)
- 52-53. Печать-оттиск Лугаль-анда, патеси Лагаша, с реконструкцией цилиндрической печати [173](#)
- 54-55. Вторая печать-импрессия Лугаль-анды, с реконструкцией цилиндра [175](#)
56. Ваза из белого мрамора с гравировкой имени и титула Урумуша, царя Киша [204](#)
57. Алебастровая статуя Маништусу, царя Киша [214](#)
58. Медная головка колоссального вотивного копья с гравировкой имени и титула одного из ранних царей Киша [229](#)
59. Стела Нарам-Сина, царя Аккада, из Пир-Хусейна [244](#)
60. Часть стелы победы аккадского царя, рельефная скульптура с батальными сценами; из Телло [248](#)
61. Другое лицо рис. 60 [249](#)
- 62-63. Медные фигурки быков, возвышающиеся над конусами, которые использовались в качестве вотивных подношений в царствования Гудеа и Дунги [256](#)
- 64-65. Таблички с правилом архитектора и стилусом из статуй В и F Гудеа [265](#)
66. Фигура бога, сидящего на троне, который, вероятно, может быть отождествлен с Нингирсу [268](#)
67. Булавовидная головка из брекчий с горы у "Верхнего моря" или Средиземного моря, посвященная Нингирсу Гудеа [271](#)
68. Узоры на расписных горшках неолитического периода (культура I.) из Северного Кургана в Анау [355](#)
69. Рисунки на расписных горшках эпохи энеолита (культура II) из Северного Кургана в Анау [356](#)

КАРТЫ И ПЛАНЫ

- I. План Телло, по Де Сарзеку [19](#)

- II. План Джохы, по Андрае [22](#)
 - III. План Фары, после Андрае и Ноэльдеке [25](#)
 - IV. План Абу Хатаба, после Андрае и Ноэльдеке [29](#)
 - V. План Варки, по Лофтусу [33](#)
 - VI. План Муайяра, по Тейлору [34](#)
 - VII. План Абу Шахрейна, по Тейлору [36](#)
 - VIII. Раннеавиловский план храма Энлиля в Ниппуре и его окружения; см. Fisher, "Excavations at Nippur" I., pl. 1 [87](#)
 - IX. План внутреннего города в Ниппуре, по Фишеру, "Раскопки в Ниппуре", I., p. 10 [88](#)
 - X. План хранилища Ур-Нина в Телло, по Де Сарзеку [92](#)
 - XI. План раннего здания в Телло, по Де Сарзеку [93](#)
 - XII. Карта Вавилонии с указанием мест расположения ранних городов. Вставка: Карта Шумера и Аккада в самый ранний исторический [период 380](#)
-

ИСТОРИЯ ШУМЕРА И АККАДА

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ: ЗЕМЛИ ШУМЕРА И АККАДА

Изучение происхождения, несомненно, можно считать наиболее яркой характеристикой археологических исследований последнего времени. Проследить путь любой высокоразвитой цивилизации к ее истокам и проследить ее рост от грубых и неуверенных попыток первобытного народа до более совершенных достижений более позднего времени - это своеобразное очарование. И именно благодаря недавним раскопкам мы имеем возможность прояснить раннюю историю трех основных цивилизаций древнего мира. Истоки греческой цивилизации теперь можно проследить не только в микенскую эпоху, но и на различных этапах эгейской культуры, вплоть до неолита. В Египте в результате раскопок были обнаружены не только останки царей первых династий, живших до строителей пирамид, но и неолитические египтяне, относящиеся к периоду, задолго до появления самых ранних письменных свидетельств, которые удалось восстановить. Наконец, раскопки в Вавилонии позволили нам проследить цивилизацию Ассирии и Вавилона до более ранней и примитивной расы, которая в далеком прошлом занимала нижние равнины Тигра и Евфрата; а недавние раскопки в Персии и Туркестане пролили свет на других примитивных жителей Западной Азии и подняли проблемы их культурных связей с Западом, о которых еще несколько лет назад нельзя было и мечтать.

Таким образом, можно отметить, что недавние раскопки и исследования предоставили археологу материал, с помощью которого он может проследить историю культуры до неолитического периода, как в районе Средиземноморья, так и в долине Нила. То, что эти же достижения не могут быть поставлены в заслугу раскопщику вавилонских стоянок, не совсем

объясняется недостатками в масштабах или методах его работы, но в значительной степени может быть связано с характером страны, в которой проводились раскопки. Вавилония - страна аллювиальная, подверженная постоянным затоплениям, и остатки и поселения неолитического периода, несомненно, во многих местах были сметены, а все следы их уничтожены естественными причинами. С приходом шумеров началась практика строительства городов на искусственных насыпях, которые сохраняли структуру зданий от наводнений и облегчали их защиту от врагов. Именно благодаря раскопкам в этих курганах были найдены самые ранние останки шумеров; но еще более ранние следы неолита, которые в какой-то период могли существовать на этих самых местах, должны были быть часто удалены наводнением до того, как были построены курганы. Неолитические и доисторические останки, обнаруженные во время французских раскопок в могилах Мусса и в Сузах, а также экспедицией Пампелли в двух курганах близ Анау, не находят аналогов в курганах Вавилонии, насколько они еще не изучены.

В этом отношении климат и почва Вавилонии представляют собой разительный контраст с климатом и почвой Древнего Египта. В последней стране неглубокие могилы неолитического человека, покрытые лишь несколькими дюймами почвы, остались нетронутыми у подножия пустынных холмов; в то время как на верхних плато вдоль долины Нила кремни палеолитического человека лежат на поверхности песка со времен палеолита и до наших дней. Но то, что произошло в такой бездождевой стране, как Египет, никогда не могло произойти в Месопотамии. Правда, на поверхности сирийской пустыни было найдено несколько палеолитов, но на аллювиальных равнинах Южной Халдеи, как и в самой египетской дельте, было мало определенных следов доисторического человека. Даже в ранних погребениях и саркофагах в Фаре было найдено множество медных предметов^[1] и несколько цилиндрических печатей, а другие цилиндры, печати и даже таблички с надписями, обнаруженные в тех же и соседних слоях, доказывают, что их владельцы принадлежали к той же расе, что и исторические шумеры, хотя, возможно, и к более ранней.

Хотя самые ранние шумерские поселения в Южной Вавилонии относятся к сравнительно отдаленному периоду, раса, которой они были основаны, по-видимому, уже тогда достигла высокого уровня культуры. Мы видим, как они строят дома для себя и храмы для своих богов из обожженного и необожженного кирпича. Они богаты овцами и крупным рогатым скотом, а естественное плодородие своей страны они повысили с помощью регулярной системы каналов и ирригационных каналов. Правда, в это время их скульптура разделяла грубый характер их керамики, но их главное достижение, изобретение системы письма с помощью линий и клиньев, само по себе является достаточным свидетельством их сравнительно развитого состояния цивилизации. Возникнув первоначально из рисунков, сами знаки, даже в самых ранних и примитивных надписях, дошедших до нас, уже в значительной степени утратили свой изобразительный характер, и мы видим, что они используются не только в качестве идеограмм для выражения идей, но и фонетически для обозначения слогов. Использование этой сложной системы письма ранними шумерами предполагает чрезвычайно длительный период предшествующего развития. Вполне возможно, что оно происходило на их исконной родине, до того как они попали на Вавилонскую равнину. В любом случае, мы должны отбросить в далекое прошлое зарождение этого древнего народа, и мы, вероятно, можем представить себе его первое поселение в районе Персидского залива за несколько столетий до того периода, к которому мы можем отнести самые ранние из дошедших до нас останков.

Ввиду важной *роли*, которую сыграла эта ранняя раса в истории и развитии цивилизации в Западной Азии, интересно вспомнить тот факт, что не много лет назад само существование

шумеров оспаривалось большим числом тех, кто занимался изучением истории и языков Вавилонии. То, что было известно как "шумерские споры", привлекло внимание писателей по этим вопросам и разделило их на две противоборствующие школы. В то время было найдено не так много реальных останков самих шумеров, и аргументы в пользу существования ранней несемитской расы в Вавилонии в основном были получены из ряда шумерских текстов и сочинений, которые были найдены во дворце ассирийского царя Ашшур-банипала в Ниневии. На значительном количестве табличек, извлеченных из царской библиотеки, был начертан ряд композиций, написанных, правда, клинописью, но не на семитском языке ассирийцев и вавилонян. Ко многим из этих сочинений писцы, составлявшие их, добавили ассирийские переводы, а на других табличках были найдены списки слов, использованных в сочинениях, вместе с их ассирийскими эквивалентами. Покойный сэр Генри Роулинсон справедливо заключил, что эти странные тексты были написаны на языке какой-то расы, населявшей Вавилонию до семитов, а списки слов он объяснил как ранние словари, составленные ассирийскими писцами, чтобы помочь им в изучении этого древнего языка. Раннюю расу он окрестил "аккадцами", и хотя теперь мы знаем, что это название более точно описывает ранних семитских переселенцев, занявших Северную Вавилонию, во всех остальных отношениях его вывод был оправдан. Он правильно отнес найденные несемитские композиции к раннему несемитскому населению Вавилонии, которое сегодня известно под именем шумеров.

Мнение сэра Генри Роулинсона разделяли М. Опперт, профессор Шрадер, профессор Сайс и многие другие, и, по сути, оно занимало ведущее место до тех пор, пока М. Халеви не выдвинул теорию, согласно которой шумерский язык не был языком в законном смысле этого слова. М. Халеви утверждал, что шумерские сочинения не были написаны на языке более ранней расы, а представляли собой кабалистический метод письма, изобретенный и использовавшийся вавилонским жречеством. По его мнению, тексты были семитскими, но написаны по секретной системе или коду, и прочитать их мог только жрец, имевший ключ и изучивший тщательно охраняемые формулы. Из этой гипотезы следовало, что вавилонянам и ассирийцам никогда не предшествовала несемитская раса в Вавилонии, и вся вавилонская цивилизация, следовательно, должна быть связана с семитским происхождением. Привлекательность такой точки зрения для тех, кто заинтересован в приписывании столь великих достижений семитскому источнику, очевидна, и, несмотря на ее общую неправдоподобность, М. Халеви привлек к своей теории многих новообращенных, в том числе профессора Делицша и значительное число представителей молодой школы немецких критиков.

Следует отметить, что основная поддержка теории была получена в результате изучения фонетических значений шумерских знаков. Многие из них, как было правильно отмечено, явно заимствованы из семитских эквивалентов, и М. Халеви и его последователи сразу же пришли к выводу, что весь язык был искусственным изобретением вавилонских жрецов. Зачем жрецам понадобилось изобретать столь сложный способ письма, было неясно, и никакой адекватной причины для такого хода событий найти не удалось. Напротив, было показано, что тематика шумерских сочинений не была такой, чтобы оправдать или предположить необходимость их записи с помощью секретного метода письма. Изучение шумерских текстов с помощью ассирийских переводов сделало очевидным, что они состояли всего лишь из заклинаний, гимнов и молитв, точно таких же, как и другие сочинения, написанные на общем языке вавилонян и ассирийцев, и поэтому могли быть прочитаны и поняты любым писцом, знакомым с обычным ассирийским или вавилонским характером.

М. Теория Халеви оказалась еще менее вероятной, если применить ее к тем ранним шумерским текстам, которые были найдены в то время Лофтусом и Тейлором в Южной Вавилонии. Ведь они представляли собой короткие надписи на зданиях, votивные тексты и записи о фундаментах, и, поскольку они явно предназначались для записи и сохранения в памяти будущих веков событий, к которым они относились, маловероятно, чтобы они были составлены в криптографическом стиле письма, который был бы неразборчивым без ключа. Однако тот факт, что было найдено очень мало шумерских документов раннего периода, а подавляющее большинство найденных текстов были известны только по табличкам седьмого века до нашей эры, позволил сторонникам пансемитской теории привести доводы. На самом деле, только после возобновления раскопок в Вавилонии были получены свежие свидетельства, которые положили конец шумерским спорам и раз и навсегда решили проблему в соответствии с мнением сэра Генри Роулинсона и более консервативных авторов.[2]

То, что вавилонская цивилизация и культура возникли вместе с шумерами, больше не оспаривается; вопрос, по которому сейчас расходятся мнения, касается периода, когда шумеры и семиты впервые вступили в контакт. Но прежде чем мы приступим к обсуждению этой проблемы, будет нелишним рассказать о физических условиях тех земель, которые привели к иммиграции этих ранних рас и стали театром их последующей истории. Земли Шумера и Аккада располагались в нижней долине Евфрата и Тигра и примерно соответствовали стране, известной классическим писателям как Вавилония. На западе и юге их границы определенно обозначены Аравийской пустыней и Персидским заливом, который в самый ранний период шумерской истории простирался на север до окрестностей города Эриду. На востоке, вероятно, Тигр изначально формировал их естественную границу, но это было направление, в котором была возможна экспансия, и их ранние конфликты с Эламом, несомненно, были спровоцированы попытками завладеть районами к востоку от реки. Граница в этом направлении, несомненно, претерпела множество колебаний под властью ранних городов-государств, но в более поздние периоды, за исключением завоевания Элама, истинная область шумерской и семитской власти может считаться простирающейся до нижних склонов эламских холмов. На севере политическое разделение, по-видимому, соответствовало тогда, как и в более поздние времена, различиям в геологическом строении. Линия, проведенная от точки немного ниже Самарры на Тигре до его слияния с Адемом до Хиты на Евфрате, отмечает разделение между слегка приподнятой и волнистой равниной и мертвым уровнем аллювия, и это можно считать истинной границей Аккада на севере. Территория, занимаемая двумя странами, не была очень большой, и она была даже меньше, чем может показаться на современной карте долины Тигра и Евфрата. Ведь не только верховья Персидского залива находились на расстоянии около ста двадцати или ста тридцати миль от нынешней береговой линии, но и древнее русло Евфрата ниже Вавилона лежало значительно восточнее его современного русла.

В целом земли Шумера и Аккада представляют собой плоскую аллювиальную равнину и контрастируют с северной половиной долины Тигра и Евфрата, известной грекам как Месопотамия и Ассирия. Эти последние регионы, как по высоте, так и по геологическому строению, напоминают Сиро-Аравийскую пустыню, и только вблизи двух великих потоков и их притоков земледелие может вестись в сколько-нибудь широких масштабах. Здесь страна на небольшом расстоянии от рек превращается в каменистую равнину, служащую пастбищем только тогда, когда она покрывается растительностью после зимних и ранних весенних дождей. В Шумере и Аккаде, напротив, реки играют гораздо более важную роль. Большая часть территории страны непосредственно обусловлена их действием, образовавшись из отложений, которые они вынесли в воды Персидского залива. Через эту

аллювиальную равнину собственного формирования реки проходят извилистым путем, постоянно меняя свое направление вследствие заиливания их русел и обвала берегов во время ежегодных паводков.

Из этих двух рек Тигр, благодаря своим более высоким и прочным берегам, претерпел меньше изменений, чем Евфрат. Правда, в средние века его нынешнее русло ниже Кут-эль-Амары было совершенно неиспользуемым, его воды стекали по Шатт-эль-Хаю в Великое болото, простиравшееся от Куфы на Евфрате до окрестностей Курны, занимая территорию в пятьдесят миль в поперечнике и почти двести миль в длину.[3] Но в сасанидский период Великого болота, образование которого было вызвано пренебрежением к системе ирригации при первых халифах, не существовало, и река следовала своим нынешним руслом.[4] Таким образом, вполне вероятно, что в более ранние периоды вавилонской истории основной поток воды впадал в Персидский залив, а Шатт-эль-Хай, возможно, представлял собой вторую и менее важную ветвь этого потока.[5]

Изменения в русле Евфрата были гораздо более заметными, на положение его первоначального русла указывают курганы, покрывающие места ранних городов, которые тянутся по стране вдоль практически пересохших русел Шатт-эн-Нила и Шатт-эль-Кара, значительно восточнее его современного русла. Курганы Абу Хабба, Телль Ибрахим, Эль-Охемир и Ниффер, отмечающие места расположения важных городов Сиппар, Кутха, Киш[6] и Ниппур, находятся к востоку от реки, причем два последних - на древнем русле Шатт-ан-Нила. Аналогично, русло Шатт-эль-Кар, которое было продолжением Шатт-эн-Нила ниже Сук-эль-Афеджа, проходит мимо курганов Абу Хатаб (Кисурра), Фара (Шуруппак) и Хаммам. Варка (Эрех) стоит на дальнейшем продолжении Шатт-ан-Нила,[7] а еще дальше к востоку находятся курганы Бисмая и Джох, представляющие города Адаб и Умма.[8] Сенкера, местоположение Ларсы, также лежит значительно восточнее нынешнего потока, а единственным городом, кроме Вавилона, который сейчас стоит сравнительно недалеко от нынешнего русла Евфрата, является Ур. Расположение древних городов само по себе является достаточным доказательством того, что с ранних периодов вавилонской истории Евфрат значительно изменил свое русло.

Обилие доказательств того, что так оно и было, подтверждается найденными современными надписями. Само название Евфрата выражалось идеограммой, означавшей "река Сиппар", из чего можно сделать вывод, что Сиппар изначально стоял на его берегах. Вавилонский договор периода Первой династии датируется годом, в котором Самсу-илуна построил стену Киша "на берегу Евфрата", [9] доказывая, что либо главный поток из Сиппара, либо рукав из Вавилона протекал мимо Эль-Охемира. Еще дальше к югу река в Ниппуре, отмеченная, как и в Эль-Охемире, сухим руслом Шатт-эн-Нила, называется "Евфрат Ниппура" или просто "Евфрат" на договорных табличках, найденных на этом месте.[10] Более того, город Шуруппак или Шуруппак, родной город Ут-напистима, описывается им в эпосе о Гильгамеше как лежащий "на берегу Евфрата"; а Хаммурапи в одном из своих писем к Син-идиннам просит очистить течение Евфрата "от Ларсы до самого Ура".[11] Эти упоминания в ранних текстах охватывают практически весь путь древнего русла Евфрата и оставляют лишь несколько моментов, открытых для предположений.

На севере ясно, что в ранний период от Евфрата отделилась вторая ветвь в точке, расположенной примерно на полпути между Сиппаром и современным городом Фалуджа, и, протекая по нынешнему руслу реки до Вавилона, вновь соединилась с основным течением Евфрата либо у города Киш, либо, что более вероятно, ниже его. Именно расширение этих

западных каналов впоследствии осушило прежнее русло, и мы можем предположить, что его воды были отведены обратно в Евфрат в этот ранний период искусственным путем.^[12] Тенденция реки всегда была направлена на запад, и последняя ветвь потока, еще более западная, покинула реку выше Вавилона у Мусайиба. Тот факт, что Бирс, место расположения Борсиппы, стоит в верхнем течении реки, говорит о ранней дате ее возникновения, но вполне возможно, что первый город на этом месте, ввиду его близости к Вавилону, получал воду из системы каналов. Как бы то ни было, современное течение этой самой западной ветви отмечено реками Нахр-Хиндия, Бахр-Неджеф и Шатт-Атешан, которая вновь впадает в Евфрат после прохождения Самавы. В средние века у Куфы начинались Великие болота, и не исключено, что еще в более ранние времена, в периоды наводнений, часть излишков воды из реки уходила в болота или заболоченные земли ниже Борсиппы.

Точное течение Евфрата к югу от Ниппура в самые ранние периоды остается предметом предположений, и вполне возможно, что его воды достигали Персидского залива через два, если не три, устья. Несомненно, что основной поток проходил мимо городов Кисурра, Шуруппак и Эрех и в конце концов достиг залива ниже Ура. Повернул ли он после выхода из Эреха на восток к Ларсе, а затем на юг к Уру, или же он протекал из Эреха прямо в Ур, а Ларса лежала на другом рукаве, пока не ясно, хотя упоминание в письме Хаммурапи может быть приведено в пользу первого мнения. Еще одна неопределенность касается отношения Адаба и Уммы к потоку. Курганы Бисмая и Джоха, отмечающие их местоположение, находятся на востоке, в стороне от линии Шатт-эль-Кара, и вполне возможно, что они были построены на восточном рукаве реки, который мог соединиться с Шатт-эль-Хаем выше Лагаша и таким образом смешаться с водами Тигра, прежде чем достичь Персидского залива.^[13]

Несмотря на эти неясности, следует отметить, что все города Шумера и Аккада, о местоположении которых шла речь, располагались на Евфрате или одном из его рукавов, а не на Тигре, и единственным исключением из этого правила, по-видимому, был Опис, самый северный город Аккада. Предпочтение Евфрата можно объяснить тем, что Тигр быстр, а его берега высоки, и поэтому он предоставляет гораздо меньше возможностей для орошения. Евфрат с его более низкими берегами имеет тенденцию во время половодья растекаться по окружающей местности, что, несомненно, натолкнуло первых жителей на мысль о регулировании и использовании водных ресурсов с помощью водохранилищ и каналов. Другая причина такого предпочтения может быть связана с более медленным спадом воды в Евфрате в летние месяцы. После таяния снега в горных массивах Тавра и Нифата ранней весной первые паводковые воды уносятся вниз стремительным потоком Тигра, который обычно начинает подниматься в марте и, достигнув своего наивысшего уровня в начале мая, быстро падает и возвращается к своему летнему уровню к середине июня. Евфрат, напротив, поднимается примерно на две недели позже и держится на высоком уровне гораздо дольше. Даже в середине июля в реке остается значительный объем воды, а самый низкий уровень достигается только в сентябре. На обоих потоках, несомненно, использовались ирригационные машины, как это происходит и в наши дни,^[14] но на Евфрате они были необходимы только тогда, когда вода в реке опускалась ниже уровня каналов.

Между землями Шумера и Аккада не было такого естественного разделения, которое отделяет их от регионов Ассирии и Месопотамии на севере. В то время как северо-восточная половина страны носила название Аккад, а юго-восточная часть в верховьях Персидского залива была известна как Шумер, одна и та же аллювиальная равнина простиралась на юг от одного к другому без каких-либо изменений в ее общем характере. Таким образом, ранее существовали некоторые разногласия относительно точной границы, разделявшей эти две

земли, и дополнительная путаница была внесена довольно неопределенным использованием названия Аккад в поздний ассирийский и неовавилонский периоды. Так, Ашур-бани-пал, говоря о захвате статуи Нана эламитами, относит Э-анна, храм Нана в Эрехе, к храмам земли Аккад, что привело к мнению, что Аккад простирался на юг до Эреха.[15] Но было отмечено, что на основании аналогичного свидетельства, предоставленного ассирийским письмом, можно считать, что Эриду, самый южный шумерский город, находится в Аккаде, а не в Шумере.[16] Объяснение этому следует искать в том, что ассирийцы, чья южная граница граничила с Аккадом, часто использовали это название в свободной форме для всей Вавилонии. Поэтому такие ссылки не должны использоваться для определения первоначальных границ двух стран, и необходимо полагаться только на информацию, предоставленную текстами более раннего периода, когда первоначальное различие между этими двумя названиями стало размытым.

Из упоминаний различных городов в ранних текстах можно составить представление о том, что сами шумеры считали границами своей собственной земли. Например, из надписей Телло несомненно следует, что Лагаш находился в Шумере. Так, бог Нингирсу, сообщая Гудеа, патеси Лагаша, что за строительством Э-нинну последует процветание, обещает, что в Шумере будет много масла и шерсти;[17] сам храм, находившийся в Лагаше, построен из шумерских кирпичей;[18] а после окончания строительства храма Гудеа молится, чтобы земля покоилась в безопасности и чтобы Шумер был во главе стран.[19] Опять же, Лугаль-заггиси, называющий себя царем земли, то есть земли Шумера,[20] упоминает среди городов, подчиненных ему, Эрех, Ур, Ларсу и Умму,[21] доказывая, что они считались шумерскими городами. Город Кеш, чья богиня Нинхарсаг упоминается на Стеле грифов вместе с богами шумерских городов как гарант договора между Лагашем и Уммой,[22], вероятно, находился в Шумере, как и Исин, который дал линию правителей Шумеру и Аккаду после Ура; об Эриду на крайнем юге не может быть двух мнений. С другой стороны, помимо города Агаде или Аккада, Сиппар, Киш, Опис, Кутха, Вавилон и Борсиппа, несомненно, находятся за пределами Шумера и относятся к земле Аккада на севере. Между этими двумя группами лежал Ниппур, расположенный ближе к южным, чем к северным городам, и занимавший уникальное положение центрального святилища. Мало сомнений в том, что изначально город считался в пределах Шумера, но из-за тесной связи с любым претендентом на гегемонию, будь то в Шумере или в Аккаде, он со временем занял некое промежуточное положение, как бы на границе между двумя странами.

Что касается названий Шумер и Аккад, то, по-видимому, ни одно из них не было в употреблении в самые ранние исторические периоды, хотя первое, вероятно, было более древним из двух. В сравнительно ранний период южный регион в целом назывался просто "Земля",[23] *par excellence*, и вполне вероятно, что идеограмма, которой выражалось название Шумер, первоначально использовалась с аналогичным значением.[24] Двойное название, Шумер и Аккад, впервые стало регулярно использоваться для обозначения всей страны царями Ура, которые объединили две половины земли в единую империю и называли себя царями Шумера и Аккада. Более ранние семитские цари Агаде или Аккада[25] выражали масштабы своей империи, утверждая, что правят "четырьмя четвертями (мира)", а еще более ранний царь Лугаль-заггиси, в силу своей власти в Шумере, принял титул "царь земли". Во времена ранних городов-государств, до периода Эаннатума, в дошедших до нас надписях не встречается общего титула для всего Шумера или Аккада. Каждый город с прилегающей территорией сам по себе образовывал компактное государство и боролся с соседями за местную власть и первенство. В это время названия городов встречаются сами по себе в титулах их правителей, и только после того, как несколько из них были объединены в единое государство, возникла необходимость в более общем названии или обозначении. Таким

образом, говорить об Аккаде и даже, возможно, о Шумере в самый ранний период - значит совершать анахронизм, но вполне простительный. Названия могут использоваться как удобные географические термины, как, например, когда речь идет о стране в целом, мы говорим о Вавилонии во все периоды ее истории.

[1] Обсуждение противоречивых свидетельств о появлении бронзы в этот период см. ниже, [с. 72 и далее](#).

[2] В настоящее время этот спор имеет скорее историческое, чем практическое значение. Его ранняя история прекрасно изложена Вайсбахом в "Die Sumerische Frage", Leipzig, 1898; см. также Fossey, "Manuel d'Assyriologie", tome I, (1904), pp. 269 ff. Сам М. Халеви продолжает мужественно отстаивать свою позицию на страницах "Revue Sémitique", но его последователи покинули его.

[3] Происхождение Великого болота, или болот, называемых арабскими географами al-Baṭiḥa, или во множественном числе al-Baṭ āyiḥ, Биладхури относит к периоду правления персидского царя Кубада I, Ибн Серапион относит это название в единственном числе к четырем большим водным пространствам (*Hawrs*), соединенным каналами через тростник, которые начинались в Эль-Каире, недалеко от слияния Шатт-эль-Хаи с нынешним руслом Евфрата. Но с этого места и далее на север до Нифера и Куфы воды Евфрата терялись в тростниковых зарослях и болотах; см. G. le Strange, "Journ. Roy. Asiat. Soc.", 1905, p. 297 f., и "Земли Восточного халифата", p. 26 f.

[4] Согласно Ибн Русте (цитируется по Le Strange, "Journ. Roy. Asiat. Soc.", 1905, p. 301), в сасанидские времена, до прорыва дамб, которые привели к образованию болот, Тигр протекал по тому же восточному руслу, по которому он течет в настоящее время; этот рассказ подтверждается Yâkût.

[5] См. карту в конце тома. Первоначальные русла рек на небольшой карте-врезке Вавилонии в самые ранние исторические периоды в основном согласуются с реконструкцией Фишера, опубликованной в "Раскопках в Ниппуре", т. I, с. 3, рис. 2. О моментах, по которым до сих пор сохраняется неопределенность, см. ниже, [p. 10 f.](#)

[6] См. ниже, [с. 38 и далее](#).

[7] См. план Варки Лофтуса, воспроизведенный на [с. 33](#). Следует отметить, что он отмечает древнее русло Шатт-ан-Нила как огибающее город с востока.

[8] См. ниже, [с. 21 и далее](#).

[9] Cp. Thureau-Dangin, "Orient. Lit.-Zeit.", 1909, col. 205 f.

[10] См. Clay and Hilprecht, "Murashû Sons" (Artaxerxes I.), p. 76, и Clay, "Murashû Sons" (Darius II.), p. 70; ср. также Hommel, "Grundriss der Geographie und Geschichte des alten Orients", p. 264.

[11] Cp. King, "Letters of Hammurabi", III., p. 18 f.

[12] Канал Юсуфия, идущий от Дивании к Шатт-эль-Кару, вероятно, был результатом более поздней попытки отвести часть воды обратно в старое русло.

[13] Андрае посетил и обследовал районы вокруг Фары и Абу Хатаба в декабре 1902 года. На своей карте он отмечает следы канала Шатт-эль-Фарахна, который, выходя из основного русла у Шех-Бедра, направляется в сторону Бисмаи (см. "Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft", № 16, pp. 16 и далее).

[14] Ср. Кинг и Холл, "Египет и Западная Азия", стр. 292 и далее.

[15] Ср. Delitzsch, "Wo lag das Paradies?" p. 200.

[16] Ср. Thureau-Dangin, "Journal asiatique", 1908, p. 131, n. 2.

[17] Цикл А, кол. XI, л. 16 f.; см. ниже, гл. IX, с. 266.

[18] Там же, кол. XXI, л. 25.

[19] Цикл В, Col. XXII, l. 19 f.

[20] См. ниже, с. 14.

[21] Такое прочтение названия города, обычно транскрибируемого как Гишху или Гишух, см. ниже, с. 21, n. 3.

[22] См. ниже, гл. V, с. 127 и далее.

[23] Слово *kalam*, "земля", впервые встречается в царском титуле на фрагментах ранних ваз из Ниппура, которые некий "царь земли" посвятил Энлилю в благодарность за его победы над Кишем (см. ниже, гл. VII.). Слово *kur-kur*, "страны" в такой фразе, как *lugal kur-kur-ge*, "царь стран", в применении к богу Энлилю обозначало весь обитаемый мир; в более ограниченном смысле оно использовалось для обозначения зарубежных стран, особенно в надписях Гудеа, в отличие от Земли Шумера (см. Thureau-Dangin, "Zeits. für Assyriol.", XVI., p. 354, n. 3).

[24] Идеограмма *Ki-en-gi*, с помощью которой выражалось название Шумера, или, правильнее, Шумер, уже встречается в текстах Эаннатума, Лугаль-заггиси и Эншагкушанны (см. гл. V и VII). Обычно его рассматривают как более раннее собственное имя страны и читают как Кенги или Кинги. Но появление слова *ki-en-gi-ra* в шумерском гимне, где оно переводится на семитский язык как *mātu*, "земля" (см. Reisner, "Sum.-Bab. Hymnen", pl. 130 и далее), по-видимому, показывает, что, как и *kalam*, оно использовалось в качестве общего обозначения "земли" (см. Thureau-Dangin, "Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften", p. 152, n.f.). Форма *ki-en-gi-ra* также встречается в надписях Гудеа (см. Hommel, "Grundriss", p. 242, n. 4, и Thureau-Dangin, *op. cit.*, pp. 100, 112, 140), и было предложено рассматривать последний слог как фонетическое дополнение и переводить слово как *шумер-ра* (см. Hrozný, "Ninib und Sumer", в "Rev. Sémit.", июль, 1908, Extrait, p. 15). Согласно этой точке зрения, слово шумер, имевшее первоначальное значение "земля", было впоследствии использовано в качестве собственного имени страны. Самое раннее появление Шумеру, семитской формы этого названия, находится в ранней семитской легенде в Британском музее, где говорится о "трофеях шумеров" (см. King, "Cun. Texts", Pt. V., pl. 1 f., и ср. Winckler, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 346, Ungnad, *op. cit.*, 1908, col. 67, и Hrozný, "Rev. Sémit.", 1908, p. 350).

[25] Аккад, или Аккаду, было семитским произношением Агаде, более древнего названия города; аналогичное заострение звука происходит в Маккане, семитском произношении Магана (ср. Унгнад, "Восток. лит. - Цейт.", 1908, кол. 62, n. 4). Использование названия Аккад для всей северной половины страны, вероятно, относится к периоду после усиления власти

города при Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сине (см. гл. VIII); об использовании этого названия для семитской речи севера см. ниже, с. 52. Происхождение имени Ки-ури, или Ки-урра, используемого в шумерском языке как эквивалент названия Аккада, неясно.

ГЛАВА II

МЕСТА РАСПОЛОЖЕНИЯ РАННИХ ГОРОДОВ И РАСОВЫЙ ХАРАКТЕР ИХ ЖИТЕЛЕЙ

Раскопки, которые проводились на местах ранних вавилонских городов с середины прошлого века, дали материал для реконструкции их истории, но в разные периоды и для разных районов он значительно различается по ценности и количеству. Если о ранних поселениях Аккада известно немного, а сами места двух его самых известных городов до сих пор не идентифицированы, то наши знания о шумерской истории и топографии относительно более полны. Здесь города, представленные курганами земли и обломками, которые сейчас покрывают их, естественным образом делятся на две группы. Первая состоит из тех городов, которые продолжали существовать в более поздние периоды вавилонской истории. В их случае самые ранние шумерские останки были значительно потревожены более поздними строителями и теперь погребены глубоко под скоплениями последующих эпох. Поэтому их раскопки представляют собой сложную задачу, и даже когда удастся добраться до самых нижних слоев, интерпретация свидетельств часто вызывает сомнения. Другая группа включает в себя города, которые были заняты в основном шумерами и, будучи разрушенными в ранние времена, редко или никогда не были вновь заняты более поздними жителями страны. Курганы этого описания, насколько они были исследованы, естественно, дали более полную информацию, и поэтому они могут быть взяты в первую очередь в следующем описании ранних объектов.

Большая часть наших знаний о ранней шумерской истории была получена из замечательно успешной серии раскопок, проведенных покойным М. де Сарзекком в Телло,^[1] между 1877 и 1900 годами, и продолженных в течение нескольких месяцев в 1903 году капитаном (теперь комендантом) Гастоном Кросом. Эти курганы обозначают местоположение города Ширпурла или Лагаш, и находятся в нескольких милях к северо-востоку от современной деревни Шатра, к востоку от Шатт-эль-Хай, и примерно в часе езды от современного течения реки. Однако очевидно, что город был построен на ручье, который в этом месте, возможно, первоначально был ответвлением Евфрата,^[2] поскольку на его западной стороне есть следы сухого русла.

Название города выражено знаками *шир-пур-ла* (-ки), которые в двуязычном тексте заклинаний передаются как Лагаш.^[3] До сих пор считалось, что Ширпурла представляет собой шумерское название города, которое было известно более поздним семитским жителям как Лагаш, точно так же, как Аккад был семитским названием Агаде, хотя в последнем случае первоначальное название было заимствовано. Однако длительные раскопки, проводившиеся в курганах Телло, не позволили обнаружить какие-либо вавилонские останки более позднего периода, чем период правления царей Ларсы, которые были современниками Первой династии Вавилона. В это время город, по-видимому, был разрушен и оставался заброшенным и забытым, пока не был вновь заселен во втором веке до н.э. Таким образом, трудно найти причину для второго названия. Поэтому мы можем предположить, что шумеры называли это место Лагаш, и что знаки, которые можно прочитать как Ширпурла, представляют собой традиционный идеографический способ

написания названия у самих шумеров. Нетрудно предположить, что название города и способ его написания сохранились в вавилонской литературе, хотя место его расположения было забыто.

Группа курганов и бугров, обозначающих место расположения древнего города и его окрестностей, образует неровный овал, вытянутый с севера на юг и имеющий около двух с половиной миль в длину и одной с четвертью в ширину. Ранней весной границы города хорошо видны, поскольку его руины выделяются желтым пятном среди светло-зеленой растительности, покрывающей окружающую равнину. Группировку основных курганов можно увидеть на прилагаемом плане, на котором каждая контурная линия обозначает увеличение высоты на один метр над уровнем пустыни. Три главных кургана в центре овала, обозначенные на плане буквами А, К и V,^[4] - это те, в которых были сделаны самые важные открытия. Курган А, который круто поднимается к северо-западному концу овала, известен как Дворец Телль, поскольку здесь был обнаружен большой парфянский дворец, возведенный сразу после постройки Гудеа, кирпичи которого были частично использованы повторно, а частично имитированы. Из-за этого сначала считалось, что это дворец самого Гудеа, но ошибка была исправлена после того, как выяснилось, что на некоторых поздних кирпичах было написано имя Хададнадинахе арамейскими и греческими буквами, что доказывает, что здание относится к эпохе Селевкидов и, вероятно, было построено не ранее 130 года до н.э. В дворце также были найдены монеты с греческими надписями царей маленькой независимой провинции или царства Харакене, которое было основано около 160 года до н. э. в устье Шатт-эль-Араба. Но в структуру этого позднего дворца были вмонтированы остатки здания Гудеа, которое было частью Э-нинну, храма бога города Лагаш. От постройки Гудеа лучше всего сохранились ворота и часть башни,^[5] а под юго-восточным углом дворца находилась стена более раннего правителя Ур-Бау.^[6]

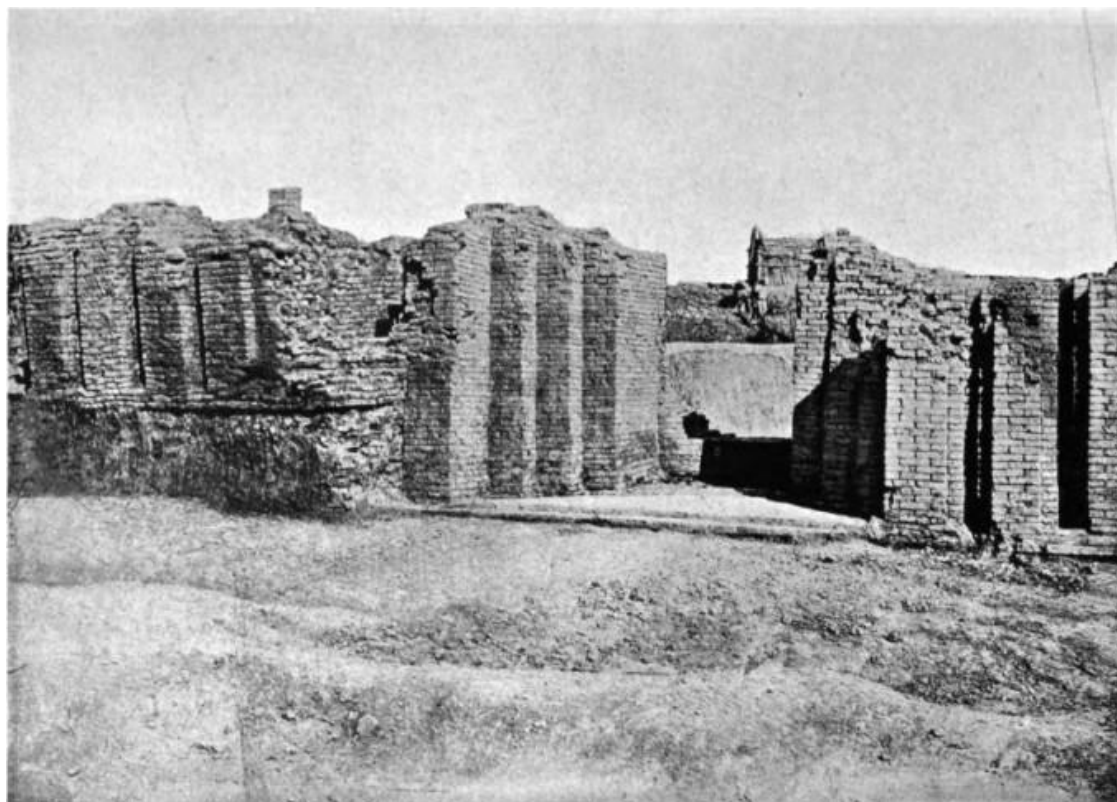

ТЕЛЛО после де Сарзека

В нижних слоях не было обнаружено никаких других более ранних останков, и возможно, что место храма было изменено или расширено в этот период, и что в более ранние времена он стоял ближе к кургану К, где были найдены самые древние постройки в Телло. Здесь находилось хранилище Ур-Нина,^[7] очень раннего патеси города и основателя его самой могущественной династии, а в непосредственной близости от него были найдены самые важные памятники и надписи более раннего периода. Под хранилищем Ур-Нина находилось еще более раннее здание^[8], и на той же глубине над девственной почвой были найдены

одни из самых ранних образцов шумерской скульптуры, которые еще не были найдены. В кургане V, названном "Телль табличек", находились большие коллекции храмовых документов и табличек со счетами, большинство из которых относится к периоду правления династии Ура.

Памятники и надписи из Телля дают нам материал для реконструкции истории города с небольшими пробелами с древнейших времен до того времени, когда династия Исина сменила династию Ура в правлении Шумером и Аккадом. Разрушению города в период правления первой династии Вавилона и его последующей изоляции мы обязаны богатством ранних записей и археологических останков, дошедших до нас, поскольку его почва избежала нарушения руками более поздних строителей, за исключением короткого промежутка времени в эллинистические времена. Тот факт, что другие города по соседству, разделившие подобную судьбу, не принесли раскопщикам столь поразительных результатов, сам по себе свидетельствует о важном положении, которое занимал Лагаш, не только как резиденция длинной череды успешных правителей, но и как важнейший центр шумерской культуры и искусства.

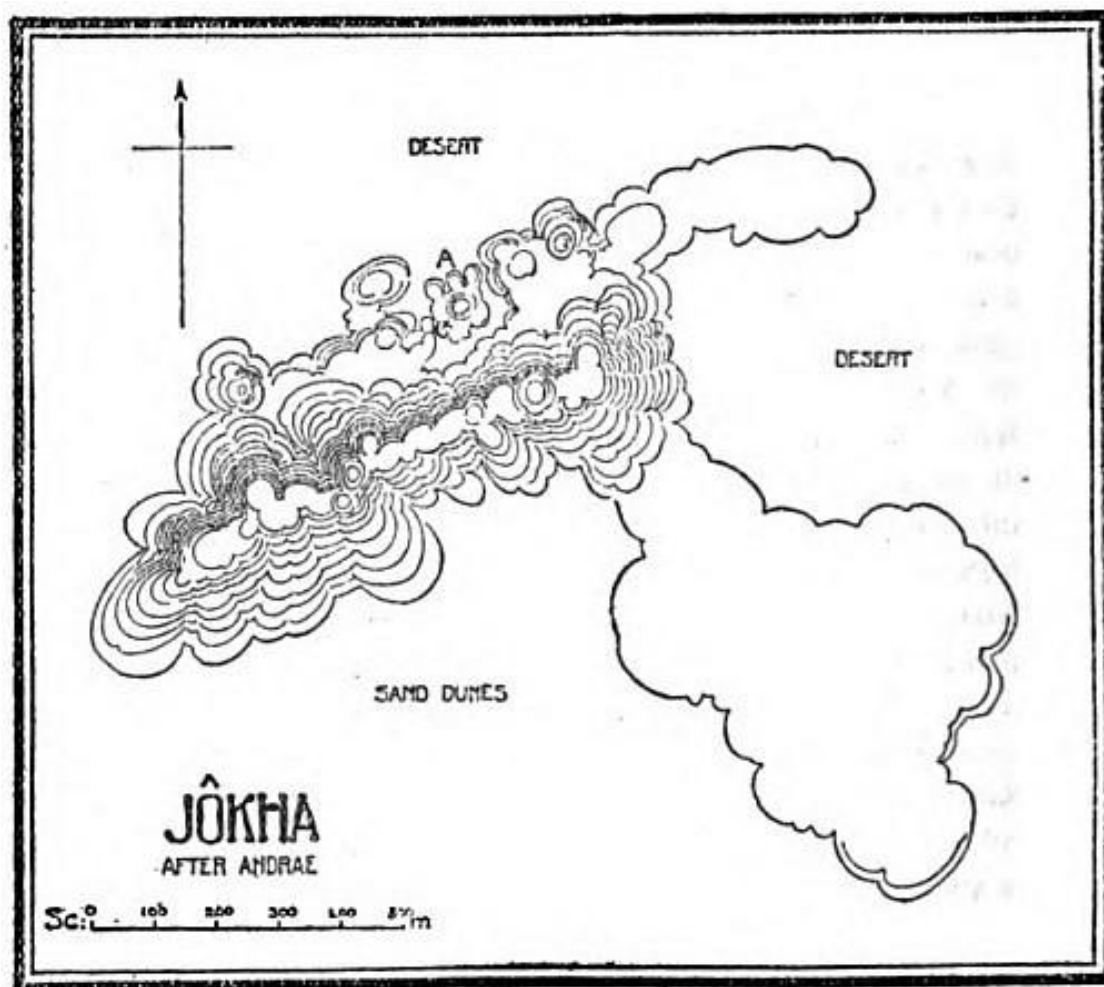

ДВЕРНОЙ ПРОЕМ ЗДАНИЯ В ТЕЛЛО, ВОЗВЕДЕННОГО ГУДЕА, ПАТЕСИ ШИРПУРЛЫ; СЛЕВА - ЧАСТЬ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ЗДАНИЯ ЭПОХИ СЕЛЕВКИДОВ. Déc. en Chald., pl. 53 (bis).

Курганы Сургул и Эль-Хибба, расположенные к северо-востоку от Телло и примерно в шести милях друг от друга, которые были раскопаны д-ром Кольдевеем в 1887 году, являются наглядным примером. Оба кургана, особенно первый, содержат многочисленные ранние могилы под домами из необожженного кирпича, такие же, как впоследствии были найдены в Фаре, и оба города были уничтожены огнем, вероятно, в то время, когда Лагаш был стерт с лица земли. На основании количества пепла и того факта, что некоторые тела были частично

сожжены, доктор Колдевей сделал ошибочный вывод, что курганы обозначают места "огненных некрополей", где, по его мнению, ранние вавилоняне сжигали своих мертвых, а дома он рассматривал как гробницы.^[9] Но ни в один период шумерской или вавилонской истории такая практика не была в моде. Мертвых всегда хоронили, а любые следы сожжения должны были появиться во время разрушения городов огнем. В Эль-Хиббе также видны остатки зданий, построенных полностью или частично из обожженного кирпича, что, в сочетании с большей площадью курганов, позволяет предположить, что это был более важный шумерский город, чем Сургул. Это подтверждается большим количеством надписей, которые были найдены на его территории и недавно опубликованы.^[10] Среди них тексты ранних патеси Лагаша, Эаннатума и Эаннатума I, а также более позднего патеси Гудеа. Текст Гудеа также был найден в Сургуле, что доказывает, что оба места были подчинены Лагашу, в состав территории которого они, вероятно, всегда входили в периоды власти этого города. То, что, кроме могил, было найдено мало предметов, представляющих археологический или художественный интерес, частично объясняется их близостью к Лагашу, который, будучи резиденцией правительства, естественно, имел преимущество в этом отношении перед соседними городами.

На протяжении ранней истории Лагаша его самым упорным соперником был соседний город Умма,^[11] который сейчас отождествляется с курганом Джоха, расположенным на некотором расстоянии к северо-западу в районе между Шатт-эль-Хай и Шатт-эль-Кар. Окрестности и часть самого кургана покрыты песчаными дюнами, которые придают этому месту очень пустынный вид, но они образовались недавно, так как между ними все еще видны следы прежнего возделывания. Главный курган имеет форму гряды длиной более полумили, идущей с запада-юго-запада на восток-северо-восток и возвышающейся в своей высшей точке примерно на пятнадцать метров над равниной. Два более низких продолжения основного кургана простираются на восток и юго-восток.

Джокха после Андрае

Раскопки на этом месте еще не проводились, но зимой 1902-3 гг. его посетил доктор Андрае. Он отметил следы большого здания на платформе к северу от главного хребта, обозначенного на плане буквой А. Судя по всему, оно имело форму квадрата со сторонами длиной семьдесят метров, в центре которого возвышается небольшой курган. На насыпи разбросаны квадратные обожженные кирпичи, а на южной стороне видны следы прямоугольной камеры. [12] Многочисленные фрагменты диорита также указывают на присутствие скульптур, а в южном углу здания, в месте, отмеченном на плане крестиком, немцы нашли фрагмент диорита с частью тщательно выбитой архаичной надписи. Находки неглазурованных горшков, кремневых орудий и плосковыпуклых кирпичей на других участках кургана свидетельствуют о том, что здесь, как и в Фаре, сохранились реликты еще более раннего обитания. Более того, говорят, что в течение последних лет здесь проводились арабские раскопки, и с этого места в Европу попали ранние таблички и три конуса патеси Галу-Баббар. Учитывая отмеченные им многообещающие следы и ту важную роль, которую город сыграл в ранней шумерской истории, можно только сожалеть, что доктор Андрэ не заменил Джоху на Абу-Хатаб в качестве места для последующих раскопок.

Другие курганы, расположенные в том же районе, также сулят успех будущему раскопочному мастеру. Один из них - Хаммам, расположенный примерно в семи с половиной милях к западу-юго-западу от Джохи и недалеко от русла Шатт-эль-Кар. Он состоит из группы отдельных курганов, на одном из которых находятся остатки прямоугольного здания,

напоминающего зиккурат или храм-башню. Ее сторона составляет тридцать метров, а сама она возвышается над поверхностью кургана на двенадцать метров, который, в свою очередь, находится на три метра выше равнины. Между кирпичами, как и в Варке, проложена глина, в которую вкраплены слои тростника. К северу от него в том же кургане сохранились следы другого здания, возможно, храма, частью которого оно являлось. К югу от Хаммама и чуть более чем в трех милях к западу от Шатт-эль-Кара находится Телль-Од, еще одно место, которое может быть полезным для раскопок. Он представляет собой четко очерченный курган, высотой около тридцати метров в верхней части, и виден со значительного расстояния. Однако, в отличие от Хаммама и Джохи, на его поверхности не видно следов каких-либо построек, и на кургане не разбросаны горшки, кирпичи или другие предметы, по которым можно было бы судить о его дате. И Телль-Од, и Хаммам стоят на слегка возвышенном участке пустынной почвы, шириной около десяти миль, который возвышается над болотами, вызванными затоплением Евфрата. На том же участке дальше к югу находятся Сенкера и Варка, которые были исследованы Лофтусом в начале пятидесятых годов.^[13]

Из ранних поселений в районе Шатт-эль-Кара курганы в Фаре оказались наиболее плодотворными в плане обнаружения останков, относящихся к доисторическому периоду шумерской культуры. Систематические раскопки были начаты здесь доктором Колдеевым в 1902 году,^[14] и продолжены в следующем году докторами Андрае и Ноэльдеке.^[15] Прилагаемый план дает некоторое представление об обширной территории, занимаемой курганами, и о методе, принятом для выяснения их содержания без слишком больших затрат времени. Арабские цифры против контурных линий указывают их высоту в метрах над уровнем равнины. Римские цифры стоят на каждом конце траншей в том порядке, в котором они были вырыты. Так, первые две траншеи (I. и II.), идущие с севера на юг и с востока на запад соответственно, были прорыты доктором Колдеевым через курганы, чтобы получить некоторое представление об их общем характере. Все последующие траншеи были прорыты параллельно второй через более высокие части участка, а некоторые из них были расширены, чтобы охватить более низкие отдельно стоящие курганы на востоке. На плане траншеи обозначены как непрерывные, но на самом деле каждая состоит из серии коротких секций, разделенных полосами грунта, оставленными неразрезанными. Они поддерживают стороны траншеи и оставляют проходы для перехода с одной стороны на другую.^[16] Если в траншее обнаруживаются остатки какого-либо здания, его можно полностью раскрыть, а затем продолжать рыть траншею до тех пор, пока не будет обнаружено другое здание. На плане обозначены основные расчищенные участки, а положение стен, которые были вскрыты в их пределах, указано тонкими линиями.

FÂRA после Andrae и Noeldeke

В ходе систематических раскопок на этом участке было четко установлено, что все курганы в Фаре относятся к очень раннему периоду. Во многих местах траншеи прорезали толстые слои пепла и обугленных останков, и было видно, что все поселение было уничтожено огнем, и большая его часть никогда не была заселена вновь. На глубине более двух метров под поверхностью земли все следы построек практически прекратились, а те, что были раскопаны, относятся, по-видимому, к одной эпохе. О раннем периоде их существования свидетельствует тот факт, что все они построены из плосковыпуклого кирпича, [17] как обожженного, так и необожженного, с отпечатками большого пальца или линиями, нанесенными пальцем на их верхнюю поверхность. Многие из них явно были жилыми домами, состоящими из камер, сгруппированных вокруг прямоугольного двора; другие имеют круглую форму, размером от двух до пяти метров в поперечнике, и их назначение не определено. [18] Было высказано предположение, что последние могли служить колодцами, и действительно, они обычно опускаются на глубину около четырех метров ниже уровня равнины. Но они так густо разбросаны по кургану, что такое объяснение их использования

вряд ли адекватно; кроме того, каждая из них была покрыта аркой из кирпичей, уложенных горизонтально внахлест. Возможно, они были цистернами или предназначались для приема сточных вод из домов, но против этого мнения говорит тот факт, что они никак не связаны с многочисленными кирпичными каналами и глиняными стоками, которые были обнаружены. Подобные сооружения были найдены в Сургуле, и ничто в *обломках*, заполнявших их, ни там, ни в Фаре, не пролило свет на цель, которой они служили.

Самыми интересными находками в Фаре были могилы. Они состоят из двух классов: саркофаги-могилы и циновки-погребения. Саркофаги сделаны из неглазурованной глины, овальной формы, с плоским дном и вертикальными боками, и каждый закрывается терракотовой крышкой. В погребениях-циновках труп с приношениями заворачивали в тростниковую циновку и помещали в могилу, вырытую в земле. Тела никогда не хоронили целиком, так как в обоих типах могил скелеты лежат на боку с согнутыми ногами и руками. Правая рука обычно держит чашу для питья из глины, камня, меди или раковины, которую она, кажется, подносит ко рту; рядом с черепом часто находятся другие сосуды и большие глиняные горшки для воды. В могилы клали оружие умершего человека, а также инструменты и украшения, которыми он пользовался при жизни. Часто находили медные наконечники копий и топоров, лезвия кинжалов с заклепками вместо деревянной рукоятки, медные рыболовные крючки и грузила для сетей.

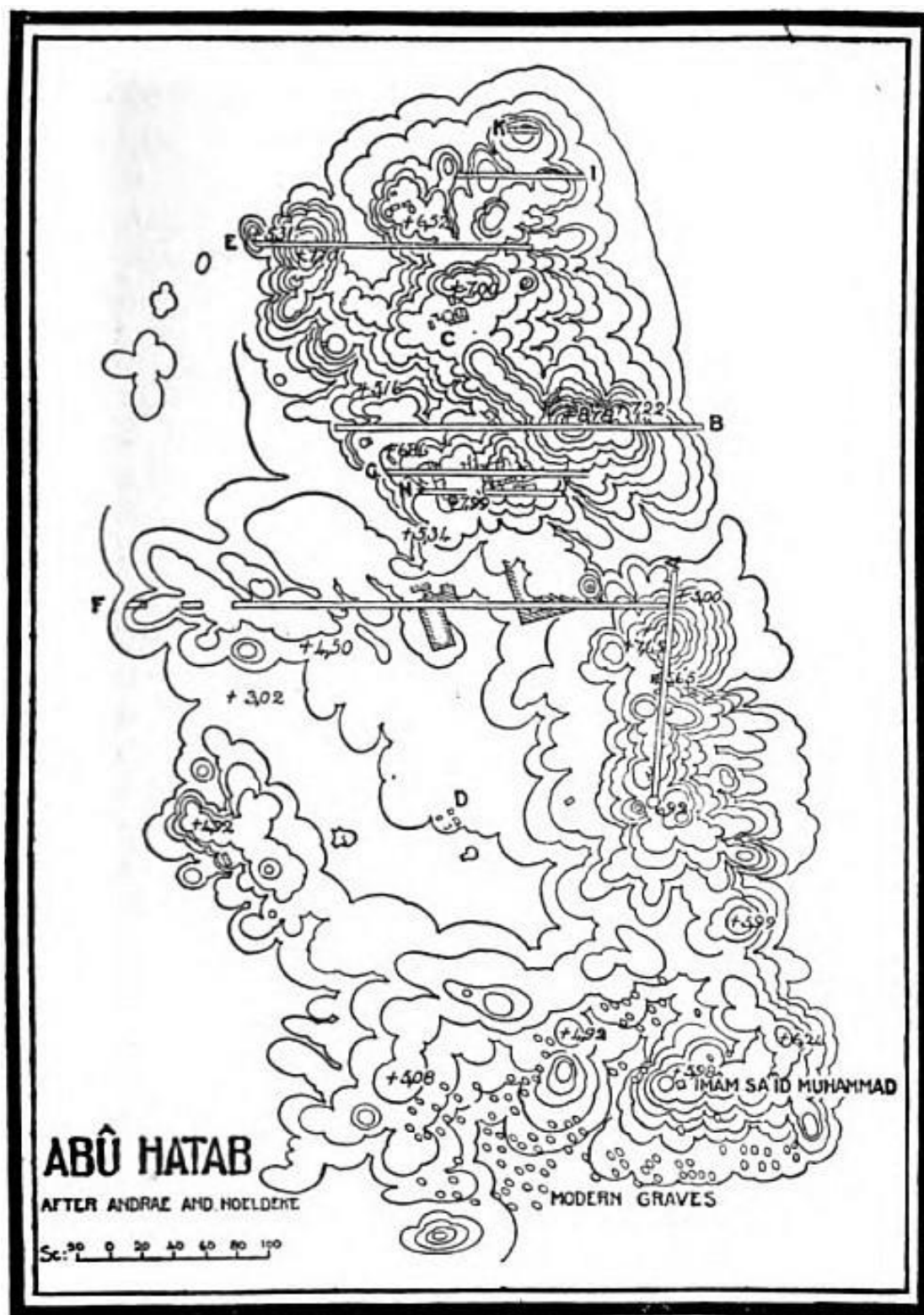
Внешняя сторона стены фундамента в Телло, построенной Ур-Бау, патеси из Ширпурлы. -Dés. en Chald., pl. 51.

Украшения были очень многочисленны: богатые носили ожерелья из бусин агата и ляпис-лазури, более бедные довольствовались пастой или ракушками, нередко были серебряные перстни и медные кольца. Очень характерным видом могильной мебели были палитры или блюда для цветов, изготовленные из алебаstra, часто изящной формы, а иногда и на

четырёх ножках. Их использование не вызывает сомнений, поскольку во многих из них до сих пор сохранился цвет, как правило, черный и желтый, но иногда светло-розовый и светло-зеленый. Поскольку все остальные предметы в могилах были помещены туда для личного пользования покойника, можно предположить, что в тот период цвет использовался для окраски тела.

Разница в возрасте, по-видимому, не разделяла эти два класса захоронений, поскольку подношения в каждом из них одинаковы, а расположение тел одинаково. Почему возникли различия в обычаях, сказать сложно. Можно было бы предположить, что саркофаг был знаком богатства, если бы не то, что подношения, которые в них содержатся, обычно более скудны, чем в погребениях на циновках. Каким бы ни было объяснение, почти нет сомнений в том, что они принадлежат к одной расе и одному периоду. Более того, мы можем определенно связать могилы с постройками, под которыми они обнаружены, поскольку в некоторых из них находились цилиндры с печатями, точно такие же, как и в *обломках* домов, а рисунки на них напоминают рисунки на печатях из слоев пепла на верхней поверхности курганов. Печати, как правило, из ракушечника или известняка, реже из более твердого камня, а рисунки изображают героев и мифологических существ в противостоянии с животными. Наличие печатей и цилиндров, напоминающих по форме и дизайну печати раннего периода в Телло, само по себе говорит о том, что Фара является местом расположения раннего шумерского города. В этом можно не сомневаться, обнаружив в шести домах глиняные таблички, [19] лежавшие на глиняном полу под массой обугленного мусора, упавшего с крыши; рядом с ними лежали предметы домашнего обихода, а в одной из комнат под ними находились остатки обугленной тростниковой циновки. Таблички были из необожженной глины, по форме похожие на ранние договоры из Телло, а тексты на них, написанные крайне архаичными буквами, относились к договорам купли-продажи.

Таким образом, нет никаких сомнений в расовом характере жителей этого раннего поселения. находка кирпича с надписью имени Халадды, патеси Шуруппака, доказала, что Фара была местом расположения древнего города, который позднейшая традиция считала местом потопа. Надпись Халадды написана не очень архаичными символами, и он, вероятно, жил во времена царей Шумера и Аккада. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Шуруппак продолжал существовать как город в тот период, но большая часть этого места никогда больше не была заселена после уничтожения раннего города огнем. Мы описали его останки довольно подробно, поскольку они являются нашим самым ценным источником информации о самых ранних шумерах в Вавилонии. Пока найденные предметы не опубликованы, трудно точно определить их связь с более ранними останками в Телло. В ходе раскопок было обнаружено несколько фрагментов рельефной скульптуры, которые в сочетании с цилиндрическими печатями, табличками с надписями и керамикой позволяют предположить, что этот период не отделял его от периода существования самых ранних шумеров в истории.

АВÛ HATAB по Андрае и Ноэльдеке

Д-рами Андрае и Ноэльдеке было проведено менее тщательное исследование соседних курганов Абу Хатаб. Это место находится к северу от Фары и, как и она, близко к Шатт-эль-Кару.^[20] Южную часть телля исследовать не удалось из-за современных арабских могил, которые плотно окружают гробницу имама Са'ода Мухаммада. Но траншеи, вырытые в более высоких частях кургана, к северу и вдоль его восточного края, достаточно, чтобы указать на

его общий характер.[21] Более ранние останки, такие как были найдены в Фаре, здесь полностью отсутствуют, и, похоже, что это не ранее периода царей Шумера и Аккада. На это указывают кирпичи Бур-Сина I, царя Ура, которые были обнаружены среди обломков в северо-западной части кургана, и находки табличек в домах, относящихся к периоду династий Ура и Исины.[22] Могилы также отличались от могил в Фаре, состоявших, как правило, из горшечных погребений. Здесь вместо неглубокого корыта с крышкой саркофаг состоял из двух больших горшков, глубоко ребристых снаружи; их устанавливали один на другой, чтобы их края встречались, и после погребения скрепляли смолой или битумом. Скелет обычно находили внутри лежащим на спине или на боку в скрюченном положении с согнутыми ногами. Общее расположение чаш для питья, подношений и украшений напоминает таковое в захоронениях фара, так что разница в форме саркофага объясняется лишь более поздним обычаем, а не расовыми изменениями. Очень похожие захоронения были найдены Тейлором в Мукайяре, а другие также были обнаружены в более ранних слоях курганов в Вавилоне.

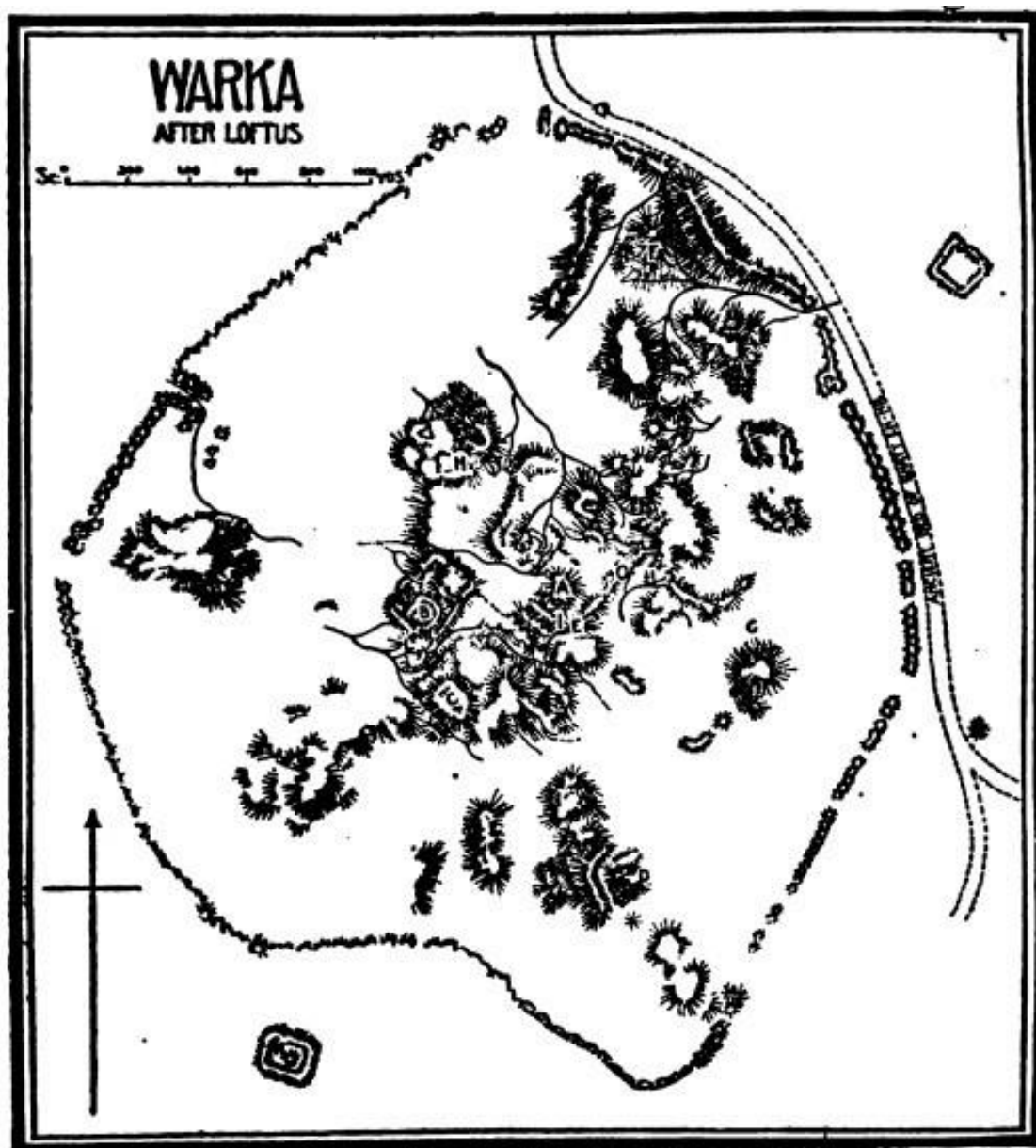
Большинство домов в Абу Хатабе, по-видимому, были уничтожены огнем, и, учитывая полное отсутствие более поздних останков, таблички, разбросанные на их полах, указывают на период последнего поселения. Таким образом, он представляет собой четко определенную эпоху, более позднюю, чем курганы в Фаре, и наиболее ценную для сравнения с ними. Ни в Фаре, ни в Абу Хатабе не было обнаружено остатков какого-либо важного здания или храма, но могилы и дома простых людей предоставили информацию, имеющую еще большую ценность для археолога и историка. Еще один курган, который должен дать дополнительные материалы для изучения этого раннего периода, - это Бисмайя, место города в Адабе, раскопки которого были начаты 25 декабря 1903 года сотрудниками Чикагского университета и продолжались в течение следующего года. [23]Курган Хектайм к западу от Фары, судя по квадратным кирпичам и фрагментам горшечных погребений, найденных там, может относиться примерно к тому же периоду, что и Абу Хатаб. Но его площадь и высота невелики: большая часть возвышается над равниной всего на шесть или семь футов, а два центральных кургана поднимаются на высоту менее четырнадцати футов.

Таковы основные ранние шумерские курганы в районе Шатт-эль-Кар и Шатт-эль-Хай. Другие курганы в том же районе вполне могут оказаться столь же ранними; но следует отметить, что некоторые из них не покрывают шумерские города, а представляют собой гораздо более поздние периоды оккупации. Характер обширного кургана Джидра к востоку от Фары и Абу Хатаба сомнителен, но использование извести-мертеля в тех остатках, которые видны на поверхности, указывает на позднюю эпоху. Ряд небольших городищ можно с уверенностью считать поселением в этом районе в сасанидские времена. К ним относятся Дубай, который, вместе с двумя другими, находится к югу от Фары, и Бинт-эль-Мдерре к востоку; к этому же периоду можно отнести Менекдир, который находится к северо-востоку, за Деке, ближайшей деревней к Фаре. Этот последний курган, длиной чуть более ста ярдов, покрывает место захоронения; он был полностью разрыт арабами в поисках древностей, и теперь покрыт фрагментами саркофагов. Курганы Мджелли и Абу Хувасидж к западу от Фары, вероятно, еще более поздние и относятся к арабскому периоду.

Следует отметить, что все шумерские курганы, описанные или упомянутые в предыдущих параграфах, относятся к городам, которые, будучи сожженными и разрушенными в сравнительно ранний период, никогда не были вновь заселены, а остались пустынными. Лагаш, Умма, Шуруппак, Кисурра и Адаб не играют никакой роли в последующей истории Вавилонии. Можно предположить, что они погибли во время ожесточенной борьбы между вавилонскими царями Первой династии и эламскими царями Ларсы. В это время город за

городом в Шумере много раз захватывался и отступал, и после окончательной победы Самсу-илуны над Рим-Синон он, вероятно, решил разрушить многие города и превратить регион в пустыню, чтобы покончить с проблемами на будущее. На самом деле ему удалось лишь перенести зону беспорядков на юг, так как шумерские жители бежали в Страну моря на берегах Персидского залива, и благодаря их влиянию и подкреплению, которое они принесли с собой, можно проследить беды Самсу-илуны и его сына от рук Илума-илу, который уже установил свою независимость в этом регионе. Таким образом, политика репрессий Самсу-илуны едва ли увенчалась успехом, но у археолога есть повод быть благодарным ему. Нетронутое состояние этих ранних городов делает их раскопки сравнительно простым делом и придает уверенность выводам, сделанным на основе изучения их останков, которой неизбежно не хватает в случае более сложных объектов.

Другой класс шумерских городов состоит из тех, которые не были окончательно разрушены западными семитами, но продолжали оставаться важными центрами политической и социальной жизни в более поздние периоды вавилонской истории. Ниффер, Варка, Сенкера, Мукайяр и Абу Шахрейн, несомненно, содержат в своих нижних слоях остатки ранних шумерских городов, которые стояли на их месте; но большая часть курганов состоит из руин, относящихся к периоду не ранее, чем великие строители династии Ура. В Ниппуре, во время американских раскопок на этом месте, история Экура, храма бога Энлиля, была прослежена до периода Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина;[\[24\]](#) и фрагменты ранних ваз, найденные среди *обломков* под камерами на юго-восточной стороне Зиккурата, пролили ценный свет на ранний период шумерской истории. Однако раскопки досаргонской толщи, насколько они были проведены, дали скорее отрицательные, чем положительные результаты. Раскопки, проведенные на других упомянутых объектах, носили чисто предварительный характер, и, хотя они были сделаны в начале пятидесятих годов прошлого века, они по-прежнему остаются главным источником наших знаний о них.

ВАРКА после Лофтуса

Некоторое представление о размерах курганов Варки можно получить из плана Лофтуса. Нерегулярный круг курганов, обозначающий поздние стены города, занимает площадь почти в шесть миль в окружности, и с учетом этого факта, а также короткого времени и ограниченных средств, имевшихся в его распоряжении, удивительно, что он добился таких хороших результатов. Его работа в Буварии, главном кургане группы (отмечен А на плане), привела к его идентификации с Э-анной, великим храмом богини Нинни, или Иштар, который был значительно дополнен во времена правления Ур-Энгура. Тщательные записи и рисунки Лофтуса фасада другого важного здания, покрытого курганом, известным как Вусвас (В), имеют большую ценность с архитектурной точки зрения, и не менее интересно его описание "Конусной стены" (в точке Е на плане), состоящей в значительной степени из терракотовых конусов, обмакнутых в красную или черную краску и расположенных так, чтобы образовывать различные узоры на поверхности стены, состоящей из грязи и измельченной соломы.^[25] Но дата обоих этих сооружений точно не определена. Саркофаги-гробницы и горшки-погребения, на которые он наткнулся при прокладке туннелей и траншей, явно

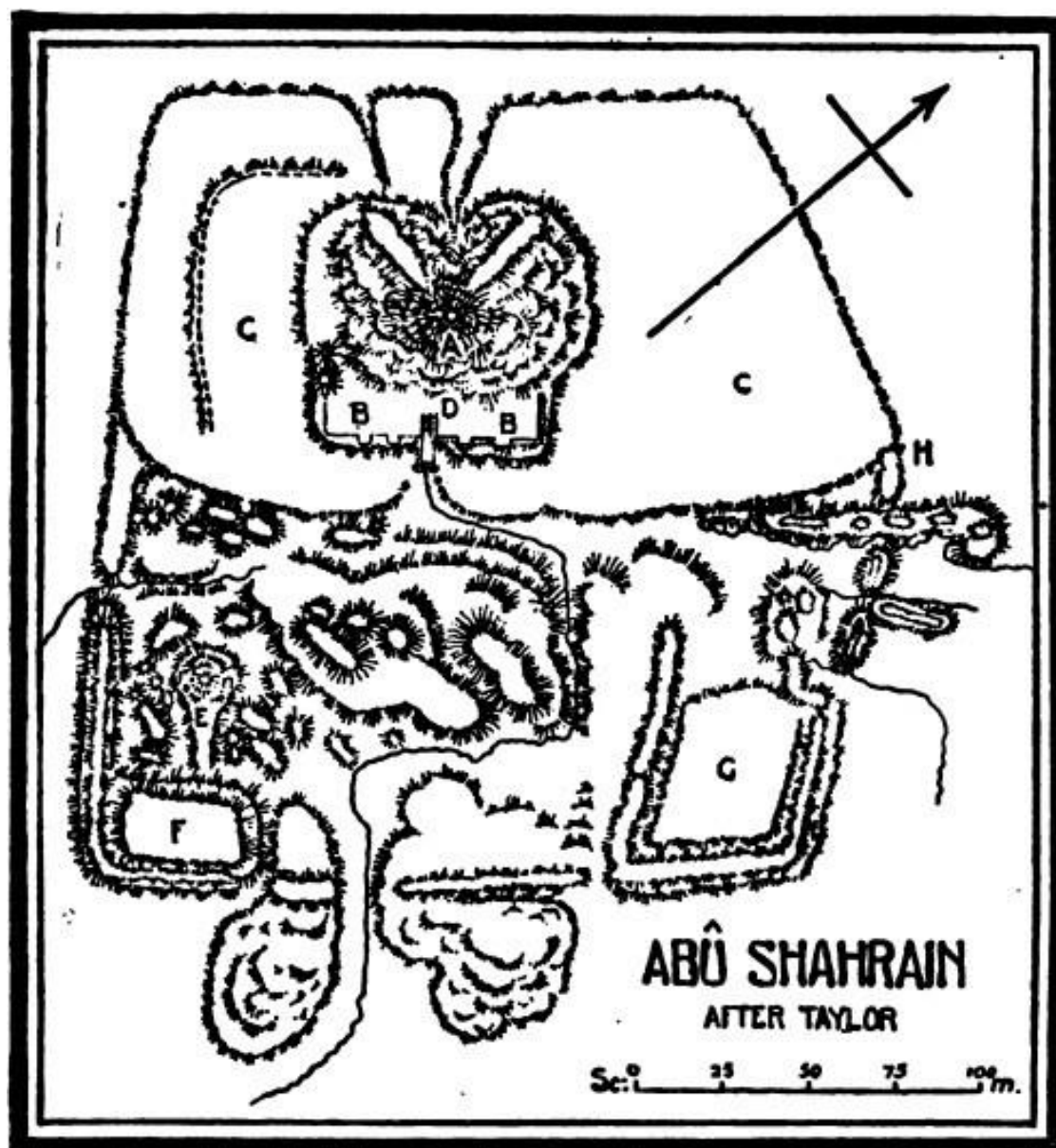
относятся к Абу Хатабу, а курган вполне может содержать еще более ранние останки. Находки, сделанные в соседних курганах Сенкера (Ларса) и Телль Сифр, также были многообещающими,[\[26\]](#) и, несмотря на отсутствие успеха в Телль Медине, вполне возможно, что более длительное исследование дало бы лучшие результаты.

МУКАЙЯР после Тейлора

Курганы Мукайяра, которые отмечают местоположение Ура, центра культа бога Луны в Шумере, были частично раскопаны Тейлором в 1854 и 1855 годах.[\[27\]](#) В северной части группы он исследовал большой храм бога Луны (обозначен А на плане), самые ранние части его структуры, которые он обнаружил, относятся к временам правления Дунги и Ур-Энгура. Под зданием, расположенным по соседству с храмом (на плане - В), он обнаружил мостовую, состоящую из плосковыпуклых кирпичей - верный признак того, что в этом месте, по крайней мере, находились постройки самого раннего шумерского периода, а саркофаги-погребения в других частях кургана были раннего типа. Тейлор наткнулся на аналогичные свидетельства раннего строительства в Абу Шахрейн,[\[28\]](#) сравнительно небольшом кургане, который отмечает местоположение священного города Эриду, поскольку в одной из точек юго-восточной стороны группы он обнаружил здание, построенное из кирпича того же раннего характера.

В Абу Шахрейн мы должны были ожидать найти следы одного из самых ранних и священных святилищ шумеров, ведь здесь обитал Энки, таинственный бог глубин. Остатки его более позднего храма сейчас доминируют в группе, а великая храмовая башня все еще возвышается в два этапа (А и В) на северном конце кургана. В отличие от других городов Шумера, Эриду не был построен на аллювии. Он расположен в долине на краю Аравийской пустыни, отрезанной от Ура и Евфрата невысокой грядой из гальки и песчаника. Фактически, его руины, кажется, круто поднимаются со дна внутреннего моря, которое, несомненно, когда-то было связано непосредственно с Персидским заливом; отсюда и описание Эриду в клинописной литературе как стоящего "на берегу моря". Еще одна особенность, отличающая Эриду от других городов Вавилонии, - широкое использование камня в качестве строительного материала. Возвышенная платформа, на которой стоял город и его храм, была облицована массивной подпорной стеной из песчаника, , несомненно, добытого в окрестных каменоломнях, а лестница (обозначенная на плане буквой D), ведущая на первую ступень храма-башни, была сложена из полированных мраморных плит, которые сейчас разбросаны по поверхности кургана. Мраморная лестница и многочисленные фрагменты золотых листов и медных гвоздей с золотыми головками, найденные Тейлором у основания второй ступени храма-башни, свидетельствуют о его великолепии на самом позднем этапе его истории. Название и период существования города, ныне покрытого соседним курганом Телль-Лахм, который также был исследован Тейлором, пока не выяснены.

ABÛ SHAHRAIN после Тейлора

Таким образом, видно, что раскопки, проведенные на местах более известных городов Шумера, не дали, исключением Ниппура, много информации, касающейся ранних периодов истории, а положение одного из них, города Исин, до сих пор неизвестно. Наши знания о подобных местах в Аккаде еще более скудны. До настоящего времени систематические раскопки проводились только в двух местах на севере, Вавилоне и Сиппаре, и они пролили мало света на более отдаленные периоды их заселения. Существующие руины Вавилона относятся к периоду правления Навуходоносора II, и настолько основательным было разрушение города Сеннахерибом в 689 году до н.э., что после нескольких лет работы доктор Колдевей пришел к выводу, что все следы более ранних построек были уничтожены по этому случаю. Совсем недавно были обнаружены некоторые остатки более ранних слоев, а также найдены таблички с договорами, которые датируются периодом Первой династии. Кроме того, было обнаружено несколько ранних погребений в горшках, но тщательное изучение большей части руин мало что добавило к нашим знаниям об этом самом знаменитом городе до неовавилонской эпохи. Такие же отрицательные результаты, в том что касается ранних

останков, были получены в результате менее исчерпывающих работ на месте Борсиппы. Абу-Хабба - гораздо более перспективное место, здесь проводились раскопки, начатые г-ном Рассамом в 1881 и 1882 годах и возобновленные прером Шейлем в течение нескольких месяцев в 1894 году, а в соседних курганах Дейра раскопки были предприняты доктором Уоллисом Баджем в 1891 году. Эти два места принесли тысячи табличек периода первых вавилонских царей, и было идентифицировано место знаменитого храма бога Солнца в Сиппаре, который перестроил Нарам-Син, но о раннем городе и его окрестностях пока мало что известно точно. Огромные размеры курганов и тот факт, что в течение почти тридцати лет они были счастливым местом охоты арабских копателей, усугубляют трудности окончательного и исчерпывающего исследования. Вероятно, именно в окрестностях Сиппара в конечном итоге будет определено местоположение города Агаде, или Аккада.

Что касается мест расположения других городов в Северной Вавилонии, то здесь все еще существует значительная неопределенность. Обширные курганы Телль Ибрахим, расположенные примерно в четырех часах езды к северо-востоку от Хиллы, вероятно, следует отождествлять с Кутхой, центром культа Нергала, а курган Акаркуф, который можно увидеть с такого большого расстояния на дороге между Багдадом и Фалуджей, вероятно, покрывает храм и город касситского периода. Города Киш и Опис, которые занимают столь видное место в ранней истории отношений между Шумером и Аккадом, до недавнего времени считались расположенными недалеко друг от друга на Тигре. То, что Опис лежал на этой реке, а не на Евфрате, ясно из рассказа, который Навуходоносор II оставил нам о своих знаменитых вавилонских укреплениях,^[29] которые греческие писатели называют "Медийской стеной" и "Укреплением Семирамиды".

Внешнее кольцо тройной линии обороны Навуходоносора состояло из земляного вала и рва, который, по его словам, простирался от берега Тигра выше Описа до точки на Евфрате в пределах города Сиппар, что доказывает, что Опис следует искать на первой реке. Второй линией обороны был аналогичный ров и вал, который тянулся от дамбы на берегу Евфрата до города Киш. Предполагалось, что этот вал простирался и до Тигра, хотя в тексте об этом ничего не говорится, а поскольку идеограмма Описа в двуязычном заклинании однажды была передана как Кеш,^[30] казалось вероятным, что Киш и Опис были городами-близнецами, расположенными на Тигре на небольшом расстоянии друг от друга. Эта точка зрения находила подтверждение в тесной связи этих двух мест во время войн Эаннатума, а также в том, что во времена Энби-Иштара они, по-видимому, составляли единое государство. Но недавно было показано, что Киш лежал на Евфрате,^[31] и мы можем, таким образом, принять его прежнее отождествление с курганом Эль-Охемир, где Кер Портер нашел кирпичи, свидетельствующие о строительстве Э-метеурсагга, храма Замамы, божества-покровителя Киша.^[32] Следует ли отождествлять Опис с обширными курганами Телль-Манджура, расположенными на правом берегу Тигра в большом изгибе реки между Самаррой и Багдадом, или, что представляется более вероятным, его следует искать дальше по течению в окрестностях Селевкии, - это вопросы, которые могут решить будущие раскопки.^[33]

Краткое описание наших знаний о ранних городах Шумера и Аккада, а также результатов, полученных при частичных раскопках их мест, должно было показать, как много еще предстоит сделать в этой области археологических исследований. Мало того, что большинство объектов все еще ожидают систематических раскопок, большая часть уже полученных материалов еще не опубликована. До сих пор, например, были опубликованы лишь самые краткие заметки о важных находках в Фаре и Абу Хатабе. В отличие от этого довольно неторопливого метода публикации, план, которого придерживается М. де Морган,

предоставляя без промедления результаты своей работы в Персии, заслуживает высокой оценки. В этой связи следует упомянуть о раскопках в Сузах, поскольку они позволили обнаружить некоторые из наиболее примечательных памятников ранних семитских царей Аккада. Правда, большинство из них было вывезено в качестве трофеев из Вавилонии в Элам, но они не менее ценны как образцы раннего семитского искусства. Такие памятники, как недавно обнаруженная стела Шарру-Ги, статуи Маништусу и стела победы Нарам-Сина, дают ценные сведения о расовых характеристиках ранних жителей Северной Вавилонии и позволяют нам проследить некоторые этапы их художественного развития. Но в самом Аккаде раскопки не пролили много света на эти темы и не способствовали решению проблем, связанных с тем, в какой период шумеры и семиты впервые вступили в контакт, или какая раса первой овладела этой землей. Для изучения этих вопросов наш материал в основном предоставлен шумерской стороной, в частности, скульптурами и надписями, обнаруженными во время французских раскопок в Телло.

В настоящее время общепризнано, что две расы, населявшие Шумер и Аккад в ранние исторические периоды, резко отличались друг от друга не только по речи, но и по физическим характеристикам.^[34] Один из основных признаков, по которому их можно отличить, заключается в отношении к волосам. Если шумеры неизменно брили голову и лицо, то семиты сохраняли волосы на голове и носили длинные бороды. Небольшое изменение в укладке волос внесли западные семиты Первой Вавилонской династии, которые принесли с собой из Сирии обычай ханаанских бедуинов брить губы и позволять бороде опускаться только до подбородка; кроме того, они, похоже, коротко стригли волосы на манер арабов или набатеев с Синайского полуострова.^[35] Семиты, поселившиеся в Вавилонии в более ранний период, сохранили усы и бороду, а также носили длинные волосы. Признавая небольшое изменение обычая, введенное на некоторое время во время западносемитского господства, следует отметить, что практика ношения волос и бороды была характерна для семитов во все периоды истории. Фраза "черноголовые", которая часто встречается в поздних текстах, очевидно, возникла как описание семитов, в отличие от шумеров с их бритыми головами.

Другая отличительная особенность, почти столь же поразительная, может быть замечена в чертах лица, представленных на контурной гравюре и в скульптуре более ранних периодов. Правда, у шумера выдающийся нос, который, по сути, является его самой яркой чертой, но и нос, и губы никогда не бывают полными и мясистыми, как у семитов. Иногда утверждают, что такие примитивные изображения, как на барельефах Ур-Нина или на рис. 1 в прилагаемом блоке, слишком грубы, чтобы считать их точным отражением этнологического типа. Но следует отметить, что те же самые общие характеристики встречаются и в более поздних и более законченных скульптурах периода Гудеа. Этот факт иллюстрируют две черные диоритовые головы статуэток, изображенные на следующей странице. В обоих примерах сохранены некоторые архаичные условности, такие как преувеличенная линия бровей и незаконченное ухо; но нос и губы явно не семитские, и они точно воспроизводят тот же расовый тип, который встречается на более ранних рельефах.

FIG. 1.

FIG. 2.

Рис. 1.- Рис. 2. Фигуры ранних шумеров, выгравированные на фрагментах раковин, которые, вероятно, использовались для инкрустации шкатулок или для украшения мебели. Самый ранний период: из Телло.-Дек., пл. 46, № 2 и 1.

Третья особенность заключается в различных формах одежды шумеров и семитов, представленных на памятниках. Самые ранние шумеры носили только толстую шерстяную одежду в виде подъюбника, застегивающегося на талии с помощью ленты или пояса. Иногда эта одежда изображается совсем простой, в других случаях она имеет винтовую бахрому или кайму, а в самой сложной форме она состоит из трех, четырех или пяти горизонтальных воланов, каждый из которых выложен вертикально и имеет винтовую по краю, чтобы изобразить толстые шерстяные локоны.^[36] В более поздних шумерских патесисах от этого грубого одеяния отказались в пользу большой шали или мантии, украшенной каймой, которая надевалась через левое плечо и, ниспадая прямыми складками, драпировала тело,

открывая его спереди.[37] Обе эти шумерские формы одежды совершенно отличаются от семитской набедренной повязки, которую носил Нарам-Син на своей стеле победы, и семитского пледа, в котором он изображен на стеле из Пир-Хусейна.[38] Последняя одежда представляет собой длинный, узкий плед, который оборачивается вокруг тела параллельными полосами, а конец перекидывается через левое плечо. У него нет прорези или отверстия спереди, как у более поздней шумерской мантии, и, с другой стороны, он не имеет формы, как более ранний шумерский воланистый подъюбник, хотя оба они, несомненно, были сделаны из шерсти и, вероятно, окрашены в яркие цвета.

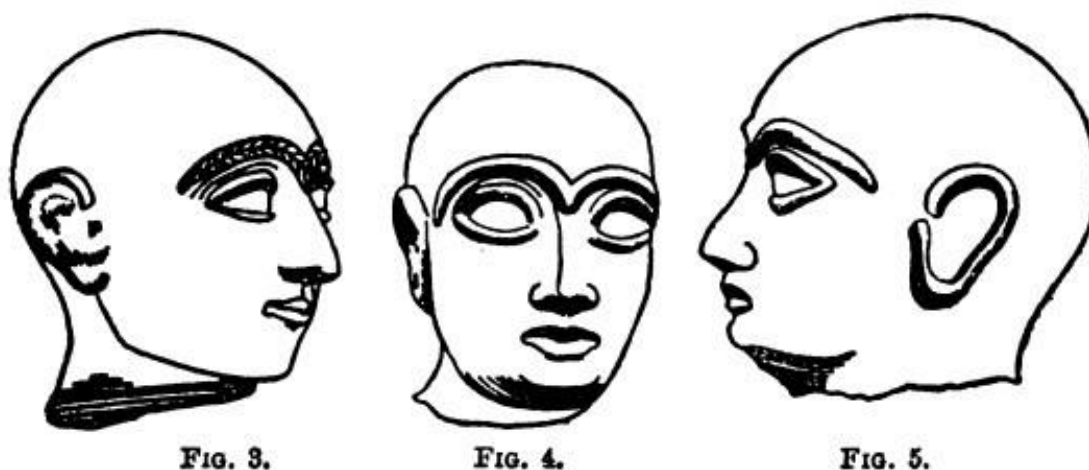

Рис. 3-Фиг. 4-Фиг. 5-Поздние типы шумеров, как показано на головах мужских статуэток из Телло. Рис. 4 и 5 - разные виды одной и той же головы, которая, вероятно, относится к эпохе Гудеа; рис. 3, возможно, можно отнести к более позднему периоду. № 95 и 93.

Таким образом, на памятниках представлены два различных расовых типа, отличающихся не только физическими особенностями, но и способом обработки волос и одеждой. Более того, один тип характерен для тех правителей, чей язык был шумерским, другой - для тех, чьи надписи сделаны на семитском языке. Здесь следует отметить два очевидных несоответствия. На Стеле стервятников Эаннатум и его воины изображены с густыми волосами, выбивающимися из-под шлемов и падающими на плечи. Но у них бритые лица, и, учитывая, что на том же памятнике все мертвые на поле боя и в курганах имеют бритые головы, как у шумеров, помогающих при погребении и жертвоприношениях, мы можем рассматривать волосы Эаннатума и его воинов как парики, которые носили, как парики египтян, по особым случаям и особенно в бою. Другое несоответствие возникает из-за одежды, которую Хаммурапи носил на своих памятниках. Это не семитский плед, а шумерская мантия с бахромой, и мы можем предположить, что, поскольку он писал свои votivные надписи не только на семитском, но и на шумерском языке, он также мог символизировать свое правление в Шумере принятием шумерской формы одежды.

Естественно, что на памятниках более позднего периода из Телло представлены оба расовых типа. Фрагменты скульптуры, изображенные на рис. 6 и 7, возможно, принадлежат одному и тому же памятнику, и если это так, то мы должны отнести их к семитскому царю.[39] Тот, что слева, представляет собой группу обнаженных пленников с бритыми головами и лицами, связанных по шеем одинаковыми шнурами, а их руки связаны за спиной. На другом фрагменте и пленник, и завоеватель бородаты. Нос последнего не похож на семитский, хотя

в фигурках столь малых размеров, вырезанных в рельефе, было бы, пожалуй, опрометчиво считать его форму значимой. Обращение с волосами, однако, само по себе является достаточно заметным различием в расовых обычаях. На рис. 8 изображена круглая подставка из стеатита, вокруг которой сидят семь маленьких фигурок, держащих на коленях таблички; здесь она воспроизведена в гораздо меньшем масштабе, чем другие фрагменты. Маленькая фигурка, сохранившаяся лучше всего, имеет безошибочно семитский тип, у нее завитая борода, подстриженная в точку, и волосы, спадающие на плечи двумя большими закрученными локонами; лицо фигурки слева от него разбито, но голова четко выбрита. Подобное смешение типов на одном памятнике встречается на большом фрагменте скульптуры, изображающей сцены поклонения,^[40] а также на памятнике Шарру-Ги, который был найден в Сузах.^[41]

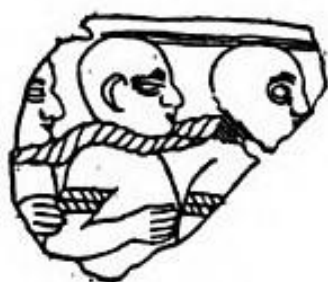

FIG. 6.

FIG. 7.

FIG. 8.

Рис. 6.- Рис. 7.- Рис. 8.- Примеры скульптур более позднего периода из Телло, представляющих различные расовые типы - Dec., pl. 26, Fig. 10b и 10a; pl. 21, Fig. 5.

В период, к которому относятся эти скульптуры, не вызывает сомнений, что семиты занимали Аккад, и что в определенные периоды они уже распространили свою власть на Шумер. Поэтому неудивительно, что в это время на памятниках бок о бок изображены и шумеры, и семиты. Однако, когда мы рассматриваем, несомненно, один из самых ранних скульптурных рельефов из Телло, мы сталкиваемся с тем же смешением расовых типов.

Fig. 9.

Fig. 10.

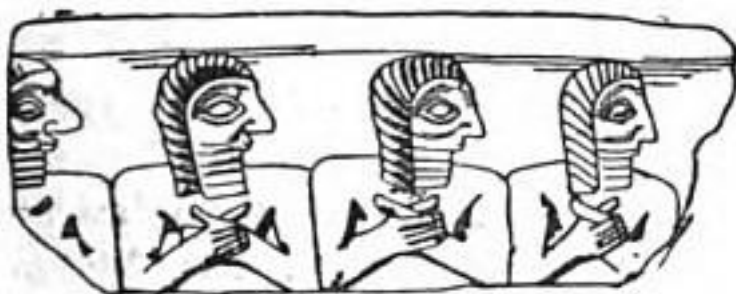

Fig. 11.

Рис. 9 - Рис. 10 - Рис. 11 - Фрагменты круглого барельефа самого раннего периода из Телло, изваянного со сценой встречи двух вождей и их последователей. Заслуживают внимания различные способы обработки волос.- В Лувре; кат. No. 5.

Объект, к сожалению, разбит на фрагменты, но их удалось собрать достаточно, чтобы судить о его характере. Первоначально он состоял из двух круглых блоков, поставленных один на другой и украшенных по внешнему краю рельефами. По вертикали они были перфорированы двумя отверстиями, которые предназначались для поддержки булавы или других votивных предметов в вертикальном положении. Фигуры на рельефах образуют два отдельных ряда,

которые продвигаются друг к другу, а во главе их стоят два вождя, которые изображены встретившимися лицом к лицу (рис. 9). Обращает на себя внимание, что у вождя слева, который несет изогнутую булаву, длинные волосы, спадающие на плечи, и борода. Четверо его последователей на другом фрагменте (рис. 10) также имеют длинные волосы и бороды. Другой вождь, напротив, не носит волос на лице, только на голове, и, поскольку у его последователей бритые головы и лица, [42] можно предположить, что он, как и Эаннатум на Стеле стервятников, носит парик. Все фигуры обнажены до пояса, а последователи сжимают руки в знак подчинения своему вождю.

Крайне грубый характер скульптуры является достаточным признаком ее ранней датировки, не считая того факта, что фрагменты были найдены разбросанными в самых нижних слоях в Телло. Мода на обозначение волос очень архаична, она также встречается в классе медных фундаментных фигур очень раннего времени. [43] Памятник относится к периоду, когда письменность уже использовалась, так как на его верхней поверхности есть небольшие следы надписи, которая, вероятно, фиксировала повод для встречи вождей. Кроме того, из обнаруженного пятого фрагмента видно, что имена и титулы различных персон были выгравированы на их одежде. Таким образом, памятник относится к самому раннему шумерскому периоду, и если мы можем применить к нему правило, касающееся обработки волос, которое, как мы видели, действует и в более поздние периоды, то из этого следует, что в это время семиты уже были на земле. Сцена, по сути, представляет собой встречу двух ранних вождей шумеров и семитов, изваянную в честь соглашения или договора, который они заключили.

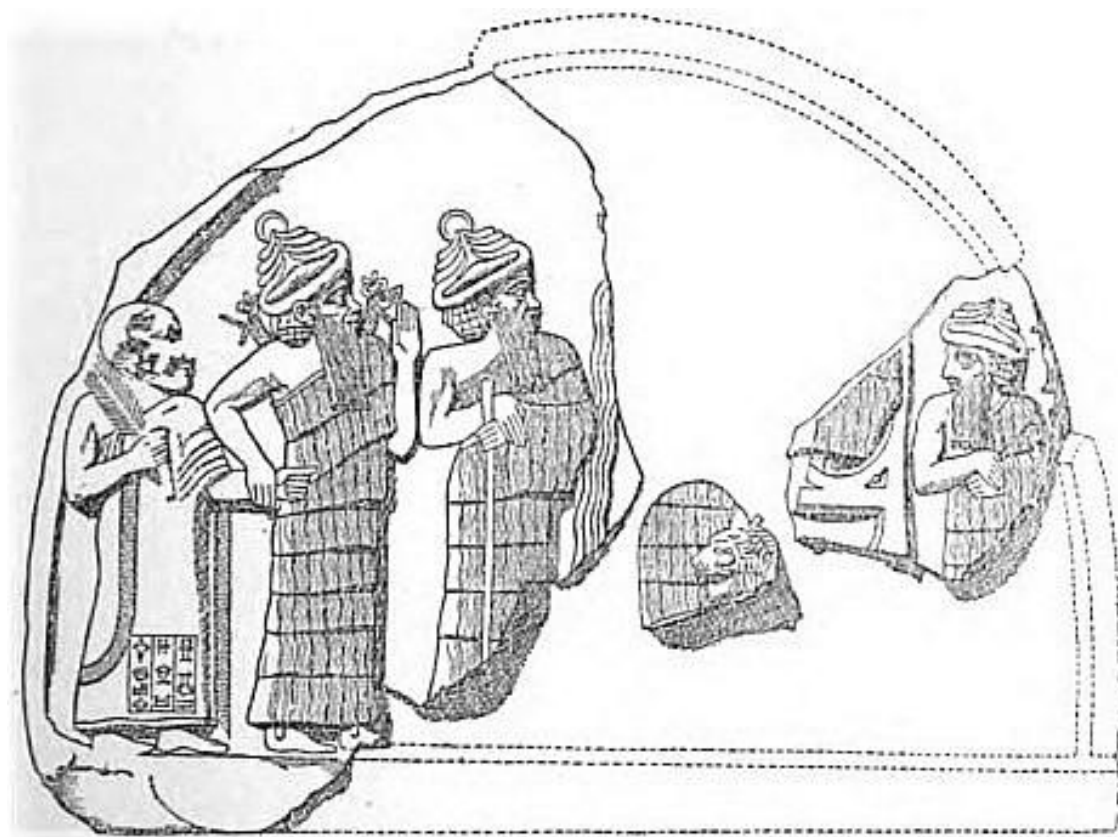

FIG. 12.

Рис. 12. Рельефная плита из камня со сценой, изображающей Гудеа, которого Нингишзида и другой бог ведут в присутствии божества, восседающего на троне - Берлинский музей; см. *Sum. und Sem.*, Taf. VII.

Путем аналогичного изучения богов шумеров, как они представлены на памятниках, профессор Мейер попытался показать, что семиты не только находились в Вавилонии во время появления самых ранних шумерских скульптур, которые были восстановлены, но и что они занимали эту страну до шумеров. Тип шумерских богов в более поздний период хорошо иллюстрирует известняковая панель Гудеа, хранящаяся в Берлинском музее. Скульптурная сцена, которая часто встречается на цилиндрических печатях того периода, представляет собой подателя, которого меньшие божества ведут в присутствии большого бога. В данном случае Гудеа ведут его божество-покровитель Нингишзида и еще один бог в присутствии божества, восседающего на троне и держащего вазу, из которой текут две струи воды. Правая половина панели разрушена, но фигура сидящего бога может быть частично восстановлена по аналогичной сцене на цилиндрической печати Гудеа. Там, однако, символ выливающейся вазы умножен, поскольку бог не только держит по одной вазе в каждой руке, но и три других находятся под его ногами, и в них вода падает и снова выливается. Профессор Мейер отождествляет бога вод с Ану, хотя есть больше аргументов в пользу мнения М. Хойзи, что он - Энки, бог глубин. Однако нас здесь интересует не тождество божеств, а расовый тип, который они представляют. Как видно, все они имеют волосы и бороды, носят семитские пледы и составляют разительный контраст с Гудеа с его бритой головой и лицом, а также шумерской мантией с бахромой.^[44]

Fig. 13.

Рис. 13. Фигура сидящего бога на цилиндрической печати Гудеа.-Dés., p 293.

Очень похожий контраст представляет собой шумер и его боги в более ранние исторические периоды. Например, на Стеле грифов бог Нингирсу изображен с обильными волосами, и хотя его губы и щеки выбриты, длинная борода спадает ниже подбородка.^[45] Он подпоясан вокруг талии простой одеждой, которая не относится к более позднему семитскому типу, но обработка волос и бороды явно не шумерская. Тот же бородатый тип бога встречается на ранних votивных табличках из Ниппура,^[46] а также на фрагменте архаичного шумерского рельефа из Телло, который, судя по рудиментарному характеру работы и стилю композиции, считается самым древним из известных образцов шумерской скульптуры. Контуры фигур нечетко обозначены в низком рельефе на плоской доске, а детали интерьера указаны только

точкой. Сцена, очевидно, носит мифологический характер, так как по рогатой короне, которую она носит, в сидящей фигуре можно узнать богиню. Рядом с ней стоит бог, который поворачивается, чтобы поразить связанного пленника тяжелой дубиной или булавой. В то время как у пленника бритая голова и лицо шумера, у бога обильные волосы и длинная борода.[47]

Fig. 14.

Fig. 15.

Рис. 14.- Рис. 15. Вотивные таблички из Ниппура, на которых выгравированы сцены поклонения.- См. Hilprecht, *Explorations*, p. 475, и *Old Bab. Inscr.*, II., pl. xvi.

Человек создает своего бога по своему образу и подобию, и удивительно, что боги шумеров не были шумерского типа. Если шумер брил свою голову и лицо, зачем ему было изображать своих богов с длинными бородами и обильными волосами и одевать их в одежды другой расы? Профессор Мейер отвечает на этот вопрос так: семиты и их боги уже занимали Шумер и Аккад до того, как там появились шумеры. Он считает семитов в этот ранний период расселенными по всей стране, примитивными и некультурными людьми, обладающими лишь достаточными знаниями в области искусства, чтобы воплощать фигуры своих богов в грубых изображениях из камня или глины. Несомненно, шумеры были воинственным

народом, и он представляет их вторгшимися в страну позднее и подавляющими семитское сопротивление своим превосходным оружием и методом нападения. Шумерский метод ведения боя он сравнивает с дорийским с его сомкнутой фалангой воинов с копьями, хотя сравнение не совсем полное, поскольку не предполагается, что шумеры знали железо. Он считает, что захватчики поселились в основном на юге, вытеснили многих семитов на север и переняли у них древние центры семитского культа. Они, естественно, принесли с собой своих богов, которых отождествили с божествами, находившимися в святилищах, объединив их атрибуты, но сохранив культовые изображения, священный характер которых обеспечил бы постоянное сохранение их внешней формы. Шумеры, в свою очередь, оказывали влияние на своих семитских подданных и соседей, которые постепенно приобретали от них более высокую культуру, включая знание письменности и искусства.

Fig. 16.

Рис. 16 - Шумерские божества на архаичном рельефе из Телло.

Можно признать, что эта теория привлекательна, и она, безусловно, дает объяснение явно иноземному характеру шумерских богов. Но даже с археологической стороны она не столь полна и не столь убедительна, как может показаться на первый взгляд. Поскольку поздние шумерские боги изображались с усами и бородой, как и самые ранние фигуры семитских царей, которыми мы располагаем, естественно было бы предположить, что они имели такую форму и в более ранние периоды шумерской истории. Но, как мы уже видели, их губы и щеки выбриты. Значит, мы должны предположить еще более раннее семитское поселение, довольно сильно отличающееся по расовому типу от того, которое основало царство Киш и империю Аккад? Опять же, одежда богов в ранний период имеет мало общего с семитским пледом и ближе к более простой форме одежды, которую носили современные шумеры.

Головной убор богов также отличается от более поздней формы: одиночные рога, которые окружают то, что может быть символом финиковой пальмы,[48] уступают место простому коническому головному убору, украшенному несколькими парами рогов.

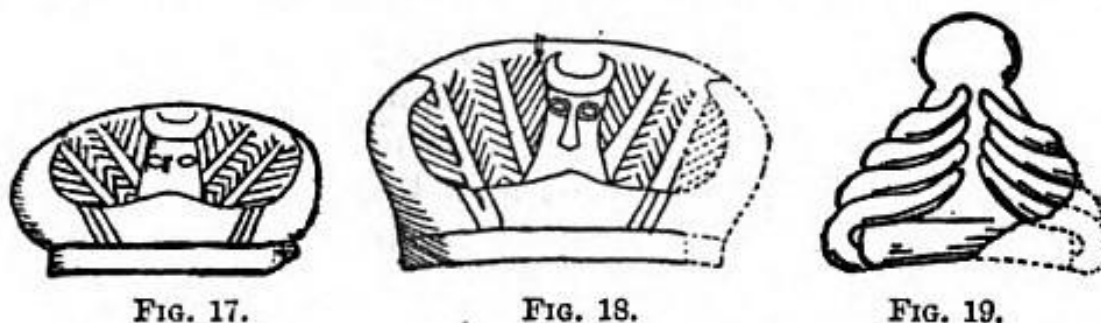

Рис. 17 - Рис. 18 - Рис. 19 - Ранние и поздние формы божественных головных уборов. Рис. 17 и 18 - с аверса Стелы грифов, фрагменты С и В; рис. 19, более поздняя форма рогатого головного убора, - со скульптуры Гудеа.-Dés., pl. 4, и pl. 26, № 9.

Таким образом, в облике ранних шумерских богов, их одежде и знаках отличия наблюдаются существенные различия, которые трудно согласовать с теорией их происхождения профессора Мейера. Более того, главный пример, который он выбрал для иллюстрации своего тезиса, бог центрального святилища Ниппура, как было доказано, никогда не носил семитского имени Bêl, а с самого начала был известен под своим шумерским именем Энлиль.[49] Правда, профессор Мейер утверждает, что этот момент не влияет на его основной аргумент;[50], но, по крайней мере, он доказывает, что Ниппур всегда был шумерским религиозным центром, и его признание в качестве центрального и самого важного святилища в стране как семитами, так и шумерами, говорит против любой теории, требующей сравнительно позднего времени для его основания.

Те свидетельства, которыми мы располагаем с лингвистической стороны, также не в пользу мнения, согласно которому семиты заселили всю Вавилонию до шумерской иммиграции. Если бы это было так, мы бы, естественно, ожидали найти многочисленные следы семитского влияния в самых ранних шумерских текстах, которые были восстановлены. Но, на самом деле, ни в одном тексте от периода Ур-Нина до Лугаль-Заггиси не встречается семитизмов, за единственным исключением семитского заимствованного слова на Конусе Энтемена.[51] Несмотря на скудость нашего материала, этот факт явно свидетельствует против предположения, что семиты и шумеры жили бок о бок в Шумере в то время.[52] Но появление семитского слова в надписи Энтемена доказывает, что внешний контакт с каким-то семитским народом уже имел место. Более того, можно зайти слишком далеко в аргументации с чисто лингвистической стороны. Формула даты правления Самсу-илуны доказала, что семитская речь Вавилонии была известна как "аккадская",[53] и поэтому утверждается, что первое появление семитской речи в стране должно быть датировано созданием империи Шар-Гани-Шарри со столицей в Аккаде.[54] Однако мало сомнений в том, что семитское царство Киш, представленное правлениями Шарру-Ги, Маништусу и Урумуша, предшествовало империи Саргона[55], и задолго до возвышения Киша город Аккад вполне мог стать первым важным центром семитского поселения на севере.

Фрагмент шумерской скульптуры, изображающей сцены поклонения перед богами, - в Лувре; *Déc. en Chald., pl. 23.*

Таким образом, получается, что в самый ранний период, когда были найдены останки или записи, семиты и шумеры были поселены в Вавилонии, одна раса - на севере, другая - на юге, ближе к Персидскому заливу. Живя поначалу в сравнительной изоляции, торговля и войны постепенно привели их к более тесному контакту. Можно ли считать первых правителей Киша семитами, как и их более поздних преемников, пока остается под вопросом. Характер имени Энби-Иштара указывает на то, что он был семитом; но еще более ранний царь Киша, упоминаемый на Стеле стервятников, изображен на этом памятнике как шумер с бритой головой и лицом.^[56] Но это может быть связано с условностями в скульптуре того времени, и вполне возможно, что Месилим и его преемники были семитами, и что их отношения с современными правителями Лагаша представляют собой ранние стадии расового конфликта, который доминирует в истории более поздних периодов.

О первоначальной родине шумеров, откуда они пришли на плодородные равнины Южной Вавилонии, невозможно говорить с уверенностью. Тот факт, что они поселились в устьях великих рек, привел к предположению, что они прибыли по морю, и это было связано с историей Бероса об Оаннесе и других людях-рыбах, которые пришли из Эритрейского моря и принесли с собой религию и культуру. Но легенда не обязательно должна иметь такое толкование; она просто указывает на страну Моря на берегах Персидского залива как на самый ранний центр шумерской культуры на земле. Другие утверждают, что они пришли с гор, и приводят в поддержку своей точки зрения институт зиккурата или храма-башни, построенного "как гора", и использование одной и той же идеограммы для "горы" и для "земли". Но массивная храмовая башня, по-видимому, относится к периоду Гудеа и более ранних царей Ура и, за единственным исключением Ниппура, вероятно, не была характерной чертой более ранних храмов; кроме того, теперь известно, что идеограмма для обозначения "земли" и "горы" использовалась в более ранний период для обозначения чужих земель, в отличие от идеограммы, используемой самими шумерами.^[57] Но, несмотря на несостоятельность этих аргументов, наиболее вероятно, что шумеры действительно спустились в Вавилонию с гор на востоке. Таким образом, их приход в страну стал бы первой из нескольких иммиграций из этого региона, вызванных климатическими и физическими изменениями в Центральной Азии.^[58]

Еще более неясной остается проблема их расового родства. Косо поставленные глаза фигур на ранних рельефах, в основном из-за незнания перспективы, характерного для всего примитивного искусства, сначала навели на мысль о том, что шумеры были монгольского типа; и дальнейшее развитие этого мнения, согласно которому китайское происхождение следует искать как в шумерских корнях, так и в клинописи, слишком неправдоподобно, чтобы нуждаться в подробном опровержении. Более позднее предположение, что их язык имеет индоевропейское происхождение и структуру,^[59] не менее невероятно, в то время как сходство, которое было отмечено между отдельными словами в шумерском и армянском, турецком и других языках Западной Азии, вполне может быть случайным. С эламитами на своей восточной границе шумеры с самого начала имели тесные отношения, но эти две расы не похожи ни по языку, ни по физическим характеристикам. Научное изучение шумерского языка, начатое профессорами Циммерном и Йенсенем, и особенно работа М. Туро-Дангина над ранними текстами, несомненно, приведет со временем к более точным знаниям по этому вопросу; но, пока фонетические элементы языка не будут твердо установлены, все теории, основанные на лингвистических сравнениях, будут ненадежны.

Учитывая отсутствие семитского влияния в Шумере в более ранние периоды, можно предположить, что семитские переселенцы достигли Вавилонии не с юга, а с северо-запада, пройдя через сирийское побережье. Этот первый большой приток семитских кочевых племен оставил после себя колонистов в этом регионе, которые впоследствии, как амурру, или западные семиты, продвинулись в Вавилонию и основали самую раннюю независимую династию в Вавилоне. Первоначальное движение продолжилось в Северной Вавилонии, и его представителями в истории были ранние семитские цари Киша и Аккада. Но на этом движение не остановилось; оно перешло к подножию холмов Загроса и оставило свои следы в независимых княжествах Лулубу и Гутиу. Таков в общих чертах был ход этого раннего миграционного движения, которое, колонизировав области, через которые проходило, в конце концов, оказалось в западных горах Персии. Именно благодаря контакту с более высокой культурой шумеров племена, поселившиеся в Аккаде, смогли впоследствии сыграть столь важную роль в истории Западной Азии.

[1] По времени работа Лофтуса и Тейлора (см. ниже, с. 32 и далее) предшествовала работе де Сарзека, но полученные результаты были неизбежно менее полными. В данном томе было бы неуместно рассказывать о раскопках в Ассирии, поскольку они имеют лишь косвенное отношение к рассматриваемому здесь периоду. Хронологический очерк первых путешественников и раскопок см. в Роджерсе, "История Вавилонии и Ассирии", т. I, с. 100 и далее, который также дает подробный отчет о расшифровке клинописных надписей; ср. также Фосси, "Мануил", I, с. 6 и далее. Аналогичную хронологическую обработку, но с археологической стороны, см. в разделах, которыми Хильпрехт предваряет свой рассказ о раскопках Ниппура в "Исследованиях в библейских землях", с. 7 и далее.

[2] См. выше, с. 11.

[3] Ср. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", Pt. XVI., pl. 36, l. 4 f.; в том виде, в каком имя написано здесь, оно также может читаться как Лагарум или Лагадил. То, что Лагаш - правильное чтение, доказывает фрагмент дублирующего текста, опубликованный в Reisner, "Sum.-Bab. Hymnen", pl. 126, No. 81, где последний символ имени безошибочно написан как *ash*; ср. Meissner, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 385.

[4] Отдельные курганы в группе были обозначены де Сарзеком буквами A-P, P' и V. О раскопках и их результатах см. де Сарзек и Леон Хозей, "Открытия в Халдее" ("Описание фуил" де Сарзека; "Описание памятников" Хозея; "Эпиграфическая часть" Амиауда и Туро-Дангина), Париж, 1884-1906; см. также Heuzey, "Une Villa royale chaldéenne", и "Revue d'Assyriologie", *passim*.

[5] На пластине напротив стр. 20 показано, как ворота Гудеа были включены в структуру Парфянского дворца. Также хорошо видна небольшая разница в уровне земли этих двух зданий.

[6] См. табличку напротив стр. 26.

[7] Из-за характера этого здания Амиауд назвал курган "Телль Дома фруктов".

[8] Описание этих зданий приведено в гл. IV, стр. 90 и далее.

[9] Ср. "Zeits. für Assyriol." II., pp. 406 и далее.

[10] Ср. Messerschmidt, "Vorderasiatische Schriftdenkmäler", p. v. f., pl. 1 ff.

[11] Это имя до сих пор часто транскрибируется как Гишху или Гишух; о чтении Умма, поставляемом неовавилонским словарем, см. "Cun. Texts", XII., pl. 28, Obv., l. 7, и ср. Hrozný, "Zeits. für Assyriol.", XX. (1907), pp. 421 и далее. Об отождествлении с Джохой см. Scheil, "Rec. de trav.", XIX., p. 63; ср. также XXI., p. 125.

[12] Ср. "Mitteil. der Deutsch. Orient-Gesellschaft", No. 16, p. 20 f. Д-р Андрае добавляет ценные заметки о других курганах, которые он посетил во время этого путешествия.

[13] См. ниже, p. 33 f.

[14] См. "Mitteil. der Deutsch. Orient-Gesellschaft", № 15, p. 9 ff.

[15] *Op. cit.*, No. 17, p. 4 ff.

[16] Каждому участку траншеи также присвоена буква, так что такой символ, как IV. b или XII. x, указывает в очень точных пределах на *происхождение* любого обнаруженного предмета. Буквой A на плане отмечено место, где находился дом, построенный экспедицией.

[17] Эта форма кирпича характерна для досаргонского периода; ср. с. 91.

[18] Черными точками на плане отмечены места расположения некоторых более крупных из них, раскопанных в северной части курганов.

[19] Дома с глиняными табличками были найдены в траншеях VII., IX., XIII. и XV.

[20] На складной карте Фара расположена на правом берегу Шатт-эль-Кара, в соответствии с картой Лофтуса, опубликованной в "Путешествиях и исследованиях в Халдее и Сузиане". Из заметок Андрае следует, что Абу Хатаб и, вероятно, Фара также лежат на восточном или левом берегу. Но древнее русло потока во многих местах исчезло, и его трудно проследить, а в других местах есть следы двух или трех параллельных каналов на значительном расстоянии друг от друга, так что точное положение первоначального русла Евфрата на данный момент не определено.

[21] На плане траншеи и места раскопок обозначены буквами от A до K. Цифры, которым предшествует крестик, указывают в метрах и сантиметрах высоту кургана в данной точке над уровнем равнины.

[22] Итур-Шамаш, чья надпись на кирпиче дала информацию о том, что Абу Хатаб является местом расположения города Кисурра, должен быть установлен в конце этого периода; см. ниже, гл. XI, и ср. с. 283 f., п. 1.

[23] См. выдержки из "Отчетов экспедиции Фонда восточных исследований (Вавилонская секция) Чикагского университета", которые были разосланы подписчикам.

[24] См. ниже, гл. IV, с. 85 и далее.

[25] См. "Халдея и Сузиана", с. 174 и далее и 188 и далее.

[26] *Op. cit.*, pp. 244 ff., 266 ff.

[27] См. его "Заметки о развалинах Мугейера" в журнале *Королевского азиатского общества*, 1855, стр. 260 и далее, 414 и далее.

[28] См. его "Заметки об Абу-Шахрейне и Тель-эль-Лахме", указ. соч., с. 409. Траншея, в которой было обнаружено это сооружение, построенное из неописанных плосковыпуклых

кирпичей, уложенных на битум, была выкопана у юго-восточной стороны руин, между курганами F и G (см. план) и к северо-востоку от оврага.

[29] См. Вайсбах, "Wādī Brīssā", Col. VI, ll. 46 и далее, и ср. стр. 39 и далее.

[30] Это заклинание - то самое, которое дало нам основание читать имя Ширпурлы как Лагаш (см. выше, с. 17, н. 3). Оно направлено против козней злых демонов, а в одном из отрывков от имени одержимого призываются силы добра, присущие древним городам Вавилонии. Здесь, наряду с именами Эриду, Лагаша и Шуруппака, встречается идеограмма Опис, которая в ассирийском переводе передается как *Ku-u-shi*, то есть Кеш или Киш (см. Thompson, "Devils and Evil Spirits", vol. i., p. 162 f.).

[31] См. выше, с. 9.

[32] См. Джордж Смит, "Trans. Soc. Bibl. Arch.", III., p. 364, и ср. Thureau-Dangin, "Orient. Lit.-Zeit.", 1909, col. 205 f.

[33] Тот факт, что в раннем вавилонском географическом списке ("Cun. Inscr. West. Asia", Vol. IV., pl. 36, No. 1) название Опис упоминается после ряда шумерских городов, не свидетельствует о том, что сам город или другой город с таким же названием считался расположенным в Шумере, как предполагает Йенсен (см. "Zeits. für Assyrl.", XV., pp. 210 ff.); следующие два названия в списке - Маган и Мелукха.

[34] Наиболее полную трактовку этого вопроса см. у Мейера, "Sumerier und Semiten in Babylonien" (Abh. der Königl. Preuss. Akad. der Wissenschaft., 1906).

[35] Ср. Геродот, III., 8.

[36] Женщины более раннего периода, по-видимому, носили модифицированную форму этого одеяния, из той же грубой шерсти, но надеваемую через левое плечо (см. ниже, с. 112, рис. 43). На Стеле грифов Эаннатум, как и его воины, одет в мантию, но она дополнена отдельной одеждой другой фактуры, которая, очевидно, перекинута через левое плечо так, что правая рука остается свободной; возможно, это была шкура животного, надетая натуральной шерстью наружу (см. табличку напротив с. 124).

[37] Очень похожую мантию с бахромой обычно носили шумерские женщины более позднего периода, но она по-другому драпировалась на теле. Накинута сначала на грудь и под каждую руку, она перекрещивается сзади, а ее концы, перекиннутые через плечи, спадают спереди двумя симметричными точками; хороший пример одежды, как она выглядит спереди, см. ниже, с. 71.

[38] См. ниже, с. 245, рис. 59.

[39] Остатки надписи на рис. 6 рассказывают о посвящении храма богу Нингирсу, и, судя по символам, она, вероятно, относится к периоду не ранее Гудеа.

[40] См. табличку на с. 52 и ср. с. 68 и далее.

[41] См. ниже, гл. VIII, с. 220 и далее.

[42] Судя по следам на камне, фигура, стоящая сразу за безбородым вождем, имеет бритую голову и лицо, как и два других его последователя на рис. 3. Фигура справа на этом фрагменте носит волосы и бороду и, вероятно, представляет собой члена противоположной партии, который ведет их в присутствии своего господина.

[43] См. "Déc. en Chaldée", pl. 1 *bis*, Figs. 3-7.

[44] Тот факт, что на печатях этого более позднего периода бог Луны представлен в шумерской мантии и головном уборе, вполне может быть результатом шумерской реакции, которая произошла при царях Ура (см. ниже, с. 283 f.).

[45] См. ниже, с. 131, рис. 46.

[46] См. с. 49. На рис. 14 волосы и борода бога, который ведет поклоняющегося в присутствие богини, более четкие на оригинальном камне. На рис. 15 локоны волос и длинные бороды сидящих богов более резко очерчены; они составляют разительный контраст с фигурами шумеров, которые представлены как возлияния и подношения в святилище.

[47] См. с. 50, рис. 16.

[48] Ср. Langdon, "Babyloniaca", II., p. 142; это объяснение предпочтительнее, чем рассматривать короны как пернатую форму головного убора. Изменения в одежде шумерских богов и в обращении с их бородами, по-видимому, произошли в эпоху поздних семитских царей Киша и царей Аккада и вполне могли быть вызваны их влиянием. Использование сандалий, несомненно, было введено семитами этого периода.

[49] См. Clay, "The Amer. Journ. of Semit. Lang. and Lit.", XXIII., pp. 269 ff. В более поздние периоды это имя произносилось как Эллил.

[50] Ср. "Nachträge zur aegyptischen Chronologie", p. 44 f., и "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., p. 407.

[51] См. Thureau-Dangin, "Sum. und Akkad. Königsinschriften", p. 38, Col. I., l. 26; слово - *dam-kha-ra*, которое он справедливо принимает за эквивалент семитского *tamkhara*, "битва" (ср. также Ungnad, "Orient. Lit.-Zeit.", 1908, col. 63 f.).

[52] В этом отношении ранние шумерские тексты разительно отличаются от текстов более поздних периодов; свидетельства сильного семитского влияния в последних стали главным аргументом, на который опирались М. Халеви и его последователи, опровергая существование шумеров.

[53] См. Мессершмидт, "Восток. Lit.-Zeit.", 1905, col. 268 ff.; и ср. King, "Chronicles", I., p. 180, n. 3.

[54] См. Ungnad, op. cit., 1908, col. 62 и далее.

[55] См. ниже, гл. VII. f.

[56] См. ниже, с. 141, рис. 48.

[57] См. выше, с. 14, n. 1. " " .

[58] См. далее, Приложение I.

[59] Ср. Langdon, "Babyloniaca", I., pp. 225 f., 230, 284 ff., II., p. 99 f. Основания, на которых было выдвинуто это предположение, состоят в сравнении глагола "идти" в шумерском, греческом и латинском языках, очевидном сходстве в некоторых других корнях, существовании сложных глаголов в шумерском языке и т. п.; но, не считая вопросов общей

вероятности, отмеченные "параллели" едва ли достаточно многочисленны или достаточно близки, чтобы оправдать вывод, сделанный на их основе.

ГЛАВА III

ЭПОХА И ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ШУМЕРСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В последнее время произошли значительные изменения в нашей оценке возраста шумерской цивилизации и продолжительности времени, прошедшего между самыми ранними из найденных останков и основанием Вавилонской монархии. Раньше было принято назначать очень отдаленные даты для ранних правителей Шумера и Аккада, и хотя хронологические системы, которые были в моде, приводили к огромным пробелам в наших знаниях об истории, было уверенно предположить, что они будут заполнены в результате будущих раскопок. Пустые периоды в тысячу и более лет рассматривались многими писателями как малозначительные. Древность, приписываемая самым ранним правителям, сама по себе имела привлекательность, которая перевешивала неудобства, связанные с распространением исторического материала на столь огромный промежуток времени. Но раскопки не только не заполнили пробелы, но и явно сократили их, а хронологические системы поздних ассирийских и вавилонских писцов, которые раньше считались первостепенными, были поставлены под сомнение самими писцами. На основании их собственных расхождений было показано, что местные хронологи могли ошибаться в своих подсчетах, и был раскрыт возможный источник ошибок в том, что некоторые из ранних династий, которые раньше считались последовательными, на самом деле были одновременными. Недавние исследования по этому вопросу привели к значительному сокращению ранних дат, а различные эпохи в истории Шумера и Аккада, которые в свое время рассматривались как изолированные явления, были объединены в единое целое. Но сейчас наблюдается тенденция завести реакцию слишком далеко и сжать некоторые периоды за пределы доказательств. Будет хорошо подытожить проблемы, о которых идет речь, и указать, в какой момент доказательства уступают место предположениям.

Пытаясь установить границы более ранних периодов шумерской истории, невозможно сделать больше, чем сформировать грубую и приблизительную оценку их продолжительности. Ибо, занимаясь хронологией более отдаленных эпох, мы в значительной степени блуждаем в потемках. Материалы, которые были использованы для определения порядка правления ранних царей и их периодов, естественно, делятся на три основных класса. Наиболее важным из наших источников информации являются современные надписи первых царей, которые были найдены на местах древних городов Вавилонии.^[1] В надписях часто приводятся генеалогии правителей, чьи достижения они фиксируют, и таким образом мы можем установить последовательность царей и относительные даты их правления. Этот класс свидетельств также позволяет зафиксировать определенные точки соприкосновения между отдельными линиями правителей, которые сохраняли независимую власть в границах своих городов-государств.

Второй класс материалов, который имеет еще большее значение для определения хронологии поздней шумерской эпохи, включает в себя хронологические документы, составленные ранними писцами, которые в виде списков и таблиц включали в себя историю своего времени и времени своих предшественников. Существовавшая в то время система

датировки документов была не очень удобной с точки зрения тех, кто ее использовал, но она дала нам бесценную сводку основных событий, происходивших в течение длительных периодов времени. Ранние жители Вавилонии не считали даты по годам правления царя, как это делали поздние вавилоняне, но они указывали каждый год по событию наибольшей важности, которое в нем происходило. В основном это были строительство храмов, проведение религиозных церемоний и завоевание соседних городов-государств. Таким образом, даты на частных и официальных документах часто предоставляют нам историческую информацию значительной важности.

Но недостатки этой системы очевидны, ведь событие может показаться очень важным в одном городе и не представлять интереса для другого, расположенного на некотором расстоянии от него. Таким образом, получалось, что одно и то же событие не использовалось по всей стране для обозначения определенного года, и у нас есть свидетельства того, что в разных городах использовались разные системы датировки. Кроме того, нужно было обладать необычайно хорошей памятью, чтобы установить точный период документа по одной лишь ссылке на событие, произошедшее в год, когда он был составлен, особенно после того, как эта система использовалась в течение значительного времени. Таким образом, чтобы без промедления установить относительные даты документов, писцы составляли списки названий годов, расположенных по порядку при правлении сменявших друг друга царей, и эти списки, несомненно, хранились в какой-нибудь архивной палате, где к ним можно было легко обратиться в случае возникновения спора о дате того или иного года. К счастью, некоторые из этих ранних шумерских списков дат были восстановлены, и мы имеем возможность ознакомиться с набросками шумерской истории, которые имеют ценность современной записи.^[2] Они пролили свет на период, о котором в свое время мы почти ничего не знали, и помогли устранить не одно ошибочное предположение. Так, так называемая Вторая династия Ура была доказана ими как несуществующая, а последующее повторение царей, носивших имена Ур-Энгур и Дунги, было показано как не имеющее под собой никаких оснований.

От составления списков отдельных лет был сделан лишь шаг к классификации правлений самих царей и их расположению в виде династий. Среди массы табличек, извлеченных из Нифера, был найден фрагмент одной из этих раннединастических табличек,^[3] которая дополняет датировочные списки и представляет наибольшую ценность для определения хронологии более позднего периода. На обороте таблички приведены полные списки имен царей, составлявших династии Ура и Исина, вместе с примечаниями о продолжительности их правления, а также указано, что династия Исина непосредственно сменила династию Ура. Этот документ раз и навсегда определяет продолжительность периода, к которому он относится, и приходится сожалеть, что так мало текста удалось восстановить. В настоящее время наши сведения ограничиваются тем, что можно прочесть на части одной колонки таблички. Но в полном виде текст, должно быть, содержал не менее шести колонок, и в нем, вероятно, приводился список различных династий, правивших в Вавилонии с древнейших времен до даты его составления, хотя многие из перечисленных династий, несомненно, были современными. Именно на основе таких документов, как этот династический список, была составлена знаменитая династическая табличка для библиотеки Ашшурбани-пала в Ниневии, и существование таких длинных династических записей, должно быть, способствовало преувеличенной оценке начала вавилонской истории, которая дошла до нас из работы Беросса.

Третий класс материалов для определения хронологии был найден во внешних свидетельствах, предоставленных ранними историческими и votивными надписями, на

которые уже делались ссылки, а также табличками со счетами, договорами купли-продажи и многочисленными документами торгового и сельскохозяйственного характера. Изучив их форму и материал, общий стиль письма и характер используемых символов, иногда можно приблизительно определить время, когда была сделана та или иная запись, или продолжительность периода, охватываемого документами разных царствований. Кроме того, в ходе раскопок, проводимых на любом участке, можно тщательно отметить относительную глубину слоев, в которых были найдены надписи. Так, если в кургане тексты определенных царей залегают на большей глубине, чем тексты других правителей, а при исследовании грунта выясняется, что курган не был нарушен последующими строительными работами или естественными причинами, можно сделать вывод, что чем глубже слой, в котором найден текст, тем более ранней должна быть дата, которую следует ему присвоить. Но этот класс доказательств, полученных в результате палеографического исследования или систематических раскопок, иногда бывает неопределенным и допускает несколько интерпретаций. В таких случаях их можно смело использовать только тогда, когда они согласуются с другими и независимыми соображениями, а если дополнительной поддержки не поступает, то выводы, основанные на них, лучше рассматривать как предварительные.

Три класса свидетельств, упомянутых в предыдущих параграфах, позволяют нам определить относительный порядок многих ранних правителей Вавилонии, но они не дают нам никакой определенной даты, с помощью которой хронология этих ранних эпох может быть соотнесена с хронологией более поздних периодов вавилонской истории. Чтобы найти такую точку соприкосновения, в прошлом полагались на упоминание об одном из ранних правителей Вавилонии, которое встречается в надписи последнего царя Невавилонской империи. На глиняном цилиндре Набонида, хранящемся в Британском музее, говорится, что между захоронением памятника Нарам-Сину в храме бога Солнца в Сиппаре и находкой памятника самим Набонидом при раскопках фундамента храма прошло 3200 лет.^[4] Нарам-Син был ранним царем Аккада и, согласно более поздней традиции, сыном еще более знаменитого Саргона I. На основании данных, приведенных Набонидом, Нарам-Сину была присвоена приблизительная дата 3750 г. до н. э., а его отцу Саргону - 3800 г. до н. э.; и в основном на основании этих ранних дат начало шумерской истории было отложено до 5000 и даже 6000 г. до н. э.^[5]

Невероятно высокая оценка Набонидом даты Нарам-Сина уже давно подвергается критике.^[6] Это совершенно изолированное утверждение, не подкрепленное никакими другими ссылками в ранних или поздних текстах; и писцы, ответственные за него, явно не хотели преуменьшить древность записи о фундаменте, которая была найдена на такой глубине под фундаментом позднего храма и после столь длительных поисков. Принятие его в качестве точного означало оставление огромных пробелов в хронологических схемах, даже при постулировании максимально возможных дат для династий Ура и Вавилона. Альтернативный прием частичного заполнения пробелов путем изобретения царей и даже династий^[7] не увенчался успехом, поскольку их существование с тех пор было окончательно опровергнуто. Более того, недавнее сокращение даты Первой династии Вавилона, вызванное доказательством того, что первые три династии Списка царей были частично современными, сделало ее расхождение с цифрами Набонида еще более вопиющим, и в то же время дало возможное объяснение столь высокой цифры, вытекающей из его расчетов. Ведь его писцы могли добросовестно считать последовательными несколько ранних династий, которые были современными.^[8] Окончательное опровержение этой цифры дают свидетельства археологического и эпиграфического характера. Двенадцать или тринадцать

сотен лет не могли отделять искусство периода Гудеа от искусства Нарам-Сина; а глиняные таблички этих двух эпох так мало отличаются по форме и по начертанию символов, что мы должны рассматривать две эпохи как непосредственно следующие друг за другом без какого-либо значительного перерыва.

Отвергнув цифры Набонида, мы отрезаем нашу единственную внешнюю связь с хронологией более поздних периодов, и, чтобы разработать схему для более ранних времен, мы должны вернуться к процессу отсчета снизу. Не обсуждая подробно позднюю хронологию, будет хорошо кратко обозначить фундамент, на котором мы можем начать строить. С помощью Птолемеевского канона, точность которого подтверждается большим Списком царей и главной Вавилонской хроникой, позднейшая хронология Вавилона определенно фиксируется до 747 года до н.э.; с помощью списков эпонимов - до 911 года до н.э. Каждая схема контролирует и подтверждает другую, а солнечное затмение 15 июня 763 года до н.э., которое зафиксировано в эпонимии Пур-Сагале, ставит отсчет мертвых для этих более поздних периодов на абсолютно определенную основу. Для более ранних периодов вавилонской истории, вплоть до основания Вавилонской монархии, хронологические рамки были установлены главным Списком царей.^[9] Несмотря на пробелы в тексте, которые делают продолжительность IV и VIII династий неопределенной, можно, в основном с помощью синхронизмов между ассирийскими и вавилонскими царями, приблизительно установить дату III династии. Относительно этой даты существуют некоторые разногласия, но начало династии можно отнести примерно к середине XVIII века до нашей эры.

Что касается династии II Списка царей, то теперь известно, что она правила в Стране моря в районе Персидского залива, ее ранние цари были современны концу правления династии I, а поздние - началу правления династии III.^[10] Здесь мы подходим к первому из двух пунктов, по которым существуют значительные разногласия. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что цари Страны моря никогда не правили в Вавилоне, и что Третья, или Касситская, династия следовала за Первой династией Вавилона без какого-либо значительного перерыва.^[11] Но дата 2232 г. до н. э., которая, вероятно, представляет собой начало немифических династий Бероса,^[12] до сих пор играла значительную роль в современных схемах хронологии, и, несмотря на то, что никакая изобретательность не может примирить его династии с историческими, все еще существует сильное искушение сохранить дату начала I династии Списка царей как обеспечивающую фиксированную и определенную точку, с которой можно начинать расчеты. Но это можно сделать, только предположив, что некоторые цари Страны моря правили всей Вавилонией, а это предположение опровергается теми историческими и археологическими данными, которыми мы располагаем.^[13] Безопаснее считать дату 2232 г. до н. э. не имеющей значения и следовать доказательствам, ограничивая царей Страны моря их собственными землями. В этом случае мы получим дату основания вавилонской монархии около середины XXI века до нашей эры.

Brit. Mus., No. 86261.-Brit. Mus., No. 86260.-THE BLAU MONUMENTS.

Второй важный момент, по которому нет единого мнения, касается отношения Первой династии Вавилона к династии Исина. Из династического списка Ниппура нам известна продолжительность правления династий Ура и Исина, и если бы мы могли связать последнюю с Первой династией Вавилона, то смогли бы провести фиксированную хронологию по крайней мере до эпохи Гудеа. Такая точка соединения была предложена в формуле даты семнадцатого года правления Син-мубаллита, которая фиксирует захват Исина; и, отождествляя это событие с падением династии, можно предположить, что цари Исина и Вавилона пересекались в течение примерно девяти лет. В одной из последующих глав обсуждаются доказательства, на которые опирается эта теория, и показывается, что взятие Исина на семнадцатом году правления Син-мубаллита не имело никакого отношения к династии этого имени, а было эпизодом в более поздней борьбе между Вавилоном и Ларсой.^[14] Таким образом, у нас нет возможности определить, какой промежуток времени отделял эти две династии друг от друга, и, следовательно, все ранние даты остаются лишь приблизительными.

Договорные таблички периода правления династии Исин, найденные в Ниппуре, по форме, материалу, письму и терминологии очень похожи на таблички Первой вавилонской династии.^[15] Таким образом, получается, что эти две династии не отделял друг от друга большой промежуток времени. Мы видели, что основание вавилонской монархии можно отнести примерно к середине XXI века до н. э., а поместив конец династии Исина в первую половину того же века, мы получим приблизительные даты 2300 г. до н. э. для династии Исина и 2400 г. до н. э. для династии Ура. Правда, мы знаем, что династия Ура длилась ровно сто семнадцать лет, а династия Исина - двести двадцать пять с половиной лет, но пока мы не сможем определенно связать династию Исина с династией Вавилона, любые попытки детально проработать даты будут вводить в заблуждение. Мы должны довольствоваться тем, что ожидаем получения нового материала, а пока мыслить периодами.

Есть свидетельства, что Ур-Энгур установил свое правление в Уре и основал свою династию во времена Ур-Нингирсу, сына Гудеа из Лагаша. Поэтому мы можем отнести воцарение Гудеа примерно к 2450 году до н. э. Эта дата примерно на тринадцать сотен лет позже той, которую

Набонид приписывает Нарам-Сину. Но последняя, как мы уже видели, должна быть уменьшена в соответствии со свидетельствами, предоставленными табличками Телло, которые датируются временами правления промежуточных патесисов Лагаша. Если мы установим этот интервал в сто и пятьдесят лет, [16] мы получим для Нарам-Сина дату 2600 г. до н.э., а для Шар-Гани-Шарри - 2650 г. до н.э. Для поздних семитских царей Киша во главе с Шарру-Ги сто лет не слишком много; [17] мы получаем для Шарру-Ги приблизительную дату 2750 г. до н.э. Возможно, что Маништусу, царь Киша, был современником Урукагины из Лагаша, но доказательства в пользу синхронизма недостаточно сильны, чтобы оправдать его принятие. [18] Поместив Урукагину в 2800 г. до н.э., мы получаем для Ур-Нина приблизительную дату 3000 г. до н.э., а для еще более ранних правителей, таких как Месилим, - дату гораздо более раннюю, чем эта. [19] Трудно определить возраст ранних могил, цилиндрических печатей и табличек, найденных в Фаре, но их нельзя отнести к более позднему периоду, чем 3400 г. до н.э. Таким образом, возраст шумерской цивилизации можно проследить в Вавилонии примерно до середины четвертого тысячелетия до н.э., но не дальше.

Следует признать, что это сокращение даты, обычно присваиваемой самым ранним реликтам, найденным от шумерской цивилизации, но ее достижения ни в коем случае не умаляются сжатием периода ее развития. Не предполагается, что эта дата знаменует собой начало шумерской культуры, поскольку, как мы уже отмечали, вполне вероятно, что по прибытии в Вавилонию эта раса уже обладала высоким уровнем цивилизации. Изобретение клинописи, ставшее одним из самых значительных достижений шумеров, уже имело место, поскольку символы самых ранних из найденных надписей утратили свою пиктографическую форму. Допуская подлинность "памятников Блау", следует признать, что даже на них знаки находятся на сравнительно поздней стадии развития. [20] Таким образом, мы можем отбросить в более отдаленную эпоху зарождение и ранний рост шумерской культуры, которые происходили в то время, когда она еще не была шумерской.

В заключительной главе этого тома дается оценка степени влияния шумерской культуры, прямого или косвенного, на другие расы Азии, Египта и Запада. В таких вопросах интерес к шумерскому оригиналу в значительной степени обусловлен его влиянием, и его изучение может быть предпринято в основном с целью прояснения более позднего развития. Но один из разделов шумерской деятельности является ярким исключением из этого правила. Искусство скульптуры и гравировки, которым занимались шумеры, вполне заслуживает изучения само по себе, поскольку, хотя их работы во все периоды отличаются духом и оригинальностью, те, что относятся к более позднему времени, достигают выдающегося уровня совершенства. Улучшение техники, наблюдаемое в более поздний период, может быть в значительной степени связано с влиянием семитских работ, которые были получены из Шумера и в свою очередь отреагировали на родительский стебель. Но первоначальный импульс к художественному производству был чисто шумерского происхождения, и можно проследить постепенное развитие его продукции от грубейших рельефов архаического периода до законченной скульптуры времен правления Гудеа. [21] Характер семитского искусства Аккада был вторичным и производным, хотя семиты, несомненно, улучшили то, что заимствовали; в шумерском же искусстве семена его позднейшего совершенства можно обнаружить с самого начала. Древнейшие скульптурные рельефы шумеров вырезаны очень грубо, и их возраст подтверждается не только их примитивным характером, но и линейной формой надписей, которые встречаются на . Они, благодаря своему меньшему размеру, сохранились лучше всего, так как более поздние рельефы, относящиеся к периоду, когда шумерское искусство достигло своего полного развития, к сожалению, представлены лишь фрагментами. Но и их достаточно, чтобы показать дух, который одушевлял этих древних

мастеров и позволял им успешно преодолевать трудности техники, которых тщательно избегали более поздние скульпторы Ассирии. В качестве примера можно привести то, как они изображали головы главных фигур композиции в анфас, не стремясь избежать трудностей, связанных с укорачиванием черт лица путем однообразного расположения в профиль. Хорошим примером их более смелого метода композиции является рельеф бога, обычно отождествляемого с Нингирсу, который датируется эпохой Гудеа; он сидит на троне, и в то время как торс и бородатая голова изваяны анфас, ноги расположены в профиль.^[22] На другом фрагменте рельефа того же периода, прекрасно вырезанном из алебаstra, но сильно пострадавшем от пожара, изображена богиня, сидящая на коленях бога. Передача группы очень одухотворенная, так как в то время как бог смотрит в профиль на свою жену, она выглядывает из скульптуры, изгибая свое тело от бедер.^[23]

Диоритовая статуя Гудеа, патеси из Ширпурлы, изображенного в качестве архитектора храма Гатумдуга - в Лувре; *Déc. en Chald.*, pl. 14.

Ни в одном из случаев нельзя сказать, что скульптору полностью удалось изобразить естественную позу, так как голова в каждом случае должна быть только в трехчетвертном профиле, но такие попытки нетрадиционного подхода служат ярким доказательством оригинальности, характерной для работ шумеров. Обе упомянутые скульптуры относятся к

более позднему шумерскому периоду, и, если бы это были единственные найденные экземпляры, можно было бы утверждать, что нововведение следует отнести на счет влияния северо-вавилонского искусства под покровительством царей Аккада. К счастью, однако, мы располагаем интересным примером того же класса обработки, который, несомненно, относится к периоду, предшествующему семитскому господству. Это перфорированная табличка, несколько похожая на более примитивные таблички из Ур-Нина,[24] с выгравированной в мелком рельефе сценой возлияния. Фигура мужчины, полностью обнаженного, с бритой головой и лицом, поднимает вазу для возлияний с длинным носиком, из которой он собирается вылить воду в вазу, держащую два пальмовых листа и цветущую ветвь.[25] Богиня, в честь которой совершается обряд, сидит в горах, представленная, как и в более поздние времена, рядом небольших ромбов или полукругов. В то время как ее ноги и колени изображены в профиль, голова представлена анфас, и недостаток мастерства скульптора в этой новой трактовке привел к тому, что он придал голове размер, совершенно несоразмерный с остальными частями тела. Эффект почти гротескный, но работа представляет значительный интерес как одна из самых ранних попыток шумерских скульпторов оторваться от жестких и формальных традиций архаического периода. Судя по общему стилю работы, рельеф, вероятно, можно датировать периодом правления Эаннатума.

Fig. 20.

Рис. 20. Перфорированная дощечка с гравировкой сцены возлияния богине - в Лувре; кат. No. 11.

Шумеры не достигли декоративности ассирийских барельефов, которыми поздние цари украшали стены своих дворцов. Фактически, небольшие размеры фигур делали их пригодными для обогащения стел, дощечек, тазов и каменных ваз, а не для сложных настенных скульптур, для которых в любом случае не было материала. Самый крупный из найденных фрагментов раннего барельефа, по-видимому, угол каменного постамента, украшен фигурами в нескольких регистрах, представляющих церемонии шумерского культа.[26] В верхнем регистре на стороне, которая лучше всего сохранилась, изображен жрец, ведущий верующих в присутствие бога, а внизу - склонившаяся фигура, вероятно,

женщины, которая играет на большой лире или арфе из одиннадцати шнуров, снабженной двумя стойками и украшенной рогатой головой и фигурой быка. Сбоку в верхнем ряду находится сильно бородатая фигура большого масштаба, чем остальные, а смешение шумерских и семитских типов в предшествующих ему фигурах позволяет предположить, что памятник должен быть отнесен к периоду семитского господства, под властью царей Киша или Аккада. Но по характеру он явно шумерский и напоминает скорее работы периода Гудеа, чем Нарам-Сина.

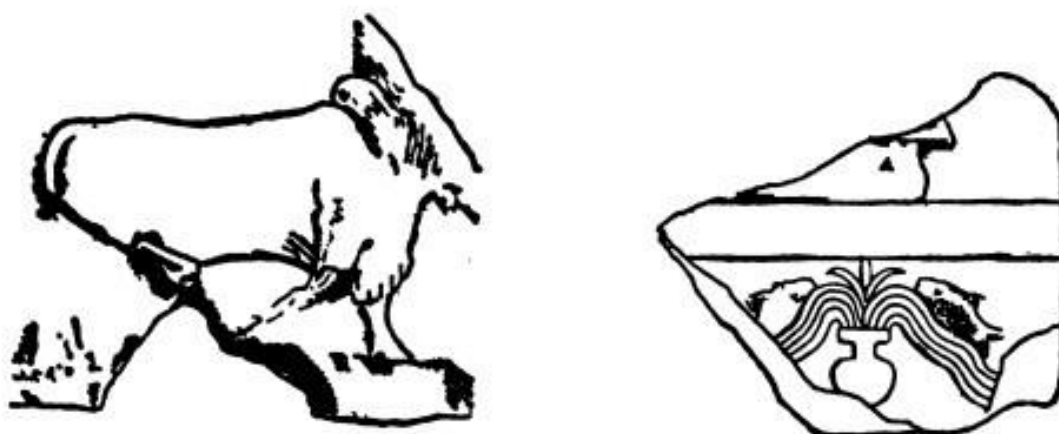

Fig. 21.

Рис. 21. Фрагменты скульптуры, относящейся к лучшему периоду шумерского искусства - Déc., pl. 25, Fig. 4 и 6.

Совершенство деталей, характерное для лучших работ шумерских скульпторов, хорошо иллюстрируется двумя фрагментами рельефов, части которых нарисованы в общих чертах в прилагаемых блоках. Тот, что слева, - от барельефа, изображающего линию горбатого скота и рогатых овец, дефилирующих мимо зрителя. Он сильно разбит, но сохранилось достаточно, чтобы показать удивительную точность, с которой скульптор воспроизвел форму и позу животного. Хотя этот сюжет напоминает линии домашних животных на ассирийских барельефах, шумерская обработка бесконечно превосходит их. Те же самые высокие качества дизайна и мастерства видны в маленьком фрагменте справа. От основной скульптуры осталась только человеческая ступня, но она прекрасно смоделирована. Декоративная кайма под стопой изображает выливающуюся вазу с двумя струями воды и двумя рыбами, плывущими против течения. Между струями из вазы поднимается растение - символ растительности, питаемой водами.^[27] Чрезвычайная деликатность оригинала показывает, какой степени совершенства достигли шумерские работы в лучший период.

Fig. 22.

Рис. 22. - Известняковая голова льва, украшавшая угол бассейна, установленного Гудеа в храме Нингирсу в Лагаше (Ширпурла). - *Déc.*, pl. 24, Fig. 3.

Рельефная скульптура также с успехом использовалась для украшения бассейнов и фонтанов. Самый сложный из найденных, к сожалению, представленный только изуродованными фрагментами, был украшен снаружи цепочкой женских фигур, передающих из рук в руки вазы с льющей водой.^[28] Лучше сохранились остатки другого бассейна, который был установлен Гудеа в храме Нингирсу в Лагаше. Прямоугольной формы, каждый угол был украшен львом. Голова, изображенная на прилагаемом блоке, представляет собой прекрасное произведение скульптуры и почти выделяется из угла, в то время как тело, вырезанное в профиль на боковой стенке бассейна, выполнено в низком рельефе. В этом изображении льва, поворачивающего голову, дизайнер создал смелое, но декоративное сочетание рельефа со скульптурой в круге.

Самыми известными примерами шумерской скульптуры являются статуи Гудеа и более ранняя статуя Ур-Бау, которые, однако, во многом теряют свой характер из-за отсутствия головы. Правда, голова была установлена на меньшей и недавно найденной фигуре Гудеа;^[29] но она оказалась совершенно непропорциональной телу - недостаток, которого, вероятно, не было у более крупных статуй. Традиционная поза преданности, символизируемая сцеплением рук на груди, придает им некоторую монотонность; но их лепка превосходит все, что было достигнуто вавилонянами и ассирийцами более позднего времени.^[30] Так, в изображении мышц полностью отсутствует преувеличение; скульптор не пытался такими грубыми и условными методами приписать своей модели сверхъестественную силу и бодрость, а работал непосредственно с натуры. Они высечены из диорита, цвет которого варьируется от темно-зеленого до черного, и то, что столь твердый материал должен был быть обработан в необходимых больших количествах, само по себе является достижением немалой важности и свидетельствует о большом техническом мастерстве скульпторов более позднего периода.

Fig. 23.

Рис. 23. Верхняя часть женской статуэтки из диорита, периода Гудеа или немного позже. - *Déc.*, pl. 24 bis, Fig. 2.

Для небольших фигурок и статуэток обычно использовался более мягкий камень, такой как белый известняк, алебастр или оникс, но было найдено несколько изделий из более твердого камня. Самая примечательная из них - диоритовая статуэтка женщины, верхняя часть которой сохранилась. Голова и туловище были найдены отдельно, но благодаря твердому материалу они соединяются, не оставляя следов разлома. Здесь, как обычно, руки скрещены на груди, а складки одежды обозначены под мышками лишь несколькими простыми бороздками, как на статуях Гудеи. Но формы женщины видны под одеждой, а изгибы спины удивительно точны. Ее волосы, волнистые на висках, связаны в головной убор и падают в виде шиньона на шею, все это закреплено жесткой лентой, или филейной частью, вокруг которой сложена ткань с заправленной бахромой.

Рисунок на рис. 23 едва ли передает красоту лица, поскольку преувеличивает условное изображение бровей и воспроизводит текстуру камня в ущерб контуру. Более того, в профиль лицо едва ли не более поразительно.^[31] Нос, хотя и идеально прямой, довольно крупный, но это явно расовая особенность. Тем не менее, изображенный тип женской красоты поражает воображение, а манера, в которой шумерскому скульптору удалось его воспроизвести, не встречалась в работах более позднего периода. Другая голова из женской статуэтки, с волосами, уложенными аналогичным образом, не менее прекрасна. Отсутствие части носа придает ей менее выраженный этнографический характер и, вероятно, увеличивает сходство с типами классической древности.^[32]

FIG. 24.

Рис. 24. Известняковая голова женской статуэтки, относящейся к лучшему периоду шумерского искусства.

Искусство литья из металла также практиковалось шумерами, и даже в самый ранний период, до правления Ур-Нина, были обнаружены небольшие фигурки-основания, которые были отлиты из меди. Фактически, медь была металлом, наиболее часто используемым шумерами, и их культурный этап на протяжении долгого периода их истории можно назвать скорее медным, чем бронзовым веком. Правда, иногда выдвигается утверждение, основанное на весьма неудовлетворительных свидетельствах, что шумерские металлообрабатывающие предприятия использовали не только олово, но и сурьму, чтобы закалить медь и одновременно сделать ее более легкоплавкой;[\[33\]](#) и трудно объяснить использование двух идеограмм для обозначения металла, даже в ранние периоды, если только одна не означала бронзу, а другая - медь.[\[34\]](#) Но тщательный анализ М. Бертелота многочисленных металлических предметов, найденных в Телло, даты которых можно точно установить, показал, что даже при более поздних правителях Лагаша и царях Ура не только votивные фигурки, но и инструменты и оружие из меди не содержат следов олова, используемого в качестве сплава.[\[35\]](#) Как и в Телло, так и в Телль-Сифре, сосуды и оружие, найденные Лофтусом, сделаны из меди, а не из бронзы. [\[36\]](#) присутствие чрезвычайно малой доли других элементов, кроме меди, в предметах, представленных на анализ, вероятно, не было преднамеренным, а объяснялось неизбежно несовершенным методом выплавки, который использовался.

ГЛИНЯНЫЙ РЕЛЬЕФ С ФИГУРОЙ ВАВИЛОНСКОГО ГЕРОЯ ГИЛЬГАМЕША, ДЕРЖАЩЕГО ВАЗУ, ИЗ КОТОРОЙ ТЕКУТ ДВЕ СТРУИ ВОДЫ. *Brit. Mus.*, No. 21204.

ФРАГМЕНТ ИЗВЕСТНЯКА, РЕЛЬЕФНО ИЗВЯЯННЫЙ С ВАЗАМИ, ИЗ КОТОРЫХ ТЕКУТ ПОТОКИ ВОДЫ. *Brit. Mus.*, No. 95477

Fig. 25.

Рис. 25 - Одна из серии медных женских фигурок-фундаментов с опорными кольцами, зарытых в конструкцию из необожженного кирпича под каменным фундаментом. Из Телло; период Ур-Нина. *Déc.*, pl. 2 *ter*, Fig. 3.

Пока не найдено никаких следов форм, использовавшихся шумерами для отливки металла, но мы можем предположить, что глина использовалась как для сплошных, так и для полых отливок. Хотя найдено множество фигурок одинаковой формы, ни одна из них не похожа на другую и не имеет совершенно одинаковых пропорций, так что можно предположить, что форма никогда не использовалась второй раз, а каждая разбивалась, чтобы извлечь отливку. Медные фигурки-основания обычно имеют форму гвоздей, заканчивающихся бюстом женской фигуры, и их устанавливали в гнездо под каменными надписями-основаниями, которые они поддерживали. Более поздние votivные объекты, отлитые из меди, представляют собой мужские фигуры, несущие на голове корзину строителя, в которой находится глина для священных кирпичей фундамента храма; или же они состоят из больших конусов или гвоздей, поддерживающих лежащего быка,^[37] или зажатого коленопреклоненной фигурой бога.^[38] Большие фигуры из дерева иногда покрывались тонкими пластинами из меди, соединенными рядом маленьких гвоздей или заклепок, о чем свидетельствует рог быка натурального размера, обнаруженный в Телло.^[39] Но были найдены и полые отливки из меди значительных размеров. Хорошим примером является голова быка, изображенная на прилагаемом блоке, которая, вероятно, относится к периоду не позднее конца династии Ур-Нина. Ее глаза инкрустированы перламутром и ляпис-лазурью, и очень похожий метод инкрустации встречается в медной голове козла, найденной в Фаре.^[40]

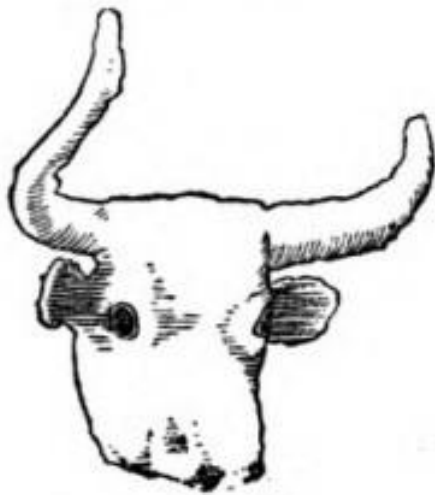

Fig. 26.

Fig. 27.

Рис. 26-27. Головы быка и козла, отлитые из меди и инкрустированные перламутром, ляпис-лазурью и т. д. Голова быка была найдена в Телло, а козла - в Фаре.-Dés., pl. 5 ter, Fig. 2; *Zeits. für Ethnol.*, 1901, p. 163.

Гораздо более простой процесс производства использовался для изготовления вотивных фигурок из терракоты, которые в порядке развития предшествовали использованию металла для этой цели, хотя их продолжали изготавливать в значительных количествах в более поздние периоды. Здесь форма, цельная, вырезалась в камне или другом твердом материале,^[41] и глина, после вдавливания в нее, разглаживалась на спине вручную. Плоская граница глины, оставленная верхней поверхностью формы, часто не удалялась, так что фигурки иногда выделяются на плоском фоне в манере скульптурной доски, или барельефа.

Fig. 28.

Рис. 28. Штампованная терракотовая фигурка бородатого бога в рогатом головном уборе, к которому прикреплены уши быка. Период Гудеа.-*Десятилетие*, пл. 39, рис. 3.

В период Гудеа форма определенно использовалась в качестве штампа, таким образом, возвращаясь к первоначальному использованию, из которого развилось ее более позднее применение. Интересными примерами таких поздних штампованных фигур являются изображения бога в рогатом головном уборе, к которому добавлены уши быка, и героя, часто отождествляемого с Гильгамешем, который держит вазу, из которой двумя потоками льется вода.^[42] Глина, используемая для изготовления вотивных фигурок, очень тонкая по качеству, и большинство из них обожжены до степени твердости, напоминающей камень или металл.

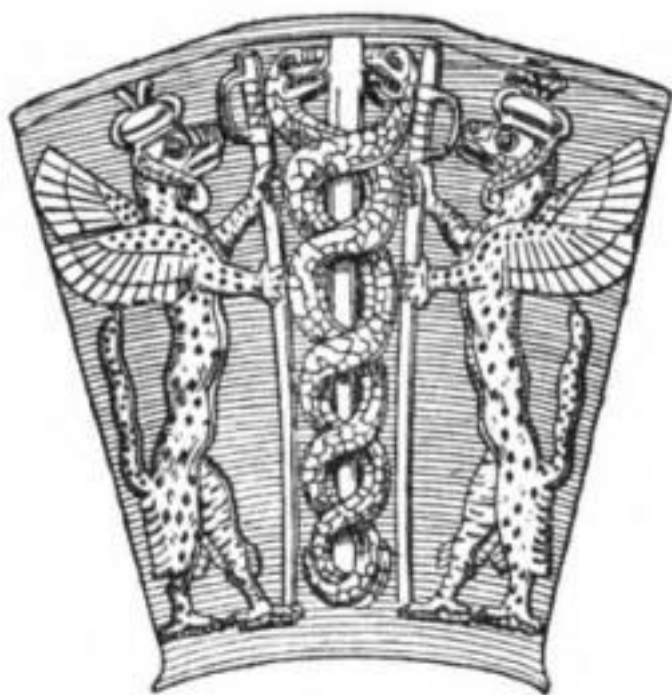

Fig. 29.

Рис. 29. Схема декора с вазы для возлияний из Гудеи, изготовленной из темно-зеленого стеатита и первоначально инкрустированной раковинной. *Déc.*, pl. 44, Fig. 2; *ср. Cat.*, p. 281.

Искусство инкрустации широко практиковалось шумерами, которые не только обрабатывали таким образом металл, но и часто пытались придать каменным статуям больше выразительности или жизни, инкрустируя белую часть глаза перламутром или раковинной, а зрачок и радужную оболочку - ляпис-лазурью или битумом. Аналогичный метод использовался для обогащения вотивных каменных фигур животных, а также для придания разнообразного и полихромного эффекта вазам, вырезанным из камня. Лучшим примером этого вида работ является ваза для возлияний Гудеа из темно-зеленого стеатита, которую он посвятил своему божеству-покровителю Нингизиде. Ваза имеет короткий выступающий носик, идущий вверх от основания и рифленый, чтобы позволить лишь небольшой струйке жидкости вытекать во время возлияния. Схема ее украшения интересна тем, что представляет собой прекрасный пример более фантастической стороны шумерского искусства, вдохновленного большим и важным разделом религиозных верований. Две переплетенные змеи, языки которых касаются места, где жидкость покидает вазу, смоделированы с натуры, но крылатые чудовища с каждой стороны хорошо иллюстрируют шумерское происхождение более поздней вавилонской демонологии.

Вероятно, такие составные монстры, с телами и головами змей, крыльями и когтями птиц, изначально имели злобный характер, но здесь, как и змеи, они явно представлены укрощенными и находящимися на службе у бога, которому была посвящена ваза. Об этом свидетельствуют кольчатые посохи, которые они несут, [43] их видоизмененные рогатые головные уборы и тщательно завитые локоны волос. Они были особенно священны для Нингизиды, и на рис. 12 можно увидеть, как они поднимаются как эмблемы с его плеч. Богатый эффект темно-зеленого стеатита был первоначально усилен инкрустацией, так как тела драконов теперь покрыты глубокими ямами. Несомненно, первоначально они были инкрустированы каким-то другим материалом, возможно, ракушкой, которая была использована для этой цели во фрагменте вазы очень похожего характера.

ИМПРЕССИЯ ЦИЛИНДРА-СЕАЛЛА, на котором выгравированы сцены, изображающие раннеавилонского героя, предположительно Гильгамеша, в конфликте со львом.- Brit. Mus., No. 89147.

Впечатление от цилиндра-стакана, на котором выгравирована сцена, изображающая Гильгамеша и Эа-Бани в конфликте с буллами в лесистой и гористой местности - Brit. Mus., No. 89308.

IMPRESSION OF A CYLINDER-SEAL ENGRAVED WITH A SCENE REPRESENTING MYTHOLOGICAL BEINGS, BULLS, AND LIONS IN CONFLICT.-Brit. Mus., No. 89538.

В одну категорию с чудовищами на вазе можно отнести человекообразных быков, небольшие скульптурные фигурки которых в лежащем положении были найдены в Телло; впоследствии их переняли ассирийские цари и использовали в качестве колоссальных стражей дверных проемов своих дворцов. О том, в какой степени эта конкретная форма составного монстра использовалась в религиозных и декоративных целях, можно судить по цилиндрическим печатям, на которых в ранний период она представляет собой излюбленный прием. Примеры часто встречаются в декоративных сочетаниях, вместе с фигурами ранних бородатых героев, возможно, отождествляемых с Гильгамешем, и со странным существом, получеловеком-полубыком, напоминающим более поздние описания Эа-бани, который сражается со львами и другими животными.[44] Каталог храмовой мебели и votивных предметов Гудеа, которыми он обогатил Э-нинну, проливает свет на то, как шумерское искусство отразило этот аспект шумерской религии. Некоторые из легенд и верований вполне могли быть заимствованы из семитских источников, но образы, оказавшие столь сильное влияние на развитие их искусства, вероятно, принадлежат самим шумерам.

Гравировка на цилиндрических печатях в шумерский период, как правило, выполнялась вручную, без помощи сверла или вращающегося инструмента.[45] Практиковалась также контурная гравировка острием, которая на камне, вероятно, предшествовала использованию барельефа,[46] но в более поздние периоды она продолжала использоваться для украшения металла и раковин. Лучшим примером гравировки на металле является серебряная ваза из Энтемены, вокруг которой в контуре вырезана декоративная полоса, состоящая из вариаций эмблемы Лагаша, расположенной под рядом из семи телят. Но самое большое количество рисунков, выгравированных в виде контура, было найдено не на камне или металле, а на раковине. Интересно, что среди мелких предметов, найденных М. де Сарзекон в Телло, нет ни одного фрагмента из слоновой кости, и, похоже, этот материал не был известен самым ранним жителям Вавилонии, что имеет некоторое отношение к спорному вопросу об их отношениях с Египтом и ранними этапами египетской культуры.[47]

С самого раннего периода в Лагаше вместо слоновой кости использовались фрагменты раковин, и эффект, производимый ими, почти такой же. Некоторые виды больших одностворчатых моллюсков или раковин, которые встречаются в Индийском океане, имеют толстую сердцевину или центр, и они послужили материалом для большого количества самых ранних цилиндрических печатей. Небольшие бляшки или ромбы также можно было получить из сердцевины путем секционного разрезания, а изогнутая часть раковины иногда использовалась для предметов, к которым можно было приспособить ее выпуклую форму. Многочисленные плоские ромбы, которые были найдены, использовались для инкрустации мебели, шкатулок и т. п., а изогнутые части, вероятно, подгонялись к другим подобным по форме, чтобы сформировать небольшие чашки и вазы. Каждая деталь украшена тонкой гравировкой, и почти в каждом случае контур подчеркивается использованием очень легкого рельефа. Зачастую орнаменты отличаются пылкостью и доказывают, что даже в самые ранние периоды шумерские рисовальщики достигли высокого уровня мастерства.

Один из самых интересных гравированных фрагментов, которые были найдены, состоит из слегка изогнутого куса раковины, который, вероятно, был частью небольшой чаши или кубка. Остальная часть, похоже, была собрана из кусков похожей формы, скрепленных битумом или, что более вероятно, прикрепленных к металлической подкладке заклепками через отверстия в раковине. Сцена, выгравированная на фрагменте, представляет собой

льва, схватившего быка в зарослях кустарника или высоких цветущих растений. Хотя группа на фрагменте сама по себе закончена, есть признаки того, что она была лишь частью более сложной композиции.

Fig. 30.

Рис. 30 Выпуклая панель из раковины со стороны кубка, на которой выгравирована сцена, изображающая льва, нападающего на быка; ранний шумерский период. *Déc.*, pl. 46, No. 3; ср. *Cat.* p. 189

В пространстве справа от фрагмента за гривой льва выгравированы два вида оружия. Верхнее - кинжал с рукоятью, направленной острием ко льву; его можно сравнить с короткими кинжалами, которые держат мифологические существа, напоминающие Эа-бани, на одной из печатей Лугаль-анды, и которыми они наносят удары львам в шею.^[48] Ниже изображена рука, держащая изогнутую булаву или метательную палку, состоящую из трех нитей, скрепленных кожаными ремешками или металлическими полосами, как у Эаннатума на Стеле грифов.^[49] Таким образом, ясно, что на панели справа от льва и быка был изображен царь, или патеси, в момент нападения на льва, и мы можем сделать вывод, что вся чаша была украшена непрерывной полосой гравировки, хотя некоторые группы в дизайне могли быть расположены симметрично, с повторениями, подобными тем, что встречаются на ранних цилиндрических печатях.

Положение льва на фрагменте, изображенного с пышной гривой и головой, обращенной к зрителю, и энергичность рисунка в целом в сочетании с некоторыми неравномерностями обработки наводят на мысль о сравнении со львами на скульптурной буланой голове Месилима. Таким образом, это произведение было отнесено к эпохе ранних царей Киша, предшествующей периоду Ур-Нина.^[50] Возможно, он относится к более позднему периоду династии Ур-Нина, но даже в этом случае его достаточно, чтобы показать, какого совершенства в дизайне и рисовальном мастерстве достигли ранние шумеры. По яркости и оригинальности их изображения животных не знали себе равных среди более поздних жителей Вавилонии и Ассирии вплоть до заката Ассирийской империи. Но шумерские художники лишь постепенно приобретали свое мастерство, и на некоторых из найденных

гравированных фрагментов можно проследить прогресс по сравнению с более ранними работами. Рисунки в прилагаемых блоках были выбраны для того, чтобы в некоторой степени проиллюстрировать изменения, которые постепенно произошли в обработке форм животных шумерами.

Fig. 31.

Fig. 32.

Fig. 33.

Рис. 31.- Рис. 32.- Рис. 33. Три фрагмента раковины с выгравированными формами животных, которые иллюстрируют развитие натуралистического подхода в шумерском дизайне.-Dés., pl. 46, № 4, 5 и 8.

Из трех рисунков тот, что слева, выгравирован на выпуклом куске раковины, тонкой, как скорлупа яйца ; на нем изображен львиноголовый орлан, который опустил на спину человекообразного быка и нападает на него с пастью и когтями. Сюжет напоминает те, что встречаются на самых примитивных шумерских цилиндрических печатях, а его грубая и угловатая обработка достаточно указывает на очень архаичный характер работы.

Центральная панель по форме напоминает льва и быка.[51] На рисунке изображен скачущий козерог с цветущими растениями на заднем плане, и рисунок более свободный и менее жесткий, чем у животных на серебряной вазе из Энтемены.[52] Некоторые архаичные черты все еще можно отметить, например, пружинящие пучки шерсти на суставах задних ног; но общая трактовка сюжета заметно отличается от архаичных условностей более раннего фрагмента. Третий рисунок - прыгающий ребенок, выгравированный на плоском куске раковины и вырезанный для инкрустации. Здесь рисунок абсолютно верен природе, и художник даже отметил небольшую припухлость головы, вызванную растущими рогами.

Судя по всему, шумеры не использовали для гравировки целые раковины, как те, что были найдены на ассирийских и эгейских стоянках. Полная раковина действительно была найдена, но она находится в необработанном состоянии и содержит посвятельную формулу Ур-Нингирсу, сыну и преемнику Гудеа. Поскольку она не является прекрасным образцом своего класса, мы можем предположить, что она была выбрана для посвящения просто как представитель более тонких раковин, используемых мастерами для украшения храмовой мебели. Шумеры в более поздний период гравировали узоры на перламутре. При использовании в простых изделиях для инкрустации он, конечно, давал более яркий эффект, чем раковина, но для гравера он представлял большие трудности из-за своей хрупкой и чешуйчатой поверхности. Однако были найдены куски, на которых были вырезаны узоры, и

чаще всего они использовались для украшения рукояток ножей и кинжалов. Панно в прилагаемых блоках покажут, что воспроизводятся те же традиционные мотивы, которые встречаются нам в более ранних рисунках на фрагментах раковин и цилиндрических печатей. Среди них бородатый герой, орел, атакующий быка, герой в схватке со львом, львиноголовый орел из Лагаша, крылатый лев, лев, атакующий козерога, и олень. Даже если учесть трудности, связанные с материалом, видно, что сами узоры стоят гораздо ниже тех, что встречаются на раковинах. Таким образом, использование перламутра для гравировки можно отнести к периоду упадка шумерского искусства, когда оно в значительной степени утратило былую свежесть и энергичность.

Fig. 34.

Fig. 35.

Fig. 36.

Fig. 37.

Рис. 34.- Рис. 35.- Рис. 36.- Рис. 37. Четыре панели из перламутра с гравировкой шумерских узоров, которые использовались для инкрустации рукояток кинжалов. Они относятся к периоду упадка шумерского искусства.- В Лувре; Cat. Nos. 232 ff.

Приведенный выше краткий очерк основных форм и произведений шумерского искусства может служить подтверждением притязаний шумеров на место среди более художественных рас древности. Многие виды восточного искусства просто причудливы или интересны своей историей и особенностями, но шумерское искусство значительно превосходит их. Его скульптура никогда не приобретала унылого однообразия ассирийских барельефов с их чрезмерной проработкой деталей, призванной, несомненно, скрыть бедность замысла. Определенные условности сохранялись во все периоды, но шумерский скульптор никогда не был их рабом. Он во многом полагался на свой вкус и ум, и даже самые ранние работы отличаются смелостью и энергичностью. После столетий независимого развития свежие силы были привнесены кочевыми семитскими расами, которые поселились на севере, но в руках поздних семитов шумерские идеалы не сохранились. Для знакомства с лучшим периодом вавилонского искусства мы должны вернуться ко времени за несколько столетий до основания Вавилонской монархии.

[1] Они были собраны и переведены Тьюро-Дангином в "Надписях Шумера и Аккада", немецкое издание которой, опубликованное под названием "Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften" в *Ворддерасийской библиотеке*, включает авторские

исправления и введение; глоссарий на темы религиозного характера, составленный Лэнгдоном, добавлен к немецкому изданию работы.

[2] Ср. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", pp. 228 ff., где списки восстановлены по датам на ранних табличках; более ранние формулы дат с табличек см. pp. 224 ff.

[3] См. Хильпрехт, "Математические, метрологические и хронологические таблички", с. 46 f., pl. 30, № 47.

[4] Ср. "Cun. Inscr. West. Asia", V., pl. 64, Col. II., ll. 54-65.

[5] Хильпрехт ранее помещал основание храма Энлиля и первое поселение в Ниппуре "где-то между 6000 и 7000 гг. до н. э., возможно, даже раньше" (см. "Old Babylonian Inscriptions mainly from Nippur", Pt. II., p. 24).

[6] См. Lehmann-Haupt, "Zwei Hauptprobleme", pp. 172 ff., и Winckler, "Forschungen", I., p. 549; "Die Keilinschriften und das Alte Testament" (3rd ed.), I., p. 17 f., и "Mitteil. der Vorderas. Gesellschaft", 1906, I., p. 12, n. 1; ср. также Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", IV., p. 72, и "Rec. de tabl.", p. ix.

[7] Ср. Радау, "Ранняя вавилонская история", с. 30 и далее, 215 и далее.

[8] Ср. Кинг, "Хроники", I., p. 16. Это объяснение предпочтительнее, чем изменение цифр Леманом-Хаупфом, который предполагает, что тысяча лет была добавлена к ним по ошибке переписчика. Принцип изменения цифр в этих поздних хронологических ссылках совершенно ненаучен. Ибо эмитенты, допуская механические ошибки в написании цифр, все же считают расчеты местных писцов неподсудными; в то время как многие из их цифр, не поддающиеся изменению, не согласуются друг с другом.

[9] Ссылки см. в King, "Chronicles", I., p. 77. n. 1.

[10] *Op. cit.*, pp. 93 ff.

[11] Указ. соч., гл. IV. f. Мейер также принимает эту точку зрения ("Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., p. 340 f.).

[12] Ср. "Хроники", I., pp. 90 ff.

[13] Чисто произвольный характер этого предположения хорошо иллюстрируется различными результатами, полученными теми, кто его делает. Придерживаясь даты Беросса 2232 г. до н. э., Тур-Дангин приписывает второй династии Списка царей период в 168 лет независимого правления в Вавилоне (ср. "Zeits. für Assy.", XXI., pp. 176 ff., и "Journal des savants", 1908, pp. 190 ff.), а Унгнад - 177 лет ("Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 638, 1908, col. 63 ff.). Леманн-Хаупт, предлагая примирить новые данные с прежним изменением бавианской даты, делает период 80 лет ("Клио", 1908, стр. 227 E). Побель, игнорируя Беросса и пытаясь согласовать местные хронологические указания с ранними царями, делает его равным 160 годам (ср. "Zeits. für Assy.", XXI., pp. 162 ff.). Последняя комбинация предложена Шнабелем, который принимает дату 2232 г. до н. э. как для системы Беросса, так и для системы, представленной Списком царей, но помещает историческое начало Первой династии в 2172 г. до н. э.; это обуславливает необходимость промежутка в 120 лет между I и III династиями. ("Mitteil. der Vorderas. Gesellschaft", 1908, pp. 241 ff.). Но все эти системы в основном основаны на манипуляциях с цифрами и полностью игнорируют археологические данные.

[14] См. ниже, гл. XI, [с. 313 и далее](#).

[15] Ср. Hilprecht, "Math., Met., and Chron. Tabl.", p. 55, n. 1.

[16] Тьюро-Дангин отнес бы к этому периоду только сто лет (см. "Journal des savants", 1908, p. 201).

[17] Период вполне мог быть более продолжительным, особенно если окажется, что Маништусу был современником Урукагины.

[18] См. ниже, [pp. 176](#), n. 2, [209 f.](#)

[19] Список царей и правителей Шумера и Аккада с их приблизительными датами см. в "Списке правителей" в конце тома.

[20] См. табличку напротив [с. 62](#). Эти предметы были ранее опубликованы Хейсом Уордом в "Proc. Amer. Orient. Soc.", Oct., 1885, и "Amer. Journ. Arch.", vol. iv. (1888), pp. 39 ff. Впоследствии они попали в лондонский торговый зал, где были куплены как подделки и в таком виде переданы в Британский музей.

[21] Наши знания о шумерском искусстве в основном основаны на находках в Телло, поскольку предметы из других ранних мест еще не опубликованы. Лучшее и наиболее полное описание этого искусства см. в описаниях Хозея в "Découvertes en Chaldée", его "Catalogue des antiquités chaldéennes", "Une Villa royale chaldéenne" и "Revue d'Assyriologie"; ср. также Perrot и Chipiez, "Histoire de l'art", vol. ii. Лучшие образцы семитского искусства были найдены в Сузах (см. De Morgan, "Mémoires de la Délégation en Perse", *passim*). Мейер в своей работе "Шумеры и семиты" придерживается научного подхода к этому вопросу, но он склонен возлагать слишком большие надежды на семитов и переоценивать их долю в художественном развитии двух рас.

[22] См. ниже, [стр. 267](#), рис. 66.

[23] См. фотографическую репродукцию в "Déc. en Chaldée", pl. 22, Fig. 5.

[24] Об использовании этих перфорированных скульптур см. ниже, [с. 110 f.](#)

[25] Этот обряд представлен и на других шумерских памятниках, например, на Стеле грифов (см. ниже, [с. 140](#)). Хейзи предполагает, что литургия могла запрещать потерю воды для возлияний, а обряд символизировал ее использование для улучшения растительности; см. "Catalogue des antiquités chaldéennes", p. 118.

[26] См. табличку напротив [с. 52](#).

[27] Ср. Heuzey, "Déc. en Chaldée", p. 218; "Catalogue", p. 149.

[28] См. "Déc. en Chaldée", pl. 24, Fig. 4, pp. 216 и далее.

[29] См. табличку напротив [с. 268](#).

[30] Сидящая статуя Гудеа, архитектора храма Гатумдуга, см. табличку напротив [с. 66](#); а описание статуй см. гл. IX, [с. 269 и далее](#).

[31] См. очень красивый рисунок в общих чертах, который Хозей поместил на титульном листе своего Каталога.

[32] Ср. Heuzey, "Déc. en Chaldée", p. 158.

[33] Следует отметить, что из семи предметов из Ниппура и других южноавилонских мест, которые были переданы на анализ герру Отто Хельму в Данциге, только два содержали процент олова (см. "Zeitschrift für Ethnologie", 1901, pp. 157 и далее). Из них гвоздь (*op. cit.*, p. 161) из слоя в Ниппуре, датируемый самим профессором Хильпрехтом после 300 г. н. э. "Стилусартиге инструмент", который, как и гвоздь, содержал более пяти процентов олова, не был найден в Ниппуре, но, как говорят, происходил из кургана примерно в тридцати милях к югу от него. Поэтому о его датировке ничего не известно с точностью. Процентное содержание сурьмы в других предметах сравнительно невелико, а приписываемые им даты не имеют четкого обоснования. Эти факты не оправдывают уверенного заявления Хильпрехта в "Исследованиях", стр. 252. Мейер также приписывает ранним шумерам использование бронзы наряду с медью, и он описывает наконечники топоров и кольца, найденные в ранних могилах, как бронзовые (см. "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., p. 416 f.); но он также описывает маленькие фигурки фундамента из древнейшего слоя в Телло как бронзовые, тогда как анализ доказал, что они были медными.

[34] На это указывает Сайс (см. "Археология клинописных надписей", p. 59 f.), который, однако, придерживается определенного мнения, что на более ранних участках не было обнаружено ничего бронзового (*op. cit.*, p. 55 f.).

[35] Cp. Berthelot, "La chimie au moyen âge", tome I., Appendix IX., p. 391 f.; "Introduction à l'étude de la chimie", p. 227 f., и Heuzey в "Déc. en Chaldée", p. 238; сурьма, как говорят, была известна и использовалась сама по себе, хотя и не в качестве сплава (Berthelot, "Introd.", p. 223), но нет никаких доказательств даты фрагмента из Телло, который был проанализирован. Можно добавить, что вотивные фигурки времен правления Гудеа, хранящиеся в Британском музее и обычно рассматриваемые как бронзовые (см. табличку напротив стр. 272), должны, поскольку они происходят из Телло, быть более точно описаны как медные.

[36] См. Loftus, "Chaldaeia and Susiana", p. 268 f., который описывает все предметы как медные. Один из ножей, раскопанных Лофтусом, был впоследствии проанализирован и признан медным (см. "Report of the British Assoc.", Nottingham, 1893, p. 715); этот анализ подтвердил доктор Дж. Х. Гладстон (опубликован в "Proc. Soc. Bibl. Arch.", vol. xvi., p. 98 f.). Тщательный анализ металлических предметов, найденных членами Немецкого восточного общества в Фаре в 1902 и 1903 годах и названных ими бронзовыми (см. "Mitteilungen", № 17, p. 6), вероятно, приведет к доказательству отсутствия какого-либо сплава.

[37] См. блоки на [с. 256](#).

[38] См. табличку напротив [с. 272](#).

[39] См. "Déc. en Chaldée", pl. 45, рис. 1.

[40] См. рис. 27 и cp. Hilprecht, "Explorations", p. 539 f.

[41] Как и кирпичные штампы, они иногда могли быть сделаны из обожженной до чрезвычайной твердости глины.

[42] См. штампованную фигуру, опубликованную на пластине напротив [с. 72](#) с терракоты в Британском музее.

[43] Кольчатый посох встречается в качестве священной эмблемы на цилиндрических печатях и иногда носится героями (см. [с. 82](#), рис. 34). Колоссальный образец такого посоха, сделанный из дерева и покрытый медной оболочкой, был найден в Телло де Сарзеком (см.

Heuzey, "Rev. d'Assyr.", IV., p. 112, и "Déc. en Chaldée", pl. 57, Fig. 1), но точное использование и значение этого предмета не было определено.

[44] См. табличку напротив с. 76, а также см. ниже, с. 174 f.

[45] Следует отметить, что несколько ранних цилиндрических печатей, найденных в Фара-Андрасе, как полагают, были выгравированы с помощью колеса (см. "Mitteil. der Deutsch. Orient-Gesellschaft", № 17, p. 5). Было также высказано предположение, что после появления более твердых камней режущий инструмент мог быть покрыт чешуйками корунда; см. Hayes Ward, "Cylinders and other Oriental Seals", p. 13.

[46] Ранние примеры см. выше, с. 49.

[47] См. далее, гл. XII.

[48] См. ниже, с. 175.

[49] См. табличку напротив с. 124.

[50] См. Heuzey, "Catalogue", p. 387.

[51] См. выше, с. 79, рис. 30.

[52] См. выше, с. 78, и ниже, с. 167 f.

ГЛАВА IV

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ШУМЕРЕ; РАССВЕТ ИСТОРИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ ЛАГАША

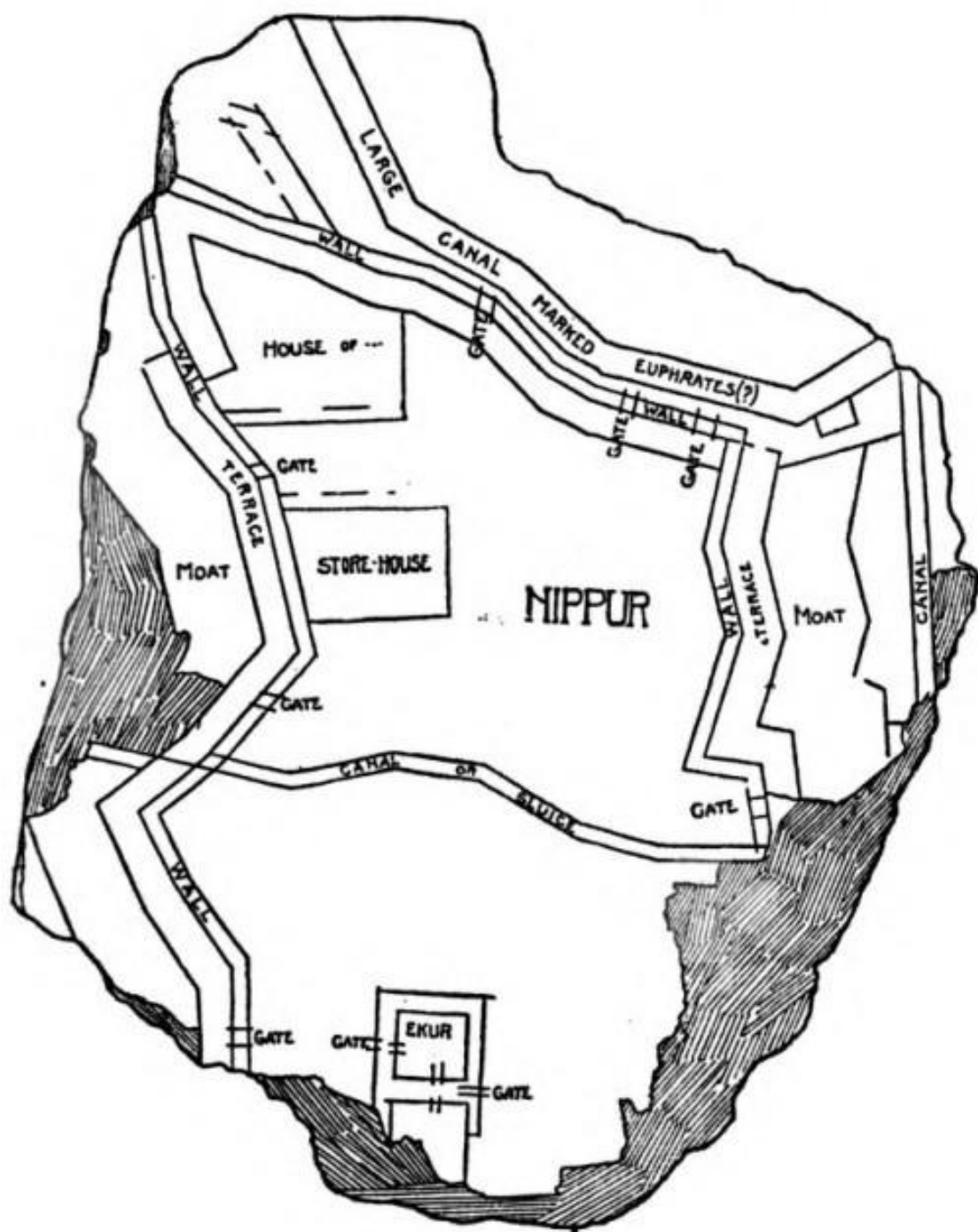
Великие города Вавилонии по своему происхождению были не более чем скоплениями грубых хижин, построенных сначала из тростника, нарезанного на болотах, и постепенно уступивших место более основательным зданиям из глины и высушенного на солнце кирпича. Похоже, что с самого начала святилище местного бога играло важную роль в основании и последующем развитии каждого населенного пункта. О доисторическом периоде в Вавилонии мы знаем немного, но можно предположить, что уже во времена шумерского переселения вокруг культовых центров местных богов образовались грубые поселения. Таков, во всяком случае, был характер каждого города или поселения самих шумеров в самые ранние периоды, к которым мы можем отнести их историю. В Фаре, самом примитивном шумерском городище из тех, что были исследованы, мы видим бога Шуруппака, давшего собственное имя городу вокруг своего святилища, а Нингирсу из Лагаша с самого начала доминирует и руководит своим народом. Другие городские боги, ставшие впоследствии могущественными божествами вавилонского пантеона, уже существуют и в той или иной степени приобрели свои поздние черты. Энки из Эриду уже бог глубин, святилище Энзу или Наннара в городе Ур - центр лунного культа, Баббар из Ларсы уже бог солнца и вершитель закона и справедливости, а самая могущественная шумерская богиня, Нинни или Нана из Эреха, уже имеет свое святилище и поклонников в выбранном ею городе.

Каким образом городские боги приобрели свой более поздний характер, сейчас сказать невозможно, но мы можем предположить, что этот процесс был постепенным. На ранних

этапах своей истории характер местного бога, как и характер его города, должен был быть гораздо более простым и примитивным, чем это представляется нам в свете его более позднего развития. Власть каждого бога не выходила за пределы территории его народа. Каждый город довольствовался тем, что сражался от его имени, и поражение одного из них было синонимом падения другого. С постепенным объединением городов в более крупные государства бог главенствующего города, естественно, стал преобладать над богами завоеванных или зависимых городов, и в последующем процессе адаптации мы, вероятно, можем проследить отношения между различными божествами и рост пантеона. То, что Энки с самого начала был богом глубин, вполне естественно, учитывая расположение Эриду на водном просторе, связанном с Персидским заливом. Но как получилось, что Ур стал центром лунного культа, или что Сиппар на севере и Ларса на юге были связаны с поклонением солнцу, - это вопросы, на которые пока невозможно ответить, хотя вполне вероятно, что будущие раскопки на их территории могут пролить свет на эту тему.

В случае с одним городом раскопки уже позволили нам проследить постепенный рост его храма и окружающих его жилищ на протяжении значительной части их истории. Город Ниппур находится в особом положении по отношению к другим городам Шумера и Аккада, поскольку является центральным святилищем в этих двух странах и резиденцией Энлиля, главного из богов. Ниффер, или Нуффар, - это название, под которым до сих пор известны курганы, отмечающие его местоположение. Они давно заброшены, и, как и на месте многих других древних городов Вавилонии и Ассирии, на них или в непосредственной близости от них не построено ни одного современного города или деревни. Ближайший небольшой город - Сук-эль-Афедж, расположенный примерно в четырех милях к югу, на восточном краю болот Афеджа, которые начинаются к югу от Нифера и тянутся к западу. Ближайший крупный город - Диванья, расположенный на левом берегу Евфрата в двадцати милях к юго-западу. Летом болота в окрестностях курганов представляют собой водоемы, соединенные каналами через заросли тростника, но весной, когда тают снега в Тавре и горах Курдистана, паводковые воды превращают болота в огромную лагуну, и все, что встречается взору, - это отдельные финиковые пальмы и несколько маленьких деревушек, построенных на возвышающихся над уровнем воды холмах.

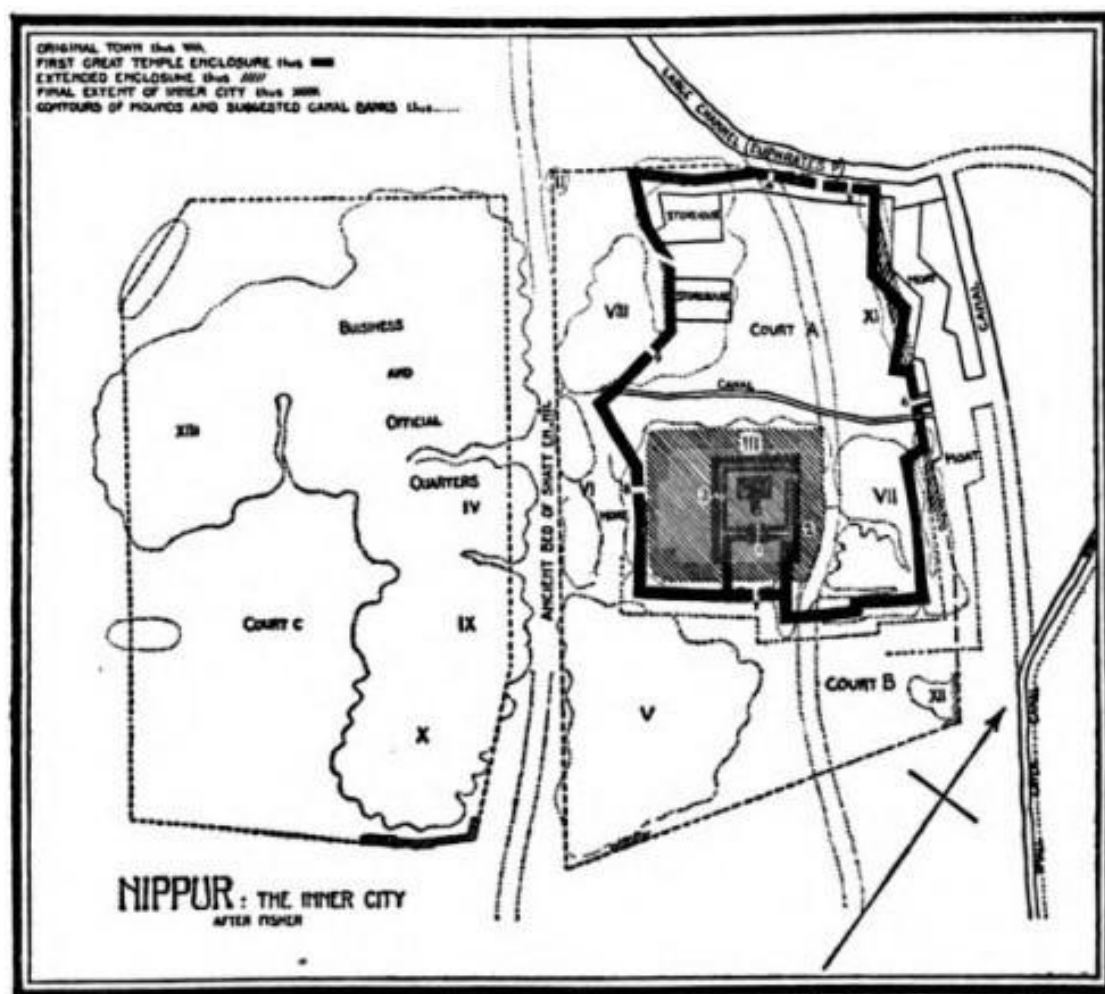
Хотя во время наводнений Ниффер порой оказывается почти изолированным, вода никогда не подходит на значительное расстояние к настоящим курганам. Это связано не с естественной конфигурацией почвы, а с тем, что вокруг внутреннего города, место которого обозначено курганами, было построено внешнее кольцо жилых домов в то время, когда закрытый город более ранних периодов стал слишком мал, чтобы вместить растущее население. Американские раскопки, которые проводились на этом месте в период с 1889 по 1900 год, показали, что ранняя зона обитания была гораздо более ограниченной, чем курганы, которые покрывают внутренний город.^[1] На плане на стр. 88 видно, что эта часть города разделена на две части древним руслом Шатт-ан-Нила. Контурные курганов обозначены пунктирными линиями, и каждый из них имеет номер, написанный римскими цифрами. Курган III - это тот, который покрывал Э-кур, храм Энлиля, и именно вокруг него, в затененной области на плане, вероятно, была построена первоначальная деревня или поселение. Здесь, в самом нижнем слое кургана, были найдены большие пласты древесной стружки и кости животных - остатки самого раннего периода оккупации.

Раннеавилонский план храма Энлиля в Ниппуре и его окружения, нарисованный на глиняной табличке, датируемой первой половиной второго тысячелетия до н. э. Обозначения на плане переведены с пометок на оригинале - см. Fisher, "Excavations at Nippur", I., pl. 1.

Трудно проследить все этапы раннего роста города, но похоже, что святилище в центре города вскоре было возведено на искусственной насыпи, чтобы защитить его в периоды наводнений. Более того, как и в Фаре, первоначальное поселение, должно быть, быстро разрасталось, поскольку даже под курганами к юго-западу от Шатт-ан-Нила были найдены слои, схожие по характеру с теми, что лежат под храмом-курганом, а также кирпичи и колодцы досаргонского периода. При реконструкции плана более поздних территорий, занятых храмом и его оградой, значительную помощь оказал древний план храма, начерченный на глиняной табличке, найденной в Ниппуре. Судя по форме начертанных на

ней иероглифов , она не относится к более раннему периоду, чем первая половина II тысячелетия до н. э., но вполне может быть копией более древнего оригинала, поскольку форма ее храма-ограды совпадает с той, что была во времена Нарам-Сина, как показали раскопки. В нем положение Э-кура отмечено на одном из концов большой ограды, окруженной неровной стеной. Ограждение прорезано каналом или шлюзом, по другую сторону которого стояли храмы-склады.

Ниппур: внутренний город после Фишера

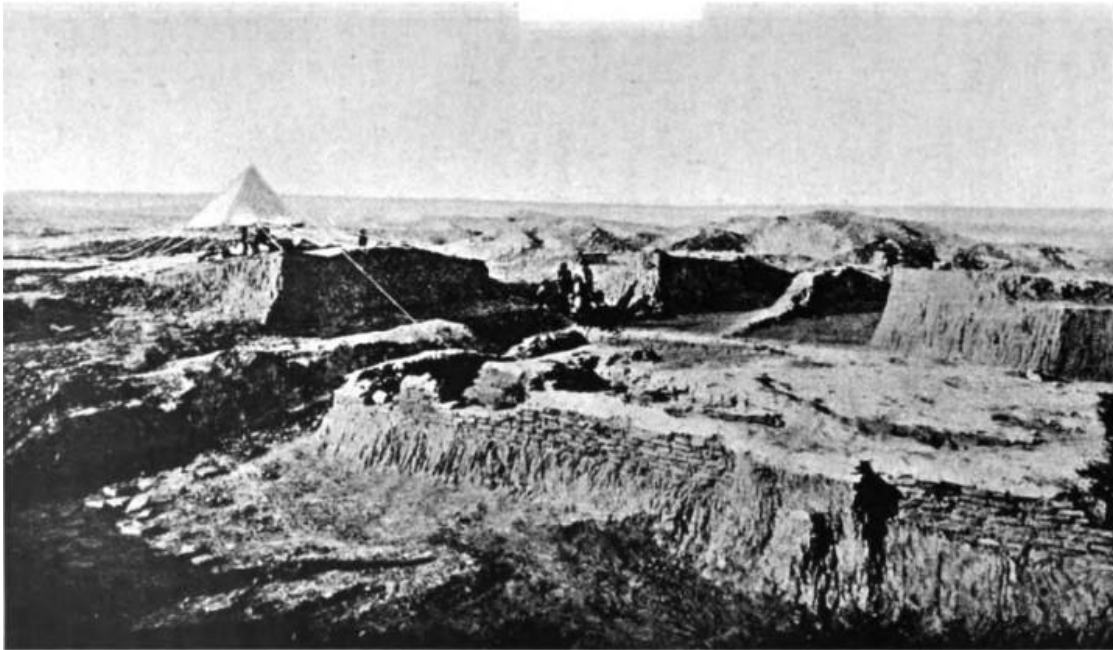
В стене отмечено расположение ворот, и можно заметить, что большой поток, обозначенный как Евфрат, омывает ее верхнюю часть, а с других сторон расположены террасы и рвы. Эти детали отражены на прилагаемом плане, но их предположительная связь с останками, обнаруженными в ходе раскопок, во многом носит предположительный характер. Более того, период истории храма, представленный на табличке, точно не установлен, а некоторые детали, такие как план самого храма, могут воспроизводить его более позднюю форму.

Наиболее яркой особенностью храмовой территории, обнаруженной в ходе раскопок, является большая храмовая башня, или зиккурат, возведенная Ур-Энгуром и облицованная им печным обожженным кирпичом с его именем и надписью.^[2] Зиккурат в его более поздней и

внушительной форме был построен именно им, хотя в его структуре были найдены ядра более ранних и меньших башен, возведенных Нарам-Сином и в досаргонский период. На самом деле Ур-Энгур значительно изменил внешний вид храма. Помимо строительства зиккурата, он поднял уровень внутреннего двора над уровнем мостовой Нарам-Сина и выпрямил ход внешней стены, используя стену Нарам-Сина в качестве фундамента там, где она пересекала его линию. Его стена также включала курганы XII. и V., в последнем из которых были найдены многие храмы-архивы. В касситский период они хранились в зданиях в кургане X., через Шатт-ан-Нил, на территории, включенной в состав внутреннего города в более поздние периоды. Изменение русла реки с северо-восточной на юго-западную сторону храмовой территории, вероятно, относится к периоду правления Самсу-илуны, который на конусе, найденном среди *обломков* в храмовом дворе, записал, что он возвел плотину и прорыл новое русло для Евфрата. Вероятно, его целью было обеспечить водой более позднее расширение города с юго-западной стороны.

Раскопки на месте Ниппура и его храма проиллюстрировали постепенное увеличение размеров шумерского города и то, как храм городского бога сохранял свое положение центрального и наиболее важного здания. Однако раскопки пролили мало света на то, какую форму принимал храм в периоды, предшествовавшие династии Ура. Фактически, мы еще не знаем ни формы, ни устройства раннего шумерского храма; ведь на таких ранних местах, как Фара, Сургул и Бисмая, не было обнаружено никаких важных зданий, а скудные остатки храма Нингирсу в Телло относятся к сравнительно позднему периоду Ур-Бау и Гудеа. На последнем месте, однако, было обнаружено несколько более ранних построек, и, хотя они не носят чисто религиозного характера, вполне возможно, что они использовались в связи с храмовой службой. Помимо частных жилищ, это единственные постройки ранних шумеров, которые пока удалось восстановить, и они убедительно иллюстрируют примитивный характер городов этого времени.

Группа древнейших построек в Телло была обнаружена в кургане, известном как К, который возвышается над равниной на семнадцать метров. Он является самым большим и высоким после дворца Телль, к юго-востоку от которого он находится на расстоянии около двухсот метров.^[3] Здесь, во время своих последующих раскопок, М. де Сарсек наткнулся на остатки регулярного сельскохозяйственного предприятия, которые бросают интересный свет на некоторые места в ранних надписях, относящихся к постройкам практического, а не чисто религиозного характера. Правда, названия этих зданий часто трудно объяснить, но упоминание различных классов плантаций в связи с ними доказывает, что они в основном предназначались для сельскохозяйственных целей. Их названия чаще всего встречаются в записях Энтемена, но Ур-Нина называет по имени главное хранилище, и раскопки показали, что до его времени эта часть города уже приобрела свой более поздний характер. Здесь находился административный центр священного имущества, связанного с храмами, а также, возможно, и имущества самого патеси. Правда, название великого хранилища Нингирсу не встречается на кирпичах или записях, найденных в древних постройках на Телль-К, но вполне возможно, что это было название не отдельного здания, а общего комплекса зданий, дворов и пристроек, использовавшихся для заготовки и хранения продуктов с городских земель и плантаций.

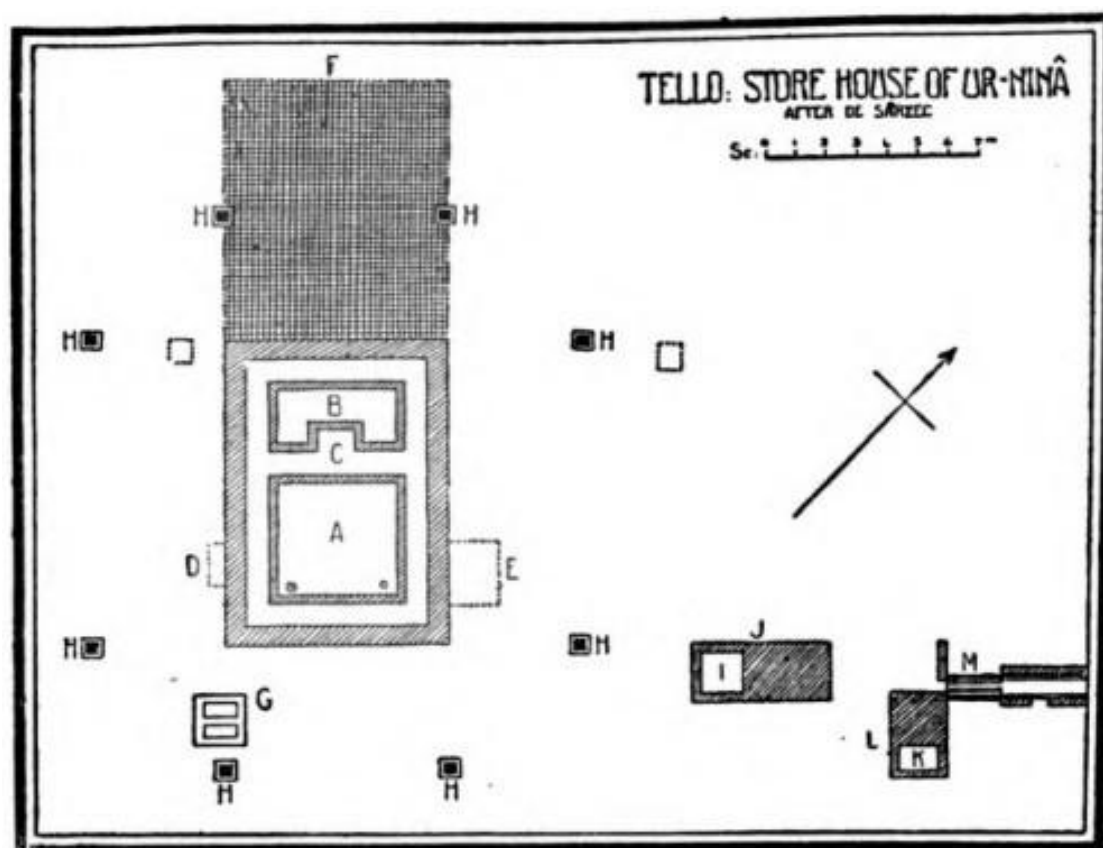

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФАСАД ЗДАНИЯ В ТЕЛЛО, СОЗДАННОГО УР-НИНОЙ, ЦАРЕМ ШИРПУРЛЫ.-Dés. *en Chald.*, pl. 54.

На глубине всего двух с половиной метров от поверхности Телля М. де Сарсек наткнулся на здание периода Гудеа, от которого сохранился только угол стены. Но, в отличие от большого Дворца Телль, где самые нижние раскопки не выявили ничего более раннего, чем правление Ур-Бау, здесь углубление траншей привело к обнаружению зданий, относящихся к самым ранним периодам истории города. В соответствии с принятой в стране практикой, при возведении каждого нового здания на этом месте фундамент того, которое оно вытеснило, оставляли нетронутым и бережно сохраняли в пределах новой платформы, чтобы поднять здание еще выше над равниной и создать прочную основу для его поддержки. Именно этой практике мы обязаны сохранением в сравнительно полном виде фундаментов более ранних сооружений в кургане. На небольшой глубине под зданием Гудеа были обнаружены остатки хранилища Ур-Нина. Сравнительно небольшое по размерам, оно ориентировано углами: две короткие стороны обращены на северо-запад и юго-восток, а две длинные - на юго-запад и северо-восток, в соответствии с обычной шумерской системой.^[4] Он был построен из обожженных в печи кирпичей, не квадратных и плоских, как у Гудеа или Саргона и Нарам-Сина, а продолговатых и плосковыпуклых, и на каждом из них в середине выпуклой стороны был отпечатан след большого пальца правой руки. На нескольких найденных кирпичах линейными буквами написано имя Ур-Нина, на которых запечатлено строительство "Дома Гирсу", а один из них относится к храму Нингирсу. Возможно, они не находились на своих первоначальных местах, но мало сомнений в том, что хранилище относится ко времени правления Ур-Нина, и вполне возможно, что оно использовалось в связи с храмом города-бога.

Построенное на платформе, состоящей из трех слоев кирпича, залитых битумом, здание сохранилось до высоты нескольких футов. Следует отметить, что ни на одной из сторон нет следов дверных проемов или входов, и, вероятно, доступ к ним осуществлялся снаружи по деревянным лестницам или лестницам из необожженного кирпича, доходившим до верхнего этажа. В точках D и E на плане видны следы того, что могло быть либо ступенями, либо контрфорсами, но они не относятся к первоначальному зданию и были добавлены в более позднее время. Отсутствие входа, безусловно, доказывает, что здание использовалось в качестве склада.^[5] Внутри здания

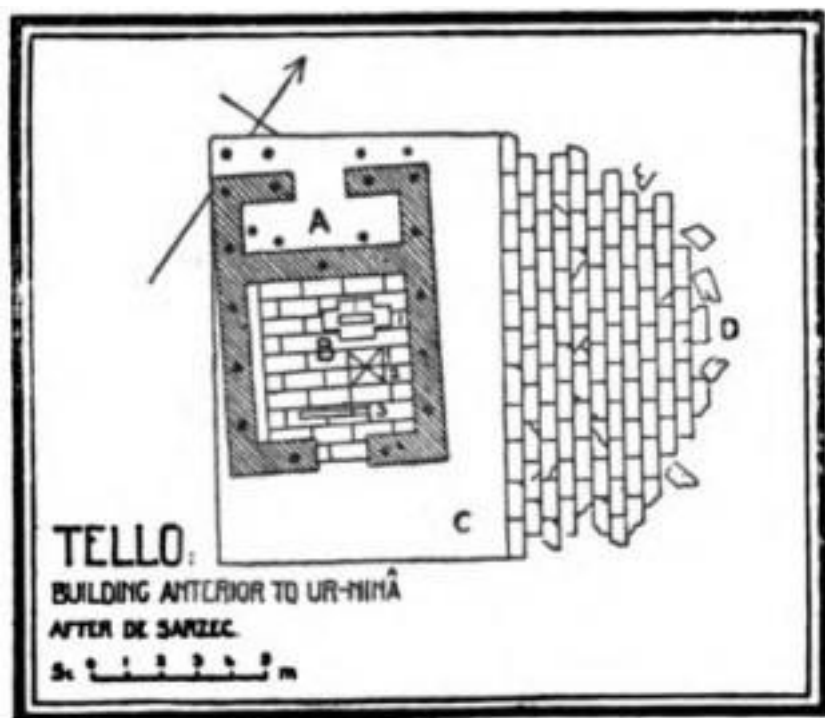
находятся две камеры, одна квадратная (А), другая более продолговатой формы (Б). Они были разделены поперечным проходом или коридором (С), который также проходил по кругу внутри внешних стен, что придавало внутренней камере дополнительную безопасность. Двойные стены хорошо защищали внутренние помещения от сырости и жары, а также затрудняли проникновение грабителей. Как в камерах, так и в переходах пол и стены покрывали битумом. Здесь могли храниться зерно, масло и перебродившие напитки в большом количестве, а также здание могло служить складом для оружия и инструментов, а также для более ценных видов строительных материалов.

TELLO: Хранилище Ур-Нина.

Вокруг внешней стороны здания, на расстоянии около четырех метров от него, расположен ряд из восьми кирпичных оснований, по два с каждой стороны, на одной линии со стенами. [6] На них стояли столбы из кедрового дерева, от которых еще видны обугленные останки. Вероятно, они поддерживали большой деревянный портик или галерею, которая шла вокруг стен здания и, несомненно, использовалась для временного хранения товаров и сельскохозяйственного инвентаря. С северо-восточной стороны здания кирпичный тротуар (F) простирался на некоторое расстояние за пределы галереи, а у южного угла, внутри ряда столбов и под крышей портика, находился небольшой двойной бассейн (G), тщательно выложенный битумом. На большем расстоянии от дома находились два больших бассейна или резервуара (I и K), рядом с которыми были построены платформы из кирпича и битума (J и L); с одним из них был связан канал или водоток (M). В более позднее время Эаннатум выкопал колодец недалеко к западу от хранилища Ур-Нина, и от него к круглому бассейну шел аналогичный водоток; большой овальный бассейн и другие прямоугольные резервуары были найдены несколько севернее. Они, как и резервуары Ур-

Нина, вероятно, использовались для мытья сосудов и очистительных процессов, сопровождавших приготовление и хранение финикового вина, отжим масла и другие многочисленные занятия большой сельскохозяйственной общины.

ТЕЛЛО: здание перед Ур-Ниной по проекту де Сарзека

Еще более раннее здание было обнаружено на глубине пяти метров под Ур-Ниной, но определить, для каких целей оно было построено, сложнее. Оно было построено на прочной платформе (C), которая имеет ту же ориентацию, что и хранилище Ур-Нина, и возвышается над землей на уровне, отмеченном остатками кирпичной мостовой (D). Странно, что само здание находится не в центре платформы, а по какой-то неизвестной причине было поставлено под небольшим углом к ней. Оно состоит из двух камер, в каждой из которых есть дверной проем: меньшая камера (A) находится на одном уровне с платформой, а большая (B) - значительно ниже ее, откуда, видимо, можно было попасть на лестницу. Через определенные промежутки вдоль поверхности стен находились выложенные битумом углубления, которые, возможно, поддерживали деревянные колонны надстройки, а возможно, и опоры арочной крыши из тростника. Возможно, здесь мы имеем дело с культовым сооружением, но глубина большей камеры позволяет предположить, что она, как и здание Ур-Нина, служила своего рода хранилищем или сокровищницей.

Кирпичи здания были маленькими и плосковыпуклыми, с отпечатками больших пальцев и без надписей, так что имя его строителя восстановить невозможно. Но предметы, найденные на той же глубине, свидетельствуют о высокой древности и дают нам представление о некоторых обитателях страны в то время, когда на поверхности кургана стояло это здание, одно из древнейших сооружений Лагаша. Круглый рельеф с изображением встречи вождей[7] был найден в виде фрагментов рядом со зданием. Другая архаичная скульптура того же отдаленного периода, которая также была найдена поблизости, представляет собой фигуру, увенчанную пальмовыми ветвями; одна рука поднята в позе речи или поклонения, а справа находятся два штандарта, поддерживающие, по-видимому, колоссальные буланные головы. Пол фигуры неясен, но это вполне может быть женщина; линии под подбородком, идущие из-за уха, не обязательно являются бородой, но могут быть предназначены для густой пряди волос, спадающей на правое

плечо. Сцена, вероятно, представляет собой акт поклонения, и архаичная надпись на поле бляшки, по-видимому, записывает список подношений, вероятно, в честь Нингирсу, имя которого упоминается вместе с именем его храма E-ninⁿⁱ. Интересно отметить, что в эту раннюю эпоху храм города-бога Лагаша уже носил свое более позднее название.

Fig. 33.

Рис. 38.- Архаическая бляшка из Телло, выгравированная в низком рельефе со сценой поклонения. В надписи на камне, которая, по-видимому, представляет собой список подношений, упоминается Нингирсу и его храм Э-нинну.

Самые ранние письменные записи шумеров, которыми мы располагаем, кроме тех, что выгравированы на камне и носят чисто votивный характер, касаются продажи и дарения земли, и они доказывают, что уже тогда существовали определенные обычаи в отношении передачи собственности, с которыми мы снова встречаемся в более поздние исторические периоды. Несколько таких табличек округлой формы, изготовленных из необожженной глины, были найдены в Лагаше на Телль-К, немного ниже уровня постройки Ур-Нина;^[8] их можно отнести к периоду, предшествующему его правлению. Другие такой же округлой формы, но из обожженной глины, были найдены в Шуруппаке. Примечательно, что в некоторых из этих документов, после описания количества проданной земли и указания основной цены, которая была за нее уплачена, перечисляется ряд дополнительных подарков, сделанных покупателем продавцу и его помощникам.^[9] Эти подарки состоят из волов, масла, шерсти и ткани, и точно такие же подарки записаны на обелиске Маништусу.^[10] Таким образом, получается, что даже в этот ранний период уже была прочно установлена система землевладения, которая преобладала как в Шумере, так и в Аккаде при предыдущих исторических правителях.

Из табличек Шуруппака мы также узнаем имена ряда ранних правителей или чиновников этого города, в чьи царствования или периоды правления были составлены документы. Среди найденных имен - Ур-Нинпа, Канизи и Маш-Шуруппак, но на табличках они не указаны, и невозможно сказать, предшествовала ли их должность должности патеси, или они были магистратами города, подчиненными правителю более высокого ранга. Еще один из ранних договоров купли-продажи начертан не на табличке, а на теле статуэтки из черного камня, найденной в Телло.^[11] Из текста мы узнаем, что покупателем имущества был некий Лупад, и фигурка, очевидно, призвана изображать его. Хотя она была найдена на месте Лагаша, а в тексте

говорится о покупке земли в этом городе, примечательно, что Лупад описан как высокопоставленный чиновник соседнего города Умма, который был главным соперником Лагаша на протяжении большей части его истории. Архаичный характер скульптуры и ранняя форма надписи на ней указывают на дату не намного позже Ур-Нина, так что мы должны предположить, что сделка произошла в тот период, когда один из двух соперничающих городов признал сюзеренитет другого. В отличие от других найденных шумерских фигур, голова Лупада имеет небольшой гребень над бровями и под скулами. Хейзи объясняет это короткими волосами и бородой, но более вероятно, что это указывает на границы тех частей головы и лица, которые были выбриты.^[12] Таким образом, Лупад не представляет собой исключения из общего шумерского метода обработки волос.

FIG. 39.

Рис. 39.- Фигура Лупада, высокопоставленного чиновника города Умма, с текстом, фиксирующим покупку земли в Лагаше (Ширпурла); из Телло. Находится в Лувре; см. *Comptes rendus*, 1907, p. 518.

Fig. 40.

Рис. 40. Статуя Эссара, царя Адаба, хранящаяся в Императорском Османском музее в Константинополе; из Бисмая.

Чтобы определить дату таких фигур, как Лупад, необходимо, в отсутствие других свидетельств, полностью руководствоваться стилем скульптуры и характером надписи. Было найдено несколько таких фигурок архаичного шумерского типа, и три из них представляют царей, правивших в разных городах в этот ранний период. Самая прекрасная из них - стоящая фигура Эсара, царя Адаба, которая была найдена во время американских раскопок в Бисмае и сейчас хранится в Императорском Османском музее в Константинополе. Его первооткрыватели утверждали, что это самый ранний из известных образцов шумерской скульптуры,^[13] но приблизительно его можно отнести ко времени правления династии Ур-Нина. Второй царь представлен двумя фрагментами статуэтки из Телло, надписанными архаичными иероглифами с посвящением Э-абзу, царю Уммы,^[14] а третий - это сидящая фигура царя северного города или района Маэр, или Мари, , хранящаяся в Британском музее.^[15] Такая же неопределенность касается даты Ур-Энлиля, патеси из Ниппура, чье имя упоминается на одном из фрагментов вотивных ваз из этого города, которые были найдены вместе на юго-восточной стороне храмовой башни.^[16] Как и в случае с Эсаром, царем Адаба, мы можем лишь приблизительно отнести этих правителей к периоду более ранних правителей Лагаша.

Именно с города Лагаш, можно сказать, начинается наше знакомство с шумерской историей. Раскопки этого места дали огромное количество материала, на основе которого можно расположить правителей на протяжении длительных периодов в хронологическом порядке и

реконструировать ту роль, которую они играли в конфликтах между ранними городами-государствами. Правда, некоторые из ее ранних царей и патетиков остались для нас не более чем именами, но с воцарением Ур-Нина мы вступаем в период, когда наши знания о событиях непрерывны, по крайней мере, в том, что касается судьбы города. С ростом ее могущества можно также проследить в некоторых деталях отношения, которые она поддерживала с другими великими городами страны.

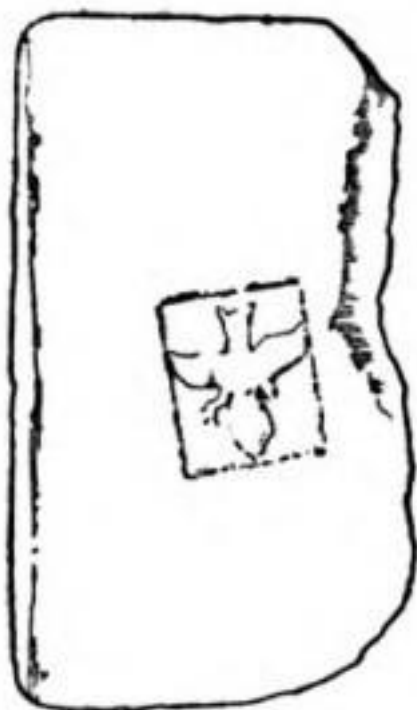

Fig. 41.

Эмблемы города Лагаш (Ширпурла) и бога Нингирсу. На верхнем рисунке изображена перфорированная табличка, посвященная Нингирсу из Ур-Нина. Ниже изображен кирпич с фигурой Имгига, львиноголового орла Нингирсу.- В Лувре; кат. No. 7 и *Déc.*, pl. 31 bis, No. 1.

В самый ранний период, о котором мы имеем какие-либо исторические записи, город Киш, по-видимому, осуществлял сюзеренитет над Шумером. Здесь в это время правил царь по имени Месилим, которому Лагаш, а возможно, и другие крупные города на юге, были обязаны верностью. Во время его правления патеси Лагаша был некий Лугаль-шаг-енгур, и у нас есть точные сведения о том, что он признавал главенство Месилима. В Телло была найдена вотивная

булава колоссальных размеров с надписью, гласящей, что она была посвящена Нингирсу Месилимом, который восстановил свой великий храм в Лагаше в то время, когда Лугаль-шаг-енгур был патеси этого города.^[17] Текст, краткость которого характерна для этих ранних votивных надписей, состоит всего из нескольких слов и гласит: "Месилим, царь Киша, строитель храма Нингирсу, положил эту буланую голову (для) Нингирсу (в то время, когда) Лугаль-шаг-енгур (был) патеси Лагаша". Несмотря на краткость надписи, она имеет большое значение, поскольку позволяет установить синхронность между двумя ранними правителями Шумера и Севера.

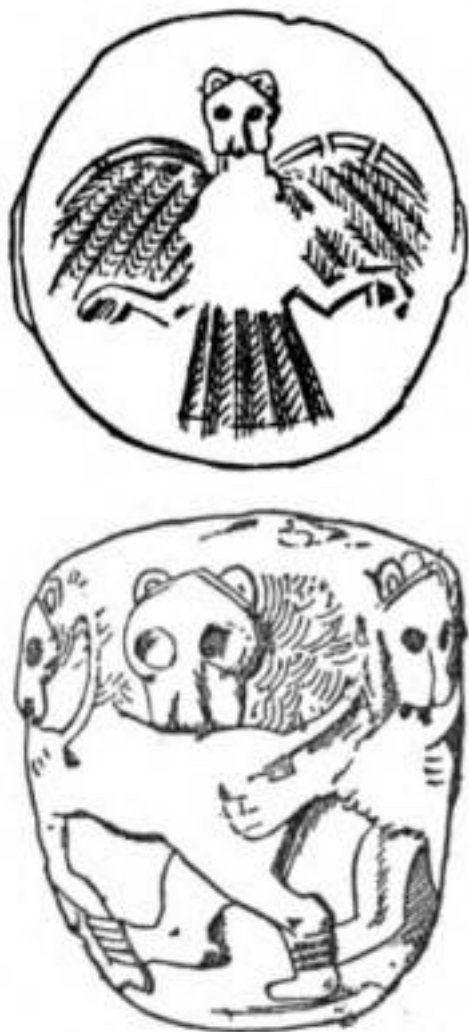

Fig. 42.

Рис. 42. Булавовидная голова, посвященная Нингирсу, богу Лагаша (Ширпула), Месилимом, царем Киша, во времена Лугаль-шаг-енгура, патеси Лагаша -Dés., pl 1 ter, No. 2; Cat. No 4.

Само оружие, на котором оно выгравировано, также заслуживает внимания. Как можно судить по его колоссальным размерам, булава никогда не предназначалась для реального использования в бою, а была изваяна по приказу Месилима с целью посвящения в храм бога. Она украшена грубо вырезанными фигурами львов, которые опоясывают ее и образуют единую рельефную композицию. Львов шесть, и они изображены преследующими и нападающими друг на друга. Каждый из них схватил заднюю лапу и спину предыдущего, таким образом, они образуют бесконечную цепь вокруг объекта и являются наиболее эффектной формой украшения. В отличие от большинства булавовидных наконечников, наконечник Месилима не перфорирован сверху донизу. Отверстие для приема рукояти оружия, хотя и глубокое, не продолжается до вершины

камня, на котором в низком рельефе высечено изображение львиноголового орла с распростертыми крыльями и вытянутыми когтями. При взгляде сверху это фантастическое животное выглядит как отдельная фигура, но его нельзя отделить от львов, бегущих по бокам буланой головы. На самом деле, во всей композиции можно увидеть развитие символа, который составлял герб города Лагаш и был своеобразной эмблемой города-бога Нингирсу.^[18] В последнем случае львиноголовый орел держит двух львов за спину, а в священной булаве Месилима мы имеем тот же мотив львиноголового орла над львами. Действительно, это было особенно подходящее votivное подношение для владыки Лагаша. Будучи сюзереном Лагаша, Месилим отремонтировал храм Нингирсу, бога города; колоссальная булава, украшенная рисунком, взятым из эмблемы города и его бога, была подходящим объектом для его надписи. Поместив ее в храм Нингирсу, он не только стремился заручиться благосклонностью местного бога своей набожностью, но и оставил в своем городе постоянную запись о своем владычестве.

О Лугаль-шаг-енгуре мы пока не знаем ничего, кроме его имени и того факта, что он был патеси Лагаша во времена Месилима, но последний правитель оставил более прочный след в истории. Что касается более позднего патеси Лагаша, то Энтемена, давая исторический обзор отношений, существовавших между его городом и соседним городом Умма, начинает свой рассказ с периода Месилима, и это служит дополнительным свидетельством того, какую роль этот ранний царь Киша играл в местных делах южной Вавилонии.^[19] Из надписи самого Месилима на булавовидной головке мы уже видели, что он интересовался ремонтом храмов и развитием местных культов в городах на юге; из записи Энтемена мы узнаем, что его деятельность распространялась и на урегулирование политических отношений между отдельными государствами. Близость Уммы к Лагашу приводила к постоянному соперничеству между двумя городами, и, хотя их разделял Шатт-эль-Хай,^[20] их территории не всегда ограничивались своими берегами. Во время правления Месилима антагонизм между городами дошел до крайности, и, чтобы предотвратить начало военных действий, Месилим выступил в роли арбитра, возможно, по приглашению двух спорящих сторон. Речь шла о границе между территориями Лагаша и Уммы, и Месилим, как арбитр, составил договор о разграничении.

Форма, в которую облечена запись договора, представляет особый интерес, поскольку наглядно иллюстрирует теократические чувства этих ранних народов. В соответствии с их точкой зрения, фактические пати Лагаша и Уммы не названы, а спор рассматривается как решенный богами. Божеством, которое председательствовало на конференции и по приглашению которого, как утверждается, был заключен договор, был Энлиль, "царь земель". Благодаря своему уникальному положению среди местных богов Вавилонии, его божественный авторитет признавали и младшие боги городов. Так, именно по его приказу Нингирсу, бог Лагаша, и бог города Умма установили границу. Правда, Месилим, царь Киша, упоминается по имени, но он действовал только по слову своей богини Кади, и его обязанности сводились к тому, чтобы записать договор, который составили сами боги. Мы не можем найти более яркого примера того, как ранние жители Вавилонии рассматривали богов-горожан в качестве фактических царей и правителей своих городов. Человеческие цари и патесисы были не более чем министрами или агентами, назначенными для исполнения их воли. Таким образом, когда один город вступал в войну с другим, это происходило потому, что их боги враждовали; территория города была собственностью города-бога, и, когда предлагался договор о разграничении, естественно, сами боги организовывали его и разрабатывали его положения.

Упоминание Месилима на конусе Энтемены позволяет нам приблизительно определить период его правления, но у нас нет таких средств для определения даты правления другого раннего правителя города Киш, чье имя было найдено во время американских раскопок на сайте в Ниппуре. Там были найдены три фрагмента вазы из темно-коричневого песчаника, на которых

выгравирована надпись Утуга, раннего патеси Киша. Говорят, что они были найдены в слоях под камерами большого храма Энлиля на юго-восточной стороне зиккурата, или храма-башни.^[21] Было бы опрометчиво строить какие-либо теории относительно датировки вазы только на основании положения, в котором, как говорят, были обнаружены ее фрагменты, но крайне архаичные формы символов надписи позволяют предположить, что она относится к самому раннему периоду вавилонской истории. Более того, Утуг назван на ней патеси, а не царем Киша, что говорит о том, что он правил в то время, когда Киш еще не имел той власти и влияния, которыми он пользовался при Месилиме. Гегемония в Шумере и Аккаде постоянно переходила от одного города к другому, так что вполне возможно, что Утуг был поставлен после Месилима, когда власть Киша временно ослабла. Но поскольку символы надписи Утуга гораздо архаичнее, чем у Месилима, мы можем условно отнести его к периоду до того, как Киш стал царством вместо своего патесиата. Но насколько большой промежуток времени отделял Утуга от Месилима, сказать невозможно.

ЛИМЕСТОУНОВЫЕ ФИГУРЫ ПРАВИТЕЛЕЙ РАННЕГО СУМЕРИЙСКОГО ПЕРИОДА.-Brit. Mus., № 22470 и 90828.

Если предположить, что Утуг правил в этот ранний период, мы можем увидеть во фрагментах его вазы из Ниппура свидетельства борьбы, в результате которой город Киш достиг того положения превосходства, которым он пользовался при Месилиме. Ведь ваза Утуга не была привезена в Ниппур как трофей из Киша, а была помещена самим Утугом в храм Энлиля в память о победе, которую он одержал над землей Хамази. Здесь мы узнаем имя одного из врагов, с которыми Кишу пришлось сражаться на ранних этапах своего существования в качестве независимого города-государства, и можно предположить, что еще много подобных сражений пришлось провести и выиграть, прежде чем его влияние стало ощущаться за пределами Аккада шумерскими городами на юге. Тот факт, что после победы Утуг передал вазу на хранение в Ниппур в качестве благодарственной жертвы, доказывает, что в его время святилище Энлиля уже считалось

центральным святилищем Вавилонии. Замама, бог Киша, одержал победу над Хамази, но Энлиль, как верховный владыка мира, имел право на некоторое признание и благодарность, а также, вероятно, на долю добычи. Из одной строки надписи на вазе Утуга можно сделать вывод, что его отца звали Базузу, но, поскольку за этим именем не следует титул, его нельзя считать патеси Киша. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Утуг не был преемником своего отца на троне. Был ли он узурпатором или сменил какого-то другого родственника, а также последовал ли он за своими военными успехами, основав в Кише могущественную династию, к которой, возможно, принадлежал Месилим, - вот вопросы, на которые, возможно, удастся ответить в результате будущих раскопок в Северной Вавилонии.

Вполне вероятно, что раннее господство, которым Киш пользовался во время правления Месилима, продолжалось некоторое время после его смерти. Во всяком случае, известны имена еще двух ранних правителей этого города, и, поскольку оба они носят титул царя, а не патеси, мы можем заключить, что они жили в период процветания или расширения города. Имя одного из этих царей, Урзаге, встречается на разбитой вазе из белого кальцитового сталагмита, которая была найдена в Ниппуре, примерно в том же месте, что и ваза патеси Утуг.^[22] Надпись на вазе гласит, что она была посвящена Урзаге Энлилю, "царю земель", и его супруге Нинлиль, "владычице неба и земли". Конец текста отсутствует, но мы можем предположить, что, как и его предшественник Утуг, царь посвятил вазу в храме Энлиля в Ниппуре в благодарность за победу над врагами. Таким образом, в посвящении вазы мы можем увидеть еще одно доказательство дальнейшего процветания Киша, хотя очевидно, что он сохранил свое положение среди других великих городов земли только силой оружия. Имя другого раннего царя Киша, Лугаль-тарси, известно нам по короткой надписи на небольшой табличке из ляпис-лазури, хранящейся в Британском музее.^[23] В тексте говорится о строительстве стены ограды, или внешнего двора, храма, посвященного Ану и богине Нинни, но, поскольку происхождение надписи неизвестно, на ее основе невозможно строить какие-либо аргументы относительно степени влияния Киша в период правления Лугаль-тарси.^[24] Таковы немногие факты, дошедшие до нас относительно самого раннего периода господства Киша. Но судьбе города было суждено претерпеть полные изменения в связи с усилением власти Лагаша, которое произошло во время правления Эаннатума. Прежде чем мы опишем передачу власти с севера в Шумер, необходимо проследить наши шаги до того места, где мы оставили историю этого города, в то время, когда Месилим правил на севере.

Имена преемников Лугаль-шаг-енгура, современника Месилима, на троне Лагаша пока не найдены, и мы не знаем, насколько большой промежуток времени отделял его правление от правления Ур-Нина, раннего царя Лагаша, от времени которого в Телло было найдено так много надписей и археологических останков.^[25] Возможно, что в этом периоде мы должны найти еще одного правителя Лагаша по имени Баду, на которого ссылается Эаннатум на знаменитой Стеле стервятников. Отрывок встречается в небольшом фрагменте первой колонки текста, выгравированного на стеле,^[26] следующей строке, содержащей титул "Царь Лагаша". Контекст отрывка не сохранился, но возможно, что знаки, которые предшествуют титулу, следует воспринимать как имя собственное, и в этом случае они дадут имя раннего правителя города. В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что в тексте на архаичной глиняной табличке, найденной под уровнем здания Ур-Нина в Телло^[27], встречается имя Баду, и, хотя оно не используется там как имя царя или патеси, этот отрывок можно рассматривать как свидетельство использования Баду в качестве собственного имени в эту раннюю эпоху.

Если предположить, что Баду представляет собой царское имя, то на основании внутренних свидетельств, представленных в надписи Эаннатума, можно сделать вывод, что он жил и царствовал в какой-то период до Ур-Нина. Вводные колонки текста Эаннатума, по-видимому, дают краткую историческую справку об отношениях, которые поддерживались между Лагашем и

соседним городом Умма в период, предшествовавший правлению самого Эаннатума. Теперь во второй колонке текста описывается отношение Уммы к Лагашу в правление Акургала, сына и преемника Ур-Нина; таким образом, напрашивается естественный вывод, что Баду был еще более ранним правителем, правившим, по крайней мере, до Ур-Нина. Был ли он правителем до Лугал-шаг-енгура, данных для решения этого вопроса нет. Следует отметить, что Эаннатум называет его "царем" Лагаша, а не "патеси", но использование Эаннатумом этих титулов применительно к своим предшественникам непоследовательно, и то, что он называет Баду "царем", не является доказательством того, что Баду сам претендовал на этот титул. Но он мог это сделать, и мы можем условно поместить его в промежуток между патеси Лугал-шаг-енгура и Ур-Нина, который в своих многочисленных текстах, которые были восстановлены, всегда утверждает титул "царь" вместо "патеси", что говорит о росте власти и значения Лагаша.^[28] К этому же периоду, вероятно, можно отнести Энхегала, еще одного раннего царя Лагаша, чье имя было найдено на архаичной табличке из известняка.^[29]

Возможно, что сам Ур-Нина, хотя и не был великим воином, сделал что-то для обеспечения или, по крайней мере, для поддержания независимости своего города. Во всяком случае, мы знаем, что он был основателем своей династии, поскольку ни своему отцу Гуниду, ни деду Гурсару он не приписывает никаких титулов. Можно предположить, что он принадлежал к могущественному шумерскому роду в Лагаше, но получил ли он трон по наследству от какой-то боковой ветви или добился его в результате восстания внутри города, не сообщается. Странно, что ни в одной из своих многочисленных надписей он не заявляет о каких-либо завоеваниях или достижениях в области. Большинство его текстов, правда, носят посвятельный характер, но, если судить по текстам других шумерских правителей, этот факт не должен был помешать ему ссылаться на них, если бы у него были такие успехи, о которых следовало бы вести хронику. Ближайшим приближением к записи военного характера является то, что он восстановил стену Лагаша. Поэтому очевидно, что, хотя он и не проводил агрессивной политики, он не пренебрегал защитой собственного города. Но, похоже, этим и ограничивались его амбиции: пока укрепления города были целы, а имеющихся в его распоряжении вооруженных людей хватало для обороны самого Лагаша и его окраин, он не стремился пополнить собственную славу или богатство города за счет внешних завоеваний. Молчание Энтемены относительно отношений Лагаша с Уммой в этот период не является убедительным доказательством того, что договор Месилима все еще оставался в силе или что мир, который он открыл, оставался нерушимым. Но молчание Энтемены полностью совпадает с молчанием самого Ур-Нина, и мы можем сделать вывод, что, несмотря на свои претензии на царский титул, ему удалось избежать ссоры с наследственным врагом своего города. Отношение Ур-Нина к городу-государству на его собственных границах можно рассматривать как типичное для его политики в целом. Ониксовая чаша, которую он посвятил богине Бау, возможно, была частью некоторой добычи, полученной в битве,^[30] но его целью было посвятить свои силы улучшению своей земли и украшению своего города. Поэтому вполне естественно, что его надписи^[31] состоят из простых каталогов названий храмов и других зданий, возведенных во время его правления, вместе с перечнями статуй, которые он посвятил своим богам, и каналов, которые он прорубил, чтобы увеличить материальное благосостояние своего народа.

Но, хотя политика Ур-Нина, судя по всему, носила в основном внутренний характер, он не прекращал поддерживать отношения с другими городами в сфере соблюдения религиозных обрядов. То, что он должен был продолжать активное общение с Ниппуром, религиозным центром всей Вавилонии, следует из практики того периода, и, вероятно, с этим связано посвящение Энлилю одного из каналов, который был прорублен во время его правления. Более яркий пример почтения Ур-Нина к богу другого города можно увидеть в его отношениях с Энки, шумерским прототипом бога Эа. Когда Ур-Нина планировал перестройку храма Э-нинну, он,

похоже, принял меры предосторожности, чтобы обеспечить успех своего плана, обратившись напрямую к Энки, богу города Эриду. На диоритовой табличке, найденной в Телло[32], он записывает свою молитву Энки, чтобы тот в своем качестве главного прорицателя использовал свой чистый тростник, жезл для гадания, чтобы работа была хорошей, и произнес благоприятное прорицание. Храм Энки в городе Эриду, недалеко от берега Персидского залива, был одним из самых ранних и священных шумерских святилищ, и мы, возможно, представляем себе Ур-Нина как путешествующего туда из Лагаша, чтобы лично принести свое прошение в присутствии его таинственного бога.

Из божеств Лагаша, служению которым Ур-Нина, по-видимому, посвятил себя, богиня Нина, чье имя он носил в своем собственном, была одной из самых благосклонных. Ведь одна из главных претензий на выдающееся положение, которую он выдвигает, заключается в том, что он построил ее храм в Лагаше; и хотя, в отличие от более позднего великого строителя Гудеа, он дает в своих надписях мало подробностей о своей работе, мы можем заключить, что он потратил на нее все свои ресурсы. Он также хвастается тем, что сделал статую Нины, которую, несомненно, установил в ее храме, а один из своих каналов посвятил ей. Ее дочь Нинмар не была обделена вниманием: он пишет, что построил и ее храм, а также воздвиг храм для Гатумдуг, заступницы Нины, и сделал ее статую. Другая группа построек Ур-Нина была связана с поклонением Нингирсу, богу города Лагаш, чьи притязания правитель, столь преданный интересам своего города, как Ур-Нин, естественно, не стал бы игнорировать.

Взглянув на его тексты, можно увидеть, что Ур-Нина не раз называет себя строителем "Дома Гирсу", под этим названием он подразумевает Э-нинну, великий храм, посвященный Нингирсу, поскольку он стоял в том квартале города, который назывался Гирсу, и был, безусловно, самым важным его зданием.[33] Он также построил Э-па, святилище, тесно связанное с Э-нинну и поклонением Нингирсу. Этот храм был дополнен позднее Гудеа, который установил в нем своего бога-покровителя Нингизиду и поместил в его святилище брачные дары Бау, супруги Нингирсу; возможно, что ониксовая чаша Ур-Нина, посвященная Бау, и найденные с ней фрагменты других чаш[34] были помещены Ур-Нином в тот же храм. Среди других божеств из окружения Нингирсу, которых Ур-Нина выделил для особого почитания, можно упомянуть Дуншаггу, сына Нингирсу, и Ури-зи, бога, чьей обязанностью было присматривать за *харимом* Нингирсу. Среди меньших храмов или частей храмов, которые были построены или восстановлены им, был Тиращ, где в день появления новой луны было принято устраивать праздник в честь Нингирсу; другим актом благочестия, о котором пишет Ур-Нина, было изготовление статуи Лугаль-уру, бога, от праздника которого получил свое название один из шумерских месяцев. В этой связи можно также упомянуть бога Дун..., [35], которого Ур-Нина называет "богом-царем", поскольку он находился в особом отношении к Ур-Нине и его семье. Он стал божеством-покровителем династии, которую основал Ур-Нина, и вплоть до правления Энннатума II был личным покровителем правящего царя или патеси Лагаша.[36]

Для строительства своих храмов Ур-Нина говорит, что добывал древесину в горах, но, в отличие от Гудеа более поздней эпохи, он не привозил мастеров из-за границы. Помимо строительства храмов, главным занятием Ур-Нина, по-видимому, была прокладка каналов; среди них был канал Асухур, на берегах которого его внук Энннатум выиграл битву. О том, что изменения, внесенные им в канализацию страны, были вполне успешными, можно судить по многочисленным хранилищам и складам, которые, по его словам, он построил в связи с различными храмами[37], а также по его заявлению о том, что, когда он пристроил храм Нингирсу, он хранил большое количество зерна в храме-хранилище. На самом деле, судя по оставленным им надписям, Ур-Нина предстает перед нами как мирный монарх, преданный поклонению богам своего города и благополучию своего народа. Его амбиции лежали в пределах его собственных границ, и, когда он

обеспечил свою границу, он довольствовался мирными занятиями. Несомненно, благодаря этой мудрой и дальновидной политике ресурсы города были рационально использованы, так что при его более знаменитом внуке она смогла отразить нападение врагов и начать карьеру внешних завоеваний. Посмертная слава Ур-Нина свидетельствует о том, что его правление было периодом мира и процветания для Лагаша. Его правнук Энтемена хвастается тем, что является его потомком, и приписывает ему титул царя Лагаша, на который он не претендовал ни для себя, ни для своего отца Эннантума I. Даже в правление Лугаль-анды в Лагаше продолжали совершать жертвоприношения в связи с его статуей.^[38]

Чтобы получить представление об Ур-Нине, мы не должны полагаться только на то, что можно почерпнуть из самих надписей. Ведь он оставил нам скульптурные изображения не только себя, но и своих сыновей и главных чиновников, из которых мы можем составить очень четкое представление о примитивных условиях жизни, существовавших в Шумере во времена этого раннего правителя. Скульптуры представляют собой известняковые бляшки, грубо вырезанные в низком рельефе с фигурами Ур-Нина в окружении его семьи и двора.^[39] Бляшки имеют продолговатую форму, углы слегка закруглены, а в центре каждой из них просверлено круглое отверстие. Хотя они явно носят votивный характер, точный объект, для которого они предназначены, на первый взгляд не ясен. Предполагалось, да и сейчас предполагается, что дощечки крепились вертикально к стенам святилищ^[40], но это объяснение было опровергнуто находкой дощечки, или скорее блока, Дуду, жреца Нингирсу во время правления Энтемена. По форме последней, обратная сторона которой не плоская, а пирамидальная, а также по надписи на ней, мы можем предположить, что целью этих перфорированных барельефов было формирование горизонтальных опор для церемониальных булав или священных эмблем, которые посвящались в качестве votивных подношений в храмах богов.^[41] Большая ценность барельефов из Ур-Нина заключается в том, что они дают нам яркое представление о царских особах и высокопоставленных чиновниках в этот ранний период.

ПЛАКЕТ УР-НИНА, ЦАРЯ ШИРПУРЛЫ, ИЗОБРАЖЕННЫЙ С РЕПРЕЗЕНТАЦИЯМИ ЦАРЯ И ЕГО СЕМЬИ -
в Лувре; *Déc. en Chald., pl. 2 (bis)*.

Плакетка Дуду, священника Нингирсу во время правления Энтемена, патеси Ширпурлы. В Лувре; *Déc. en Chald., pl. 5 (bis)*.

На самой большой из дощечек[42] изображены две отдельные сцены, в каждой из которых Ур-Нинâ представлен в разных позах и с разными занятиями, а вокруг него стоят его сыновья и министры. В верхней сцене царь стоит; он обнажен до пояса, его ноги голые, а вокруг его чресл надета грубая шерстяная одежда того времени,[43] , а на бритой голове он держит корзину, которую поддерживает правой рукой. В тексте, выгравированном рядом с царем, помимо его имени и генеалогии, говорится о том, что он построил храм Нингирсу, абзу-банду, которая, вероятно, была большой умывальницей или бассейном, предназначенным для храмового богослужения, и храм Нина; было высказано предположение, что царь здесь изображен с корзиной для подношений, чтобы положить ее перед своим богом или богиней. Но корзина, которую он несет, в точности похожа на те, которые несут рабочие для насыпания земли на мертвых, как это изображено на Стеле грифов,[44] и корзины всегда использовались на востоке рабочими и строителями для переноски земли и других строительных материалов. Поэтому более вероятно, что царь здесь предстает в образе рабочего, несущего материалы для строительства храмов, о которых говорится в тексте. То же самое объяснение применимо к медным вотивным фигуркам более позднего периода, которые изображены с корзинами на головах. В таком же духе Гудеа оставил нам статуи, изображающие себя в роли архитектора, держащего в руках табличку и правила; Ур-Нина предстает в еще более скромной роли рабочего, занятого реальной работой по строительству храма для своего бога.

Fig. 43.

Рис. 43. Ранняя шумерская женская фигура, демонстрирующая шумерское платье и способ укладки волос -Dés., *pl 1 ter*, No 3.

Позади царя находится маленькая фигурка, предназначенная для царского виночерпия Аниты, а перед ним - пятеро его детей. Обычно считается, что первая из этих фигурок, носящая имя Лидда и одетая в более замысловатое платье, чем остальные четыре, предназначена для старшего сына короля.[45] Но помимо характерного платья, эта фигура отличается от остальных тем, что носит длинные волосы, а не обритую голову. В этом отношении она имеет некоторое сходство с архаичной статуэткой, которая, по-видимому, изображает женщину;[46] , а знак, прикрепленный к имени Лидды, выгравированному на камне, возможно, означает "дочь", а не "сын". Таким образом, не исключено, что мы должны отождествить эту фигуру с дочерью Ур-Нина. Остальные фигуры в ряду - это четыре сына царя, которых зовут Акургал, Лугал-эзен, Аникурра и Мунинникурта. Любопытно отметить, что высота этих фигур увеличивается по мере их удаления от царя. Так, первая из маленьких фигур, фигура Акургала, сменившего Ур-Нина на троне, изображена меньше своих братьев, в связи с чем было высказано предположение, что он не был старшим сыном царя,[47] , к которому мы вернемся позже. В сцене, изваянной на нижней половине доски, царь представлен сидящим на троне и поднимающим в правой руке чашу, из которой он, по-видимому, возносит возлияние. Вероятно, в этой группе мы видим изображение царя, посвящающего храм после завершения строительства. В надписи говорится о том, что он принес дерево с гор, которое, несомненно, использовалось при строительстве храмов, - деталь, подчеркивающая трудности, которые он преодолел. Чашечник, стоящий за тронном, в этой сцене - не Анита, а Сагантуг, в то время как фигура, стоящая перед царем, - высокопоставленный чиновник по имени Дуду, а слева от Дуду - еще три сына царя по имени Анунпад, Менудгид и Аддатур.

На меньшей табличке, более овальной по форме, чем большая, изображенная на табличке на с. 110, но, как и она, прекрасно сохранившейся, представлена похожая сцена, хотя и с меньшей проработкой деталей. Судя по надписи, эта табличка также посвящена строительству храма Нингирсу.

Fig. 44.

Дощечка Ур-Нина, царя Лагаша (Ширпурла), изваянная с изображениями его самого, его виночерпия, Аниты, и четырех его сыновей.-*Déc., pl. 2 bis, № 2; Cat. No. 9.*

Здесь царь не несет корзину, а изображен стоящим со сцепленными на груди руками - поза смирения и покорности в присутствии своего бога. В остальном и царь, и меньшие фигуры его сыновей и министров задуманы так же, как и на большей доске. Маленькая фигурка сразу за царем - это Анита, носительница кубка, а слева от Аниты - сын царя Акургал и персонаж, носящий имя Барсаганнуду. В верхнем ряду находятся еще две маленькие фигурки по имени Лугал-эзен и Гула. Из самой большой таблички мы знаем, что Лугал-эзен был сыном Ур-Нина, поэтому отсутствие такого описания у Гулы и Барсаганнуду не является существенным, и вполне справедливо предположить, что оба они, как и Лугал-эзен, были сыновьями царя. Но примечательно, что из четырех фигур единственной, которая конкретно описывается как "сын" Ур-Нина, является Акургал.

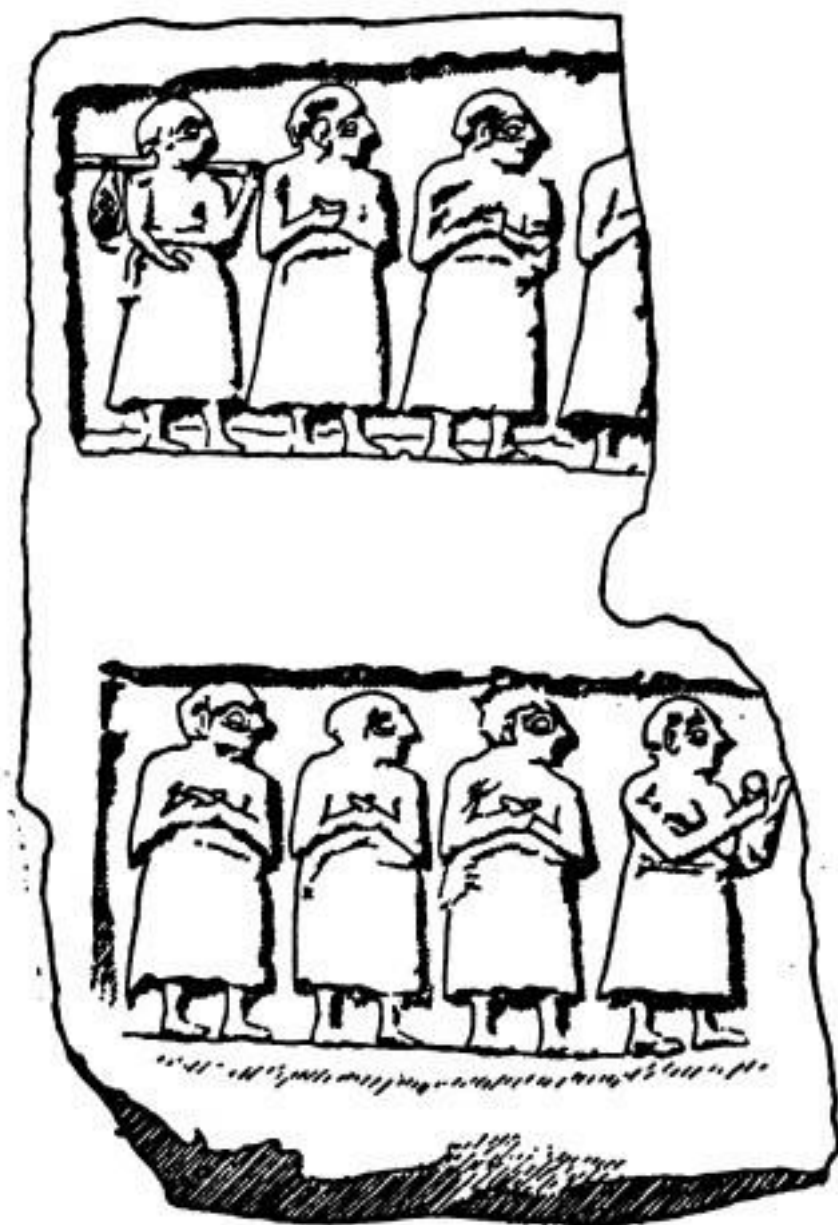

FIG. 45.

Рис. 45.- Фрагмент таблички Ур-Нина, царя Лагаша (Ширпурла), изваянной с изображениями его сыновей и высокопоставленных чиновников его двора -*Déc., pl. 2 ter, No. 1*; в Императорском Османском музее.

Еще одна из дощечек Ур-Нина сохранилась не полностью, поскольку отсутствует правая половина, на которой находилась фигура или, возможно, две фигуры царя. На восстановленной части высечены два ряда фигур, обе обращены вправо. Первый в нижнем ряду - Анита, виночерпий; далее следует высокопоставленный чиновник по имени Банар; затем Акургал, , отличающийся титулом "сын", и крайний слева Намазуа, писец. Из четырех фигур, сохранившихся в верхнем ряду, две центральные - Лугаль-эзен и Мунинникурта, оба носят титул "сын", как и на самой большой из трех дощечек. Чтение имен на фигурах справа и слева неясно, но, вероятно, они предназначены для придворных чиновников. Тот, кто находится слева от линии, представляет определенный интерес, поскольку он несет на левом плече посох, с которого свисает сумка . Возможно, мы

считаем его королевским камергером, который контролировал снабжение дворца; или же в его обязанности входило присматривать за провизией и жильем для двора, если король отправлялся в путешествие из одного города в другой.^[48]

В то время как сыновья Ур-Нина на меньших бляшках все примерно одинакового размера, мы отметили, что аналогичные фигуры на самой большой бляшке немного отличаются по высоте. Было высказано предположение, что намерением скульптора было указать на разницу в возрасте между братьями, и, как следствие, утверждалось, что Акургал, сменивший Ур-Нина на троне Лагаша, был его пятым, а не старшим сыном. Этот вывод был использован для того, чтобы предположить, что после смерти Ур-Нина в государстве Лагаш наступил период слабости, вызванный разладом между его сыновьями; и во время предполагаемой борьбы за престол предполагается, что город мог быть отвлечен внутренними конфликтами и, как следствие, не смог сохранить свою независимость как город-государство, которую ему удалось восстановить только в правление Эаннатума, сына и преемника Акургала.^[49] Но краткое рассмотрение этой теории покажет, что она мало чем обоснована, и вполне вероятно, что небольшая разница в росте фигур является случайной и не связана с их возрастом. Можно признать, что многое зависит от пола Лидды, которая на самой большой плите обращена к стоящей фигуре Ур-Нина. Если это сын царя, то более богатая одежда выдает в нем кронпринца; но даже в этом случае можно предположить, что Акургал был вторым сыном Ур-Нина, и что он унаследовал трон в результате того, что Лидда умерла раньше своего отца. Но уже были приведены основания полагать, что Лидда была дочерью, а не сыном Ур-Нина. В таком случае Акургал занимает почетное место среди своих братьев, стоящих ближе всех к царю. Его отличает от них и кубок, который он несет; на самом деле он выступает здесь как подносящий Лидде кубок, который для царя выполняют Анита и Сагунтуг.

То, что наследный принц представлен здесь как сопровождающий свою сестру, может показаться странным, но, учитывая наши несовершенные знания об этом раннем периоде, не следует отвергать это предположение только на этом основании. Действительно, класс храмовых прихожан, занимавших высокое социальное положение при семитских царях Первой династии Вавилона, вероятно, имел свой аналог в центрах шумерского поклонения в еще более ранние времена; и есть свидетельства, что во времена Первой династии в этот орден входили члены царского дома. Более того, таблички, относящиеся к периоду правления династии Ур-Нина, свидетельствуют о важной роли, которую женщины играли в общественной и официальной жизни ранних шумеров.^[50] Таким образом, вполне возможно, что дочь Ур-Нина занимала высокий пост в храмовой иерархии, и ее присутствие на табличке может быть связано с какой-то особой церемонией или актом посвящения, в котором она имела честь играть главную роль после царя или быть его главным помощником. В таких обстоятельствах было бы неестественно, если бы ее старший брат присутствовал при этом. В обеих других композициях Лидды нет, и почетное место занимает Акургал. В одной из них он стоит в одном ряду с царем, сразу за царским виночерпием, и является единственным царским сыном, который специально обозначен как таковой; в другой он снова стоит в одном ряду с царем, отделенный от Аниты, виночерпия, высоким государственным чиновником, а за ним следует царский писец. В этих сценах он явно занимает наиболее выгодное положение, и, если Лидда была не его сестрой, а кронпринцем, отсутствие последнего на трудно объяснить, разве что предположить, что его смерть наступила до того, как были изготовлены меньшие дощечки. Но тексты на всех трех дощечках сообщают о строительстве храма Нингирсу, и, таким образом, они, похоже, были подготовлены по

одному и тому же случаю, что придает дополнительный вес предположению о том, что Лидда была дочерью Ур-Нина, а Акургал - его старшим сыном.

Но независимо от того, был ли Акургал старшим сыном Ур-Нина или нет, свидетельство по крайней мере меньшей из двух полных дощечек, похоже, показывает, что он был признан кронпринцем при жизни своего отца, и мы можем заключить, что он был непосредственным преемником Ур-Нина. Для оценки его правления мы должны полагаться на упоминания о нем, сделанные его двумя сыновьями. Уже упоминалось, что ранняя часть текста, выгравированного на Стеле стервятников, по-видимому, дает представление об отношениях между Лагашем и Уммой во время правления, предшествующего правлению Эаннатума,^[51] а в плохо сохранившемся отрывке во второй колонке мы находим упоминание об Акургале, сыне Ур-Нина. Контекст нарушен, но "люди Уммы" и "город Лагаш" упоминаются почти сразу перед именем Акургала,^[52] и, похоже, что Эаннатум здесь ссылается на конфликт, произошедший между двумя городами во время правления первого. Следует отметить, что в своем конусе^[53] Эаннатум не упоминает ни о какой войне в этот период, и, как и в случае с правлением Ур-Нина, его молчание может быть истолковано как указание на непрерывный мир. Но эти повествования можно согласовать, если предположить, что конфликт в правление Акургала не имел большого значения или что он не касался плодородной равнины Гу-эдин. Следует помнить, что текст о Конусе Энтемена был написан после бурных времен Эаннатума, дяди Энтемена, и успехи, одержанные этим монархом в борьбе с Уммой, естественно, имели в его глазах гораздо большее значение, чем менее значительные конфликты его предшественников. Правда, он описывает еще более раннее вмешательство Месилима в дела Лагаша и Уммы, но это потому, что фактическая стела или пограничный камень, установленный Месилимом, был удален людьми Уммы в царствование Эаннатума, что и спровоцировало войну. Таким образом, история о вмешательстве Месилима, в результате которого был установлен пограничный камень, является естественным введением к записи о походе Эаннатума; и тот факт, что эти два события следуют друг за другом в тексте Энтемена, не противоречит тому, что менее важный конфликт был записан в "Стеле стервятников" как имевший место в царствование Акургала.

Единственным свидетельством достижений Акургала являются титулы, приписываемые ему двумя его сыновьями. На Стеле стервятников^[54] Эаннатум называет его "царем" Лагаша, и только из этого отрывка можно сделать вывод, что он, как и его отец Ур-Нина, добился успеха в сохранении независимости своего города. Но в других текстах, посвященных камням, кирпичам и небольшой колонне, Эаннатум называет его только "патеси", как и другой его сын Эаннатум I. Следует отметить, что в большинстве своих надписей Эаннатум присваивает себе титул патеси, а в конце одной из них, где он перечисляет длинный список своих завоеваний, он восклицает: "Он (*то есть* Эаннатум) - сын Акургала, патеси Лагаша, а его дед - Ур-Нина, патеси Лагаша".^[55] То, что он называет Ур-Нина "патеси", не согласуется с собственными текстами этого правителя, но, если сам Эаннатум в начале своего правления был всего лишь патеси, а его отец был им до него, он вполне мог не обратить внимания на более амбициозный титул, на который претендовал его дед, тем более что это упущение усилило бы величие его собственных достижений. Возможно также, что в это время различие между двумя титулами не было столь строгим, как в более поздние периоды, и их изменение не всегда означало соответствующие политические перемены.^[56] Как бы то ни было, последующие конфликты Эаннатума свидетельствуют о том, что Лагаш не смог сохранить свою свободу. Мы можем предположить, что Север снова вмешался в дела Шумера, и что Киш положил конец сравнительной независимости, которой город пользовался во время правления Ур-Нина.

[1] О раскопках в Ниппуре и их результатах см. в Hilprecht, "Explorations in Bible Lands", pp. 289 ff., и Fisher, "Excavations at Nippur", Pt. I. (1905), Pt. II. (1900).

[2] В более поздний период она была превращена в парфянскую крепость.

[3] См. план Телло на [стр. 19](#).

[4] Например, сравните ориентацию храма Энлиля на стр. 88.

[5] Его сравнивают с египетскими зернохранилищами, изображенными на настенных росписях или представленными моделями, помещенными в гробницы; см. Heuzey, "Une Villa royale chaldéenne,"-p. 9 f.

[6] См. Н, Н на плане.

[7] См. выше, [п. 45 f.](#)

[8] Ср. Heuzey, "Une Villa royale", p. 24.

[9] Ср. Thureau-Dangin, "Recueil de tablettes chaldéennes", p. i. f., № 1 ff., 9 ff., и "Rev. d'Assyr.", VI., pp. 11 ff.

[10] См. ниже, гл. VII, [с. 206 и далее](#).

[11] Ср. Heuzey и Thureau-Dangin, "Comptes rendus de l'Acad. des Inscriptions", 1907, pp. 516 ff. Голова этой фигурки была найдена за много лет до этого М. де Сарзекон и опубликована в "Déc. en Chald.", p. 6 *ter*, Figs. 1 *a* и *b*.

[12] Ср. Meyer, "Sum. und Sem.", p. 81, n. 2.

[13] Ср. Бэнкс, "Scientific American", 19 августа 1905 г., с. 137, и "Amer. Journ. Semit. Lang.", XXI., p. 59.

[14] "Déc. en Chald.", pl. 5, No. 3.

[15] См. табличку напротив [с. 102](#). Царь из фигуры Маэра - тот, что справа.

[16] Ср. Хильпрехт, "Old Bab. Inscr.", II., pl. 44, No. 96, и Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 158 f.

[17] См. Heuzey, "Revue d'Assyr.", IV., p. 109; ср. "Königsinschriften", p>. 160 f.

[18] См. блоки на [с. 98](#). Вариант эмблемы встречается на перфорированном блоке Дуду (см. табличку на с. 110). Там львы поворачиваются, чтобы укусить расправленные крылья орла, что указывает на то, что эмблема символизирует вражду, закончившуюся победой Лагаша (см. Heuzey, "Cat.", p. 121).

[19] См. Конус Энтемена, "Déc. en Chald.", p. xlvii.; и ср. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", IV., pp. 37 и далее, и "Königsinschriften", pp. 36 и далее. Очерк ранних отношений Лагаша и Уммы у Энтемена предшествует его рассказу о завоевании последнего города; см. ниже, с. 164 и далее.

[20] См. выше, [с. 11, 21 и далее](#).

[21] См. Hilprecht, "Old Babylonian Inscriptions", Pt. II., p. 62, pl. 46, No. 108 f., и Pt. I., p. 47.

[22] См. Hilprecht, *op. cit.*, Pt. II, p. 51, pl. 43, No. 93; cp. Winckler, "Altorientalische Forschungen", I., p. 372 f., и Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 160 f.

[23] См. "Клинописные тексты в Британском музее", т. III, пл. 1, и cp. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", IV., p. 74, и "Königsinschriften", p. 160 f. Фотографическое воспроизведение таблички см. на [стр. 218](#).

[24] Поскольку центральный культ Нинни и Ану находился в Эрехе, возможно, что посвящение Лугаль-тарси подразумевает подчинение Эреха Кишу в этот период.

[25] См. выше, [стр. 91 и далее](#).

[26] "Déc. en Chaldée", p. xl.; cp. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 10 f.

[27] См. Thureau-Dangin, "Recueil de tablettes chaldéennes", p. 1, pl. 1, No. 1.

[28] Высказывалось предположение, что титул *lugal*, "царь", приобрел свое позднее значение только в эпоху Саргона (Шар-Гани-Шарри), но что он использовался более ранними правителями как эквивалент семитского *belu*, "господин" (cp. Ungnad, "Orient. Lit.-Zeit.", 1908, col. 64, n. 5). Но, учитывая тот факт, что Месилим носил этот титул, можно предположить, что в его время он уже передавал претензии на больший авторитет, чем тот, который присущ слову *patesi*. Последний титул имел чисто религиозное происхождение; когда его носил правитель, он обозначал его как представителя своего города-бога, а титул "царь" носил более светский характер и подразумевал более широкую власть. Однако следует признать, что некоторые несоответствия в использовании этих титулов членами династии Ур-Нина свидетельствуют о том, что различие между ними не было столь заметным, как в более поздние периоды.

[29] См. Hilprecht, "Zeits. für Assyrl.", XI., p. 330 f.; и Thureau-Dangin, *op. cit.*, XV., p. 403.

[30] См. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", IV., p. 106. Фрагмент подобной чаши, вероятно, того же раннего периода, в надписи на ней определенно указано, что она была отложена для Бау как часть неких трофеев.

[31] Они собраны и переведены Тьюро-Дангином, "Königsinschriften", pp. 2 ff.

[32] "Découvertes en Chaldée", p. xxxvii., No. 10.

[33] См. выше, [p. 90 f](#). Другими подразделениями Лагаша были Нина, Уру-азагга и Уру.

[34] См. выше, [с. 107](#).

[35] Чтение второй половины имени неясно. Два знака, образующие имя, были предварительно прочитаны Амиаудом как Дун-сир ("Записи прошлого", N.S., I., p. 59), а Йенсеном - как Шуль-гур (см. "Keilinschriftliche Bibliothek" Шрадера, Bd. III., Hft. 1, p. 18 f.); см. также Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr." III., p. 119, n. 5, и Radau, "Early Bab. Hist.", p. 92, n. 18.

[36] См. ниже, [pp. 168 f., 177](#).

[37] Описание его главного склада или магазина, остатки которого были найдены в Телло, см. выше, [с. 91 и далее](#).

[38] См. ниже, [с. 169](#).

[39] См. противоположную табличку и иллюстрации на с. 113 и далее.

[40] Ср. Meyer, "Sumerier und Semiten", p. 77.

[41] Блок Дуду, вероятно, был вделан в сплошную каменную или кирпичную кладку, в то время как бляшки из Ур-Нина лежали на поверхности алтарей, построенных из кирпича; см. Heuzey, "Découvertes en Chaldée", p. 204.

[42] См. табличку напротив с. 110.

[43] См. выше, p. 41 f.

[44] См. табличку напротив с. 138.

[45] Так, например, Радау, "Ранняя Баб. История", с. 70.

[46] Фигурка, которая находится в Лувре, не была найдена в Телло, а куплена в Шатре, так что ее происхождение не определено.

[47] См. Radau, *op. cit.*, p. 70, и ср. Genouillac, "Tablettes sumériennes archaïques", p. xi.

[48] См. аналогичный рисунок на фрагменте раковины, изображенный на с. 41.

[49] Ср. Radau, "Early Bab. История", с. 71.

[50] Ср. Genouillac, "Tablettes sumériennes archaïques", pp. xxii. ff.

[51] См. выше, с. 105.

[52] "Déc. en Chaldée", p. xl., Col. II.

[53] *Op. cit.*, p. xlvii.

[54] Col. II., l. 9.

[55] "Déc. en Chaldée", p. xliii., Col. VIII.

[56] См. выше, p. 106, n. 1.

ГЛАВА V

ВОЙНЫ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ; ЭАННАТУМ И СТЕЛА СТЕРВЯТНИКОВ

Когда патесиат Лагаша перешел от Акургала к его сыну Эаннату, мы можем представить город-государство как общий союзник Аккада на севере. Ближе к дому отношения Лагаша с Уммой, по-видимому, носили дружественный характер. Какие бы мелкие конфликты ни происходили между двумя городами в промежутке, Месилимский договор по-прежнему считался обязательным к исполнению, и обе стороны относились к его условиям с уважением. Вопрос о том, были ли у Эаннатума, как и у Акургала, какие-то мелкие разногласия с людьми Уммы в начале его правления, зависит от нашей интерпретации некоторых оборванных отрывков в ранней части текста, выгравированного на Стеле грифов.^[1] Вторая колонка посвящена отношениям Уммы и Лагаша во время правления Акургала, а четвертая - правлению Эаннатума. Имя ни одного из этих правителей не

упоминается в промежуточной части текста, где, однако, говорится об Умме и Лагаше в связи со святилищем или часовней, посвященной богу Нингирсу. Возможно, что здесь мы имеем продолжение повествования предыдущей колонки, и в таком случае мы должны отнести эту часть текста к правлению Акургала, а не к началу правления его преемника. Но с равным успехом она может относиться и к правлению самого Эаннатума, и либо фиксировать незначительный спор между городами, который был урегулирован до начала большой войны, либо, возможно, рассматриваться в связи с последующими колонками текста.

Эти две колонки определенно относятся к правлению Эаннатума и описывают некоторые акты благочестия, которые он совершил в служении своим богам. В них записаны работы, проведенные в Э-нинну, которыми было обрадовано сердце Нингирсу; наречение и посвящение некоторой части Э-анны, храма богини Нинни, и некоторые дополнения, сделанные к священным стадам богини Нинхарсаг. Повторение фразы о храме Нинни[2] говорит скорее о разрозненном перечне достижений Эаннатума в служении своим богам, чем о связном повествовании. Текст в пятом столбце продолжает запись о благодеяниях, оказанных им Нингирсу, и здесь мы можем проследить возможную причину возобновления войны с Уммой. Ведь в тексте говорится, что Эаннатум даровал Нингирсу определенную территорию и возрадовал его сердце; и если речь не идет о землях, занятых после поражения Уммы, то их приобретение могло вызвать недовольство соседнего города. Такой инцидент послужил бы достаточным поводом для вторжения пострадавшей стороны на территорию Лагаша, хотя, судя по записям самого Эаннатума и Энтемены, набег людей Уммы был неспровоцированным. Но какова бы ни была непосредственная причина начала военных действий, мы увидим основания полагать, что в конечном итоге война была вызвана влиянием Киша.

Начало войны между Уммой и Лагашем кратко описано в шестом столбце надписи на Стеле грифов, где говорится, что патеси Уммы, по велению своего бога, разграбил[3] Гу-эдин, территорию, любимую Нингирсу. В этой краткой записи интересно отметить, что патеси Уммы рассматривается не более чем инструмент своего города-бога или служитель, выполняющий его приказы. Как в прошлом поколении боги составили договор между Лагашем и Уммой, который Месилим, их сюзерен, по велению своей богини выгравировал на разграничительной стеле, так и теперь именно бог, а не патеси Уммы, отверг условия этого договора, отправив свою армию через границу. Гу-эдин тоже описывается не в связи с патеси Лагаша, а как особая собственность Нингирсу, божества противостоящего города. Вскоре мы увидим, что первый поступок Эаннатума, услышавшего весть о вторжении, вполне соответствовал теократическим настроениям того времени.

Имя патеси, возглавившего войска Уммы, не названо Эаннатумом на Стеле грифов, но из Конуса Энтемена[4] мы узнаем, что его звали Уш. В кратком изложении событий, приведенном в этом документе, говорится, что Уш, патеси Уммы, действовал с честолюбивыми замыслами, и что, убрав разграничительную стелу, установленную в более раннюю эпоху Месилимом между территориями соответствующих государств, он вторгся на равнину Лагаша. Столь же кратко описывает Энтемена и битву между войсками Уммы и Лагаша, последовавшую за вторжением на территорию последнего. Битва произошла по приказу Нингирсу, воина Энлиля, а уничтожение людей Уммы приписывается не только повелению, но и фактическому действию самого Энлиля. Здесь мы снова видим Энлиля, бога центрального культа Ниппура, признанного верховным арбитром человеческих и божественных дел. Различные города-боги могли воевать друг с другом, но именно Энлиль определял, на чьей стороне должна быть победа.

Записи о войне, которые оставил нам сам Эаннатум, содержат подробности более поразительного характера, чем те, что приведены в кратком изложении Энтемена. В последней записи говорится, что битва произошла по слову Нингирсу, а "Стела стервятников" дополняет это скупое утверждение описанием обстоятельств, сопутствовавших извещению о божественной воле. Узнав о нарушении своей границы людьми Уммы и последовавшем за этим разграблении его территории, Эаннатум не сразу созвал свои войска и повел их в погоню за врагом. Промедление не представляло особой опасности, а немедленные действия не давали никаких преимуществ. Ведь Умма, благодаря своей близости к Лагашу, представляла собой убежище для грабителей, которого они могли достичь в безопасности до того, как силы Лагаша могли быть призваны к оружию. Поэтому Эаннатуму ничего не стоило поторопить свою армию, когда шансов настичь врага, обвешанного добычей, было немного. К тому же весь урон, который можно было нанести Гудину, несомненно, был тщательно выполнен людьми Уммы. Помимо того, что они унесли стелу Месилима, они, вероятно, опустошили пастбища всех стад и скота, вытоптали посевы, разграбили и сожгли деревни и хутора, через которые проходили. Когда они и их добыча оказывались в безопасности в пределах своей собственной границы, они вряд ли сразу же повторяли набег. От них можно было ожидать действий по защите собственной территории, но следующий шаг, очевидно, должен был сделать Лагаш. В таких обстоятельствах Эаннатуму ничего не стоило напасть до того, как его армия будет готова к бою, а приготовления к войне завершены; и пока на улицах Лагаша раздавались удары оружейников и топот вооруженных людей, у городских ворот, должно быть, толпились нетерпеливые группы горожан, с нетерпением ожидая возвращения разведчиков, отправленных вслед за отступающим врагом. Тем временем Эаннатум отправился в храм Нингирсу, где, изложив ему свою жалобу, ожидал решения бога о том, как следует поступить его патеси и его народу в условиях провокации, которой они подверглись.

В тексте, сохранившемся на стеле, нет прямого указания на то, что именно в Э-нинну Эаннатум искал совета и указаний Нингирсу; но мы можем предположить, что так и было, поскольку бог обитал в своем храме, и именно там патеси, естественно, искали его. Ответ бога на молитву Эаннатума был передан ему в видении; сам Нингирсу явился патеси, как в более позднюю эпоху явился Гудеа, когда дал последнему подробные инструкции по восстановлению Э-нинну и дал ему знак, по которому он должен был узнать, что избран для этой работы. Как и Гудеа, Эаннатум обратился с мольбой, лежа на лице; и, когда он растянулся на земле, ему приснился сон. Во сне он увидел бога Нингирсу, который явился ему в зримом облике, подошел к нему и встал у его головы. И бог ободрил своего патеси и пообещал ему победу над врагами. Он должен был идти на битву, а Баббар, бог Солнца, который делает город светлым, должен был идти по правую руку от него, чтобы помочь ему. Воодушевленный Нингирсу и зная, что выполняет приказ своего города-бога, Эаннатум собрал войско и отправился из Лагаша, чтобы напасть на людей Уммы на их собственной территории.

Фрагмент "Стелы стервятников", украшенный сценами, изображающими Эаннатума, патеси Ширпурлы, возглавляющего свои войска в бою и на марше. - В Лувре; *Déc. en Chald., pl. 3 (bis)*.

Рассказ о битве на Стеле грифов очень скуден,^[5] но сохранилось достаточно подробностей, чтобы мы могли понять, что она была ожесточенной, и победа была полностью на стороне Лагаша. Можно предположить, что жители Уммы не ждали нападения Эаннатума за стенами своего города, а вышли навстречу ему с целью предотвратить опустошение своих полей и пастбищ. В битве, вероятно, участвовал каждый способный носить оружие мужчина, который не был нужен для обороны двух городов, а обе противоборствующие армии, несомненно, возглавляли лично сам Эаннатум и Уш, патеси Уммы, который спровоцировал войну. Армия Лагаша полностью разгромила людей Уммы и преследовала их с большой резней. Эаннатум называет число убитых в три тысячи шестьсот человек, или, согласно возможному прочтению, тридцать шесть тысяч человек. Даже меньшая из этих цифр, вероятно, преувеличена, но несомненно, что Умма сильно пострадала. Согласно его собственному рассказу, Эаннатум принимал активное участие в битве, и он утверждает, что бушевал в сражении. Разгромив армию на открытой равнине, войска Лагаша двинулись к самой Умме. Укрепления, вероятно, были лишены полного гарнизона, и их, несомненно, удерживала лишь горстка защитников. Окрыленные победой,

люди Лагаша бросились в атаку и, взяв штурмом стены, отдали город на их милость. Здесь произошла еще одна резня, и Эаннатум утверждает, что внутри города он разметал всех перед собой "как злая буря".

Запись о его победе, которую оставил нам Эаннатум, написана в метафорической форме и, несомненно, окрашена восточными преувеличениями; и писцы, составившие ее, естественно, были склонны представить поражение Уммы как еще более сокрушительное, чем оно было на самом деле. Так, количество курганов наводит на мысль, что войска Лагаша сами сильно пострадали, и вполне возможно, что остатки армии Уммы собрались и дали хороший бой в пределах города. Но у нас есть независимое свидетельство записей Энтемены, написанных спустя несколько лет после битвы, чтобы показать, что под фразами Эаннатума скрывается большая доля правды; а ясным доказательством того, что Умма на время лишилась способности к дальнейшему сопротивлению, могут служить условия мира, которые навязал Лагаш. Первым действием Эаннатума, после того как он получил покорность города, было собрать для погребения тела своих погибших, которые устилали поле битвы. Те тела врагов он, вероятно, оставлял там, где они падали, за исключением тех, которые загромождали улицы Уммы, а их он убирал и выбрасывал на равнину за городскими стенами. Из этого можно сделать вывод, что, подобно Энтемену, Эаннатум оставлял кости своих врагов на растерзание хищным птицам и зверям. Памятник, на котором запечатлена его битва, известен как Стела грифов, поскольку на верхней его части изваяны грифы. Эти хищные птицы изображены взлетающими с головами и конечностями убитых, которые они крепко держат в своих клювах и когтях. То, что скульптор включил этот поразительный инцидент в свое изображение битвы, лишний раз свидетельствует о масштабах произошедшей бойни. То, что Эаннатум должным образом похоронил своих мертвых, не вызывает сомнений, ведь и он, и Энтемена утверждают, что курганов, которые он насыпал, было двадцать; а две другие скульптурные части Стелы стервятников, к которым мы сейчас обратимся, дают яркое представление о насыпании курганов над мертвыми.

Судьба Уша, патеси Уммы, который навлек такое несчастье на свой собственный город необдуманным вызовом, брошенным им Лагашу, не описана; но ясно, что он не остался правителем Уммы. Возможно, он был убит в битве, но, даже если он выжил, он, несомненно, был лишен трона, возможно, по приказу Эаннатума. Ведь Энтемена сообщает, что Эаннатум заключил мирный договор не с Ушем, а с неким Энакалли, патеси Уммы.^[6] Последний правитель, возможно, был назначен патеси самим Эаннатумом, так как впоследствии Или был обязан своим назначением Энтемену поражением патеси Урлуммы. Но независимо от того, так это или нет, Энакалли, несомненно, был готов пойти на большие уступки и принять любые условия, которые требовал Эаннатум, чтобы добиться удаления войск Лагаша из своего города, который они, несомненно, продолжали инвестировать во время переговоров. Как и следовало ожидать, различные условия договора в основном касаются плодородной равнины Гу-эдин, которая была первоначальной причиной войны. Она была безоговорочно возвращена Лагашу, или, говоря словами договора, Нингирсу, чьей "любимой территорией" она, как утверждается, являлась. Чтобы в будущем не возникало споров относительно границы, разделяющей территории Лагаша и Уммы, в качестве постоянной демаркационной линии был вырыт глубокий ров. Ров описывается как простирающийся "от великого потока" до Гу-эдина, а с великим потоком мы, вероятно, можем отождествить восточный рукав Евфрата, через который в этот период он впадал частью своих вод в Персидский залив. Ров, или канал, получал воду из реки, и, окружая незащищенные стороны Гу-эдина, он

образовывал не только демаркационную линию, но и в некоторой степени барьер для любого враждебного продвижения со стороны Уммы.

На берегу пограничного рва вновь воздвигли вывезенную стелу Месилима, а рядом с ней по приказу Эаннатума подготовили еще одну стелу. На втором памятнике был начертан текст договора, заключенного между Эаннатумом и Энакалли, и его текст, вероятно, был идентичен большей части того, что находится на найденных фрагментах Стелы грифов, так как содержание этого текста указывает на то, что он прекрасно подходит для того, чтобы служить постоянным памятником границы. После исторического повествования, описывающего события, приведшие к заключению нового договора, в тексте Стелы грифов подробно перечисляются разделы территории, из которых состоял Гу-эдин. Таким образом, стела, установленная на границе, сама по себе являлась дополнительной защитой от посягательств на территорию Лагаша. Ход пограничного рва мог быть изменен, но пока стела оставалась на месте, она служила последней инстанцией, к которой можно было апеллировать в случае возникновения спора. Вероятно, именно так можно объяснить отдельные поля, которые поименно перечислены на фрагменте Стелы грифов, хранящемся в Британском музее,^[7] и на небольшом фундаментном камне, который также относится к договору.^[8] Перечисленные там поля либо составляли территорию, известную под общим названием Гу-эдин, либо, возможно, являлись дополнением к ней, уступку которой Эаннатум мог потребовать от Уммы в качестве части условий мира. Согласившись на восстановление спорной территории и исправление границы, Умма также был вынужден выплатить в качестве дани Лагашу значительное количество зерна, которое Эаннатум привез с собой в свой город.

В связи с официальной ратификацией договора, по-видимому, были возведены определенные святилища или часовни в честь Энлиля, Нинхарсага, Нингирсу и Баббара. Можно предположить, что это было сделано для того, чтобы заручиться помощью этих божеств в сохранении договора. Согласно рассказу Энтемена,^[9] часовни или святилища были возведены только этим четырем божествам, но "Стела грифов" содержит ряд обращений не только к Энлилю, Нинхарсагу и Баббару, но и к Энки, Энзу и Нинки,^[10] и вполне вероятно, что в их честь также были возведены святилища. Они были построены на границе рядом с двумя разграничительными стелами, и, несомненно, именно у алтаря каждой из них Эаннатум и Энакалли по очереди дали торжественную клятву соблюдать условия договора и уважать границу. Клятвы, которыми был ратифицирован договор, упоминаются на Стеле грифов^[11] Эаннатумом, который обращается к каждому из божеств, которым он и Энакалли поклялись, и в серии поразительных формул призывает уничтожить людей Уммы, если они нарушат условия договора. "На людей Уммы, - восклицает он, - я, Эаннатум, закинул великую сеть Энлиля! Я присягнул, и люди Уммы присягнули Эаннатуму. Во имя Энлиля, царя неба и земли, на поле Нингирсу был..., и был вырыт ров до уровня воды..... Кто из людей Уммы своим словом или своим ... отступит от слова (данного) и будет оспаривать его в грядущие дни? Если в будущем они изменят это слово, пусть великая сеть Энлиля, которой они присягнули, поразит Умму!"

Затем Эаннатум обращается к Нинхарсаг, богине шумерского города Кеш, и в аналогичных выражениях призывает ее гнев на людей Уммы, если они нарушат свою клятву. Он говорит, что в силу своей мудрости принес в жертву Нинхарсаг двух голубей и совершил другие обряды в ее честь в Кеше, и, вновь обращаясь к богине, восклицает: "Что касается моей матери Нинхарсаг, то кто из людей Уммы своим словом или своим... вернется к данному слову и будет оспаривать его в грядущие дни? Если в будущем они изменят это слово, пусть великая сеть Нинхарсага, которой они присягнули, поразит Умму!" Энки, бог бездны вод под

землей, - следующее божество, к которому обращаются, и перед ним Эаннатум записывает, что он принес в жертву несколько рыб; его сеть Эаннатум закинул над людьми Уммы, и если они перейдут ров, он молится, чтобы разрушение пришло на Умму с ее помощью. Затем обращается к Энзу, богу Луны из Ура, которого Эаннатум называет "сильным быком-теленком Энлиля"; перед ним в качестве подношения были поставлены четыре голубя, и он призывает уничтожить Умму своей сетью, если жители этого города когда-либо пересекут границу Нингирсу, изменят русло рва или унесут разграничительную стелу. Перед Баббаром, богом Солнца, в его городе Ларса, Эаннатум заявляет, что он принес в жертву быков, и его огромная сеть, которую он набросил на людей Уммы, вызывается в аналогичных выражениях. Наконец, Эаннатум молит Нинки, которому также была дана клятва, наказать любое нарушение договора, стерег с лица земли могущество Уммы.

Большая стела Эаннатума, из текста которой мы взяли большую часть описания его войны с Уммой, - самый яркий пример раннего шумерского искусства, дошедший до нас, а скульптуры на ней проливают значительный свет на обычаи и верования этой примитивной расы. Например, метафора сети, которую Эаннатум использует во всех проклятиях, которые он обрушивает на Умму в случае нарушения договора, ярко иллюстрируется сценой, изваянной на двух найденных фрагментах стелы. В завершенном виде стела представляла собой большую каменную плиту, изогнутую в верхней части, и была украшена скульптурами и надписями с обеих сторон, а также по краям. До настоящего времени в ходе раскопок в Телло было найдено семь ее фрагментов, шесть из которых находятся в Лувре, а один - в Британском музее; их принято обозначать символами A-G.^[12] Хотя найденные фрагменты представляют собой лишь небольшую часть оригинального памятника, при внимательном изучении их можно составить достаточно полное представление о сценах, которые были на нем изваяны. Как мы уже отмечали, памятник представлял собой стелу победы, установленную Эаннатумом, и две грани плиты изваяны в низком рельефе со сценами, иллюстрирующими победу, но значительно отличающимися по характеру. На лицевой стороне изображения мифологические и религиозные, а на обратной - исторические. Естественно предположить, что лицевая сторона стелы должна была быть занята изображениями самого Эаннатума, торжествующего над своими врагами, и до тех пор, пока текст на стеле не был тщательно расшифрован и объяснен, это действительно было общепринятым мнением. Но теперь ясно, что Эаннатум посвятил лицевую часть стелы изображениям своих богов, в то время как обратная сторона памятника считалась подходящим местом для сцен, изображающих патеси и его армию, исполняющую божественную волю. Таким образом, расположение рельефов на камне убедительно иллюстрирует существовавшее в этот ранний период представление о том, что бог города был его реальным правителем, а патеси - его слугой и слугой, причем не только в метафоре, но и на самом деле.

На самой большой части стелы, которую удалось восстановить, состоящей из двух соединенных вместе фрагментов,^[13] изображена сцена, иллюстрирующая метафору сети Эаннатума. Почти всю эту часть памятника занимает фигура бога, которая кажется колоссальных размеров, если сравнить ее с фигурами патеси и его воинов на обороте стелы. У бога струящиеся волосы, скрепленные двойной филейной частью, а щеки и губы выбриты, длинная борода пятью волнистыми локонами спадает с подбородка на грудь. Он обнажен до пояса, вокруг которого надета плотно облегающая одежда с двумя складками спереди, обозначенными двойными линиями. Сначала предполагалось, что мы увидим в этой фигуре изображение какого-то раннего героя, например, Гильгамеша, но нет сомнений, что мы должны отождествить его с Нингирсу, богом города Лагаш. Ведь в правой руке бог держит эмблему Лагаша - орла с распростертыми крыльями, который когтит головы двух львов; а

сама стела, хотя и косвенно увековечивает славу Эаннатума, в основном призвана отмечать победы, одержанные Нингирсу над врагами своего города. Этот факт объясняет и остальную часть сцены, изваянной на нижнем фрагменте.

Fig. 46.

Рис. 46.- Часть стелы грифов, изваянная со сценой, изображающей Нингирсу, бьющего дубиной врагов Лагаша (Ширпурла), которых он поймал в свою сеть. Фрагменты D и E, аверс; *Déc.*, pl. 4 bis.

Бог держит в правой руке тяжелую булаву, которую он опускает на сеть перед собой, содержащую пленных врагов, чьи тела видны между широкими ячейками, борющихся и извивающихся в ней. На рельефе шнуры сети расположены симметрично, и она, как цельная конструкция, поднимается до уровня пояса бога. Таким образом, она имеет вид клетки с перекладинами и опорами из дерева или металла. Но закругленные углы в верхней части указывают на то, что мы можем рассматривать ее как сеть из веревок и шнуров. То, что она неподвижно поднимается перед богом, может быть отчасти связано с несовершенным знанием перспективы, характерным для всего раннего искусства, а отчасти, возможно, с желанием скульптора позволить эмблеме Лагаша, зажатой в левой руке бога, опираться на нее; если только сама эмблема не является частью сети, с помощью которой бог удерживает ее. В любом случае близость эмблемы к сети не случайна. Внутри сети находятся враги Лагаша, и Нингирсу с булавой в правой руке изображен отбивающим голову одного из них, выступающую из сетки.

Метафора сети, как рыбака, так и пловца, хорошо знакома в поэтической литературе евреев, и интересно отметить этот очень ранний пример ее появления у первобытных шумерских жителей Вавилонии.^[14] В тексте, выгравированном на Стеле грифов, Эаннатум, как мы уже видели, пытается защитить условия своего договора, поместив его под защиту сетей Энлиля и других божеств. Он заявляет, что набросил на людей Уммы сети божеств, которыми он и они поклялись, и в случае нарушения ими клятвы он молится, чтобы сети уничтожили их и их город.^[15] Таким образом, ячейки каждой сети можно в некотором смысле рассматривать как слова клятвы, произнося которые, они отдавали себя во власть бога, к имени которого обращались. Однако сцену на лицевой стороне стелы не следует рассматривать как прямое отношение к этой части текста, равно как и колоссальную фигуру Энлиля, главного бога Вавилонии. Ведь его уничтожение людей Уммы лишь упоминается как возможное событие в будущем, в то время как бог на стеле уже занят избиванием пойманных им пленников; и независимо от того, упоминалась ли сеть Нингирсу в пропущенной части текста или нет, тот факт, что фигура на стеле схватилась за эмблему Лагаша, достаточное указание на то, что имеется в виду Нингирсу, а не Энлиль или какое-либо другое божество. Таким образом, лицевая сторона стелы иллюстрирует весь текст Эаннатума в целом, а не только просительные формулы, приложенные к договору с Уммой. Здесь говорится о прошлых победах Нингирсу в его образе городского бога Лагаша.

Изображение Нингирсу, бьющего своих врагов дубиной, является лишь частью более крупной схемы, которая занимает всю верхнюю часть Стелы грифов. Хотя его фигура является главной в композиции, она расположена не в центре поля, а крайняя справа - правый край фрагментов, изображенных на с. 131, представляет собой фактический край стелы. Слева за богом и в сопровождении его стояла богиня, части головы и головного убора которой были восстановлены на фрагменте левого края стелы.^[16] На ней рогатая корона, а за спиной - штандарт, увенчанный эмблемой в виде орла с распростертыми крыльями. Она изваяна в меньшем масштабе, чем фигура Нингирсу, и тем самым указывает на его колоссальные пропорции; она стоит на филенке или перемычке, которая отсекает верхний регистр от второй сцены, изваянной под ней. Фрагмент стелы в Британском музее^[17] сохранил одну из ног Нингирсу и угол сети с пленниками в ней, и оба они представлены как опирающиеся на одну и ту же филенку или перемычку. Этот фрагмент имеет определенное значение, поскольку, соединяясь с двумя другими фрагментами стелы в Лувре,^[18] он позволяет нам составить некоторое представление о сцене в нижнем регистре. Здесь тоже есть изображения божеств, но они расположены по несколько иному плану. На фрагменте из правой части стелы (С) мы находим часть головы и головного убора богини, очень похожей на ту, что изображена в регистре выше. Здесь она обращена влево, а на другом фрагменте (F), который присоединяется к фрагменту Британского музея слева, изображена часть очень сложной скульптуры. Она породила множество предположений, но, похоже, мало кто сомневается, что она представляет собой переднюю часть колесницы. На обратной стороне стелы мы видим тот же изогнутый перед, что и на колеснице Эаннатума, и то же расположение вожжей, которые проходят через двойное кольцо, закрепленное в передней части колесницы, и перекинуты через высокую опору. Здесь опора и передняя часть колесницы украшены эмблемой Лагаша - распростертым орлом и львами, и мы можем заключить, что колесница принадлежит Нингирсу; действительно, слева на фрагменте можно обнаружить часть простого одеяния бога, похожего на то, что он носит в верхнем регистре. Очевидно, что он стоит в колеснице, и мы можем представить его едущим в триумфе после уничтожения врагов.

Таким образом, можно проследить тесную аналогию между двумя сценами на лицевой стороне стелы и двумя верхними регистрами на обратной стороне. В последнем мы имеем

изображения пешего Эаннатума, ведущего своих воинов в бой, а также победоносно скачущего на колеснице во главе их. На лицевой стороне стелы - сцены аналогичного характера в религиозной сфере: Нингирсу убивает врагов Лагаша, а затем триумфально въезжает на своей колеснице. Также можно отметить, что композиция сцен в двух регистрах на лицевой стороне камня великолепно спланирована. В верхнем регистре колоссальная фигура Нингирсу с сетью справа уравновешена ниже слева его фигурой в колеснице; аналогичным образом, меньшая фигура или фигуры выше уравновешены ослом, который тянет колесницу Нингирсу, и маленькой фигурой богини, которая стоит перед ним.

Существует мало указаний, позволяющих нам идентифицировать богинь, сопровождающих Нингирсу. Если фигуры в обоих регистрах представляют одну и ту же божественную личность, то имена нескольких богинь напрашиваются сами собой. Возможно, мы увидим в ней жену Нингирсу Бау, дочь Ану, или его сестру Нину, богиню оракулов, служению которой был особо предан Эаннатум, или Гатумдуг, мать Лагаша. Но военный штандарт, сопровождающий богиню в верхней сцене, и концы двух дротиков или копий, которые в том же фрагменте, кажется, поднимаются с ее плеч или привязаны к ним, кажется, показывают, что верхняя богиня, во всяком случае, имеет воинственный характер. Более того, в другой надписи Эаннатум приписывает успех, достигнутый им в войне, непосредственному вмешательству богини Нинни,^[19] доказывая, что она, как и более поздняя вавилонская и ассирийская богиня Иштар, была по сути богиней битвы. Поэтому допустимо видеть в верхней богине, изваянной на лицевой стороне Стелы грифов, изображение богини битвы Нинни, которая сопровождает бога города Нингирсу, когда он занимается расправой над своими врагами. Возможно, в нижнем регистре мы имеем второе изображение Нинни, где она появляется, чтобы приветствовать Нингирсу после окончания бойни. Но хотя головные уборы обеих богинь идентичны, сопровождающие их эмблемы, по-видимому, различаются, и поэтому мы вправе предположить, что в нижней фигуре изображена не Нинни, а какая-то другая богиня, чья работа была закончена, когда Нингирсу одержал победу. Божеством, наиболее подходящим для того, чтобы радовать взор Нингирсу по возвращении, должна была быть его верная жена Бау, которая обычно возлежала рядом со своим повелителем на его кушетке в храме Э-нинну. Таким образом, мы можем условно отождествить богиню нижнего регистра с Бау, которая изображена выходящей навстречу колеснице своего господина и повелителя после его возвращения из битвы.

Возможно, сцены, изваянные на задней стороне Стелы грифов, представляют даже больший интерес, чем те, что изображены на ее лицевой стороне, поскольку они дают нам представление об этих ранних шумерских народах, как они выглядели, когда участвовали в непрерывных войнах, которые велись между различными городами-государствами. Как и сцены на лицевой стороне стелы, сцены на задней стороне расположены в отдельных регистрах, отделенных друг от друга рельефными полосами, или филями, протянувшимися через всю лицевую сторону памятника и представляющими собой почву, на которой происходили изображенные над ними сцены. Регистры на задней стороне меньше, чем на лицевой, их не менее четырех, вместо двух сцен, посвященных Нингирсу и сопровождающим его божествам. Как и следовало ожидать, сцены на оборотной стороне стелы менее масштабны, чем на лицевой, а количество и разнообразие фигур, составляющих их, гораздо больше. На оборотной стороне камня оставлено мало места для надписи, большая часть которой выгравирована на лицевой стороне памятника, в широком пространстве поля между божественными фигурами. Из самого верхнего из четырех регистров на обороте были извлечены четыре фрагмента,^[20] один из которых (А) доказывает, что изогнутая голова стелы с этой стороны была заполнена изображениями стервятников, о которых уже упоминалось.^[21] Очевидно, что намерение скульптора состояло в том, чтобы представить их

парящими в воздухе над головой, уносящими с поля боя отрубленные головы и конечности убитых. Птицы, таким образом, составляют очень декоративную и яркую особенность памятника, и народное название стелы, которое происходит от них, полностью оправдано. В том же регистре слева находится сцена, изображающая Эаннатума, ведущего свои войска в бой.^[22] , и мы видим, как они наступают на тела убитых; в то время как в крайнем правом регистре мы имеем фрагмент, изображающий людей, занятых сбором мертвых и складыванием их в кучи для погребения.^[23] Можно предположить, что в центральной части регистра, которая отсутствует, изображены враги Эаннатума, падающие перед его копьем. В реестре, расположенном непосредственно под ним, мы находим еще одно изображение Эаннатума во главе своего войска. Здесь, однако, они не в боевом строю, а на марше, и Эаннатум, вместо того чтобы продвигаться пешком, едет перед ними на своей колеснице.^[24]

Скульптурные изображения Эаннатума и его воинов, сохранившиеся на этих фрагментах, имеют огромное значение, поскольку они дают яркое представление о шумерском способе ведения боя и предоставляют подробную информацию об оружии и доспехах, использовавшихся в этот ранний период. Мы отмечаем, что шумеры шли в атаку сплошной фалангой, ведущая шеренга была защищена огромными щитами или баклерами, которые закрывали все тело от шеи до ног и были настолько широкими, что, когда они выстраивались в боевой порядок, между ними оставалось достаточно места для копья; копьеносцы несли в качестве дополнительного оружия топор, похожий на секиру с плоской головкой. Из второго регистра, в котором мы видим армию на марше, ясно, что ни один щит не носился рядовыми для индивидуальной защиты; огромные баклеры несли только люди в передней шеренге, и они служили для защиты всего фронта атакующей силы, когда она продвигалась в сплошном строю. В сцене в верхнем регистре за каждым щитом изображены два воина, а в каждом промежутке между щитами выставлены шесть копий, которые воины крепко держат в обеих руках. Такое расположение копий, очевидно, является приемом скульптора, чтобы представить шесть рядов воинов, идущих друг за другом в атаку. Но тот факт, что каждое копье изображено взятым в обе руки его владельцем, доказывает, что щиты несли не сами копьеносцы, а воины, стоящие впереди и вооруженные только топором. Единственной обязанностью щитоносца во время атаки в фаланге, очевидно, было держать на месте свой щит, который был достаточно широк, чтобы защитить его собственное тело и тело копьеносца справа от него. Таким образом, изображение двух воинов за каждым щитом на Стеле грифов - совершенно точная деталь. Как только атака была успешно проведена, и враг обратился в бегство, щитоносцы могли сбросить тяжелые щиты и присоединиться к преследованию. Легкий топор, которым они были вооружены, прекрасно подходил для рукопашных схваток, и вполне вероятно, что копьеносцы сами отказывались от тяжелого оружия и прибегали к топору, когда нарушали свой тесный строй.

И Эаннатум, и его воины носят конические шлемы, закрывающие лоб и низко опущенные сзади, чтобы защитить шею; царский шлем отличается тем, что по бокам добавлены формованные элементы для защиты ушей. И щиты, и шлемы были, вероятно, из кожи, хотя девять круглых боссов на лицевой стороне каждого из них, возможно, были из металла. Очевидно, что они служили для укрепления щитов и, вероятно, крепились к деревянному каркасу с другой стороны. Они также должны были защищать поверхность щитов, отклоняя направленные на них удары. Царское оружие состояло из длинного копья или копья, которое держали в левой руке, и изогнутой булавы или метательной палки, состоящей из трех нитей, скрепленных между собой через определенные промежутки кожаными или металлическими лентами. Когда король ехал на своей колеснице, он вооружался дополнительным оружием, состоящим из топора с плоским наконечником, как у его солдат, и нескольких легких дротиков, некоторые из которых были снабжены двойными остриями. Последние он носил в

огромном колчане, прикрепленном к передней части колесницы, а вместе с ними мы можем заметить кнут с двумя зубцами, несомненно, предназначенный для управления ослом или ослами, которые тянули транспортное средство. Вероятно, воины, следовавшие за Эаннатом в обеих сценах, были отборными людьми, составлявшими царскую гвардию, поскольку в сцене битвы их отличают длинные волосы или, скорее, парики, спадающие на плечи из-под шлемов,[25] а те, что на марше, одеты от пояса вниз в грубую шерстяную одежду, подобную той, что носил царь. Вполне возможно, что их набирали из членов царского дома и главных семей Лагаша. Одежда царя отличается от их одежды добавлением плаща, возможно, из кожи,[26] надетого через левое плечо таким образом, что правая рука и плечо остаются полностью свободными.

Фрагмент "Стелы волхвов" с изображением сцены погребения мертвецов после битвы - в Лувре; фото господ Мэнселл и Ко.

Значительный свет на погребальные обычаи шумеров бросает сцена, изваянная в третьем регистре, или секции, на обороте стелы Эаннатума. Части этой сцены сохранились на

фрагментах С и F, которые, как мы уже отмечали, могут быть связаны друг с другом с помощью фрагмента G, хранящегося в Британском музее. В этом регистре мы имеем представление о сценах, последовавших за победой над Эаннатумом, когда царь и его армия успели собрать своих мертвых и похоронить их с торжественными обрядами и жертвоприношениями под огромными таллами или курганами. Вспомним, что на фрагменте верхнего регистра изображен сбор мертвых на поле боя; здесь же, слева, мы видим строящиеся курганы, под которыми хоронили погибших.^[27] Мертвые совершенно обнажены, и видно, что они сложены в ряд, голова к голове и ноги к ногам попеременно. Два трупа у основания изваяны лежащими плашмя на земле, а когда рассказчик поднимается, они кажутся расположенными как палочки веера. Такое расположение, несомненно, было вызвано необходимостью скульптора заполнить полукруглую головную часть сказке и не отражает того, как трупы на самом деле располагались для захоронения. Мы можем заключить, что они были уложены симметрично в два ряда, и что положение каждого из них было горизонтальным, а дополнительные ряды добавлялись до тех пор, пока не была достигнута достаточная высота.

На фрагменте изваяны две живые фигуры, занятые работой по завершению погребения. Они изображены взбирающимися на груды трупов и, похоже, помогают себе подняться с помощью веревки, которую они держат в правой руке. На головах они несут корзины, наполненные землей, которую собираются бросить на вершину кургана. На рельефе они кажутся карабкающимися по конечностям мертвецов, но вполне вероятно, что они начали насыпать землю снизу и карабкались по сторонам кургана по мере его подъема. Скульптор не знал, как изобразить бока, не скрывая трупы, поэтому он опустил навалы земли, если только то, что кажется веревкой, за которую держатся носильщики, не предназначено для боковой части кургана в разрезе. Было высказано предположение, что носильщики несут подношения для мертвых, но корзины, похоже, набиты землей, а не подношениями, и запись в тексте на стеле, что Эаннатум насыпал двадцать курганов после битвы с людьми Уммы, является достаточным основанием для того, чтобы считать, что сцена представляет один из этих курганов в процессе строительства.

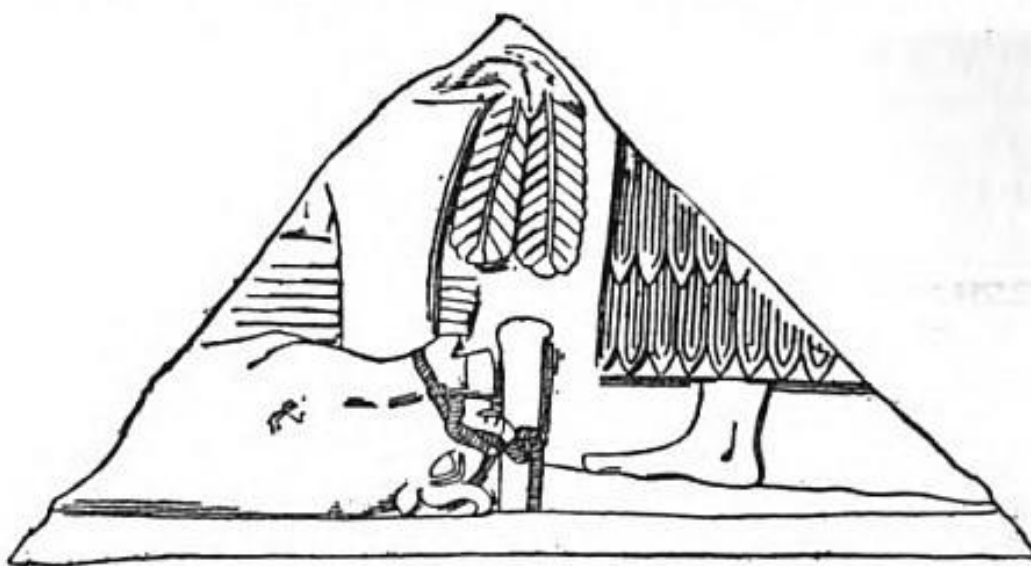

FIG. 47.

Часть Стелы грифов, изваянная со сценой жертвоприношения, которое происходило при погребении мертвых после битвы. На фрагментах изображена голова быка, которого припиливают к земле и готовят к жертвоприношению. Нога и одеяние, вероятно, принадлежали фигуре Эаннатума, который руководил погребальным обрядом.- Фрагмент F, реверс; *Déc.*, pl. 4 *ter*.

Продолжение сцены на двух других фрагментах[28] доказывает, что погребение мертвых сопровождалось тщательно разработанными похоронными обрядами и жертвоприношениями. Справа от рабочих, занятых насыпанием кургана, можно увидеть быка, лежащего на спине на земле и привязанного веревками к двум прочным кольям, вбитым в землю рядом с его головой и хвостом. Очевидно, это жертва, должным образом подготовленная к жертвоприношению, которая будет принесена в жертву, когда курган будет завершен. На поле над быком изображены другие жертвы и приношения, которые были разложены рядом с быком. Мы видим ряд из шести обезглавленных ягнят или детей, расположенных симметрично, шея к хвосту и хвост к шее. Справа от быка стоят два больших горшка для воды с широким горлом, сужающимся к основанию; пальмовые ветви, поставленные в них, опускаются за ободки, и юноша, совершенно обнаженный, наливает воду в один из них из меньшего сосуда. Очевидно, он совершает возлияние, о чем можно судить по аналогичной сцене на другом найденном раннешумерском рельефе.[29] За большими сосудами, по-видимому, лежат связки веток, а в поле над ними изображен ряд растущих растений. Вероятно, они не растут из больших сосудов, как это представлено в скульптуре, а образуют отдельный ряд, выходящий за пределы пищалей и сосудов. У головы быка видна нога и часть одеяния человека, руководящего жертвоприношением. Поскольку во всех остальных регистрах на обороте стелы Эаннатум занимает видное место, можно сделать вывод, что это часть фигуры самого Эаннатума. В этом регистре он занимает центр поля и председательствует на погребальных обрядах воинов, павших на его службе.

Fig. 48.

Рис. 48. Часть Стелы грифов, на которой изображена сцена, представляющая Эаннатума, решающего судьбу пленных, взятых в бою. Острие копья, которое он держит в левой руке, касается головы пленного царя Киша.- Фрагменты С и F, реверс; *Déc.*, pl. 3 и 4 *ter*.

От последней сцены, сохранившейся на Стеле грифов, на найденных фрагментах осталось очень мало, но и этого достаточно, чтобы определить ее характер. Здесь изображен Эаннатум, решающий судьбу пленников, взятых в бою. От его фигуры сохранилась только левая рука; она держит тяжелое копье или копье за конец древка, как во втором регистре. Копье проходит над бритыми головами ряда пленников, и в конце ряда его острие касается головы пленника более высокого ранга, который стоит перед королем и поднимает одну руку в знак покорности. Фрагмент надписи за головой этого пленника содержит имя "Аль-[...],

царь Киша", и можно с большой долей вероятности заключить, что эти слова являются ярлыком, прикрепленным к фигуре главного пленника, подобно ярлыкам, выгравированным возле головы Эаннатума в двух верхних регистрах, которые описывают его как "Эаннатум, чемпион бога Нингирсу". В пользу этого объяснения можно сказать гораздо больше, чем в пользу того, что эти слова были частью рассказа о войне Эаннатума против Киша, который был добавлен к записи о его войне с Уммой. Согласно такой точке зрения, стела должна была быть больше, чем мы предполагали, поскольку она должна была включать дополнительные регистры в основании реверса для записи последующих кампаний и их иллюстрации с помощью рельефов. Таким образом, памятник должен был быть воздвигнут в память обо всех войнах Эаннатума. Но война против Уммы была бы самой важной, и ее запись, скопированная прямо из текста договора, все равно заняла бы три четверти камня. Более того, мы должны предположить, что писец рабски скопировал текст разграничительной стелы вплоть до ее названия и не сделал никакой попытки ассимилировать с ним более поздние записи, которые, как мы должны предположить, он добавил в виде дополнительных абзацев. Такое предположение крайне маловероятно, и предпочтительнее рассматривать слова за головой заключенного как надпись и заключить, что связный текст стелы заканчивался, как это, по-видимому, и было, названием и описанием камня, которое выгравировано как своего рода колофон на верхней части поля в четвертом регистре.

Согласно этой альтернативе, мы не должны предполагать существование других регистров, кроме тех, фрагментами которых мы уже располагаем, а концепция и расположение рельефов значительно выигрывают в единстве и согласованности. На аверсе мы имеем только два регистра, верхний из которых довольно крупнее нижнего, и оба посвящены, как мы видели, изображениям Нингирсу и сопровождающих его богинь. Реверс камня, разделенный на четыре регистра, полностью посвящен Эаннатуму, который ведет свои войска в атаку, возвращается на колеснице с поля боя, совершает погребальные обряды над погибшими воинами и решает судьбу захваченных им пленников. Таким образом, рельефы прекрасно иллюстрируют описание войны с Уммой, и мы можем сделать вывод, что "Стела стервятников" была либо настоящей стелой разграничения, установленной Эаннатумом на границе, либо, что более вероятно, точной копией ее текста, украшенной скульптурами, на камне, который Эаннатум приказал высечь и установить в своем городе в память о своем завоевании. Более того, мы можем предположить, что эта стела была установлена в храме Нингирсу, поскольку она посвящена возвращению Гу-эдина, территории, которая принадлежала только ему. Стела стервятников с ее сложным и тонким рельефом была бы неуместна на границе Гу-эдин, где, как мы можем предположить, памятный камень был бы сделан как можно более прочным и простым, чтобы не оставлять шансов для увечий. Но если бы он был предназначен для установки в храме Нингирсу в Лагаше, скульптор не имел бы ограничений на свои усилия; и видное место, отведенное Нингирсу в рельефах на лицевой стороне мемориала, полностью соответствует предположению, что Стела стервятников когда-то стояла в его святилище.

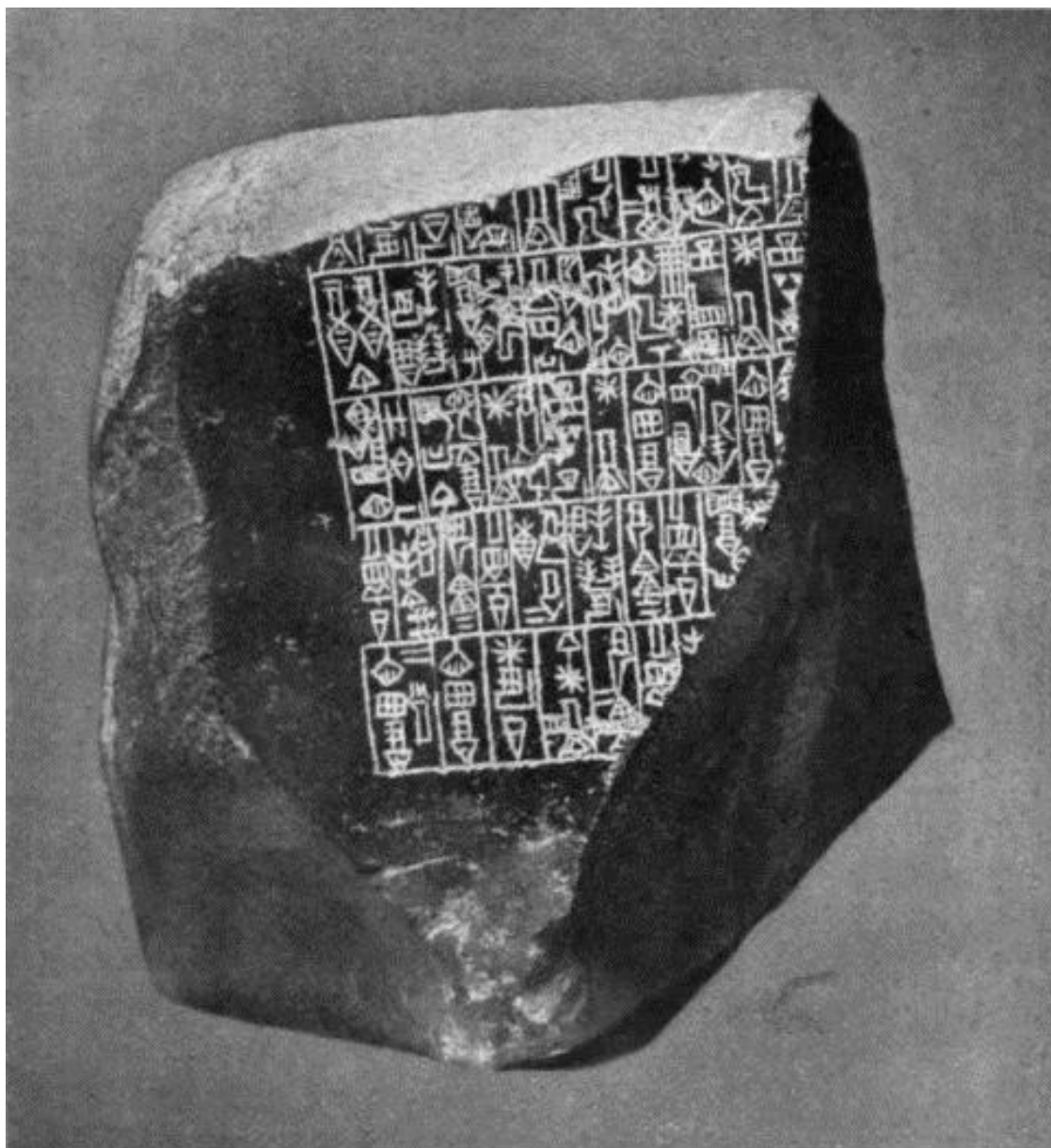
В пользу того, что памятник не был собственно разграничительной стелой, говорит тот факт, что ближе к концу его текста четыре колонки заняты перечнем других завоеваний, достигнутых Эаннатумом. Но во всех "кудурру-надписях", или межевых камнях, призванных защищать собственность или притязания частных лиц, тексты завершаются серией проклятий, призывающих гнев богов на любого, кто хоть в чем-то нарушает права владельца. В целом текст на Стеле грифов очень похож на "кудурру-надписи", отличаясь от них лишь тем, что в нем разграничиваются не поля и владения отдельных людей, а соответствующие территории двух городов-государств. Поэтому следует ожидать, что, как и они, она будет

завершаться воззваниями к богам. Более того, "Конус Энтемена", текст которого, несомненно, был скопирован с аналогичной разграничительной стелы, заканчивается проклятиями, а не перечислением достижений самого Энтемена. Но если опустить краткий список титулов и завоеваний Эаннатума, то текст на Стеле стервятников закончится серией обращений к Энлилю и другим божествам, на которые уже делались ссылки. Поэтому мы можем заключить, что первоначальный текст, выгравированный на разграничительной стеле, действительно заканчивался на этом месте, а список других завоеваний был добавлен только в памятнике, воздвигнутом в храме Нингирсу.

Помимо интереса, связанного с самим памятником, этот момент имеет отношение к дате завоевания Уммы по отношению к другим успешным войнам, которые вел Эаннатум во время своего правления. Можно обоснованно утверждать, что покорение соседнего города Уммы должно было предшествовать завоеванию более отдаленных земель и городов, над которыми Эаннату удалось установить свою власть. В таком случае мы должны предположить, что список завоеваний на Стеле грифов был добавлен позднее. С другой стороны, не исключено, что война с Уммой произошла еще во время правления Эаннатума, и пока патеси и его армия находились в далеких походах, их древний соперник Умма воздерживался от того, чтобы воспользоваться их отсутствием и установить контроль над желанной территорией Гу-эдина. Возможно, оба города в течение многих лет соблюдали условия договора Месилима, а Лагаш, найдя в другом месте почву для своих амбиций, мог смириться с претензиями на независимость, выдвинутыми ближайшим соседом. Таким образом, список завоеваний Эаннатума вполне мог быть выгравирован на Стеле стервятников в момент заключения договора с Уммой. В соответствии с этой точкой зрения мы увидим, что есть основания полагать, что некоторые из завоеваний Эаннатума действительно произошли до его войны с Уммой, и вполне возможно отнести к этому более раннему периоду другие, упомянутые в списке.

Завоевание Киша тесно связано с завоеванием Уммы, поскольку, помимо изображения царя Киша в качестве пленника на Стеле стервятников, в основном тексте надписи есть отрывок, который, по-видимому, связывает начало войны между Уммой и Лагашем с влиянием этого города. В прерванном отрывке, где записано поощрение, данное Эаннатумом Нингирсу после набега на Гу-эдин, имена Уммы и Киша встречаются вместе, а контекст отрывка позволяет предположить, что Нингирсу здесь обещает своему патеси победу над обоими этими городами.^[30] Поэтому мы можем предположить, что честолюбивые замыслы, описанные Энтеменой как движущие Ушем, патеси Уммы, в набеге на территорию Лагаша, были поддержаны городом Киш. Вероятно, Эаннатум уже успел доказать свои полководческие качества и заставил кишского царя увидеть в Лагаше возможного соперника гегемонии, которой долгое время пользовался Север. Посеять раздор между ней и ее соседом Уммой представлялось наиболее эффективным способом подорвать ее растущее могущество, и вполне возможно, что царь Киша не только пообещал свою поддержку, но и предоставил контингент своих солдат для помощи в нападении. Изображение пленного царя Киша на Стеле грифов, возможно, можно истолковать как доказательство того, что он лично возглавлял свои войска и был захвачен в плен во время битвы. Но, возможно, не стоит воспринимать этот рельеф слишком буквально, он может символизировать поражение его войск вместе с войсками Уммы и неспособность оказать им действенную помощь. С другой стороны, в тексте, выгравированном на одном из его фундаментных камней,^[31] Eannatum хвастается тем, что добавил царство Киш к своим владениям: "Эаннатуму, патеси Лагаша, богиня Нинни, которая любит его, вместе с патесиатом Лагаша подарила царство Киш". Похоже, что в этом отрывке Эаннатум претендует не только на победу над Кишем, но и на сюзеренитет над северным царством.

С победой Эаннатума над Кишем мы, вероятно, должны связать успех, которого он добился над другим северным городом, Описом. Ибо в конце текста на упомянутом выше камне-основе эти достижения описываются как одно событие или, по крайней мере, как два события, из которых второе следует за первым и дополняет его. В ходе формул, посвященных главным завоеваниям его правления, Эаннатум восклицает: "Эаннатом был разбит наголову Элам, Элам был изгнан в свою землю; Киш был разбит наголову, и царь Описа был изгнан в свою землю".^[32] Говоря о победе над Описом в более раннем отрывке той же надписи, Эаннатум называет имя царя, напавшего на него, и, хотя он не приводит многих подробностей войны, можно сделать вывод, что Опис был побежден только после тяжелой борьбы. "Когда царь Описа поднялся, - говорится в тексте, - Эаннатум, чье имя произнес Нингирсу, преследовал Зузу, царя Описа, от Антасурры Нингирсу до города Описа, и там он поразил его и уничтожил".^[33] Мы уже видели основания полагать, что царь Киша принимал активное участие в войне Уммы с Лагашем и разделил ее поражение; и мы можем предположить, что именно для помощи и мести своему союзнику Зузу, царь Описа, отправился на юг и напал на Эаннатум. О том, что поначалу он добился некоторого успеха, возможно, говорит тот факт, что, по словам Эаннатума, он прогнал его обратно в его собственную землю. Антасурра была святилищем или храмом, посвященным Нингирсу, и находилась на территории Лагаша, хотя, возможно, на границе или рядом с ней. Здесь Эаннатум встретил захватчиков в полном составе и не только вытеснил их, но и продолжил свою победу, преследуя их до их собственного города, где, как он утверждает, нанес им еще более сокрушительное поражение. Возможно, что завоевание Маэра, или Мари, произошло в это время и в связи с войной с Описом и Кишем, так как в одном из отрывков Эаннатум упоминает о поражении этих трех государств при Антасурре Нингирсу. Маэр вполне мог быть союзником Киша и Описа и, возможно, ввел свой контингент в армию, возглавляемую Зузу при нападении на Лагаш.

ЧАСТЬ ЧЕРНОГО БАЗАЛЬТОВОГО МОРТАРА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЭАННАТУМА, ПАТЕСИ ИЗ ШИРПУРЛЫ.-Brit. Mus., No. 90832; фотография, сделанная компанией Messrs. Mansell & Co.

Интересно отметить, что Киш и царь Киша представляли собой самых страшных врагов Лагаша, по крайней мере, в течение части правления Эаннатума. На ступке из черного базальта, хранящейся в Британском музее, [34] Эаннатум, записав, что посвятил ее Нина, "Госпоже Святой Горы", молится, чтобы никто не смог повредить ее или унести; затем он добавляет просьбу: "Пусть царь Киша не захватит ее!" Это высказывание красноречиво говорит о страхе, который северное царство внушало городам юга, и мы можем увидеть в нем свидетельство многих набегов, во время которых храмы Лагаша лишались своих сокровищ. Мы вполне можем отнести посвящение алтаря и вырезание надписи к началу правления Эаннатума; во всяком случае, к периоду до того, как власть Киша была сломлена на юге; и, если мы правы в этом предположении, ступка, возможно, послужит для датировки еще одной группы кампаний Эаннатума. Ведь в отрывке на второй стороне этого памятника

говорится о том, что он завоевал города Эрех и Ур. Этот отрывок следует за заклинаниями, изложенными Эаннатумом на другой стороне, в ходе которых он молится, чтобы никто не снял ступку, не бросил ее в огонь и не повредил каким-либо образом; можно утверждать, что эти строки были добавлены к первоначальному тексту посвящения в значительно более поздний период. В таком случае этот отрывок не будет доказательством того, что завоевание Ура и Эреха предшествовало завоеванию Киша. Однако обе стороны памятника, судя по всему, были выгравированы одной и той же рукой, и мы, вероятно, вправе предположить, что вся надпись была помещена на сосуд в момент его изготовления. Таким образом, мы можем условно поместить завоевание Ура и Эреха раньше завоевания Киша. Кроме того, в своих надписях-основаниях Эаннатум связывает завоевание Ура и Эреха с завоеванием Ки-баббара, "места бога Солнца", что с большой долей вероятности можно отождествить с Ларсой, центром культа бога Солнца в Южной Вавилонии. Таким образом, получается, что Эаннатум завоевал эти города, расположенные на крайнем юге Вавилонии, примерно в один и тот же период и, вероятно, в начале своего царствования.

Указание на то, что мы правы, помещая южные завоевания Эаннатума до войны с Уммой, возможно, можно увидеть в обращениях к божествам, выгравированных на Стеле стервятников, с помощью которой Эаннатум пытался защитить свой договор. В ходе обращений Эаннатум сообщает, что он совершил жертвоприношения богине Нинхарсаг в городе Кеш, Энзу, богу Луны, в Уре и Баббару, богу Солнца, в Ларсе. Мы можем предположить, что эти отрывки относятся к подношениям, сделанным Эаннатумом в качестве сюзерена, и, если эта точка зрения верна, мы должны заключить, что завоевание этих городов уже произошло. Обращение к Энки, возможно, предполагает, что Эриду также находился в руках Эаннатума в это время, что почти обязательно следовало бы, если бы три соседних города - Ур, Эрех и Ларса - пали перед его руками. Соответственно, список богов, которым Эаннатум и люди Уммы поклялись сохранить договор, приобретает особое значение. Они были выбраны не только по политическим, но и по чисто религиозным соображениям, а их совокупная юрисдикция отражала масштабы владычества Эаннатума в Шумере в то время. То, что правитель мог требовать клятвы от таких могущественных городов-богов, очевидно, должно было внушать уважение к его собственной власти, а имена самих богов служили достаточной гарантией того, что за нарушение договора непременно последует божественная кара. Первые успехи Эаннатума, благодаря которым он получил возможность осуществлять сюзеренитет над главными городами Южной Вавилонии, вполне могли стать причиной того, что он вызвал активную враждебность Киша и Описа. Когда он вышел победителем из последующей борьбы с северными городами, мы можем предположить, что он претендовал на титул царя, который он использует вместо своего более обычного титула патеси в некоторых местах текста договора с Уммой.

Другие завоевания, зафиксированные в надписях Эаннатума, делятся на две группы. Во всех списках его побед, дошедших до нас - на Стеле стервятников, камнях-основаниях и кирпичных надписях - поражение Элама стоит на первом месте. Это, вероятно, не следует понимать как то, что она была первой по времени. Действительно, порядок расположения завоеванных областей и городов в разных списках, как правило, одинаков, но это не всегда так. Помимо различий, вызванных пропуском или вставкой имен, порядок иногда изменяется; так, завоевание Аруа записано перед завоеванием Ура на Стеле стервятников, тогда как на камнях-основаниях это расположение обратное. Поэтому было бы опрометчиво полагать, что они перечислены в порядке их появления; более вероятно, что завоеванные государства и районы сгруппированы на грубой географической основе, и что эти группы расположены в соответствии с тем значением, которое им придается. То, что Элам всегда упоминается в списках первым, вероятно, объясняется тем, что он был наследственным

врагом городов Шумера и Аккада, правители которых никогда не могли быть уверены в безопасности от его нападений. Сельскохозяйственные богатства Вавилонии были заманчивой добычей для выносливых племен, обитавших среди холмов на западной границе Элама, и страх перед налетчиками и горцами, испытываемый жителями равнин, выражен Эаннатумом в его описании Элама как "горы, наводящей ужас".[35]

То, что в конфликте с Эаннатумом эламиты, как обычно, были агрессорами, ясно из слов записи на его более длинном фундаменте - "Эаннатум разбил Элама наголову, Элам был изгнан в свою собственную землю".[36] В других отрывках, где говорится о поражении эламитов, Эаннатум добавляет формулу, что "он насыпал курганы", - фраза, которая, по-видимому, подразумевает, что враги были разбиты лишь со значительными потерями.[37] Не исключено, что поле битвы, на котором были разбиты войска Элама, находится на берегах канала Асухур, прорубленного за два поколения до этого Ур-Ниной, дедом Эаннатума; по крайней мере, канал дает название полю битвы, которое упоминается непосредственно перед именем Элама в одном из списков завоеваний. Таким образом, похоже, что эламиты занимались набегами на территорию Лагаша, когда Эаннатум обрушился на них со своим войском и изгнал их на север и за Тигр.

С успехом Эаннатума в борьбе с эламитами было тесно связано завоевание им Шаха, города, название которого неизвестно, а также, вероятно, земли или области, носившей название Сунанам. Завоевание этого последнего места упоминается только в прерывистом отрывке на Стеле грифов,[38] между названиями Элама и Шаха, а также неизвестного города, так что о нем мало что можно сказать. С другой стороны, Шах, когда бы он ни упоминался в надписях Эаннатума, следует сразу после названия Элама, и, вероятно, это был район на эламской границе, который Эаннатум опустошил во время преследования захватчиков. Город с неизвестным названием[39], очевидно, был важным местом, поскольку им не только управлял патеси, но и при упоминании его завоевания в списках обычно приводятся подробности. Интерпретация фразы, описывающей действия патеси по отношению к эмблеме города, не вполне определена, но представляется, что при приближении Эаннатума он посадил ее перед городскими воротами. Из контекста следует, что это был акт неповиновения, а не покорности, поскольку Эаннатум утверждает, что он завоевал город и насыпал курганы. Местонахождение города, как и его название, неизвестно, но поскольку записи, упоминающие о нем, всегда следуют за записями об Эламе, мы можем условно считать, что он находился в направлении эламской границы.

Оставшаяся группа завоеваний Эаннатума включает в себя победы, одержанные им над Азом, Мисиме и Аруа. В первом из этих мест находился город, которым правил патеси, которого Эаннатум убил, когда захватил и разрушил его. Ранее считалось, что он располагался по соседству с Персидским заливом, но основания, на которых держалось это мнение, оказались несостоятельными.[40] Более того, ссылки Эаннатума на Мисиме и Аруа не слишком помогают нам определить их положение, поскольку он просто заявляет, что разрушил и уничтожил их. Однако в отрывке на Стеле стервятников упоминание о земле Шумер следует вплотную за записью о завоевании Аруа,[41] что, возможно, является указанием на то, что все три места следует искать в Южной Вавилонии. Таким образом, у нас нет данных, позволяющих точно определить регион, в котором находилась эта группа городов, и мы в равной степени лишены информации о том, в какой период своего правления Эаннатум захватил или разрушил их. Тот факт, что они упоминаются в списках последними, не является доказательством того, что они были одними из самых последних его завоеваний; это может быть просто связано с их относительно небольшим значением. В поддержку этого предположения можно отметить, что в самой длинной из своих надписей-

оснований Эаннатум упоминает о них только один раз, в то время как его успехи против Элама и северных городов отмечаются в двух или трех отдельных отрывках.

Из предыдущего обсуждения походов Эаннатума стало ясно, что во время его правления произошло значительное расширение власти и влияния Лагаша. Из города-государства, влияние которого ограничивалось собственной территорией, он стал главой конфедерации великих шумерских городов, успешно оспаривал с северными городами гегемонию в Вавилонии и сдерживал посягательства Элама, наследственного врага как Шумера, так и Аккада. Согласно выдвинутой точке зрения на завоевания Эаннатума, первое распространение влияния города произошло на юг. Города Ур, Эрех, Ларса, Кеш и, вероятно, Эриду уже стали ее вассальными государствами, прежде чем Киш и Opis попытались ограничить ее растущую власть; и в последовавшей за этим войне, вероятно, мы можем увидеть борьбу между объединенными силами Шумера, с одной стороны, и Аккада - с другой. Одним из важнейших эпизодов этого конфликта стала война с Уммой, поскольку набег жителей этого города на территорию Лагаш послужил поводом для начала военных действий. В результате этого конфликта Лагаш занял место ведущего города Вавилонии. Тот факт, что с этого времени Эаннатум не стал постоянно использовать титул "царь" в своих надписях, возможно, объясняется тем, что он предпочитал религиозный титул "патеси", который подчеркивал его зависимость от своего города-бога Нингирсу.

Военный характер Эаннатума отражен в его надписях, которые в этом отношении составляют разительный контраст с надписями его деда, Ур-Нина. Если записи предыдущего царя полностью сводятся к перечислению храмов и других зданий, которые он возвел или восстановил в Лагаше и его окрестностях, то тексты Эаннатума посвящены почти исключительно его войнам. Однако из нескольких разрозненных отрывков мы узнаем, что он не совсем пренебрегал задачей пополнения и благоустройства храмов в своей столице. Так, он построил храм для богини Гатумдуг и дополнил другие здания, которые уже стояли во времена Ур-Нина. Но в основном его усилия в этом направлении были направлены на ремонт укреплений Лагаша и приведение города в состояние полной обороны. Поэтому он хвастается, что построил стену Лагаша и сделал ее крепкой. Со времен Ур-Нина, когда городская стена была тщательно отремонтирована, вероятно, оборона города была ослаблена, так как Эаннатум также сообщает, что он восстановил Гирсу, один из кварталов города, который, как мы можем предположить, пострадал по тому же поводу, и с тех пор ему было позволено оставаться в частично разрушенном состоянии. В честь богини Нины он также сообщает, что восстановил или, возможно, значительно увеличил квартал города, названный в ее честь, и построил стену для особой защиты Уру-азагга, другого квартала Лагаша. Фактически, политическое расширение, которое произошло в этот период во власти Лагаша, сопровождалось столь же поразительным увеличением размеров и оборонительных сооружений самого города.

Очевидно, что во время правления Эаннатума жители Лагаша наслаждались значительной степенью процветания, поскольку, хотя они были обязаны поставлять людей для армии своего патеси, государство приобрело значительные богатства от разграбления завоеванных городов и от дани зерном и другими товарами, которая взималась с них как знак их постоянного подчинения. Кроме того, походы не могли быть очень продолжительными, а после возвращения армии по окончании войны, вероятно, большая ее часть распускалась, и люди возвращались к своим обычным занятиям. Таким образом, успешное проведение Эаннатом своей внешней политики не привело к обеднению материальных ресурсов его народа, а плодородные равнины вокруг города не остались необработанными из-за отсутствия рабочей силы. Более того, похоже, что во второй

половине своего правления он значительно увеличил площадь обрабатываемых земель. Ведь в более длинных надписях, посвященных основанию города, после описания его главных завоеваний он заявляет: "В тот день Эаннатум сделал (следующее). Эаннатум, ... когда его могущество принесло плоды, прорыл новый канал для Нингирсу и назвал его Луммадимдуг". Выражение "когда его могущество принесло плоды" позволяет понять, что Эаннатум имеет в виду вторую часть своего правления, когда ему уже не нужно было постоянно выводить армию в поле, и он и его люди могли посвятить себя мирному делу освоения материальных ресурсов своего собственного района в Шумере.

Еще один канал, который, как мы знаем, был прорублен Эаннатумом, отделял равнину Гу-эдин от территории Уммы, но он был проложен не для целей ирригации, а скорее как пограничный ров, чтобы обозначить границы территории Лагаша в этом направлении. Однако мало сомнений в том, что по крайней мере часть его течения использовалась для снабжения водой тех районов Гу-эдина, которые лежали вдоль его берегов. Как и канал Луммадимдуг, эта пограничная канава также была посвящена Нингирсу, и в надписи на небольшой колонне, которая фиксирует этот факт, название канала дано как Луммагирнунташагазаггипадда. Но это чрезвычайно длинное название использовалось только в государственных случаях, таких как церемония посвящения; в просторечии название сокращалось до Луммагирнунта, как мы узнаем из упоминания о нем на конусе Энтемена. Интересно отметить, что в названии разграничительного камня, которое встречается на Стеле грифов, упоминается канал Уг-эдин, название камня звучит так: "О Нингирсу, владыка короны..., дай жизнь каналу Уг-эдин!". В следующих строках сам памятник описывается как "Стела Гу-эдин, территория, любимая Нингирсу, которую я, Эаннатум, вернул Нингирсу"; таким образом, становится ясно, что канал, название которого включено в название стелы, должен был иметь какое-то отношение к пограничному рву. Возможно, канал Уг-эдин следует отождествить с Луммагирнунтой, если только один из них не был вспомогательным каналом.

Кирпич Эннатума, патеси из Ширпурлы, с записью его родословной и завоеваний, а также в память о затоплении колодцев в Ширпурле.-*Brit. Mus., No. 85977; photo, Messrs. Mansell & Co.*

Для снабжения своего главного оросительного канала водой после периода весенних паводков Эннатум не полагался только на ту воду, которая могла попасть в него из реки, пока поверхность последней не опустилась ниже уровня дна канала; он также не ограничивался трудоемким методом подъема ее из реки в канал с помощью ирригационных

машин. Оба эти способа получения воды он, несомненно, использовал, но дополнил их строительством водохранилища, которое должно было удерживать хотя бы часть излишков воды ранней весной и накапливать ее для постепенного использования на полях после того, как уровень воды в реке и каналах упадет. В надписи, которая фиксирует этот факт, он говорит: "Для Нингирсу он основал канал Луммадимдуг и посвятил его ему; Эаннатум, наделенный силой Нингирсу, построил водохранилище Луммадимдуг, вместимостью три тысячи шестьсот гур воды".^[42] Правда, его водохранилище было не очень внушительных размеров, но его строительство доказывает, что Эаннатум или его инженеры изучали проблему орошения в научном духе и уже разработали метод получения постоянной подачи воды, который до сих пор считается наилучшим.

Возможно, во время правления Эаннатума были прорыты небольшие каналы для снабжения водой тех кварталов Лагаша, которые он улучшил или дополнил; мы также знаем, что там, где прокладка каналов была невозможна, он добывал воду путем прокладки колодцев. Например, в ограде храма Нингирсу он построил колодец для снабжения храма водой, и были найдены некоторые кирпичи, которыми был выложен колодец изнутри.^[43] На них он начертал свое имя рядом с именами богов, которые были к нему благосклонны; после перечисления своих важнейших завоеваний он сообщил, что построил колодец в просторном переднем дворе храма, назвал его Сигбирра и посвятил Нингирсу. Из упоминания о его завоеваниях в надписи на кирпичах ясно, что затопление колодца, как и прокладка оросительного канала Луммадимдуг, произошло в поздние годы правления Эаннатума.

Фраза, которой заканчивается колодезная надпись Эаннатума, может быть воспринята как указание на меру процветания, которого достигло государство Лагаш под его властью. "В те дни", - говорится в надписи, - "Нингирсу любил Эаннатума". Но, как мы видели, Эаннатум заслуживает памяти в большей степени благодаря своим военным успехам, с помощью которых он смог распространить власть Лагаша на весь Шумер и большую часть Аккада. В то же время он доказал, что достаточно силен, чтобы защитить свою империю от нападения внешних врагов, и вполне вероятно, что после значительного поражения эламитов его больше не беспокоили набеги с этой стороны. Три раза в ходе своих надписей он заявляет, что "Эаннатум, чье имя произнес Нингирсу, разбил страны наголову", и, судя по всему, его хвастовство было оправданным. Метафора, которую он использует, взята из тяжелой боевой булавы, которая была эффективным оружием в войнах того периода. Ее можно увидеть в сцене, изваянной на главном монументе царствования Эаннатума, где сам Нингирсу изображен разбивающим головы своим врагам. Это изображение бога города Лагаш, один из лучших образцов ранней шумерской скульптуры, само по себе восхитительно символизирует амбиции и достижения правителя, в чье правление и по чьему приказу оно было сделано.

[1] "Déc. en Chaldée", p. xl.; cp. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", pp. 10 ff.

[2] С нижней частью Col. IV. (pl. xl.), лл. 5-8, cp. Col. V., лл. 23-29.

[3] Буквально, "пожирали".

[4] Col. I., ll. 10 ff. ("Déc. en Chaldée", p. xlvii.).

[5] Obv., Col. VII. (нижняя часть) и Col. VIII. ff.

[6] Конусообразная надпись, кол. I, лл. 32 и далее.

[7] "Клинописные тексты в Британском музее", т. VII, pl. 1 f., № 23580.

[8] "Déc. en Chaldée", p. xliv., Galet E.

[9] Конусная надпись, кол. II., лл. 11-18.

[10] Ср. обв., колл. XIX-XXII, и обв., колл. III-V.

[11] Obv., Col. XVI.-Rev., Col. V.

[12] Фрагменты A-F были опубликованы в "Déc. en Chaldée" на следующих листах: Пластина 4, A, B и C, аверс (следует отметить, что на пластине буквы B и C должны быть поменаны местами); Пластина 3, A, B и C, реверс (буквы B и C здесь расположены правильно); Пластина 4 (bis), D и E, аверс; Пластина 3 (bis), D и E, реверс; Пластина 4 (ter), F, аверс и реверс. Фрагмент G, соединяющий C с F, опубликован в "Cun. Texts in the Brit. Mus.", Pt. VII., pl. 1.

[13] Они известны под символами D и E; см. с. 131, рис. 46. Во время транспортировки из Телло в Константинополь верхняя часть фрагмента D, к сожалению, была повреждена, так что лоб бога, его глаз и большая часть носа теперь отсутствуют (см. "Déc. en Chaldée", pl. 4 bis). В блоке недостающие части были восстановлены по оттиску фрагмента, сделанного в Телло М. де Сарзекон (см. "Déc.", p. 194 f.).

[14] Ср. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", III., p. 10. Его первое принятие семитами видно на недавно обнаруженном памятнике Шарру-Ги, раннего царя Киша; см. ниже, гл. VIII, с. 220 и далее.

[15] См. выше, p. 128 f.

[16] Фрагмент известен как B; "Déc. en Chaldée", pl. 4 (см. выше, p. 129, n. 1). Ее головной убор см. выше, с. 51, рис. 18.

[17] Фрагмент G; см. выше, с. 129, n. 1.

[18] Фрагменты C и F; см. выше, с. 129, n. 1.

[19] "Déc. en Chaldée", p. xliii., Galet A, Col. V. f.

[20] Они имеют номера A, D (который соединен с E) и B; см. выше, p. 129, n. 1.

[21] См. выше, с. 125.

[22] См. табличку на с. 124.

[23] Фрагмент B, реверс (см. выше, с. 129, n. 1).

[24] См. табличку на с. 124.

[25] См. выше, с. 43.

[26] См. выше, с. 42, n. 1.

[27] Фрагмент C, реверс; см. табличку на с. 138.

[28] Остатки этой сцены на фрагменте F изображены в тексте; о фрагменте G см. в "Cun. Texts in the Brit. Mus.", Pt. VII., pl. 1.

[29] См. выше, с. 68, рис. 20.

[30] См. Obv., Col. VI., ll. 25 и далее, Col. VII., ll. 1 и далее.

[31] Камень-основание А, кол. V., лл. 23-кол. VI., лл. 5; "Dés.", p. xliii.

[32] См. Кол, VI., лл. 6 и далее.

[33] См. кол. IV, лл. 25 и далее.

[34] См. противоположную табличку.

[35] Фундаментный камень А, Col. III., l. 13.

[36] Col. VI., ll. 6 ff.

[37] Эта фраза не означает, что Эаннатум похоронил тела убитых эламитов, хотя она может быть обычной формулой, используемой для описания важного сражения. Можно отметить, что Эаннатум определенно заявляет, что оставил кости своих врагов белеть на открытой равнине, и это, вероятно, было практикой того времени. Каждая сторона хоронила своих мертвецов, чтобы обеспечить им вход в подземный мир.

[38] Rev., Col. VI., l. 10-Col. VII., l. 3.

[39] Название выражено знаком смешения, образованным из знаков URU и А, фонетическое чтение которого неизвестно.

[40] Название этого места ранее читалось в короткой надписи, выгравированной на буланой головке Гудеа, и предполагалось, что оно описывается в этом отрывке как лежащее вблизи Персидского залива; см. Heuzey, "Rev. Arch.", vol. xvii. (1891), p. 153; Radau, "Early Bab. Hist.", pp. 81, 191. Но слог as встречается в этом тексте без определителя "места", и его скорее следует интерпретировать как часть названия горы, с которой Гудеа добыл брекцию для своей булавы; а сама гора описывается как расположенная на "Верхнем море", т.е. Средиземном, см. ниже, стр. 270 и далее.

[41] См. "Rev.", Col. VIII.

[42] Фундаментный камень А, кол. VII, лл. 3 и далее.

[43] Один из кирпичей с надписью из колодца см. на табличке напротив с. 154.

ГЛАВА VI

КОНЕЦ ДИНАСТИИ УР-НИНА, РЕФОРМЫ УРУКАГИНЫ И ПАДЕНИЕ ЛАГАША

Эаннатум был самым известным и могущественным представителем династии Ур-Нина, и вполне вероятно, что его правление знаменует собой зенит могущества Лагаша как города-государства. Нам неизвестна причина, по которой его преемником на троне стал его брат Энаннатум I., а не его собственный сын. То, что разрыв престолонаследия не был вызван дворцовой революцией, можно определить по упоминанию Эаннатума о своем брате в надписи, найденной Колдеевым в Эль-Хиббе,^[1] где, назвав Акургала своим отцом, он описывает себя как "любимого брата Эаннатума, патеси Лагаша". Возможно, у Эаннатума не было потомства мужского пола, или, поскольку его правление было долгим, он мог

пережить своих сыновей. Мы можем предположить, что его победы были одержаны не без значительных потерь среди его молодых воинов, и многие кадеты царского дома, включая сыновей самого царя, возможно, отдали свои жизни на службе своему городу и его богу. Это вполне могло стать причиной того, что престол перешел от прямой линии происхождения к младшей ветви семьи. То, что Эннатум следовал за своим братом, а не предшествовал ему на троне, доказывает упоминание о нем в тексте Эль-Хиббы, о котором уже шла речь; более того, его самого сменили его же ближайшие потомки, и упоминание о его правлении на Коне Энтемена следует в порядке возрастания за записью того же правителя об Эннатуме. Немногочисленные надписи о его правлении, найденные в Телло и Эль-Хиббе, носят скорее вотивный, чем исторический характер, и, если бы не исторические сводки на конусе Энтемена и надпись на дощечке Уруагины, мы не имели бы данных для прослеживания истории Шумера в этот период. Как бы то ни было, наши сведения в основном сводятся к продолжающемуся соперничеству между Лагашем и его ближайшим соседом Уммой, которое теперь привело к возобновлению активных военных действий.

Мы уже видели, что, несмотря на усиление власти Лагаша во время правления Эннатума, город Умма не был включен в его владения, но сумел сохранить полунезависимость. Это следует из условий договора, по которому жители Уммы обязались не вторгаться на территорию Лагаша; и, хотя они платили Эннатуму тяжелую дань кукурузой, можно предположить, что они были готовы воспользоваться любой возможностью, которая могла представиться, чтобы отказаться от сюзеренитета Лагаша. Такую возможность они, возможно, увидели в смерти своего завоевателя Эннатума, так как после воцарения его брата мы видим, что они повторили ту же тактику, которую использовали в предыдущее царствование под руководством своего патеси, Уш. Энакалли, с которым Эннатум заключил свой договор, сменил на троне Урлумма. В своей конусной надписи Энтемена не дает никаких указаний на то, был ли какой-либо промежуток между правлением Энакалли и Урлуммы. Но из небольшой таблички из ляпис-лазури в "Коллекции де Клерка" мы узнаем, что последний был сыном Энакалли и, следовательно, вероятно, его прямым преемником на троне.^[2] Маленькая табличка использовалась в качестве памятника основания, а короткая надпись на ней сообщает о строительстве храма богу Энкигалу Урлуммой, который описывает себя как сына Энакалли. Каждый правитель носит в надписи титул "царь", и, хотя чтение знака, следующего за титулом, неясно, почти нет сомнений, что мы должны отождествить Урлумму и Энакалли из таблички с двумя патесисами Уммы, которые, как известно, носили эти имена.

Урлумма не стал придерживаться политики своего отца, а, следуя примеру Уша, собрал армию и совершил внезапный набег на территорию Лагаша. Его набег, судя по всему, был сопряжен с еще большей жестокостью, чем у его предшественника. Уш довольствовался тем, что просто убрал разграничительную стелу, установленную Месилимом, но Урлумма разбил на куски стелу Эннатума, бросив ее в огонь, и мы можем предположить, что со стелой Месилима он поступил так же.^[3] Святилища, или часовни, которые Эннатум построил на границе и посвятил богам, которых он призвал охранять договор, теперь были сровнены с землей. Такими действиями Урлумма стремился стереть все следы унижительных условий, навязанных его городу в прежние годы, и, перейдя пограничный ров Нингирсу, совершил набег и разграбил богатые равнины, которыми всегда стремилась завладеть Умма.

Вероятно, целью Урлуммы, нарушившего договор, было не просто собрать добычу с полей и деревень, которые он захватил, а полностью завладеть желанной равниной. По крайней мере, и Энтемена, и Уруагина сообщают, что последующая битва между войсками Уммы и Лагаша произошла на территории последнего, что, по-видимому, означает, что Урлумма и

его армия не отступила с награбленным в свой город, а попытались удержать владение самой землей. Энаннатум встретился с людьми Уммы в Угигге, районе в пределах храмовых земель Нингирсу, где произошла битва, которая, согласно краткому рассказу Урукагины, привела к поражению Уммы. Энтемена же не сообщает, победил ли Лагаш, и его молчание, возможно, знаменательно, поскольку, если бы его отец одержал уверенную победу, он, несомненно, бы об этом написал. Кроме того, Урлумма продолжал доставлять неприятности, и только в правление самого Энтемена он был окончательно побежден и убит. Таким образом, мы можем заключить, что Энаннатум сделал не больше, чем сдержал посягательства Урлуммы, и не исключено, что последний сохранил на время значительную часть территории, которой Лагаш пользовался на протяжении нескольких поколений.

О правлении Энаннатума I известно немного. Мы знаем, что он послал людей в горы, вероятно, в Элам, чтобы они срубили там кедр и привезли стволы в Лагаш; из полученного таким образом кедрового дерева он построил крышу храма, который, по-видимому, был посвящен Нингирсу. Этот храм мы, вероятно, можем отождествить со знаменитым храмом Нингирсу - Э-нинну, откуда мы извлекли ступку, которую Энаннатум приготовил и подарил, чтобы она использовалась для толчения лука в связи с храмовым ритуалом. Еще один предмет, посвященный Нингирсу, датируемый этим периодом, хранится в Британском музее и позволяет узнать имя служителя, состоявшего на службе у Энаннатума. Это булавовидная головка из известняка,^[4] с эмблемой Лагаша и надписью, из которой мы узнаем, что она была помещена в храм Э-нинну Баркибой,^[5] министром, чтобы обеспечить сохранение жизни Энаннатума, "его царя". Из этой записи следует, что, хотя сам Энаннатум принял титул "патеси", который он приписывает и своему отцу Акургалу, его подчиненным было позволено обращаться к нему под титулом "царь". О том, что "патеси" было его обычным обозначением, можно судить не только по его собственным надписям, но и по появлению этого титула после его имени на купчей, составленной на табличке из черного камня,^[6] которая, вероятно, относится к периоду его правления. Из этого документа, а также из текста, начертанного на глиняных конусах, найденных Кольдеевым в Эль-Хибба,^[7] мы также узнаем, что у Энаннатума, помимо Энтемена, был сын по имени Луммадур,^[8] . Следует отметить, что ни на глиняных конусах, ни на табличке из черного камня не указано имя отца Энаннатума, поэтому было высказано предположение, что их следует отнести к Энаннату II, а не к Энаннату I. Но украшение храма Э-анни, запечатленное на конусах, упоминается в глиняной надписи Энаннатума I, которая, как и конусы, была найдена в Эль-Хиббе.^[9] Поэтому разумно отнести надпись на конусе также к Энаннату I и сделать вывод, что Луммадур был его сыном, а не сыном и возможным преемником Энаннатума II. Надпись на конусе фиксирует назначение Луммадура его отцом жрецом в Э-анне, когда этот храм был украшен и декорирован в честь богини Нинни. Поскольку Энаннатум на троне Лагаша сменил Энтемена, можно предположить, что Луммадур был младшим братом последнего.

Одной из первых обязанностей Энтемена после вступления на престол была защита своей территории от дальнейших посягательств Урлуммы. Очевидно, что этот правитель внимательно следил за развитием событий в Лагаше, и такой повод, как смерть правящего в этом городе патеси, вполне мог показаться ему подходящим временем для возобновления военных действий. Смерть великого завоевателя Энаннатума уже подтолкнула его к набегу и захвату части территории, которую до этого времени занимал Лагаш, и, хотя Энаннату удалось до некоторой степени сдержать его, он только ждал благоприятной возможности расширить территорию, находящуюся под его контролем. Такую возможность он, естественно, видел в исчезновении своего старого соперника, ведь всегда оставался шанс, что новый правитель окажется еще менее успешным лидером, чем его отец, или же его воцарение может привести к раздору среди членов царского дома, что существенно ослабит

силу сопротивления города. Судя по всему, его атака была тщательно организована, поскольку есть свидетельства того, что он укрепил свои собственные ресурсы, обратившись за помощью как минимум к одному соседнему государству. Однако его надежды на уверенную победу таким образом далеко не оправдались. Энтемена не терял времени на сбор войск и, выведя их на равнину Лагаша, встретил армию Урлуммы у пограничного рва Луммагирнунта, который его дядя Эннатум построил для защиты и орошения Гу-эдина, плодородной территории Нингирсу. Здесь он нанес тяжелое поражение воинам Уммы, которые, будучи разбиты и обращены в бегство, оставили шестьдесят своих товарищей лежать мертвыми на берегу канала.^[10] Сам Урлумма бежал с места битвы и укрылся в своем городе. Но Энтемена не успокоился на поражении, которое он нанес врагу в поле. Он преследовал людей Уммы на их собственной территории и сумел захватить город, прежде чем его деморализованные жители успели организовать или укрепить его оборону. Он захватил и убил Урлумму, покончив таким образом с амбициозным правителем, который на протяжении многих лет, несомненно, доставлял Лагашу много хлопот и раздражения. Победа Энтемена была полной, но она не обошлась без потерь среди его собственных войск, так как в пяти отдельных местах он насыпал курганы, которые, несомненно, покрывали тела его собственных убитых. Кости врагов, по его словам, были оставлены отбеливаться на открытой равнине.

Теперь Энтемена приступил к аннексии Уммы, включив ее в состав государства Лагаш и реорганизовав его администрацию под руководством назначенных им самим чиновников. Новым патеси Уммы он не назначил никого из уроженцев этого города, а перевел туда своего чиновника, который занимал значительный пост в другом городе под сюзеренитетом Лагаша. Этого чиновника звали Или, и во время присоединения Уммы он исполнял обязанности сангу, или жреца, города, название которого было предварительно прочитано как Нинаб или Нинни-эш. И хотя чтение названия этого места до сих пор остается неясным, похоже, что оно находилось в Южной Вавилонии и было довольно важным местом. На небольшой табличке в Лувре упоминаются вместе некие люди из Эреха, Адаба и Нинни-эша,^[11] а когда Лугаль-заггиси перечисляет блага, которыми он наделил города Южной Вавилонии, которыми он правил, он упоминает Умму и Нинни-эш вместе, после упоминания Эреха, Ура и Ларсы.^[12] Поэтому мы можем с определенной долей вероятности заключить, что город, в котором Или в это время исполнял обязанности жреца, находился недалеко от Уммы. Он находился под контролем Лагаша и, несомненно, был частью империи, которую Эаннатум завещал своим преемникам на троне. Или описывается как жрец, а не патеси города, и вполне возможно, что в его обязанности входил контроль над светской администрацией. Но, учитывая важность этого места, маловероятно, что оно было без патеси.

Назначение Или в патесиат Уммы сопровождалось определенной церемонией. Судя по всему, его назначение произошло не сразу после взятия города, а в короткий промежуток времени между окончанием войны и инаугурацией нового правительства. Тем временем сам Энтемена вернулся в Лагаш, и именно в этот город он вызвал Или. Затем он отправился вместе с Или из Гирсу и, добравшись до Уммы, официально поставил его во главе правительства и присвоил ему титул патеси. В то же время он продиктовал жителям Уммы свои условия и поручил Или проследить за тем, чтобы они были должным образом выполнены. В первую очередь он вернул Лагашу территорию, на которую тот всегда претендовал, а древние пограничные рвы, которые были засыпаны или обвалились, он приказал отремонтировать. Помимо восстановления традиционных прав Лагаша, он присоединил новые земли в районе Каркара, поскольку его жители принимали участие в недавнем восстании и, вероятно, составили важный контингент для армии Урлумы. Он дал указание Или расширить два главных пограничных рва, посвященных Нингирсу и Нине, соответственно, на территории Каркара; с помощью большого количества принудительного труда, который он требовал от своих новоприсоединенных подданных, он укрепил оборону своей собственной территории, а также восстановил и расширил систему каналов между Евфратом и Тигром. Но Энтемена не довольствовался тем, что требовал землю и труд только от завоеванного города. Он обложил его тяжелой данью в виде кукурузы, и, вероятно, одной из важнейших обязанностей Или как патеси был контроль за ее сбором и своевременной передачей в зернохранилища Лагаша.

В память о завоевании и присоединении Уммы Энтемена составил протокол о своей победе, который, несомненно, был выгравирован на каменной стеле, подобной тем, что были изготовлены в более ранние времена Месилимом и Эаннатумом. Эта стела, как и предыдущие, вероятно, была установлена на границе, чтобы служить памятником его достижений. К счастью для нас, он не стал ограничивать записи своими победами, а предварил их эпитомированным рассказом об отношениях, существовавших между

Лагашем и Уммой со времен Месилима до его собственных дней. Другие копии надписи, вероятно, были выгравированы на камне и установлены в городах Умма и Лагаш, а чтобы еще больше увеличить шансы на сохранность записей, он сделал копии на небольших конусах из глины. Последние имели характер памятников, и мы можем заключить, что он зарыл их под зданиями, которые возводил или ремонтировал на пограничных каналах, а также, возможно, в фундаменте храмов в самом городе Лагаш. Предусмотрительность Энтемента, умножившего количество своих текстов и захоронившего их в структуре своих зданий, соответствовала практике того времени; и в его случае этот обычай был полностью оправдан. Насколько нам известно, его большие каменные стелы погибли, но один из небольших глиняных конусов^[13] был восстановлен и является одной из самых ценных записей ранней истории Шумера, которыми мы располагаем.

Возможно, что заключительные абзацы текста были представлены на каменных стелах в более полном виде, чем на конусе; но в том, что касается исторической части записи, мы, несомненно, восстановили большую часть, если не всю, записей Энтемента. На стелах, возможно, были выгравированы сложные проклятия, призванные уберечь пограничный ров от нарушения, и, хотя они опущены в сокращенной версии текста, их место занимает краткое обращение и молитва, которыми завершается запись. Энтемента молится о том, что если когда-нибудь в будущем люди Уммы прорвутся через пограничный ров Нингирсу или пограничный ров Нина, чтобы наложить руки на территорию Лагаша, будь то люди из самого города Уммы или люди из окрестных земель, то пусть Энлиль уничтожит их, и пусть Нингирсу закинет на них свою сеть, и наложит на них руку и ногу. И если воины его собственного города будут призваны защищать его, он молится, чтобы их сердца были полны пыла и мужества. Прошло не так много лет, прежде чем Лагаш стал остро нуждаться в помощи, к которой здесь призывает Энтемента.

Кроме конуса, на котором записано завоевание Уммы, надписи Энтемента не проливают свет на военные достижения его царствования. Три фрагмента известняковой вазы были найдены в Ниппуре в толще под храмом Энлиля на юго-восточной стороне зиккурата, или храмовой башни, на внешней поверхности которых была votивная надпись Энтемента.^[14] Из них следует, что ваза была посвящена Энлилю в качестве благодарственного подношения после какой-то победы. Фрагментарный характер надписи не позволяет нам определить врага, который был покорен по этому случаю; но мы, вероятно, будем правы, приняв этот отрывок за относящийся не к завоеванию Уммы, а к покорению какого-то другого района. На самом деле, мы можем рассматривать вазу как свидетельство того, что Энтемента пытался удержать империю, которую основал Эннатум, и не уклонялся от необходимости предпринимать военные экспедиции для достижения этой цели. В подтверждение этой точки зрения можно привести упоминание одного из городов, завоеванных Эннатумом, которое встречается на votивном тексте, составленном в правление Энтемента, хотя и не самим патеси. Текст, о котором идет речь, выбит на перфорированном рельефе Дуду, главного жреца Нингирсу,^[15] который в свое время служил опорой колоссальной церемониальной булавы, посвященной храму Нингирсу в Лагаше.

Материал, из которого состоит блок, темного цвета, сравнительно легкий по весу и подвержен растрескиванию; он состоит из смеси глины и битума и, возможно, был сформирован природой или изготовлен искусственно.^[16] Пока это вещество находилось в податливом состоянии, из него был сформирован блок, на который с помощью штампа были нанесены рисунки с надписями. Согласно надписи, это битуминозное вещество было привезено Дуду в Лагаш из одного из городов, завоеванных Эннатумом и включенных в его империю. Тот факт, что Дуду распорядился доставить вещество из этого города, говорит о

том, что между ним и Лагашем в то время существовали дружеские отношения; вполне возможно, что он еще не обеспечил свою независимость, а продолжал признавать сюзеренитет последнего. Единственные другие упоминания о чужом городе в текстах Энтемена встречаются в двух его главных строительных надписях,^[17] которые включают в список его построек возведение большого умывальника для бога Энки, описанного как "царь Эриду". Возможно, в этой записи мы видим еще одно указание на то, что по крайней мере южная часть империи Эннатума все еще оставалась во владении его племянника.

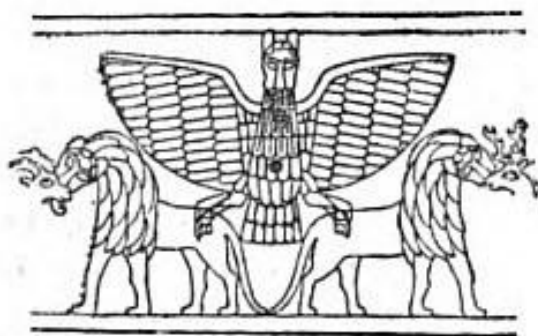

Fig. 49.

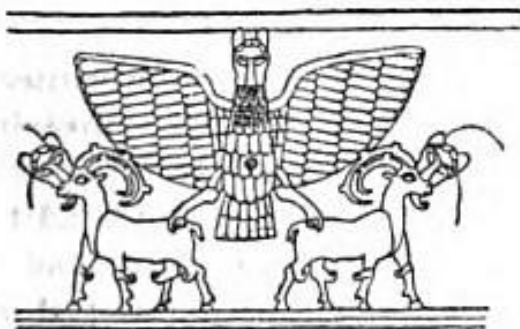

Fig. 50

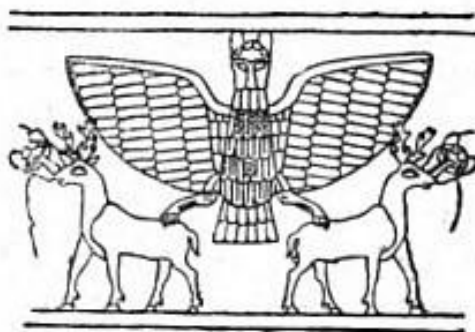

Fig. 51.

Рис. 49.- Рис. 50.- Рис. 51.- Детали гравюр на серебряной вазе Эннатума. Верхняя группа представляет собой эмблему Лагаша; в нижних группах вместо львов изображены козлы и олени.-Dés., pl 43 bis; Cat. No. 218.

Верховный жрец Дуду, чей портрет включен в рисунок на уже упомянутой дощечке, был, по-видимому, важной персоной во время правления Энтемена, и две найденные надписи датируются периодом его правления. Одна из них сделана на знаменитой серебряной вазе Энтемена - лучшем образце шумерской работы по металлу, который до сих пор удалось обнаружить. На вазе, выгравированной в контуре с различными формами герба Лагаша,^[18] имеется надпись вокруг горлышка, гласящая, что Энтемена, патеси Лагаша, "великий патеси Нингирсу", изготовил ее из чистого серебра и посвятил Нингирсу в Э-нинну, чтобы обеспечить сохранение его жизни. Он был помещен в качестве votive предмета в храм Нингирсу, а к посвящению добавлена запись о том, что "в это время Дуду был жрецом Нингирсу". Аналогичная ссылка на жречество Дуду встречается в надписи на фундаменте Энтемены, где зафиксировано строительство водохранилища для снабжения канала Луммадимдуг, причем его емкость была чуть больше половины емкости более раннего

водохранилища, построенного Эаннатумом. Поскольку канал был посвящен Нингирсу, ссылка на Дуду также была здесь уместна. Но такой способ указания даты создания любого объекта или сооружения, пусть даже тесно связанного с поклонением или собственностью города-бога, был несколько необычным, и его появление в этих текстах, возможно, можно рассматривать как указание на могущественное положение, которым пользовался Дуду.^[19] Действительно, Энлитарзи, другой жрец Нингирсу во время правления Энтемены, впоследствии занял трон Лагаша. Строительные надписи Энтемена служат еще одним доказательством его преданности Нингирсу, чей храм и хранилища он перестраивал и дополнял. Следующими по значимости были постройки в честь богини Нины, а также он возводил или ремонтировал храмы и другие здания, посвященные Лугал-уру, богиням Нинхарсаг, Гатумдуг и Нинмах. Такие записи позволяют предположить, что правление Энтемены, как и правление Эаннатума, было периодом некоторого процветания Лагаша, хотя, вероятно, ее влияние ощущалось на более ограниченной территории.^[20] Своим завоеванием и аннексией Уммы он с лихвой компенсировал недостаток успеха своего отца, Эаннатума I, и, возможно, только благодаря этой победе он избавил Лагаш от самого упорного врага на протяжении всего правления своих ближайших преемников.

Серебряная ваза, посвященная богу Нингирсу Энтеменой, патеси из Ширпурлы. - В Лувре; *Déc. en Chald., pl. 43 (bis)*.

С Эннаннатумом II, сыном Энтемены, который сменил на троне своего отца, династия, основанная Ур-Нином, насколько нам известно, закончилась.[21] О правлении сына Энтемены свидетельствует единственная надпись, выгравированная на дверной розетке из большого хранилища Нингирсу в Лагаше, восстановление которого зафиксировано в тексте. Далее в нашей последовательности царских надписей, найденных в Телло, возникает пробел: следующим правителем, оставившим нам какие-либо записи о себе, стал Урукагина, злополучный реформатор и царь Лагаша, при котором городу было суждено испытать то, что, несомненно, стало самым большим поражением за всю его долгую историю. Хотя у нас нет царских текстов, относящихся к периоду между правлениями Эннаннатума II и Уруагины, мы, к счастью, не лишены возможности приблизительно оценить его продолжительность и восстановить имена некоторых, если не всех, патесисов, занимавших трон Лагаша в этот промежуток времени. Наша информация получена из нескольких глиняных табличек, большинство из которых были найдены во время раскопок в Телло после смерти М. де Сарзека.[22] Они составляли часть личного архива патесиса Лагаша в это время и касались хозяйственных расходов двора и особенно харима. Часто в этих табличках упоминается царствующий патеси или его жена, и из них мы узнали имена трех патеси - Энетарзи, Энлитарази и Лугаль-анда[23] - которые должны быть помещены в промежуток между Эннаннатумом II и Уруагиной. Более того, было отмечено, что надписи на большинстве табличек заканчиваются своеобразной фигурой, состоящей из одного или нескольких диагональных штрихов, перерезающих один горизонтальный; и было дано правдоподобное объяснение этим фигурам: , что они предназначены для указания даты таблички, количество диагональных штрихов сразу показывает год правления патеси, в который был написан текст, и к которому относятся счета. Было исследовано значительное количество таких табличек, и путем подсчета штрихов на них был сделан вывод, что Энетарци правил не менее четырех лет, Энлитарци - не менее пяти лет, а Лугаль-анда - не менее семи лет.[24]

Теперь относительный порядок этих трех патей можно считать определенно установленным, и, хотя возможно, что отсутствуют имена других, которые должны быть установлены в пределах этого периода, сами таблички дают основания полагать, что в любом случае промежуток между Эннаннатом II и Уруагиной не был долгим. Некоторое время предполагалось, что Энлитарзи и Лугаль-анда жили примерно в один и тот же период, поскольку управляющий по имени Шах был нанят как женой Энлитарзи, так и Барнамтаррой, женой Лугаль-анды.[25] Этот вывод теперь подтверждается находкой документа, доказывающего, что Лугаль-анда был сыном Энлитарзи; была найдена глиняная шишка, на которой был написан договор о продаже дома; сторонами договора были семья Лугаль-анды, описанного как "сын Энлитарзи, священника", и семья Барнамтарры, будущей жены Лугаль-анды.[26] Более того, у нас есть основания полагать, что Лугаль-анда был не только последним из трех патей, чьи имена удалось восстановить, но и непосредственным предшественником Уруагины. На это указывает тот факт, что управляющий Эниггал, который часто упоминается в табличках его правления, также был нанят Уруагиной и его женой Шагшаг. Подтверждение этой точки зрения было найдено в тексте на табличке, датированной первым годом царствования Уруагины, в которой упоминается Барнамтарра, жена Лугаль-анды.[27] Таким образом, остается лишь промежуток до правления Энлитарци, в котором должен быть установлен Энетарци, оставшийся патеси.

То, что это был недолгий период, ясно из того факта, что сам Энлитарци занял трон вскоре после Эннантума II. Этот вывод мы можем сделать из двойной даты на договоре купли-продажи, датированном патесиатом Энтемена, патеси Лагаша, и жречеством Энлитарци, главного жреца Нингирсу.[28] Не может быть никаких сомнений в идентичности жреца Энлитарци, о котором здесь идет речь, с Энлитарци, патеси, так как жена жреца, которая упоминается в договоре, носит то же имя, что и жена патеси.[29] Поскольку, таким образом, Энлитарци уже занимал высокий пост главного жреца Нингирсу во время правления Энтемены, можно сделать вывод, что его правление в качестве патеси не было отделено каким-либо длительным промежутком от правления сына и преемника Энтемены. Таким образом, внутренние свидетельства, представленные текстами, подтверждают вывод, сделанный на основании изучения самих табличек, которые отличаются замечательным единообразием типа, состоящего из обожженных глиняных табличек округлой формы и написанных в стиле, который очень похож на стиль царских надписей Урукагины. Таким образом, промежуток между смертью Энтемена и воцарением Урукагины был коротким, а тот факт, что в течение него не менее четырех патесисов сменяли друг друга в быстрой последовательности, позволяет предположить, что этот период был беспокойным в Лагаше.

Как и Энлитарци, Энетарци, по-видимому, также был главным жрецом Нингирсу до того, как занял трон; , по крайней мере, мы знаем, что жрец с таким именем занимал этот пост примерно в этот период. Надпись, на основании которой можно сделать вывод об этом факте, чрезвычайно интересна,[30] так как она представляет собой самый ранний пример письма или депеши, который был найден на вавилонском участке. Она была обнаружена в Телло во время недавних раскопок коменданта Кроса, и как по характеру письма, так и по общему виду она очень похожа на таблички со счетами из личного архива патесиса, о которых уже шла речь. Деша написана неким Лу-Энна, главным жрецом богини Нинмар, и адресована Энетарци, главному жрецу бога Нингирсу. На первый взгляд, ее содержание вряд ли соответствует тому, что мы ожидали бы найти в письме, адресованном одним главным жрецом другому. Автор сообщает своему корреспонденту, что отряд эламитов разграбил территорию Лагаша, но он сражался с врагами и сумел обратить их в бегство. Затем он называет пятьсот сорок человек, которых, вероятно, захватил или убил. На обороте таблички перечислены различные количества серебра и шерсти, а также некоторые царские одежды, которые, возможно, были частью добычи, захваченной или отвоеванной у эламитов; текст заканчивается тем, что, по-видимому, является ссылкой на раздел этой добычи между патеси Лагаша и другим высокопоставленным чиновником, а также указаниями, что некоторые подношения должны быть вычтены для подношения богине Нинмар, в храме которой автор был главным жрецом.

То, что главный жрец Нинмара повел армию против врагов Лагаша и отправил отчет о своих успехах главному жрецу Нингирсу, в котором он упоминает о доле добычи, которая будет выделена патеси, можно рассматривать как свидетельство того, что центральное правительство Лагаша не было таким стабильным, как когда-то при более могущественных представителях династии Ур-Нина. Упоминание Энетарци позволяет предположить, что вторжение эламитов произошло во время правления Эннантума II. Таким образом, можно сделать вывод, что последний представитель династии Ур-Нина не обладал способностями своего отца к управлению делами Лагаша и позволил жрецам больших храмов города узурпировать многие из привилегий, которые до сих пор принадлежали патеси. Вероятно, именно с этим фактом можно связывать прекращение династии Ур-Нина. Последующая борьба за патесиат, по-видимому, происходила среди наиболее важных представителей жречества. Из тех, кто занял трон, Энлитарци, во всяком случае, сменил его сын, который, однако, возможно, был свергнут,[31] и, по-видимому, не было создано сильной

администрации, пока Урукагина, отказавшись от традиций жречества и патесиата, не основал свое правительство на поддержке, которую он получил от самого народа. Таков, по-видимому, был ход событий в это время, хотя скудость наших исторических материалов не позволяет сделать больше, чем опасное предположение.

Fig. 52.

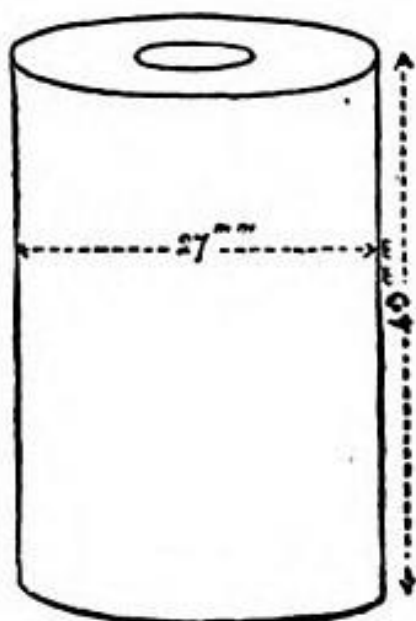

Fig. 53.

Рис. 52. Рис. 53. Оттиск печати Лугал-анда, патеси Лагаша (Ширпурла), с гравировкой герба Лагаша, а также с фигурами животных, героев и мифологических существ. Ниже приведена реконструкция цилиндра-печати с указанием его размеров - см. Allotte de la Fuÿe, *Rev. d'Assyr.*, Vol. VI., No. 4, pl. i.

Помимо табличек с отчетами о расходах патесиса и письма Лу-энны к Энетарци, главными реликвиями этого периода, дошедшими до нас, являются глиняные печати, на некоторых из

которых сохранились оттиски печатей патесиса Лугаль-анды, его жены Барнамтарры и управителя Эниггала. Они не дают нам новой исторической информации, но чрезвычайно ценны для изучения художественных достижений и религиозных верований шумеров.[32] По следам на их нижних сторонах ясно, что они использовались для запечатывания тростниковых корзин или свертков, завязанных в мешковину из пальмовых листьев и закрепленных шнурами. Из-за грубого характера глиняных кусков ни один из них не представляет собой идеальный оттиск, но, поскольку было найдено несколько образцов каждого, в некоторых случаях можно восстановить полный дизайн и оценить размер оригинальной печати. В прилагаемых блоках приведены репродукции рисунков на цилиндрических печатях Лугаль-анда, которые могут быть восстановлены наиболее полно. Основная группа фигур на большей из двух печатей состоит из двух разъяренных львов в противостоянии с человекообразным быком и мифическим и составным существом, полубыком-получеловеком, форма которого напоминает описание Эа-бани в легенде о Гильгамеше. Слева от надписи находится эмблема Лагаша, а ниже - ряд более мелких фигур, состоящих из двух человекообразных быков, двух героев и оленя. Фигуры на меньшем цилиндре представляют те же типы, но здесь эмблема Лагаша уменьшена до орла без львов, который был характерен для эмблемы Нингирсу. Мифологическое существо, напоминающее Эа-бани, повторяется геральдически на каждой стороне текста в конфликте со львом.

Fig. 54.

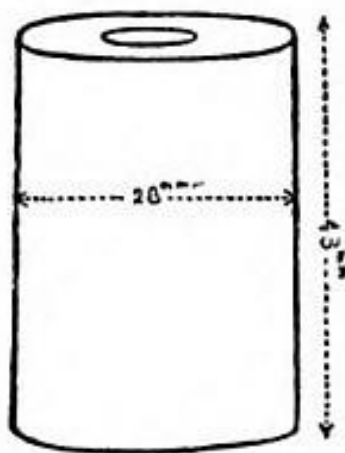

Fig. 55.

Рис. 54. Рис. 55. Оттиск печати Лугаль-анда, патеси Лагаша (Ширпурла), с гравировкой фигур животных, мифологических существ и бородатого героя. Ниже приведена реконструкция цилиндрической печати с указанием ее размеров. См. Allotte de la Fu  , *Rev. d'Assyr.*, Vol. VI., No. 4, pl. ii.

Появление этой фигуры и фигур других героев на печатях важно, поскольку указывает на знание ранними шумерами основных легенд, вошедших в великий национальный эпос Вавилона.[33] Не менее важны печати и для изучения шумерского искусства, они доказывают, что вырезание печатей практиковалось шумерами уже в течение значительного времени. Хотя узоры носят очень декоративный характер, интересно отметить, как художник пытался заполнить каждую часть своего поля - архаичная черта, которая разительно отличается от семитских печатей саргонского периода. Еще одна особенность, о которой можно упомянуть, - использование на большей печати под надписью своеобразного арабескового узора, изобретательного и симметричного сочетания прямых и кривых линий, за ходом которого можно следить, не проходя по той же линии второй раз. Было высказано предположение, что этот узор мог быть монограммой или подписью гравера,[34] , но более вероятно, что это был религиозный символ или, возможно, просто декоративный элемент, добавленный, чтобы заполнить пустое пространство, оставшееся на поле печати. Обнаружение этих оттисков позволяет нам понять, что, несмотря на период политических волнений, через который проходил Лагаш, его искусство не пострадало, а продолжало развиваться по своим направлениям. На самом деле, ее скульпторы и граверы всегда были готовы служить правящему патеси, кем бы он ни был.

Хотя, как мы видели, точное отношение трех патеси, Энетарзи, Энлитарзи и Лугал-анда, к династии Ур-Нина остается предметом предположений, несомненно, что с Урукагиной произошел полный разрыв не только преемственности, но и традиций и принципов, которыми так долго руководствовалась правящая семья в Лагаше. То, что Урукагина получил трон не по праву престолонаследия, ясно из полного отсутствия генеалогий в его надписях. Он даже не называет имени своего отца[35] , чтобы мы могли проследить его преемственность по его собственной инициативе. Он сам приписывает Нингирсу свое возведение на престол, и следующая за этим фраза говорит о том, что это было сделано не без борьбы. Подробно описывая радикальные реформы, которые он провел во внутреннем управлении государством, он предваряет свой рассказ заявлением о том, что они были проведены, когда Нингирсу отдал ему царство Лагаш и утвердил свое могущество. Учитывая эти самые реформы, можно считать чрезвычайно вероятным, что он возглавил реакцию против некоторых злоупотреблений, характерных для недавнего правления города, и что, узурпировав трон, он был обязан своим успехом широко распространенному чувству недовольства среди основной массы народа.

Еще одним доказательством полного разрыва престолонаследия может служить смена божества-покровителя, чьим покровительством пользовался царствующий дом. Урукагина больше не обращался к богу, на которого династия Ур-Нина полагалась в заступничестве перед Нингирсу,[36] и вместо него обратился к Ниншаху. Сам титул, который принял Урукагина, вероятно, свидетельствует о его враждебности к семье, которая так долго вершила судьбы государства. Если даже великий завоеватель Эннатум гордо придерживался титула "патеси", а его преемники на троне следовали его примеру, то Урукагина в каждой из найденных собственных надписей отказывается от него в пользу титула "царь".

Судя по всему, он не ввел это изменение сразу после своего воцарения и по крайней мере год продолжал использовать титул, которым пользовались его предшественники. Ведь некоторые таблички со счетами из личного архива патесиса, на которые уже делались ссылки, [37] датируются первым годом патесиса Урукагины, в то время как другие документы этого класса, относящиеся к нему, датируются с первого по шестой год его царствования. Таким образом, если в последовательности нет пробелов, мы можем заключить, что он отказался от прежнего титула после того, как занял трон в течение одного года. Отказ от этого проверенного временем обозначения вполне мог сопровождаться отменой привилегий и злоупотреблений, с которыми оно ассоциировалось в сознании народа. Действительно, тон его надписей не отражает ни чувства почтения к титулу *patesi*, ни стремления увековечить имена тех, кто его носил. Так, в одном из своих текстов, когда ему случается дать краткую историческую справку о более ранней борьбе между Лагашем и Уммой, он называет имя правителя последнего, но приписывает победу первого Нингирсу и, похоже, не упоминает Эннантума I. и Энтемена, в правление которых происходили эти события. [38]

Но именно в самих реформах, которые ввел Урукагина, мы находим наиболее яркое свидетельство того, что он полностью порвал с заветными традициями своих предшественников. В серии очень ярких текстов, тремя версиями которых мы сейчас располагаем, [39] он оставил нам запись изменений, которые он ввел во внутреннее управление страной. В том состоянии, в котором до нас дошли по крайней мере две из этих версий, использован литературный прием, который усиливает и подчеркивает в значительной степени радикальный характер его реформ. Прежде чем перечислить их, писатель создает поразительный контраст, описывая состояние страны, которое предшествовало их введению королем. Таким образом, перед нами предстают две картины-компаньоны, основные черты которых совпадают, а глубинные характеры полностью меняются. В двух разделах каждого текста общая фразеология во многом совпадает, разница заключается в том, что если в первом описывается гнет и несправедливость, существовавшие в государстве Лагаш "с далеких дней, с самого начала", то во втором разделе перечисляются реформы, с помощью которых Урукагина, по его словам, улучшил положение народа. Хотя некоторые из содержащихся в них ссылок остаются неясными, эти тексты дают нам возможность получить представление об экономических условиях, царивших в Шумере. В отличие от других царских надписей, найденных в Телло, они дают нам информацию о повседневной жизни и занятиях народа; и в то же время под официальным декорумом шумерского двора скрываются угнетение и страдания, о существовании которых нельзя было бы заподозрить по благочестивым учредительным надписям и вотивным текстам того периода.

Завоевания, достигнутые Лагашем в эпоху великого патесиса, несомненно, значительно увеличили богатство города и обеспечили ему, по крайней мере на время, гегемонию в Южной Вавилонии. Но с ростом ее могущества как государства она утратила многие из тех качеств, благодаря которым были достигнуты ее прежние успехи. Простота, которой отличалось хозяйство патеси в те времена, когда он был не более чем вождем среди своих сородичей, постепенно сменилась сложной организацией могущественного двора. Когда армия возвращалась с добычей из дальних краев, а дань с завоеванных городов наполняла житницы Нингирсу, вполне естественно, что правители Лагаша окружили себя большей роскошью и обогатили свой город, возведя дворцы для себя и роскошные храмы для богов. Длинные списки храмов и других построек, которые занимают большую часть надписей, оставленных нам Ур-Ниной и его потомками, свидетельствуют об их активности в этом

направлении. Очевидно, что благоустройство столицы, начатое в эпоху завоеваний, не могло быть продолжено в менее благополучные времена без значительного напряжения ресурсов государства. В таких условиях сельскохозяйственная часть населения была вынуждена вносить средства для удовлетворения амбиций своих правителей. Вводились новые налоги, а для обеспечения их сбора назначался целый штат инспекторов и других чиновников, число которых постоянно увеличивалось. "В пределах территории Нингирсу, - говорит Урукагина, - были инспекторы вплоть до моря".[40]

Таким образом, дворец патеси стал занимать в жизни страны то место, которое раньше занимал храм города-бога, и, хотя десятины, причитающиеся последнему, не уменьшились, народ столкнулся с дополнительным налогообложением со всех сторон. Сборщики налогов и инспекторы были назначены в каждом районе и для каждого класса населения. Земледельцы, владельцы отар и стад, рыбаки и лодочники, курсирующие по рекам и каналам, никогда не были свободны от алчности этих чиновников, которые, помимо взимания пошлин, похоже, еще и кормились за счет своих несчастных жертв. Коррупция в рядах чиновников была вполне естественной, когда сам патеси подавал им пример в этом деле; Урукагина сообщает, что его предшественники на троне присваивали имущество храмов для собственных нужд. Волы богов, рассказывает он, использовались для орошения земель, отданных патеси; хорошие поля богов составляли владения патеси и место его радости.[41] Сами жрецы богатели за счет храмов и безнаказанно грабили народ. Овцы и волы, принадлежавшие храмам, они уводили, требовали дополнительную десятину и подношения, по всей стране входили в сады бедняков и рубили деревья или уносили плоды. Но при этом они поддерживали хорошие отношения с дворцовыми чиновниками, так как Урукагина сообщает, что жрецы делили храмовый кукурузник с людьми патеси и приносили им дань одеждой, тканями, нитками, сосудами и предметами из меди, птицами, детьми и тому подобным.

Присвоение храмовой собственности, особенно собственности города-бога, послужило Урукагине поводом для начала его реформ. Он выступил как защитник Нингирсу и, вернув священные земли, захваченные дворцом, доказал свою бескорыстность и дал своим подданным пример, которому можно было настоять на следовании. Он заявляет, что в доме патеси и на поле патеси он установил Нингирсу, их господина; что в доме харима и на поле харима он установил богиню Бау, их госпожу; и что в доме детей и на поле детей он установил Дуншаггу, их господина.[42] В этих трех фразах Урукагина не только фиксирует восстановление всего имущества, которое ранее принадлежало храмам, посвященным Нингирсу и его семье, но и подтверждает старое отношение патеси к городу-богу. В качестве своего представителя патеси получал свой трон лишь в доверительное управление в интересах бога; его поля, товары и все, чем он владел, принадлежали не ему, а Нингирсу.[43]

Проведя эти реформы, Урукагина принялся за борьбу со злоупотреблениями, существовавшими среди светских чиновников и жрецов. Он сократил число первых и упразднил ненужные должности и офисы, которые слишком давили на народ. Инспекторы зернохранилищ, инспекторы рыбных промыслов, инспекторы лодок, инспекторы стад и овец и, по сути, целая армия чиновников, которые занимались обработкой доходов и сами получали от этого хорошую прибыль, были лишены должностей. Злоупотребления, возникшие и получившие признание давно установившегося обычая, были пресечены жесткой рукой. Все, кто брал деньги вместо положенной дани, были сняты со своих постов, как и те чиновники дворца, которые принимали взятки от жрецов. Сами жрецы были лишены многих привилегий, а шкала их пошлин была пересмотрена. В частности, была пересмотрена

плата за погребение, ставшая непомерно высокой; теперь она была снижена более чем наполовину. При обычном погребении, когда в могилу клали труп, священник, председательствующий на погребении, требовал в качестве платы за себя семь урн вина или крепкого напитка, четыреста двадцать хлебов, сто двадцать мер кукурузы, одежду, ребенка, кровать и сиденье. Теперь этот внушительный список привилегий был сокращен до трех урн вина, восьмидесяти хлебов, кровати и ребенка, а плата его помощника была уменьшена с шестидесяти до тридцати мер кукурузы. Аналогичные сокращения коснулись и других пошлин, требуемых жречеством, а пособия на вино, хлебы и зерно, которые выплачивались различным привилегированным классам и чиновникам в Лагаше, были пересмотрены и регламентированы.

Естественно, что притеснения и грабежи не ограничивались жреческим и чиновничьим сословием, а безнаказанно практиковались более влиятельными и незаконными слоями населения, в результате чего ничья собственность не была в безопасности. В старые времена, если человек покупал овцу и она была хорошей, он рисковал, что ее украдут или конфискуют. Если он строил себе пруд для ловли рыбы, ее забирали, и он не мог ничего исправить. Если он зарывал колодец на возвышенности за пределами территории, обслуживаемой оросительными каналами, у него не было никакой уверенности в том, что его труд пойдет на благо ему самому. Такое положение вещей Урукагина изменил, положив конец поборам чиновников и введя суровые наказания за воровство. В то же время он стремился законодательно защитить более скромные слои своих подданных от притеснений со стороны более богатых и могущественных соседей. Так, он постановил, что если в конюшне любого подданного короля жеребится хороший осел и его начальник желает его купить, то он должен сделать это, заплатив справедливую цену; если же владелец отказывается расстаться с ним, то его начальник не должен к нему приставать. Точно так же, если дом великого человека находился рядом с домом более скромного подданного короля и он желал купить его, он должен был заплатить справедливую цену; если же владелец не желал продавать его, он должен был иметь полную свободу отказаться без всякого риска для себя. То же стремление уменьшить тяготы бедных слоев населения прослеживается и в других реформах Урукагина, с помощью которых он изменил более варварские обычаи прежних времен. Один из примеров такой реформы, по-видимому, относится к *корвею* или родственному ему учреждению; когда работники занимались принудительным трудом, им не давали воды для питья и даже не позволяли самим добывать ее, и Урукагина положил этому конец.

О том, до какой степени простые люди были обмануты дворцовыми чиновниками, хорошо свидетельствуют две реформы Урукагина, из которых следует, что сам патеси и его главный министр, или великий визирь, обогащались за счет взимания больших и несправедливых поборов. Один из примеров связан с практикой гадания на масле, которая в это время, по-видимому, была нередким способом предсказания будущего. Если судить по надписям более позднего периода, процедура заключалась в выливании масла на поверхность воды, причем различные формы, которые принимало масло при ударе о воду, указывали на то, как будут развиваться события.^[44] Чтобы правильно истолковать послание масла, требовался профессиональный прорицатель, и Урукагина сообщает, что за свои услуги прорицатель требовал не только плату в один сикль, но и аналогичную плату великому визирю, и не менее пяти сиклей самому патеси. То, что эти сборы вызывали резкое недовольство, само по себе свидетельствует о том, насколько широко практиковалась эта форма гадания. Урукагина говорит нам, что после его воцарения патеси, визирь и прорицатель больше не брали денег;

а поскольку плата последнего также была отменена, мы, вероятно, можем заключить, что прорицатели были признанным классом официального жречества, и им не разрешалось принимать плату, кроме как в виде подношений для храма, к которому они были прикреплены.

Другой вопрос, в котором у патеси и его визиря был обычай принимать плату, - это тот, в котором дурные последствия этой практики более очевидны. Урукагина рассказывает, что при старом режиме, если мужчина уводил свою жену, патеси брал себе пять сиклей серебра, а великий визирь - один. Возможно, что при первом введении этих пошлин их защищали как сдерживающий фактор развода. Но на практике они имели обратный эффект. Развод можно было получить без всяких оснований, заплатив практически взятку чиновникам, в результате чего обязательства брачного союза не соблюдались. Жены прежних времен, по словам Уруагины, безнаказанно принадлежали двум мужчинам. Отменив официальную плату за развод, Урукагина, вероятно, разработал правила, чтобы не допустить злоупотреблений и чтобы женщине выплачивалась компенсация, если она заслуживает этого. С другой стороны, у нас есть свидетельства того, что он сурово наказывал жену за неверность, и мы можем предположить, что таким образом он пытался искоренить практику, которая уже начинала представлять опасность для существования общины.

Интересно отметить, что законы, на которые ссылается Урукагина, рассказывая о внесенных им изменениях, в точности повторяют по форме те, которые мы находим в Кодексе Хаммурапи.^[45] Этот факт служит определенным доказательством не только того, что Хаммурапи кодифицировал законодательство более ранних времен, но и того, что само это законодательство имело шумерское происхождение.^[46] Вполне вероятно, что сам Урукагина, проводя свои реформы, возродил законы еще более ранней эпохи, которые были преданы забвению. Как Хаммурапи приписывает происхождение своих законов богу Солнца, которого он изображает на своей стеле как читающего их ему, так и Урукагина считает свои реформы результатом прямого вмешательства Нингирсу, своего царя, по чьему слову он поселился на земле;^[47] и не со своим народом, а с Нингирсу он заключил соглашение об их соблюдении.^[48] Подобно Хаммурапи, Урукагина также хвалится тем, что он защитник слабых против сильных; он рассказывает нам, что вместо рабства, существовавшего в его царстве, он установил свободу.^[49] Он говорил и избавил детей Лагаша от нужды, от воровства, от убийств и других бедствий. В его царствование, по его словам, вдове и сироте сильный человек не причинял вреда.^[50]

То, что Урукагина отстаивал права Нингирсу, нашло отражение не только в его реформах, но и в зданиях, которые он возвел во время своего правления. Так, мы находим запись о том, что, помимо своего великого храма Э-нинну, он построил или восстановил еще два храма в свою честь, свой дворец Тиращ и свое великое хранилище. Другие храмы были возведены в честь Бау, его жены, а также Дуншагги и Галалима, двух сыновей Нингирсу, последний из которых впервые упоминается в текстах Уруагины. Хегиру, одной из семи дочерей-девственниц Нингирсу, он посвятил святилище, еще одно построил в честь трех ее сестер - Зарзари, Импэ и Урнунтаэа; третье было посвящено Нинсару, меченосцу Нингирсу. Таким образом, можно сделать вывод, что строительные работы в Уруагине были посвящены в основном храмам и святилищам бога города Нингирсу, а также членам его семьи и домохозяевам. Подобно Эаннату и Энтемену, он также улучшил водоснабжение города и проложил канал, или, скорее всего, усовершенствовал старый, для подачи воды в квартал города под названием Нина. В связи с этим он построил водохранилище вместимостью восемнадцать сот двадцать гур, которое, по его словам, было "как середина моря".^[51] Небольшой канал Гирсу он также отремонтировал и возродил его прежнее название:

"Нингирсу - князь в Ниппуре".^[52] Это еще один пример его политики, направленной на возвращение Нингирсу почестей и привилегий, которых он был лишен. Упоминание Ниппура представляет интерес, так как позволяет предположить, что Уруакина поддерживал активные отношения с центральным культом Шумера и севера, что подтверждается восстановлением им храма Энлиля в Лагаше, который ранее был построен Энтеменой.

Упоминания о других городах, кроме Лагаша и его составных частей, в надписях Уруакины немногочисленны, а те, что встречаются, не дают возможности пролить свет на отношения, которые он поддерживал с другими городами-государствами. Был найден небольшой глиняный предмет в форме оливы^[53], на котором была сделана votивная надпись: "Нингирсу говорит хорошие слова с Бау относительно Уруакины в храме Эреха" - фраза, которая, кажется, подразумевает притязания Лагаша на сюзеренитет над этим городом. Другой votивный объект того же класса упоминает укрепление стены Э-баббара,^[54] но здесь, вероятно, имеется в виду не знаменитый храм бога Солнца в Ларсе, а его меньший храм с таким названием, который стоял в Лагаше и был впоследствии осквернен людьми Уммы. Единственный другой иностранный город, упомянутый в надписях Уруакины, - это сама Умма, об отношениях которой с Лагашем в царствование Эннантума I и Энтемены рассказывается вкратце.^[55] Текст этого отрывка оборван, но можно предположить, что краткое изложение событий было призвано ввести рассказ об отношениях самого Уруакины с этим городом. Мы можем отметить тот факт, который доказывает эта ссылка, что последующее нападение людей Уммы на Лагаш, захват и разграбление города были результатом трений, а возможно, и активной вражды, по крайней мере, в течение части правления Уруакины.

Таким образом, из текстов самого Уруакины мы не можем почерпнуть много информации о масштабах империи Лагаша в период его правления. О том, что он не пренебрегал обороной своего города, можно судить по его ремонту стены Гирсу; однако ясно, что его интересовали не внешние завоевания и даже не сохранение существующих границ его владений, а внутренние реформы. Он посвятил все свои силы тому, чтобы очистить управление своей собственной землей и искоренить злоупотребления, от которых так долго страдал народ. То, что он принес пользу стране в целом и заслужил благодарность своих более бедных подданных, не вызывает сомнений; но именно в его реформах мы можем найти непосредственную причину падения его королевства. Его рвение привело к тому, что он разрушил давно устоявшиеся методы управления, и, хотя таким образом он положил конец коррупции, ему не удалось найти адекватную замену, чтобы занять их место. Множество чиновников, которых он упразднил или лишил должности, принадлежали к военной администрации, из-за которой боялись имени Лагаша, и, несомненно, были организованы с целью обеспечения стабильности и защиты государства. Их исчезновение не имело большого значения в мирное время, но даже в этом случае Уруакина, должно быть, испытывал проблемы с различными влиятельными слоями населения, с которыми он был разобщен. Когда возникла угроза войны, он, должно быть, оказался без армии и без средств ее собрать. С этим, вероятно, связана полнота победы Уммы.

Из того, что мы знаем о ранней истории Шумера, следует, что большинство его городов-государств попеременно переживали периоды расширения и упадка; и мы уже видели основания полагать, что до правления Уруакины уже наступила реакция, которая неизбежно должна была последовать за завоеваниями предыдущих патесисов. Борьба за престол, которая, судя по всему, предшествовала воцарению Уруакины, должна была еще больше ослабить военную организацию государства; а когда сам Уруакина, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, попытался реформировать и переделать всю его конституцию, он

сделал его еще более беззащитным перед нападением любого решительного врага. Город Умма не замедлил воспользоваться столь благоприятным случаем, чтобы нанести удар по своему древнему сопернику. До сих пор в войнах с Лагашем воины Уммы, насколько нам известно, никогда не осмеливались и не позволяли себе нападать на город. В прежние времена Умма всегда терпела поражение, или, во всяком случае, ее посягательства сдерживались. Правда, в дошедших до нас записях мужчины Уммы представлены как люди, всегда берущие на себя инициативу и провоцирующие военные действия, пересекая пограничный ров, обозначающий границу их владений. Но они никогда не стремились к чему-то большему, чем захват территории, и патеси Лагаша всегда были достаточно сильны, чтобы остановить их продвижение и, как правило, изгнать их, прежде чем они достигнут самого города. На самом деле, Энтемена сделал больше, чем это, и, захватив и аннексировав Умму, на некоторое время подорвал ресурсы этого маленького амбициозного государства. В какой именно период Умма отказалась от навязанного ему сюзеренитета, неизвестно, но в любом случае можно сделать вывод, что последствия наказания, которое она получила от его рук, были достаточными, чтобы на некоторое время предотвратить любые активные посягательства с ее стороны.

Возобновление активности Уммы во время правления Урукагины, несомненно, последовало за ее предыдущими попытками и приняло форму набега на территорию Лагаша. Сравнительный успех, которого, как мы можем предположить, она добилась в этом случае, несомненно, поощрил ее к дальнейшим усилиям и подтолкнул ее патеси к нападению на сам город Лагаш. Правитель Уммы, под руководством которого было совершено это последнее нападение, носил имя Лугаль-заггиси. Из его собственной надписи, на которую будет сделана ссылка в следующей главе, мы узнаем, что его отец Укуш был патеси Уммы до него. Таким образом, мы можем предположить, что город некоторое время пользовался независимостью, которой он воспользовался, чтобы укрепить свои ресурсы и поставить свою армию на удовлетворительную основу. В любом случае, она была достаточно сильна, чтобы преодолеть любое сопротивление, которое могла оказать Урукагина, и город Лагаш, который был благоустроен и обогащен заботами длинной череды успешных правителей, был разрушен и разорен.

Документ, из которого мы узнаем подробности разграбления Лагаша, очень странный.^[56] По форме и написанию он очень похож на таблички с хозяйственными счетами из архива патесиса, которые датируются временем правления Урукагины и его непосредственных предшественников;^[57] но текст, начертанный на нем, состоит из обвинительного заключения против мужчин Уммы, составленного в виде серии коротких предложений, в которых перечисляются совершенные ими святотатственные деяния. Это не королевская и не официальная надпись, и, насколько можно судить по ее положению, когда ее обнаружил комендант Крос, она, похоже, не хранилась в каком-либо обычном архиве или хранилище. Ведь он был обнаружен на глубине около двух метров под поверхностью почвы, к северу от насыпи, покрывавшей древнейшие постройки в Телло,^[58] и рядом с ним не было найдено никаких других табличек. Как по форме, так и по содержанию документ, по-видимому, принадлежал какому-то жрецу или писцу, ранее служившему Урукагине; мы можем представить его после разграбления города, дающего волю своим чувствам, перечисляя священные здания, оскверненные людьми Уммы, и возлагая тяжесть совершенного греха на голову богини, которой они и их патеси служили. То, что сочинение было написано вскоре после падения Лагаша, объясняет отсутствие исторической завязки или вступления; разрушение города и осквернение его святынь произошли так недавно, что писателю не нужно объяснять обстоятельства. Он сразу же переходит к обвинениям в адрес людей Уммы, и сама резкость его стиля и отсутствие литературных украшений делают их еще более

поражительными. Повторение фраз и использование одних и тех же формул лишь усиливают суммарный эффект обвинений, которые он выдвигает против разрушителей своего города.

"Люди Уммы, - восклицает он, - подожгли Эки-калу; подожгли Антасурру; унесли серебро и драгоценные камни! Они пролили кровь во дворце Тираша; они пролили кровь в Абзу-банде; они пролили кровь в святилище Энлиля и в святилище бога Солнца; они пролили кровь в Ахуше; они унесли серебро и драгоценные камни! Они пролили кровь в Э-баббаре; они унесли серебро и драгоценные камни! Они пролили кровь в Гикане богини Нинмах из Священной рощи; они унесли серебро и драгоценные камни! Они пролили кровь в Баге; они унесли серебро и драгоценные камни! Они подожгли Дугру; они унесли серебро и драгоценные камни! Они пролили кровь в Абзу-эга; они подожгли храм Гатумдуга; они унесли серебро и драгоценные камни, и разрушили статую! Они подожгли... храм Э-анна богини Нинни; они унесли серебро и драгоценные камни и разрушили статую! Они пролили кровь в Шагпаде; они унесли серебро и драгоценные камни! В Кхенде...; они пролили кровь в Киабе, храме Ниндара; они унесли серебро и драгоценные камни! Они подожгли Кинунир, храм Думузи-абзу; они унесли серебро и драгоценные камни! Они подожгли храм Лугаль-уру; они унесли серебро и драгоценные камни! Они пролили кровь в храме Э-энгура, богини Нина; они унесли серебро и драгоценные камни! Они пролили кровь в Саг..., храме Амагештина; серебро и драгоценные камни Амагештина они унесли! Они унесли зерно из Гинарбаниру, с поля Нингирсу, все, что возделывалось! Люди Уммы, опустошив Лагаш, совершили грех против бога Нингирсу! Сила, которая пришла к ним, у них будет отнята! Греха со стороны Урукагины, царя Гирсу, нет. А что касается Лугаль-заггиси, патеси Уммы, то пусть его богиня Нидаба понесет этот грех на своей голове!"

Следует заметить, что помимо храмов в этом списке, писатель упоминает несколько зданий более светского характера,^[59] но большинство из них были пристроены к большим храмам и использовались в связи с продуктами из священных земель. Так, Антасурра, дворец Тираша, Ахуш, Бага и Дугру были посвящены служению Нингирсу, Абзу-банда и Шагпада - богине Нина, а Абзу-эга - Гатумдугу. В тексте нет сведений о разрушении царского дворца или частных жилищ, но можно не сомневаться, что весь город был разграблен, а большая его часть уничтожена огнем. Автор таблички в основном обеспокоен святотатством, совершенным в храмах богов, и масштабами преступления против Нингирсу. Он не может найти причину понесенных городом бед в каком-либо проступке со стороны Урукагины, его царя; ведь у Нингирсу не было причин гневаться на своего представителя. Все, что он может сделать, - это выразить свою веру в то, что город-бог однажды будет отомщен за людей Уммы и их богиню Нидабу. Тем временем Лагаш опустел, а Умма унаследовала то положение, которое она занимала среди городов Южной Вавилонии. Мы знаем, что со временем город вновь поднялся из руин, а храмы, которые были разрушены и осквернены, были отстроены в еще большем великолепии. Но как государство Лагаш, похоже, так и не оправился от удара, нанесенного ему Лугаль-Заггиси. Во всяком случае, она больше никогда не пользовалась той властью, которой обладала при правлении своего великого патесиса.

[1] См. Messerschmidt, "Vorderasiatische Schriftdenkmäler", I., p. v.. pl. 3, No. 4.

[2] См. "Collection de Clercq, Catalogue", Tome II., pl. x., No. 6, p. 92 f.; Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", vol. iv., p. 40. Возможно, это имя следует читать как Ур-Хумма (см. "Königsinschriften", p. 150, n. h.).

[3] В очень фрагментарном отрывке глиняной надписи Эннатума из Эль-Хиббы Лэнгдон усматривает упоминание о снятии стелы Месилима во время этого восстания; см. "Zeits. der Deutschen Morgenländ. Gesellschaft", Bd. LXII. (1908), p. 399 f.

[4] См. "Клинописные тексты", т. V, пл. 1, "Königsinschriften", p. 30 f.; рисунок этого предмета см. в Budge, "History of Egypt", vol. i., p. 67.

[5] Чтение последнего слога этого имени не определено.

[6] Ср. "Déc. en Chaldée", p. xlix.

[7] Ср. "Vorderas. Schriftdenkmäler", I., p. v., pl. 4, № 5 a-d.

[8] Это имя также читается как Хумматур.

[9] См. выше, p. 157, n. 1.

[10] Также Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 38 f., Cone, Col. III., ll. 19 ff. Женуйяк интерпретирует этот отрывок как означающий, что люди Уммы бросили в бегстве шестьдесят своих боевых колесниц (см. "Tabl. sum. arch.", p. xii.). Конечно, они были запряжены ослами; самое раннее упоминание о лошади в Вавилонии встречается на табличке периода Хаммурапи или Самсу-илуны (см. Ungnad, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 638 f.); регулярное использование лошади было введено касситами.

[11] См. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", p. 40, n. 4; "Recueil de tabl. chald.", p. 56, No. 120.

[12] См. Hilprecht, "Old Bab. Inscr.", Pt. II., № 87, pl. 40, Col. II., ll. 26 ff.

[13] "Déc. en Chald.", p. xlvii.; Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", Vol. IV., pp. 37 ff., "Königsinschriften", pp. 36 ff.

[14] Ср. Hilprecht, "Old Bab. Inscr.". Pt. II., pl. 48 f., Nos. 115-117.

[15] См. табличку напротив с. 110.

[16] Ср. Heuzey, "Déc. en Chald.", p. 204.

[17] Два основных строительных текста выгравированы на алебастровой фундаментной табличке ("Déc. en Chald.", p. xlvi.) и на прекрасном медальоне с воротами из Энтемены, хранящемся в Британском музее ("Cun. Txts.", Pt. X., pl. 1). Все они были начертаны в конце правления Энтемены, причем медальон на воротах датируется более ранним временем, чем таблички.

[18] См. табличку напротив с. 168, а также см. выше, с. 78.

[19] То, что в силу своей должности жрец Нингирсу в этот период занимал важное положение, также ясно из двойной датировки - по патесиату и жречеству; см. ниже, с. 171.

[20] Энтемена, по-видимому, царствовал не менее двадцати девяти лет; см. Allotte de la Fuëe, "Hilprecht Anniversary Volume", p. 123.

[21] То, что во время правления Лугаль-анды продолжали совершаться подношения статуе Ур-Нина (об этом свидетельствуют таблички того периода, см. Allotte de la Fuëe, "Rev. d'Assyr.", VI., p. 107, и Genouillac, "Tabl. sum. arch.", p. lvii.), не является доказательством продолжения его династии, хотя и свидетельствует о почете, в котором все еще находился ее основатель. Женуйяк предполагает, что Энетарци и Энлитарци могли быть родственниками

и, возможно, сыновьями Энаннатума II. (*op. cit.*, p. xii.), но это предположение чисто гипотетическое.

[22] См. Thureau-Dangin, "Recueil de tablettes chaldéennes", pp. ii. f., 9 ff., Allotte de la Fuë, "Documents présargoniques", и Genouillac, "Tablettes sumériennes archaïques".

[23] Полная форма этого названия, по-видимому, была Лугаль-анданушуга (см. Thureau-Dangin, *op. cit.*, p. 17, № 33, Rev., Col. II, l. 2, и "Königsinschriften", p. 224); но обычно его сокращали до Лугаль-анда.

[24] См. Allotte de la Fuë, "Revue d'Assyr.", Vol. VI., No. 4, p. 107. Подобные фигуры были найдены на глиняных печатях, которые, вероятно, были прикреплены к связкам таких табличек. Возможно, Энлитарзи правил не менее семи лет, а Лугаль-анда - не менее девяти; см. Allotte de la Fuë, "Hilprecht Anniversary Volume", p. 123.

[25] Ср. Thureau-Dangin, "Rec. de tabl. chald.", p. ii. f.

[26] Ср. Genouillac, "Orient. Lit.-Zeit.", XI., col. 215, n. 6. Женой Энлитарзи была Лугунутур, и помимо Лугаль-анды у него был сын Уртар, который жил в царствование Лугаль-анды (см. "Tabl. sum. arch.", p. xii.).

[27] Здесь "великий патеси" и Барнамтарра упоминаются в списке должностных лиц. С первым Женуйак отождествляет Лугаль-анду, которому, по его мнению, после свержения Урукагиной было позволено сохранить титул патеси с его чисто религиозными функциями. В поддержку этой точки зрения он приводит другую табличку, датированную вторым годом правления Урукагины, где перечисляются подарки, сделанные "патеси" Амат-Бау, дочери Урукагины; примечательно, что зверей предоставил управитель Лугаль-анды. В других табличках упоминаются подношения, сделанные "патеси" Шах-Бау и Аенрагину, другим детям Урукагины (см. Genouillac, "Tabl. sum. arch.", p. xiv. f.). Женуйак также предполагает, что Энлитарзи мог продержаться в патесии своего сына, Лугаль-анды, до начала правления Урукагины (*op. cit.*, p. xiii.).

[28] См. Thureau-Dangin, "Rec. de tabl. chald.", No. 26, pp. ii., 9.

[29] Кроме того, Энлитарзи получает титул "жрец" в договоре, начертанном на глиняном конусе, о котором говорится на с. 170.

[30] Ср. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", Vol. VI., pp. 137 ff.

[31] Тот факт, что Энлитарзи мог остаться в живых во время патесии своего сына, едва ли оправдывает мнение, что должность патеси не обязательно занималась пожизненно.

[32] См. Allotte de la Fuë, "Rev. d'Assyr.", Vol. VI., pp. 105 ff.; "Doc. présargon.", pl. v. ff. Подобные печати в музее Эрмитажа в Санкт-Петербурге были опубликованы М. Лихачевым (см. также Genouillac, "Tabl. sum. arch.", p. ix.).

[33] Allotte de la Fuë, "Rev. d'Assyr." 5, Vol. VI, p. 110 ff.

[34] См. Allotte de la Fuë, *op. cit.*, p. 118.

[35] Счетные таблички, насколько они были изучены, не содержат никакой информации о происхождении Урукагины; но можно отметить, что они сообщают подробности о его детях, см. Genouillac, "Orient. Lit.-Zeit.", XI., col. 216, n. 2, и "Tabl. sum. arch.", pp. xv., xxiii. f. На

обелиске Маништусу, царя Киша, упоминается некий Урукагина, сын Энгильсы, патеси Лагаша. Поскольку в табличке периода Уруагины перечисляются подношения, сделанные Шагшаг, женой Уруагины, от имени некоего Энгильсы и ее самой, Женуйяк принимает отождествление двух Уруагин, применяя титул патеси в текстах Маништусу к Уруагине, а не к Энгильсе (см. "Tabl. sum. arch.", p. xiv.). Такая синхронность между правителями Лагаша и Киша, если бы она была установлена, была бы очень ценной для ранней хронологии; но это не точно, и повторение имен может быть просто совпадением (см. далее, p. 209 f.).

[36] Чтение имени этого божества (Дун-...) остается неопределенным; его читали по-разному: как Дун-сир, Шул-гур и Дун-гур; см. выше, с. 109.

[37] См. выше, p. 169 f.

[38] Овальная дощечка, кол. IV, лл. 5 и далее. Этот отрывок не относится к правлению самого Уруагины, как полагает Мейер, "Geschichte", Bd. I., Hft. II., p. 456.

[39] Конус А, конусы В и С и овальная табличка; см. "Découvertes en Chaldée", pp. I.-lii., и Thureau-Dangin, "Königsinschriften", pp. 44 и далее.

[40] Конусы В и С, кол. VII, лл. 12 и далее. Интересное обсуждение многих официальных титулов, встречающихся на табличках этого периода, см. в Genouillac, "Tabl. sum. arch.", pp. xxiii. ff.

[41] Конусы В и С, кол. IV, лл. 9 и далее.

[42] Конусы В и С, кол. IX, лл. 7 и далее.

[43] Ср. конус А, кол. V (конец).

[44] См. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", Pt. III., pl. 2 ff., Pt. V., pl. 4 ff., и ср. Hunger, "Becherwahrsagung bei den Babyloniern", in "Leipzig. Semit. Stud.", I., 1.

[45] По этому вопросу см. также Cuq, "Nouvelle revue historique", 1908, p. 485.

[46] Главный аргумент в пользу его семитского происхождения был основан на неправильном написании *galābu* (см. Meyer, "Sum. und Sem.", p. 24, n. 3, и ср. "Geschichte", I. 2, p. 512).

[47] Конусы В и С, Col. VIII, ll. 10 ff.

[48] В и С, Col. XII., ll. 26 и далее.

[49] Ср. конус А, Col. VII, и конусы В и С, Col. XII, l. 21 f. Фраза не означает, что рабство было отменено, а означает, что злоупотребления в управлении государством были пресечены. Наем рабов, естественно, продолжал оставаться признанным институтом как в более ранние, так и в более поздние периоды. Ведь таблички этой эпохи свидетельствуют о том, что рабами могли владеть не только частные лица, но и храмы, причем, как и домашние животные, они могли быть пожизненно посвящены богу. Так, восемь рабов мужского пола и три женского упоминаются в списке подношений, сделанных Аматтар-сирсиррой, дочерью Уруагины, богу Месанду (см. Genouillac, "Orient. Lit.-Zeit.", 1909, col. 110 f.).

[50] Конусы В и С, Col. XII., ll. 23 ff.

[51] Ср. Кирпич, кол. IV., конус А, кол. III., л. 10, и конусы В и С, кол. II., лл. 11 и далее.

[52] Конусы В и С, Col. XII., ll. 29 и далее.

[53] Олива А; ср. "Découvertes", p. 1. и "Königsinschriften", p. 44 f.

[54] Олива С; "Königsinschriften", p. 44 f.

[55] Овальная дощечка, кол. IV, конец которой отсутствует; ср. с. 178, n. 1.

[56] См. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", Vol. VI, pp. 26 ff., "Königsinschriften", pp. 56 ff.

[57] См. выше, p. 169 f.

[58] Телль К; см. выше, стр. 19 f., 90 ff.

[59] Ср. Genouillac, "Tabl. sum. arch.", pp. xv., n. 12, xli.

ГЛАВА VII

РАННИЕ ПРАВИТЕЛИ ШУМЕРА И ЦАРИ КИША

Разграбление и разрушение Лагаша, описанное в предыдущей главе, завершает эпоху не только в судьбе этого города, но и в истории земель Шумера и Аккада. Прослеживая борьбу ранних городов-государств, мы до сих пор могли расположить наш материал в строгом хронологическом порядке с помощью почти непрерывной череды правителей, чьи надписи были найдены во время французских раскопок в Телло. Они позволили нам восстановить историю самого Лагаша в некоторых деталях, а на основе ссылок на другие великие города можно оценить влияние, которое он оказывал время от времени на своих соседей. Правда, записи, из которых мы черпаем информацию, были составлены правителями Лагаша, чьи деяния они описывают, и, естественно, далеки от беспристрастных авторитетов. Иногда утверждалось, что победа была одержана, когда факты не могли полностью оправдать ее; и в этой степени мы вынуждены рассматривать историю Шумера и Аккада с точки зрения одного города. Если бы места других городов принесли такой же богатый урожай, как Телло, вполне вероятно, что и другие государства сыграли бы не менее важную роль. Но в любом случае можно считать несомненным, что по крайней мере какое-то время Лагаш пользовался гегемонией, обладать которой было стремлением каждого государства Шумера и Аккада. Это ведущее положение было определенно закреплено за ней завоеваниями Эаннатума, и, хотя при его преемниках ее влияние могло уменьшиться, оно, должно быть, оставалось значительным, пока победа Уммы не положила ему конец.

Лугаль-заггиси, завоеватель Лагаша, упоминается по имени в документе, из которого мы узнали об этой катастрофе. Неизвестный автор этого сочинения, как мы уже видели, присваивает ему титул "патеси Уммы", и, если бы у нас не было других сведений о нем, мы могли бы сделать вывод, что его успех в борьбе с древним соперником его собственного города был всего лишь единичным достижением. В долгой борьбе между этими соседними государствами Умма в конце концов одержала победу, и результаты этой победы можно было бы считать не более чем местным значением.^[1] Но еще до обнаружения этой надписи имя Лугаль-Заггиси было известно как имя великого завоевателя, и мы увидим, что его поражение от Урукагины было лишь одним из этапов завоевательной карьеры, в ходе которой он покорила весь Шумер и укрепил свое господство, столь же великое, если не большее, чем любое, приобретенное до сих пор правителем города-государства. Надпись, из которой мы узнали о карьере Лугаль-Заггиси, выгравирована на нескольких фрагментах

ваз из белого кальцитового сталагмита, которые были обнаружены в Ниппуре во время раскопок, проводимых Пенсильванским университетом. Все вазы были разбиты на мелкие кусочки, но, поскольку на каждой из них была выгравирована одна и та же надпись, оказалось возможным, собрав фрагменты воедино, восстановить более или менее полную копию текста.^[2] Из нее мы узнаем, что Лугаль-заггиси посвятил вазы Энлилю и поместил их в качестве votivных подношений в великий храм Э-кур.

К счастью, Лугаль-заггиси предваряет свою запись о посвящении ваз длинным списком собственных титулов и достижений, которые составляют большую часть надписи. Из этой части текста мы черпаем значительную информацию о городах, находившихся под его контролем, и о границах империи, на которые он претендовал в момент составления надписи. Текст открывается перечислением царских титулов, в котором Лугаль-заггиси описывается как "царь Эреха, царь земли, жрец Ана, пророк Нидабы; сын Укуша, патеси Уммы, пророк Нидабы; тот, к кому благосклонно относился Ана, царь земли; великий патеси Энлиля; наделенный пониманием Энки; чье имя произносил Баббар (бог Солнца); главный министр Энзу (бог Луны); представитель Баббара; покровитель Нинни; сын Нидабы, вскормленный священным молоком Нинхарсага; слуга бога Меса, который является жрецом Эреха; ученик Нинабухаду, хозяйки Эреха; великий министр богов."^[3] Далее Лугаль-заггиси в общих чертах описывает границы своего владычества. "Когда бог Энлиль, царь земель, - говорит он, - даровал Лугаль-заггиси царство земли, и даровал ему успех в глазах земли, и когда его мощь повергла земли, и он покорил их от восхода солнца до его захода, тогда он проложил прямой путь от Нижнего моря (через) Евфрат и Тигр^[4] до Верхнего моря. От восхода солнца до захода его Энлиль дал ему власть...."^[5] Именно Энлилю, главному из богов, он, в соответствии с практикой того времени, приписывает владычество, которое было дано ему для управления.

Фразы, в которых Лугаль-заггиси определяет границы своей империи, достаточно поразительны, и необходимо выяснить их точное значение. Но перед этим стоит продолжить цитирование надписи, в которой описываются блага, которыми царь наделил различные города своего царства. Ссылаясь на мир и процветание, которыми характеризовалось правление Лугаль-Заггиси, надпись гласит, что "он заставил земли жить в безопасности, он оросил землю водами радости. В святилищах Шумера его поставили патеси земли, а в Эрехе (назначили) главным жрецом. В то время он осветил Эрах радостью; подобно быку, он вознес на небо главу Ура; Ларсу, любимый город бога Солнца, он оросил водами радости; Умраа, любимый город бога ..., он вознес к возвышенной власти; как овца, которая ... своего ягненка, он сделал Нинни-Эш великолепной; вершину Кианки он вознес на небо".^[6] Далее следует votивная часть текста и молитва посвящения, которая в данный момент нас не касается.

Из приведенных выдержек из надписи Лугаль-заггиси видно, что он претендует на гораздо более широкую юрисдикцию, чем можно было ожидать от патеси из Уммы. Но сам текст объясняет кажущееся несоответствие и показывает, что, хотя Лугаль-заггиси унаследовал патесиат, он собственными усилиями завоевал империю, которой впоследствии правил. Следует заметить, что, хотя он присваивает себе титулы "царь Эреха" и "царь земли", *то есть* Шумера, он приписывает своему отцу Укушу только титул "патеси Уммы". Таким образом, очевидно, что власть его отца не выходила за пределы его родного города, и мы можем заключить, что таков был предел патесиата Уммы, когда на трон взошел сам Лугаль-заггиси. Более поздние титулы, которые он принимает на вазах, найденных в Ниппуре, доказывают, что к моменту их написания он уже установил свою власть во всем Шумере и перенес место правления из Уммы в Эрах. То, что этот город стал его столицей, ясно из того,

что он отдает предпочтение титулу "царь Эреха" перед другими своими почетными титулами; в соответствии с этой сменой места жительства он подробно описывает новые отношения, в которые он вступил с божествами этого города. Так, он стал слугой Меса и учеником Нинабухаду, божественного жреца и хозяйки Эреха; и в особом смысле он стал покровителем Нинни, чье главное место поклонения находилось в Эрехе, в ее великом храме Э-анна. Ана, отец богов, тоже имел свой храм в Эрехе, и Лугаль-Заггиси, естественно, стал его жрецом и пользовался его особым расположением. Вероятно, именно из-за тесной связи Ана с его новой столицей Лугаль-Заггиси приписывает ему титул "царь земель", который по праву принадлежал только Энлилю из Ниппура; и мы можем отметить, что в молитве посвящения на вазах именно к Ану обращается Энлиль с просьбой заступиться за царя.[7]

Хотя Лугаль-заггиси сменил столицу и больше не использовал титул своего отца как патеси Уммы, он, естественно, не пренебрегал родным городом; более того, он сохранил титул "пророка Нидабы" и тем самым продолжал претендовать на защиту города-богини, которая до его недавних побед была его покровительницей и покровительницей его отца до него. Он даже подчеркнул свою зависимость от нее, назвав себя ее сыном, а в другом отрывке похвастался тем, что привел город Умму к власти. Высокой оценки удостоились также Ур, город бога Луны, и Ларса, город бога Солнца; менее известные города Нинни-эш и Кианки также выбраны для упоминания как особо благосклонные к нему. На первый взгляд непонятно, по какому принципу названия этих городов выбраны из всех тех в земле Шумер, которые, предположительно, входили в круг его власти. То, что упоминаются Эрах, Ур и Ларса, вполне естественно, ведь они находились недалеко друг от друга и, таким образом, составляли центр и ядро его владений; и царь, естественно, посвятил бы себя улучшению их канализации и благоустройству путем возведения новых зданий. Не исключено, что мы можем объяснить упоминание Нинни-эш и Кианки по тому же принципу: они, вероятно, находились в непосредственной близости от трех больших городов или Уммы и, таким образом, участвовали в тех благах, которыми те пользовались.

В любом случае, отсутствие названия города в списке Лугаль-заггиси не обязательно должно восприниматься как , означающее, что он не входил в пределы его владений. Об этом свидетельствует тот факт, что Лагаш не упоминается, хотя он, вероятно, был одним из самых ранних его завоеваний. На самом деле целью царя при составлении ранней части надписи было не дать точный анализ масштабов и состояния своей империи, а просто перечислить города, которым он особенно благоволил, и записать имена тех божеств, с которыми он находился в особенно близких отношениях. Например, мы можем сделать вывод, что хотя город Эриду не упоминается по имени, он все же был частью царства Лугаль-Заггиси. Таким образом, есть все основания считать, что его владения распространялись на весь Шумер, а его титул "царь земли", вероятно, был основан на конфедерации всех шумерских городов-государств.

Более сложную проблему представляет то, что на первый взгляд кажется претензией на еще более обширную империю, которая следует за титулами Лугаль-заггиси в конце первой и начале второй колонки его надписи. Здесь он утверждает, что после того, как Энлиль даровал ему царство земли (то есть Шумера) и даровал ему успех в глазах земли, когда его мощь повергла земли и он покорил их с востока на запад, в то время Энлиль "проложил прямой путь от Нижнего моря (через) Евфрат и Тигр к Верхнему морю".[8] Нижнее море - это, очевидно, Персидский залив, а под Верхним морем, скорее всего, подразумевается Средиземное, а не озеро Урми или Ван. На основании этого отрывка Лугаль-заггиси приписывают, что он объединил и управлял империей, простиравшейся от Персидского

залива до берегов Средиземного моря.^[9] Другими словами, в пределы его владений должны были входить Аккад и Сирия, а также Шумер.

Правда, Шар-Гани-Шарри из Аккада, в более поздний период, удалось создать империю такого масштаба, но есть трудности, мешающие приписать Лугаль-Заггиси подобное достижение. Ведь Эрех, столица его царства, находился в Южной Вавилонии и, в отличие от города Аккада, не был приспособлен для того, чтобы стать центром административной области, простиравшейся так далеко на север и запад. Более того, само выражение, использованное Лугаль-заггиси, не обязательно подразумевает притязания на владычество в этих регионах, но может быть воспринято как память о победоносном набеге, во время которого он, возможно, проник на сирийское побережье. Такая экспедиция, насколько нам известно, должна была ознаменовать собой новый отход от политики, которой до сих пор придерживались правители шумерских городов-государств, и ее успешное проведение полностью оправдывало бы язык, на котором она записана. С учетом этих соображений предпочтительнее считать, что царство Лугаль-Заггиси в строгом смысле слова ограничивалось Шумером. О его отношениях с Аккадом и северными городами у нас нет никаких данных, на основании которых можно было бы составить мнение. В дальнейшем мы увидим основания полагать, что примерно в этот период или чуть позже государство Киш обеспечило себе гегемонию в Северной Вавилонии, и, учитывая отсутствие каких-либо упоминаний о нем в надписи Лугаль-Заггиси, мы, возможно, сделаем вывод, что в его время этот город уже заложил основы своей последующей власти.

Вероятно, именно после успешного возвращения из длительной экспедиции на северо-запад Лугаль-заггиси поместил свои вазы в качестве votivных подношений в святилище Энлиля в Ниппуре и выгравировал на них надписи, из которых мы получаем информацию о его правлении. В третьей колонке своего текста он сообщает, что посвятил их Энлилю, после того как совершил в Ниппуре должное подношение хлебов и возлил чистую воду в качестве возлияния. Затем он добавляет молитву посвящения, в которой молится о жизни для себя, мире для своей земли и большом войске. "Пусть Энлиль, царь земель, - говорит он, - произнесет мою молитву Ану, своему любимому отцу! Пусть к моей жизни он добавит жизнь! Пусть он сделает так, что земли будут жить в безопасности! Воины, многочисленные, как трава, да дарует он мне в изобилии! О небесных складках да позаботится он! Пусть он с добротой смотрит на землю (Шумера)! Пусть боги не изменят благой судьбы, которую они мне назначили! Пусть я всегда буду пастухом, который ведет (свое стадо)!"^[10] Мы можем считать типичным для великого завоевателя то, что он молился о поставке воинов, "многочисленных, как трава".

Для нашего знания ранней шумерской истории очень удачно, что святилище Энлиля в Ниппуре стало хранилищем votivных подношений, которые правители городов-государств приносили туда в память о своих победах. Из предметов с надписями этого класса, найденных в Ниппуре во время американских раскопок на этом месте, наиболее важными являются вазы-фрагменты Лугал-заггиси, которые уже были описаны. Но были найдены и другие, которые, хотя и дают менее подробную информацию, представляют значительную ценность, поскольку дают имена других правителей Шумера, которые, вероятно, могут быть объединены с Лугаль-заггиси. Два царя этого периода - Лугаль-кигуб-нидуду и Лугаль-кисальси, каждый из которых носил титул "царь Эреха" и "царь Ура", а первый, как и Лугаль-заггиси, называет себя дополнительно "царем земли", *то есть* Шумера. Их надписи были найдены в кургане Ниппура примерно на том же уровне, что и фрагменты вазы Лугаль-Заггиси, а сравнение символов, использованных в каждом наборе текстов, позволяет предположить, что они датируются примерно одним и тем же периодом.

То, что Лугаль-кигуб-нидуду и Лугаль-кисальси в любом случае следует отнести ко времени Шар-Гани-Шарри из Аккада, доказывает тот факт, что один из грубых блоков диорита, который первый посвятил Энлилю, начертав на нем свое имя, впоследствии был использован Шар-Гани-Шарри в качестве дверной розетки в храме, возведенном им в Ниппуре.[11] Жили ли они еще раньше Лугаль-заггиси, решить трудно. Самая длинная из дошедших до нас надписей Лугаль-кигуб-нидуду выгравирована на вазе, которую он поставил в качестве подношения в храме Энлиля, а из вступительных фраз, предшествующих посвящению, следует, что он основал царство или, во всяком случае, расширил то, которым уже владел. "Когда Энлиль, царь земель, - говорится в отрывке, - (говорил) с Лугаль-кигуб-нидуду и обратился к нему с благосклонным словом, и соединил владычество с царством, из Эреха он сделал владычество, из Ура - царство".[12] Таким образом, представляется, что Лугаль-Кигуб-Нидуду сначала владел только одним из двух городов, Эрехом или Уром, а затем приобрел другой, вероятно, путем завоевания, и стал править ими обоими под отдельным управлением.

Не следует придавать слишком большое значение тому факту, что он описывает свое правление Эрехом как владычество или господство, в то время как правление Уром он называет царством; ведь разница в этих выражениях не была очень заметна в досаргонский период, и следует отметить, что Эрах упоминается раньше Ура. Более того, Лугаль-Кисальси присваивает титул "царь Эреха", а также "царь Ура" своему предшественнику, как и себе, и, поскольку он ставит первый титул на первое место, вероятно, что Эрах, а не Ур был их столицей. Но даже из этого предположения не следует, что Эрах был родным городом Лугаль-кигуб-нидуду, поскольку мы видели, что когда Лугаль-заггиси завоевал Шумер, он перенес свою столицу в Эрах, и Лугаль-кигуб-нидуду, возможно, сделал то же самое. Тот факт, что в более поздний период Гудеа, восстанавливая храм Э-нинну, наткнулся на стелу Лугаль-кисальси[13], говорит о том, что он осуществлял власть над Лагашем; и мы, вероятно, можем заключить, что и он, и Лугаль-кигуб-нидуду включили главные города Южной Вавилонии в сферу своего влияния. О том, что Лугаль-кисальси следовал за Лугаль-кигуб-нидуду, а не предшествовал ему на двойном троне Эреха и Ура, свидетельствует одна из его вотивных надписей,[14], которая содержит упоминание о предыдущем царе. Начало текста отсутствует, поэтому неясно, упоминает ли он его как своего отца или в какой-то другой связи. В любом случае можно предположить, что он следовал за ним с небольшим интервалом; но пока нет уверенности в том, следует ли относить их правление в Шумере до или после правления Лугаль-заггиси.

Такая же неопределенность относится и к другому правителю этого периода, который носил имя Эншагкушанна и носил титулы "владыка Шумера" и "царь земли". Две его надписи были найдены на фрагментах ваз, найденных в Ниппуре на том же уровне, что и уже описанные, и одна из них представляет значительный интерес, поскольку дает нам имя врага Шумера, который уже занимал значительное место в ранней истории Лагаша.[15] Надпись, о которой идет речь, состоит всего из нескольких слов и гласит: "Эншагкушанна поклялся Энлилю добычей Киша, нечестивца".[16] Из эпитета, примененного к Кишу, ясно, что в этот период, как и во времена Эннатума, северный город наводил ужас на шумерские государства на юге, и мы можем предположить, что война между ними была нередким явлением. Именно после удачного набега или битвы на севере Эншагкушанна посвящал часть добычи Энлилю в своем храме Э-кур. Подобные фрагменты ваз были найдены в Ниппуре, надписи на которых свидетельствуют о других успехах в борьбе с Кишем, достигнутых шумерским царем, который, вероятно, царствовал в более ранний период, чем Эншагкушанна, Лугаль-кигуб-нидуду и даже Лугаль-заггиси.

Хотя были обнаружены фрагменты не менее четырех его вазовых надписей,^[17] имя этого шумерского царя, к сожалению, не встречается ни на одной из них. В самом длинном из текстов он принимает титул "царь", а в следующем за ним пробеле мы, вероятно, можем восстановить фразу "из земли", то есть из Шумера; в двух из них, как и другие шумерские цари, о которых мы упоминали, он приписывает свое назначение на пост правителя страны Энлилю, богу Ниппура. Все четыре надписи были сделаны по одному и тому же случаю и посвящены поразительной победе этого неизвестного шумерского правителя над северными городами Киш и Опис. Из двух завоеванных городов Киш был явно более важным, поскольку его разрушение зафиксировано в каждом из текстов, тогда как Опис упоминается только в одном из них. Каждый город управлялся отдельным царем, чье свержение зафиксировано на вазах, но, поскольку они были разбиты в одной битве, можно предположить, что они составляли центр единой конфедерации или доминиона, главой которого был Киш. В двух текстах царь Киша упоминается не только по титулу, но и по имени, а поскольку он носил семитское имя Энби-Иштар, мы можем заключить, что в этот период Киш, а также, вероятно, Опис и другие северные города уже находились под семитским господством. В войне, которую эти города вели с югом, вазы фиксируют то, что, по-видимому, было серьезным препятствием для роста семитского влияния и власти. Ведь Энби-Иштар не только потерпел поражение, но и разграбил Киш и Опис, а шумерский царь вернулся на юг с добычей, включая статуи, драгоценные металлы и редкие камни. Вазы, на которых он запечатлел свою победу, были частью трофеев, захваченных на севере. Они были сделаны из белого кальцитового сталагмита, темно-коричневого песчаника и темно-коричневого туфа или магматической породы. В Шумере, где камень был редким товаром, эти предметы высоко ценились, и они стали достойным подношением для представления в святилище Энлиля.

Мы уже обращались к вопросу о национальности еще более ранних царей Киша, Месилима и его преемников, некоторые из которых, как мы знаем, были современниками ранних правителей Лагаша. В тот период северному городу уже удалось навязать свою власть некоторым городам-государствам Шумера, а позднее Киш и Опис, как доказано, вели активные войны на юге. Слишком мало данных, чтобы однозначно определить, были ли эти ранние цари и патеси шумерского или семитского происхождения, но многое говорит в пользу того, чтобы рассматривать более поздние конфликты между севером и югом как простое продолжение более ранней борьбы. В случае с Энби-Иштаром мы, во всяком случае, встречаемся с именем, которое является истинно семитским,^[18] и мы увидим основания полагать, что другие семитские цари Киша, чьи надписи и памятники были восстановлены, должны быть помещены в тот же период. Согласно этой точке зрения, как мы уже указывали,^[19] первая семитская иммиграция в Северную Вавилонию, или Аккад, не должна быть синхронизирована с империей Аккада, которая была основана Шар-Гани-Шарри и укреплена Нарам-Сином. Несмотря на отсутствие семитских идиом в немногих коротких votivных надписях ранних царей Киша, которые пока удалось обнаружить, не следует игнорировать возможность того, что они также относятся к периоду семитского, а не шумерского господства на севере. В Сиппаре также есть свидетельства очень раннего семитского заселения.

Одним из этой позднейшей группы царей Киша, чьи надписи доказывают, что они были семитами, является Урумуш, или Римуш,^[20] и, хотя, по всей вероятности, он был самым поздним из них, его можно отнести к первой группе, поскольку у нас есть определенные доказательства того, что его следует отнести к эпохе, предшествующей Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сину. В неопубликованной табличке из Телло, хранящейся в Константинопольском музее, встречается собственное имя Или-Урумуш, "Мой бог - Урумуш".^[21] Обожествление

некоторых ранних царей Вавилонии было признано давно, по крайней мере, со времен Шар-Гани-Шарри; и у нас есть доказательства того, что эта честь воздавалась им не только после смерти, но и была принята самими царями при жизни.^[22] Появление такого собственного имени, как Или-Урумуш, можно объяснить только предположением, что царь, носивший имя Урумуш, уже царствовал или царствовал в то время, когда использовалось прежнее имя. Итак, табличка в Константинополе, в которой упоминается имя Или-Урумуша, не датирована, но по форме, написанию и содержанию ее можно отнести к той же эпохе, что и некоторые датированные таблички из Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, вместе с которыми она была найдена. Из этого следует, что Урумуш был раньше Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, хотя его правление, возможно, не было отделено от их правления большим промежутком времени.

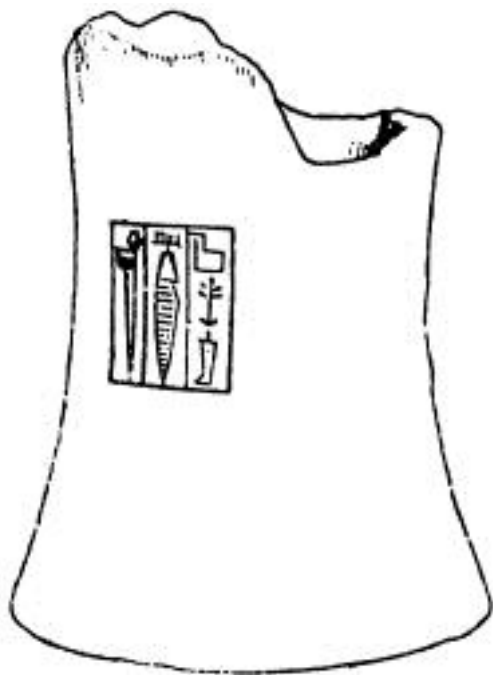

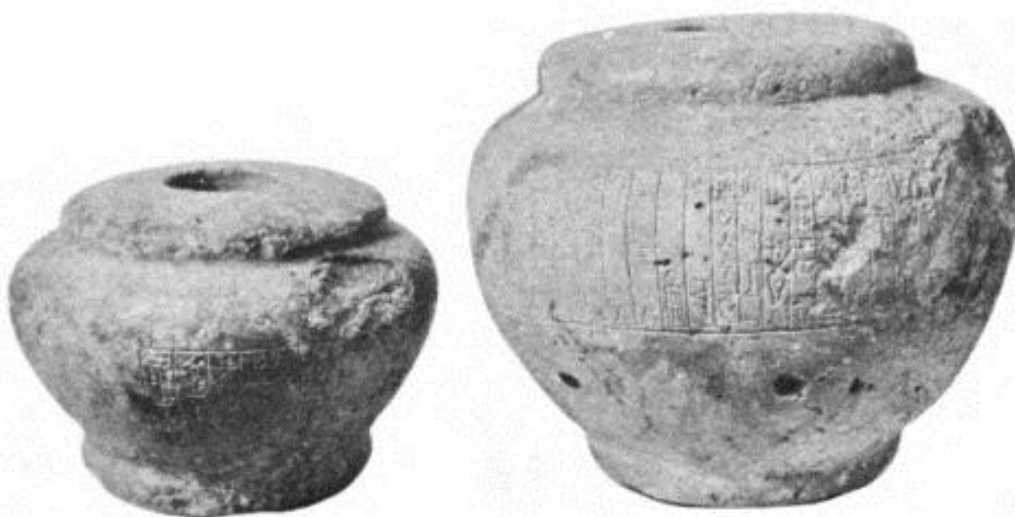
Fig. 56.

Рис. 56.- Ваза из белого мрамора, на которой выгравированы имя и титул Урумуша, царя Киша. Из Ниффера, Пенсильванский музей, № 8870.

Мы располагаем лишь несколькими короткими надписями Урумуша, и те носят вотивный характер, но они позволяют нам составить некоторое представление о масштабах и состоянии его империи. Единственное обозначение, которое он принимает в тех надписях, которые удалось восстановить, - это "царь Киша", так что мы лишены информации, которую можно было бы получить, изучив его вспомогательные титулы. Такие титулы, несомненно, были бы добавлены в любой длинный текст, и их отсутствие в известных надписях объясняется просто их краткостью. С другой стороны, тот факт, что эти короткие надписи были найдены на таких широко разбросанных объектах, как Абу Хабба, Ниффер и Телло, вероятно, имеет большое значение. Надписи из Абу Хаббы^[23] и Телло состоят просто из его имени и титула, выгравированных на фрагментах каменных ваз, и, поскольку они не содержат посвящения местному божеству, они, возможно, были привезены туда как трофей из Киша. Но фрагменты точно таких же ваз с той же надписью были найдены в Ниффере, и, поскольку тексты на двух других вазах из этого места доказывают, что они были помещены туда самим Урумушем, можно предположить, что их присутствие в двух других местах должно быть объяснено таким же образом. Поэтому мы можем заключить, что и Сиппар, и Лагаш находились под контролем Урумуша. Иными словами, не исключено, что пределы его власти в Вавилонии простирались от крайнего севера Аккада до юга Шумера.

В полном соответствии с этой точкой зрения Урумуш должен был контролировать центральное святилище в Ниппуре, и его вазы, найденные на этом месте, с посвящениями Энлилю, доказывают, что так оно и было. Из одной из них мы также узнаем, что власть Киша ощущалась за пределами Шумера и Аккада. В тексте, о котором идет речь, говорится, что ваза, на которой сделана надпись, была частью некой добычи из Элама и была посвящена Энлилю Урумушем, "когда он завоевал Элам и Барахсу".[24] Возможно, что завоевание Элама и соседнего района Барахсу, на которое претендует Урумуш, было не более чем удачным набегом в эти страны, из которого он вернулся, нагруженный добычей. Но даже в этом случае тот факт, что царь Киша был достаточно силен, чтобы предпринять наступление на Элам и возглавить экспедицию через границу, достаточно примечателен. Упоминания об Эламе, которые мы до сих пор отмечаем в надписях из Телло, казалось бы, свидетельствуют о том, что до этого времени эламиты были агрессорами и сумели проникнуть на шумерскую территорию, откуда их с трудом вытеснили. При Урумуше условия изменились на противоположные, и вскоре мы увидим основания полагать, что его успех не был одиночным достижением, а может быть связан с другими фактами в истории Киша при семитских правителях этого периода. Пока же мы можем отметить свидетельство могущества и масштабов Кишского царства, которое содержится в коротких надписях, относящихся к его правлению. Более поздняя традиция гласит, что Урумуш покончил с собой в результате дворцового переворота;[25] , но сохранение его имени в литературе предзнаменований поздних вавилонян и ассирийцев является еще одним свидетельством того, какую важную роль он сыграл в ранней истории их страны.

Другой царь Киша, чье имя было найдено в коротких вотивных надписях из Абу Хаббы[26] и Нифера, - Маништусу.[27] Но, к счастью для нашего знания о его правлении, мы располагаем памятником, который, хотя и дает мало информации исторического характера, представляет наибольшую ценность для света, который он бросает на семитский характер населения и экономические условия, которые преобладали в Северной Вавилонии в то время, когда он был составлен. Этот памятник - знаменитый обелиск Маништусу,[28] , который был обнаружен М. де Морганом в Сузах во время его первого сезона работы на этом месте зимой 1897-8 годов. На обелиске выгравирован текст в шестьдесят девять колонок, написанный на семитском вавилонском языке и фиксирующий покупку Маништусу больших участков возделываемой земли, расположенных в окрестностях Киша и трех других городов в Северной Вавилонии. Каждая из четырех сторон камня посвящена отдельной области или участку земли, расположенному вблизи одного из четырех великих городов. Так, на первой стороне записана покупка определенной земли, состоящей из трех владений и известной как Поле Баз, которое находилось недалеко от города Дур-Син; на второй - покупка Поля Бараз-Сирим, расположенного недалеко от города Киш, столицы Маништусу; Третья сторона, как и первая, посвящена трем владениям, которые вместе были известны как Луг (или, точнее, Болото) Нинхарсаг, близ города Марад; четвертая сторона посвящена покупке поля Шад-Битким и Зиманак, близ города, название которого можно условно перевести как Шид-таб.[29] Большой объем надписи объясняется тем, что, помимо подробного описания размеров, стоимости и положения каждого поместья, в тексте поименно перечисляются различные владельцы, у которых были куплены земли, прежние надсмотрщики или управляющие, которых лишили собственности, и новые надсмотрщики, которые были поставлены на их место. Имена последних повторяются на всех четырех сторонах обелиска перед формулой покупки.

Керамическая головка, посвященная богу Месламтае от имени Дунги, царя Ура; и керамическая головка, посвященная божеству или божествам Ласирабом, царем Гутиу.- Brit. Mus., Nos. 91074 и 90852.

Изображение в диорите женского волоса, посвященное богине от имени Дунги, царя УР; и булавовидная головка, посвященная богине Нине от Маништусу, царя Киша.- Brit. Mus., №№ 91075 и 91018.

Мы можем отметить тот факт, что Маништусу не конфисковал землю, а приобрел ее законным путем, как если бы он был просто частным лицом или крупным землевладельцем. Точная площадь каждого участка сначала точно определялась путем измерения, после чего его стоимость исчислялась в зерне, а затем в серебре; один *бор* земли считался стоящим шестидесяти *гур* зерна или одного *мана* серебра. Дополнительная сумма, составлявшая десятую или тридцатую часть покупной цены, также выплачивалась владельцам каждого поместья, которые, кроме того, получали от короля подарки в виде животных, одежды, сосудов и т. д., стоимость которых варьировалась в зависимости от ранга получателя или его прежней доли в имуществе. На камне должным образом записаны не только имена и род

владельцев, но и имена некоторых компаньонов, имевших долю в земле; большинство из них, по-видимому, были родственниками владельцев, которые внесли капитал для возделывания или улучшения поместий. Их имена, несомненно, были включены для того, чтобы предотвратить любые последующие претензии с их стороны к королю. Та же причина, по-видимому, диктовала поименное перечисление бывших управляющих или надзирателей каждого поместья, которые в результате его покупки лишились своих занятий. В обработке больших участков земли, перешедших во владение короля, было занято не менее пятнадцатисот шестидесяти четырех рабочих, которые находились в ведении восьмидесяти семи надсмотрщиков. Следует отметить, что Маништусу взял на себя обязательство найти для обоих этих классов новое занятие и средства к существованию в других местах, которые, вероятно, находились на небольшом расстоянии от их домов.

Причина такой обширной покупки земельных владений Маништусу, возможно, была указана в начале текста, начертанного на обелиске, но, к сожалению, сохранилось очень мало первой колонки надписи. В основном тексте мало материала, на котором можно строить предположения. Однако один момент можно считать несомненным: причина покупки, по-видимому, была тесно связана с сорока девятью новыми управляющими и надсмотрщиками, которым Маништусу доверил управление своей новоприобретенной собственностью. Сам факт того, что их имена и описания должны были быть повторены на каждой стороне обелиска, вероятно, имеет значение. Более того, все они описаны в тексте как граждане[30] Аккада, и то, что им уделено особое внимание в каждом разделе, позволяет предположить, что царь приобрел землю с явной целью передать ее в их ведение. Можно также отметить, что Маништусу сместил не только прежних управляющих, но и всех рабочих, которые были наняты в поместьях, так что можно предположить, что новые управляющие привели с собой своих рабочих, которые продолжали обрабатывать землю под их руководством. Если бы целью царя при покупке земли было лишь выгодное вложение средств, он не стал бы удалять прежних работников, содержание которых он обязался обеспечить в другом месте. Действия Маништусу можно объяснить только тем, что он хотел приобрести землю, на которой можно было бы поселить людей из Аккада и их сторонников. Таким образом, покупка была продиктована необходимостью переселить некоторых граждан из Аккада в другие места в Северной Вавилонии. Мы не знаем причин, которые привели к такому перемещению населения, но вскоре увидим, что, учитывая высокое социальное положение некоторых переселенцев, действия Маништусу могут быть связаны с некоторыми традициями, касающимися этого периода, которые были актуальны в более поздние времена.[31]

Во главе жителей Аккада, которым царь передал свои новые владения, стоит Алиаху, его племянник, и среди них мы также находим сыновей и иждивенцев правителей важных городов, которые, как представляется, признали сюзеренитет Киша. Так, двое из них описаны как выходцы из семьи Кур-шеша, патеси Уммы;[32] еще один был Ибалум, сын Ильзу-раби, патеси Басима; а третий - Уруагина, сын Энгильса, патеси Лагаша. Ссылка на последнего из этих четырех персонажей была использована в попытке определить период правления Маништусу. После обнаружения обелиска премьер Шейль предложил отождествить Уруагину, сына Энгильсы, с царем Лагаша этого имени, предположив, что он занимал должность, указанную в тексте, при жизни своего отца и до того, как сам вступил на престол.[33] В это время еще существовала мода ставить Уруагину во главе патесиса Телло и считать его старейшим из всех правителей этого города, чьи имена еще не восстановлены. Теперь же на обелиске упоминается и некий "Ме-са-лим, сын царя", [34] *то есть* сын Маништусу. Таким образом, поддержка предложенной идентификации была найдена в дальнейшем предположении, что Месалим, сын Маништусу, был не кем иным, как Месилимом, ранним царем Киша, который был современником Лугаль-шаг-енгура из

Лагаша, и, в качестве сюзерена, вмешался в территориальный спор между этим городом и Уммой.^[35] Согласно этой точке зрения, Лагаш при Энгильсе и Урукагине был обязан верностью Кишу во время правления Маништусу, и такое положение вещей сохранялось и в правление Месалима, который, по этой теории, был сыном и преемником Маништусу.

Но признание истинного места Урукагины в ряду правителей Лагаша сделало эту теорию несостоятельной; а предложенное отождествление Месалима, сына Маништусу, с Месилимом, ранним царем Киша, не только не поддерживает другое предложение, но и совершенно с ним несовместимо. На самом деле, обе предложенные идентификации не могут быть правильными, и остается увидеть, можно ли принять любую из них. Предложение отождествить Месалима с современником Лугаль-шаг-енгура можно отбросить сразу, поскольку и внутренние, и внешние свидетельства, представленные обелиском, говорят против того, чтобы отнести правление Маништусу к столь раннему периоду. Хотя эти возражения не столь категоричны по отношению к другому предложению, его принятие отрицается по другим причинам. Из надписей самого Урукагины мы видим основания полагать, что он получил трон не по праву наследования, а силой; он никогда не ссылается на собственного отца, а антагонизм к патесиату, который характеризует его тексты, позволяет предположить, что его правление знаменует полный разрыв в преемственности.^[36] Поэтому мы можем заключить, что Урукагина с обелиска - это другой человек, нежели Урукагина-царь, а отец первого, Энгильса, в таком случае правил бы в качестве патеси Лагаша в период после разграбления этого города Лугаль-заггиси.^[37]

Поэтому, пытаясь определить дату правления Маништусу, мы руководствуемся более общими соображениями. То, что его правление следует отнести примерно к тому же периоду, что и правление Урумуша, не вызывает сомнений, поскольку, в отличие от надписей более ранних царей Киша, надписи обоих написаны на семитском вавилонском языке, а формы используемых ими символов очень похожи. Уже приводились свидетельства, доказывающие, что Урумуш был предшественником Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина. Таким образом, в лице Маништусу мы имеем еще одного семитского царя, при котором город Киш пользовался гегемонией в Вавилонии, перешедшей затем к Аккаду. То, что царство Киш при этих двух правителях не было отделено большим промежутком времени от империи Аккад, следует из упоминаний последнего города на обелиске Маништусу.^[38] Мы уже отмечали, что сорок девять надсмотрщиков, которым было поручено управлять землями, купленными царем, описаны в тексте как граждане Аккада, и что среди них есть представители влиятельных правящих семей из других городов Вавилонии. Таким образом, получается, что Аккад уже имел достаточное значение, чтобы привлекать князей из таких далеких городов, как Умма и Лагаш. Этот факт, действительно, использовался как аргумент в пользу мнения, что Маништусу и Урумуш, должно быть, правили после, а не до Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина,^[39] при которых Аккад стал столицей всей страны. Хотя этот вывод не обязательно следует, и, по сути, опровергается доказательствами, уже приведенными в отношении Урумуша, ясно, что даже во времена Маништусу город Аккад занимал важное положение; и маловероятно, что прошел какой-либо длительный период, прежде чем он заменил Киш в качестве столицы.

О том, насколько велика была власть Маништусу в пределах Вавилонии, свидетельствует упоминание южноавилонских городов в его обелиске-надписи; поскольку патесисы Лагаша и Уммы посылали своих родственников или иждивенцев ко двору Маништусу, можно предположить, что в его владения входила по крайней мере часть Шумера, а также Аккад. Как и Урумуш, он, по-видимому, также предпринимал военные экспедиции, с помощью которых увеличивал подвластную ему территорию. В Британском музее хранятся фрагменты

двух монолитов, на которых высечены дублирующие друг друга надписи, повествующие о его поражении конфедерации из тридцати двух царей "по эту сторону (?) моря" и захвате городов, которыми они правили.[\[40\]](#) Трудно с уверенностью определить регион, в котором находились эти города, но, поскольку "море" упоминается без каких-либо уточняющих фраз, мы, вероятно, можем считать, что речь идет о Персидском заливе. В таком случае в тексте может быть записано покорение южной части Шумера или, возможно, завоевание городов в пределах эламской границы. Хотя имя Маништусу не встречается в нескольких строках основной надписи, сохранившейся на фрагментах, нет сомнений, что текст принадлежит ему, так как на одном из них выгравировано посвящение более крупными буквами, гласящее, что стела, частью которой она является, была посвящена Шамашу Маништусу, царем Киша. Поскольку оба фрагмента были найдены в Абу-Хаббе, можно сделать вывод, что стелы были установлены в большом храме в Сиппаре и посвящены Маништусу богу Солнца в честь его победы.

Другие памятники правления Маништусу, дошедшие до нас, состоят из множества фигурок и статуй царя, которые были обнаружены в Сузах во время французских раскопок на этом месте. Нет сомнений, что большинство из них были привезены в Сузы как военный трофей, а не установлены в городе самим Маништусу, поскольку на них имеются анзанитские надписи, свидетельствующие об этом. Так, одна статуя, как утверждается, была привезена из Аккада в Сузы Шутрук-наххунте,[\[41\]](#) , а другая[\[42\]](#) тем же царем из "Ишнунука", что, кстати, доказывает, что государство Ашнуннак, лежавшее к востоку от Тигра, входило в состав владений Маништусу.[\[43\]](#) Но недавно найденная статуя царя не имеет более поздней анзанитовой записи, и на ней написано первоначальное посвящение богу Нарути, сделанное одним из высокопоставленных чиновников на службе Маништусу.[\[44\]](#) Это замечательный памятник, поскольку, хотя сама фигура выполнена из алебаstra, глаза сформированы из белого известняка, вставленного в гнезда и удерживаемого на месте битумом; черные зрачки теперь отсутствуют.[\[45\]](#) Хотя эффект инкрустированных глаз едва ли радует, статуя, несомненно, является самым интересным образцом ранней семитской скульптуры в круге, который еще удалось найти. Как в этой статуе, так и в более известном обелиске, премьер Шейль видит свидетельство постоянного подчинения Маништусу Элама, что подтверждает его мнение о том, что Элам и Вавилония практически составляли единую страну в этот ранний период.[\[46\]](#) Но текст, начертанный на обелиске, как мы уже видели,[\[47\]](#) представляет чисто местный интерес, и не было бы никакой пользы от хранения такой записи в Сузах, даже если предположить, что Маништусу перенес туда свою столицу. Поэтому безопаснее не делать никаких исторических выводов из *происхождения* статуи и обелиска, а отнести их к другим статуям, которые, как мы знаем, были вывезены в качестве трофея в Элам в более поздний период. Есть свидетельства того, что Маништусу, как и Урумуш, вел успешную войну с Эламом,[\[48\]](#) , но вполне вероятно, что успехи обоих царей носили характер победоносных набегов и не сопровождались постоянной оккупацией страны. О раннем существовании семитского влияния в Эламе убедительно свидетельствует использование семитского вавилонского языка для своих надписей такими эламскими правителями, как Баша-Шушинак.[\[49\]](#) Но из этого не следует, что надписи царей Вавилонии, найденные в Сузах, были сделаны там самими царями в период семитского правления в Эламе. На самом деле, вероятно, только в период правления династии Ура Элам в течение длительного времени находился под властью царей Шумера или Аккада.

FIG. 57.

Рис. 57.- Алебастровая статуя Маништусу, царя Киша, посвященная высокопоставленным чиновником богу Нарути. Найдена в Сузах. - См. *Comptes rendus*, 1907, p. 398 f.; *Délég. en Perse*, Mém. X., pl. 1.

До недавнего времени Маништусу и Урумуш были единственными кишскими царями этого периода, чьи имена удалось восстановить. Но в Сузах была сделана находка, которая, позволяя узнать имя еще одного кишского царя, поднимает важные вопросы о связи между Кишской и Аккадской империями. В данной главе мы имеем дело с переходным периодом в истории земель Шумера и Аккада. После падения Лагаша образовалась конфедерация шумерских городов со столицей в Эрехе, а завоеваний Лугаль-заггиси хватило, чтобы на время сохранить целостность основанного им южного царства. Но уже происходили события, которые должны были привести к окончательному переходу власти из Шумера на север. Вотивные надписи из Ниппура проливают свет на борьбу, в которой семитские

переселенцы в Северную Вавилонию пытались распространить свое влияние на юг. Последующий рост могущества Киша не сопровождался новым приходом шумерской власти, но непосредственно проложил путь к основанной Шар-Гани-Шарри семитской империи со столицей в Аккаде. Доказательства тесной связи между возвышением Киша и Аккада позволяют предположить, что оба города были подняты на одной и той же волне семитского господства, которое к этому времени успело навязать себя Вавилонии с севера. В следующей главе мы увидим, что Шар-Гани-Шарри не был лидером этого расового движения и что его империя покоилась на фундаменте, заложенном другими правителями.

[1] Было высказано предположение, что, поскольку Урукагина назван "царем Гирсу" в плаче по поводу падения Лагаша, он мог пережить катастрофу и продолжать править в Гирсу (см. Genouillac, "Tabl. sum. arch.", p. xvi.); но вряд ли Лугаль-заггиси, разграбив и спалив большую часть города, позволил бы ему это сделать.

[2] См. Hilprecht, "Old Bab. Inscr.", Pt. II., No. 87, pll. 38 и далее; Thureau-Dangin, "Königsinschriften", pp. 152 и далее.

[3] Col. I., ll. 4-35.

[4] Этот перевод предпочтительнее, чем "Нижнее море (Евфрата и Тигра)".

[5] Col. I., l. 36-Col. II., l. 16.

[6] Кол. II., л. 17-Кол. III., л. 2.

[7] См. ниже, с. 198.

[8] См. выше, с. 194.

[9] См. Hilprecht, "Explorations in Bible Lands", p. 384. В связи с этим мнением он, разумеется, отказался от своей прежней теории, согласно которой Умма была Харраном (см. "Old Bab. Inscr.", Pt. II., pp. 54 ff.).

[10] Col. III., ll. 14-36.

[11] См. Hilprecht, "Old Bab. Inscr.", Pt. I., p. 47, No. 1; Pt. II., p. 46.

[12] "Old Bab. Inscr.", Pt. II., No. 6, p. 57 f.; "Königsinschriften", p. 156 f.

[13] См. ниже, гл. IX, с. 268.

[14] "Old Bab. Inscr.", Pt. II., № 86 b, pl. 37, p. 58.

[15] См. выше, с. 99 и далее, 144 и далее.

[16] "Old Bab. Inscr.", Pt. II., pl. 43, № 91 и 92.

[17] *Op. cit.*, Pl. 45 f., №№ 102-105, 110.

[18] С ним можно сравнить имя Энбу-илум на обелиске Маништусу, лицо А, кол. IX, л. 24, кол. XIII, л. 17 ("Délégation en Perse", Mém. II., pll. 2 и 3).

[19] См. выше, гл. II, с. 52 и далее.

[20] Это имя также читалось как Алу-ушаршид, но фонетическое шумерское написание Уру-му-уш в настоящее время является общепринятым. Более предпочтительным было бы семитское *Rí-mu-ush*, Римуш (см. King, "Proc. Bibl. Arch.", XXX., p. 239, n. 2), поскольку знак URU в этот период обычно использовался со значением *rí*. Но, чтобы избежать ненужной путаницы, в тексте сохраняется принятое чтение Урумуш.

[21] Ср. Thureau-Dangin, "Orient. Lit.-Zeit.", 1908, col. 313 f.

[22] См. далее, pp. 251, 273 f., 288, 301 f.

[23] Ваза с надписью Урумуша в Британском музее была найдена в Абу Хаббе, а не в Нифере или Телло, как предполагается в Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 160.

[24] См. Хильпрехт, "Old Bab. Inscr.", I., № 5, p. 20 f.

[25] См. Boissier, "Choix de textes relatifs à la divination", I., pp. 44, 81; Jastrow, "Die Religion Babylonien und Assyrien", II., p. 333; и "Zeits. für Assyriol.", XXI. (1908), стр. 277 и далее.

[26] Булавовидная головка, посвященная богине Нина, хранящаяся в Британском музее, была найдена в Абу-Хаббе; см. противоположную табличку.

[27] Такова форма имени в его собственных надписях. Это чтение подтверждается вариантами *Манишдусзу* и *Манишдусу*, которые встречаются в анзанитских надписях (см. Scheil, "Textes Élam.-Anzan.", I., p. 42, и "Textes Élam.-Sémit.", IV., p. 1; ср. также Hoschander, "Zeits. für Assyriol.", XX., p. 246).

[28] См. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", I., pp. 1 ff. ("Délég. en Perse", Mém. II.), и Hrozný, "Wiener Zeitschrift", XXI., pp. 11 ff.

[29] Истинное произношение этого имени неясно.

[30] Буквально, "сыновья".

[31] См. ниже, гл. VIII, стр. 238 и далее.

[32] Используемая фраза, возможно, подразумевает, что это были его внуки; см. Грозный, "Wien. Zeits.", XXI., p. 19, n. 2, pp. 29, 40.

[33] Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", I., p. 2.

[34] Утверждается, что поместье, описанное на второй стороне обелиска, было ограничено с восточной стороны полем Месалим; см. Лик В, Col. VI, ll. 12-14.

[35] См. выше, с. 99 и далее.

[36] См. выше, с. 176 и далее.

[37] Упоминание имени Энгильса на табличке из Телло в связи с именем жены Урукагины может быть простым совпадением; тем не менее, оно было приведено в поддержку идентификации (см. выше, p. 176, n. 2).

[38] См. далее, гл. VIII, с. 228 и далее.

[39] Ср. Грозный, "Wien. Zeits.", XXI., p. 40.

[40] № 56630 и 56631; ср. Jensen, "Zeits. für Assyriol.", XV., p. 248, n. 1. На каждом фрагменте сохранилось лишь несколько знаков, но они относятся к одним и тем же строкам надписи и

позволяют нам восстановить отрывок следующим образом: "[Из царей] городов по эту сторону (?) моря тридцать два собрались на битву, и я победил их, и города их [я захватил]". Следует отметить, что фрагментарный текст, найденный в Сузах и опубликованный Шейлем (Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", II., pl. 1, No. 2), также является дубликатом этой надписи.

[41] "Textes Élam.-Sémit.", IV., pl. 2, No. 1.

[42] *Op. cit.*, pl. 2, No. 2.

[43] Вероятно, статуэтка, изображенная в "Текстах Элам.-Семит.", III., пл. 3, и четыре другие неопубликованные статуэтки, на которых изображен Шутрук-накхунте, завоеватель Ишнулука, также представляют Маништусу; на всех них имя первоначального владельца выбито (см. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", IV., p. 3).

[44] "Textes Élam.-Sémit.", IV., pl. 1, pp. 1 ff.

[45] См. De Morgan, "Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres", 1907, pp. 397 ff.

[46] См. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", I., pp. 2 ff., IV., pp. 1 ff.

[47] См. выше, p. 206 f.

[48] См. гл. VIII, с. 231.

[49] См. гл. X, с. 289.

ГЛАВА VIII

ИМПЕРИЯ АККАД И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К КИШУ

Имя Саргона Агадского, или Аккадского, занимает значительное место в поздней вавилонской традиции, а его правление рассматривается современными авторами как важнейшая эпоха в ранней истории его страны. Ссылка в тексте Набонида на возраст Нарам-Сина привела к тому, что династия Аккада была принята за канон, или стандарт, по которому измеряется относительный возраст других династий или правителей, чьи надписи время от времени обнаруживались на различных ранневавилонских памятниках. Даже те историки, которые отказывались полагаться на фигуру Набонида, не умаляли тем самым значения положения Саргона в истории; а поскольку традиция связывала его имя с основанием империи, термины "досаргонский" и "послесаргонский" обычно использовались для описания раннего и позднего периодов в истории Шумера и Аккада. Находки ранних надписей Шар-Гани-Шарри из Аккада и табличек, датированных его правлением, устранили всякую тенденцию к дискредитации исторической ценности более поздних традиций; и отождествление Шар-Гани-Шарри с Саргоном ассирийских и необавилонских писцов перестало ставиться под сомнение. В самом деле, если какой-либо момент ранней вавилонской истории и можно было считать безусловно установленным, так это исторический характер Саргона Агадского. Но недавнее открытие в Сузах внесло новый элемент в эту проблему и возобновило ее обсуждение в непривычном русле. Прежде чем представить новые данные, которые должны быть объяснены и согласованы со старыми,

будет хорошо кратко остановиться на шагах , с помощью которых было восстановлено имя Саргона и выведено его положение в истории.

Впервые имя Саргона встречается в некоторых пояснительных текстах религиозного или астрологического характера, которые были найдены в библиотеке Ашшур-бани-пала в Ниневии. Здесь мы находим упоминания имени Шарру-укин,[1] или Саргон, царь Агады, из чего следует, что он играл важную роль в ассирийской героической мифологии.[2] В 1867 году внимание к месту Саргона в истории впервые было привлечено, когда сэр Генри Роулинсон кратко сообщил об открытии им знаменитой "Легенды о Саргоне"[3] , в которой царь представлен как повествующий от первого лица историю своего рождения и отрочества, возведения на трон и последующего правления империей. Текст "Легенды" был опубликован в 1870 году[4] , а два года спустя ее перевел Джордж Смит, добавив к ней перевод "Знамений Саргона и Нарам-Сина", которые он только что обнаружил в коллекции табличек из Куюнджика.[5] Смит вслед за Роулинсоном приписал Саргону строительство храма Э-ульмаша в Агаде, восстановив его имя как имя отца Нарам-Сина в разбитом цилиндре Набонида, найденном Тейлором в Мукайяре.[6]

До этого времени не было известно ни одного оригинального текста о правлении Шар-Гани-Шарри. Первой была опубликована прекрасная цилиндрическая печать Ибни-шарру, высокопоставленного чиновника на службе Шар-Гани-шарри, описание которой Менан дал на сайте в 1877,[7] и снова в 1883 году.[8] Менан читал имя царя как "Шегани-шар-лух" и не отождествлял его с Саргоном Старшим (которого он поместил в XIX век до н. э.), но предположил, что это был еще более ранний царь Аккада. В 1882 году был опубликован отчет о цилиндре Набонида из Абу-Хаббы, в котором говорится о восстановлении им Э-баббара и содержится фрагмент, касающийся даты Нарам-Сина, "сына Саргона".[9] В следующем году Британский музей приобрел знаменитую буланую головку Шар-Гани-Шарри, которая была посвящена им Шамашу в его великом храме в Сиппаре; это была первая найденная надпись Шар-Гани-Шарри. Вместо написанного Менаном "Шегани-шар-лух", имя было прочитано как "Шаргани", два последних слога были отрезаны от него и рассматривались как титул, и, несмотря на некоторых несогласных, идентичность Шаргани из Агаде с Саргоном Старшим была принята как несомненная.[10] В отличие от Саргона, историческая личность Нарам-Сина не представляла трудностей. Его имя было прочитано на вазе, обнаруженной М. Френелем в Вавилоне и впоследствии утерянной в Тигре;[11] и, хотя он был назван там просто "царем четырех четвертей", его идентификация с Нарам-Сином, упомянутым Набонидом на его цилиндре из Ура, не вызывала сомнений. Еще одним доказательством правильности идентификации стало появление имени Магана на вазе, когда выяснилось, что во втором разделе его "Знамений" записано его завоевание этой страны.[12]

МАК-ГОЛОВА, ПОСВЯЩЕННАЯ ШАМАШУ, БОГУ-СОЛНЦУ, ШАР-ГАНИ-ШАРРИ, КОРОЛЕМ
АГАДЕ. Mus., No. 91146; фото, Messrs. Mansell & Co.

Таблетка из Лапис-Лазури с votивной надписью Лугаль-Тарси, царя Киша; и булавовидная головка, посвященная богу от имени Наммахни, патеси из Лагаша (Ширпурла) -Brit. Mus., №№ 91013 и 22445.

Помимо трудностей, связанных с именем Саргона, отсутствие ранних записей о правлении Шар-Гани-Шарри на некоторое время привело к тому, что некоторые круги полностью преуменьшили историческую ценность традиций, сохраненных в тексте Омен. Только буланая головка из Абу Хаббы сохранилась в доказательство существования последнего, а в поздних вавилонских традициях о Саргоне легко было увидеть бесполезные сказки и легенды, которые историк не мог использовать.^[13] Находка в Ниппуре, рядом с юго-восточной стеной зиккурата, или храма-башни, кирпичных печатей и дверных проемов с именем Шар-Гани-Шарри и записью о строительстве им храма Энлиля,^[14] доказала, что он осуществлял власть по крайней мере над значительной частью Вавилонии. В более поздний период американских раскопок в структуре зиккурата, под грубой кирпичной платформой Ур-Энгур, было найдено еще одно покрытие, состоящее из двух курсов обожженных кирпичей, на большинстве из которых была выбита известная надпись Шар-Гани-Шарри, а на остальных - более краткая надпись Нарам-Сина. По всей видимости, мостовая была уложена Саргоном и частично переложена Нарам-Сином, который использовал некоторые из строительных материалов первого. Тот факт, что оба царя использовали одни и те же своеобразные кирпичи, которые были найдены на своих местах в конструкции той же мостовой, был использован в качестве дополнительного аргумента в пользу отождествления Шар-Гани-шарри с Саргоном I, "отцом Нарам-Сина".^[15]

Следующий этап в развитии темы был достигнут после обнаружения в Телло большого количества табличек с записями торгового и сельскохозяйственного характера, некоторые из которых были датированы событиями времен правления Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина. Это сразу же было воспринято как подтверждение и завершение спорных традиций таблички "Знамение",^[16] и с того времени идентичность Саргона и Шар-Гани-Шарри не

подвергалась серьезному сомнению. Наконец, недавнее обнаружение копии оригинальной хроники, из которой были взяты исторические ссылки в "Табличке знамений", вернуло традиции их истинное положение и освободило их от аугурального текста, в который они были включены.^[17] Разница в формах двух имен была проигнорирована или объяснена,^[18] и ранние тексты были объединены с поздними вавилонскими традициями. Оба источника информации рассматривались как относящиеся к одному и тому же монарху, который обычно был известен под титулом Саргон I. или Саргон Агадский.

Открытие, которое вновь поставило вопрос о тождестве Шар-Гани-Шарри с Саргоном более поздней традиции, было сделано в Сузах в ходе раскопок, проведенных на этом месте Делегацией Персии. Новые данные предоставил памятник, который, судя по опубликованным описаниям,^[19] вероятно, можно считать одним из самых ценных образцов ранневавилонской скульптуры, которые еще были найдены. Были найдены две части камня, на которых выгравированы скульптуры и сохранились следы надписи одного из ранних семитских царей Вавилонии. Камень имеет приблизительно треугольную форму, самая длинная сторона изогнута, а на всех трех сторонах высечены рельефы в двух регистрах. В верхнем регистре - сцены сражений и ряд пленников, а в нижнем - изображения царя и его свиты. На третьей грани монолита, справа от царя в нижнем регистре, изображена сцена, в которой стервятники питаются убитыми, а на меньшем отколоте фрагменте камня - фигура, вероятно, бога, бьющего дубиной врагов царя, попавших в сеть. Детали сети и стервятников, очевидно, напоминают аналогичные сцены на стеле Эаннатума,^[20] но обработка птиц, а также фигур в сценах сражений, как утверждается, гораздо более разнообразна и менее условна, чем в скульптуре Эаннатума. То, что это семитская, а не шумерская работа, доказывает семитская надпись, из которой до сих пор видны несколько фраз заключительных восклицаний. У царя также длинная остроконечная борода семитов, спускающаяся до пояса, и, хотя его одежда имеет шумерские черты, он относится к семитскому типу. Некоторые детали скульптуры представляют интерес, и к ним мы сейчас обратимся.

Сейчас нас интересует имя царя, которому мы обязаны этим замечательным памятником. Хотя основная надпись, к сожалению, была выбита, имя царя сохранилось в картуше перед ним, где он назван "Шарру-Ги, царь". Теперь Шарру-Ги практически идентично Шарру-Ги-НА, одной из двух форм, под которыми имя Саргона записано в ассирийских и неовавилонских текстах^[21]; ведь знак НА в последнем имени является лишь фонетическим дополнением к идеограмме и может быть опущен в письменном виде, никак не влияя на произношение имени. До сих пор, как мы видели, Саргон, традиционный отец Нарам-Сина, отождествлялся с Шар-Гани-Шарри из Аккада. Вопрос, очевидно, напрашивается сам собой: Можем ли мы отождествить Шарру-Ги из нового памятника с Шар-Гани-Шарри? Можем ли мы предположить, что современный писец придумал такое написание имени Шар-Гани-Шарри и таким образом породил ту форму, которую мы находим сохранившейся в более поздней вавилонской и ассирийской традиции? Пьер Шейль, который первым предложил решение этой проблемы, безусловно, прав, считая Шарру-Ги и Шар-Гани-Шарри разными личностями; формы слишком несхожи, чтобы считать их вариантами одного и того же имени. Также было отмечено, что Шарру-Ги и Нарам-Син оба упоминаются на табличке из Телло. Исходя из этого, Пьер Шейль предположил, что Шарру-Ги, чье имя он перевел бы как Шарру-укин (= Саргон), был отцом Нарам-Сина, как это представлено в поздней традиции; Шар-Гани-Шарри он считал другим правителем Аккада, из той же династии, что и Саргон и Нарам-Син, и одним из их преемников на троне.^[22]

Можно признать, что такое объяснение на первый взгляд кажется привлекательным, поскольку оно позволяет примирить позднюю традицию с ранними памятниками. Однако на пути его принятия сразу же возникли трудности.^[23] Появление на обелиске Маништусу собственного имени Шарру-Ги, "Шарру-Ги - мой бог", ясно доказывает, что царь, носивший имя Шарру-Ги и предположительно идентичный Шарру-Ги с новой стелы, предшествовал Маништусу, царю Киша, поскольку обожествление царя, очевидно, могло произойти только при его жизни или после его смерти.^[24] Подобные свидетельства уже приводились для доказательства того, что Урумуш из Киша был предшественником Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, хотя его правление, возможно, не было отделено от их правления большим промежутком времени.^[25] Соглашаясь с этими выводами, если бы Нарам-Син был сыном Шарру-Ги, как предполагает премьер Шейль, Урумуш был бы отделен от Маништусу Аккадской династией, что маловероятно. Более того, контекст отрывка на табличке из Телло, где упоминаются имена Шарру-Ги и Нарам-Сина, хотя и имеет сомнительную интерпретацию, не обязательно подразумевает, что они жили в одно и то же время; их могло разделять несколько поколений. Эти причины сами по себе делают вероятным, что Шарру-Ги не был основателем династии Нарам-Сина, а являлся предшественником Маништусу и Урумуша на троне Киша.

Далее было отмечено, что в надписи, хранящейся в Императорском Османском музее в Константинополе, упоминается имя царя Киша, которое, судя по сохранившимся следам, вероятно, можно восстановить как имя Шарру-Ги.^[26] Фрагментарный характер текста, найденного в Абу-Хаббе во время раскопок, проводимых турецким правительством на этом месте,^[27] делал любые выводы, которые можно было бы сделать на его основе, неопределенными; но его было достаточно, чтобы подтвердить предположение, что Шарру-Ги был не царем Аккада, а еще более ранним царем Киша. С тех пор я узнал дубликат константинопольской надписи, также из Абу Хаббы, который позволяет нам дополнить и в некоторой степени исправить выводы, сделанные на его основе. Дубликат представляет собой крестообразный каменный предмет, на двенадцати сторонах которого начертан votивный текст, фиксирующий серию даров богу Солнца Шамашу и его супруге Аа в городе Сиппар, и ранняя часть его текста соответствует фрагментарной надписи в Константинополе. К сожалению, начало текста отсутствует, как и в случае с константинопольским текстом, поэтому мы не можем с уверенностью определить имя царя, по приказу которого был выгравирован памятник. Но дубликат предоставляет новые данные, на основании которых можно сделать вывод.

Хотя имя царя отсутствует, можно оценить объем текста, отсутствующего в начале первой колонки, и теперь ясно, что имя Шарру-Ги встречается не в начале надписи, а несколькими строками ниже по колонке; иными словами, его положение предполагает имя в генеалогии, а не имя автора текста. Более того, в прерванном отрывке во второй колонке имя Шарру-ГИ встречается снова, и контекст однозначно доказывает, что он не был автором текста, который говорит от первого лица, хотя, возможно, он был его отцом. Но, хотя памятник уже нельзя приписать Шарру-Ги, титулы "могущественный царь, царь Киша", встречающиеся в первой колонке текста, все еще можно считать относящимися к нему, а появление имени во второй колонке подтверждает предположение о его восстановлении в генеалогии. Поэтому можно считать несомненным, что Шарру-ГИ был ранним царем Киша и, судя по всему, отцом того царя, которому принадлежал крестообразный монумент с надписью, переданный в качестве жертвенного подношения в храм Шамаша в Сиппаре. В последней главе упоминалось о деятельности Маништусу в Сиппаре и его преданности великому храму бога Солнца в этом городе.^[28] По различным эпиграфическим причинам, основываясь на тщательном изучении текста, я бы условно отнес крестообразный памятник к Маништусу.

Согласно этой теории, Шарру-Ги был бы отцом Маништусу и самым ранним царем Киша этого периода, чье имя еще не установлено.

Доказательство того, что Шарру-Ги, или, согласно более поздней интерпретации имени, Саргон, не был идентичен Шар-Гани-Шарри, царю Аккада, и даже не принадлежал к его династии, казалось бы, должно еще раз дискредитировать более поздние традиции, собравшиеся вокруг его имени. Для ассирийских и необавилонских книжников Саргон предстает как царь Агаде, или Аккада, и отец Нарам-Сина, который сменил его на троне. Таким образом, очевидно, что имя более раннего царя Киша было заимствовано для царя Аккада, настоящее имя которого, Шар-Гани-Шарри, исчезло в традиции. Должны ли мы представить, что великие достижения, которые последующие эпохи приписывали Саргону Аккадскому, также были заимствованы вместе с его именем у исторического Саргона Кишского? А может быть, традиционный Саргон является представителем своего периода и сочетает в себе атрибуты более чем одного царя? В крестообразном памятнике, который, как мы видели, вероятно, можно отнести к Маништусу, царь предваряет рассказ о завоевании Аншана заявлением, что оно произошло в то время, "когда все земли... восстали против меня", и использованная фраза напоминает аналогичное выражение в неовавилонской хронике, где говорится, что в старости Саргона "все земли восстали против него". Параллелизм в языке раннего текста и поздней хроники может быть приведен в поддержку мнения о том, что в поздней традиции были перепутаны как факты, так и имена.

Каменный предмет в форме крестообразной фигуры с надписью на двух сторонах с вотивным текстом из раннего полумифического Киша, фиксирующим ряд даров Шамашу Богу-Солнцу и его жене АА в городе Сиппар - *Brit. Mus., No. 91022*.

К счастью, нам не приходится решать этот вопрос как литературно-критический, и даже на основании общей вероятности, поскольку у нас есть возможность проверить традиции в деталях, сравнив их с современными документами. Уже упоминались таблички, датированные царствованиями Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, и встречающиеся на них формулы даты относятся, в соответствии с обычаем того времени, к событиям, представляющим общественный интерес, в честь которых были названы годы. В случае с табличками, датированными правлением Шар-Гани-Шарри, мы находим три даты-формулы, которые имеют непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу и относятся к событиям, которые в значительной степени соответствуют достижениям, приписываемым Саргону в Таблице Знамений и Невавилонской хронике. Завоевание Амурру, "Западной земли" на побережье Сирии, упоминается в четырех разделах "Знамений", [29], вероятно, представляющих собой отдельные экспедиции туда. В третьем разделе говорится о решающей победе Саргона и, по-видимому, о депортации царя Амурру в Аккад; в четвертом разделе говорится о том, что Саргон установил свои изображения в Амурру, то есть вырезал свои изображения на скалах у побережья Средиземного моря или в Ливане, как вечную память о своем завоевании страны. Одна из табличек из Телло датирована "годом, в который Шар-Гани-Шарри завоевал Амурру в Басаре". [30] Поэтому несомненно, что завоевание Амурру, приписываемое традицией Саргону Аккадскому, должно быть отнесено к Шар-Гани-Шарри и рассматриваться как исторически достоверное.

Мы получаем очень похожий результат, когда используем тот же метод проверки эламских кампаний Саргона. Табличка "Знамение" открывается записью о вторжении Саргона в страну, за которым следует покорение эламитов, которым он, как утверждается, причинил тяжкие страдания, лишив их продовольствия. [31] По всей видимости, это был успешный набег на территорию эламитов. С другой стороны, одна из ранних таблиц датируется годом, когда Шар-Гани-Шарри разгромил экспедицию, которую Элам и Захара отправили против Описа и Сакли. [32] Понятно, что эта дата, хотя и фиксирует успех в борьбе с эламитами, вряд ли может относиться к тому же событию, что и текст *Omen-text*, поскольку последний фиксирует вторжение Саргона в Элам, а не набег эламитов на вавилонскую территорию. Но этот современный документ, по крайней мере, доказывает, что Шар-Гани-Шарри успешно воевал с Эламом, и не исключено, что нападение эламитов на Опис спровоцировало его вторжение в их страну. [33] Такой набег, как описывается в "Знамениях", полностью соответствует практике этого периода, когда цари Киша и Аккада вторгались в Элам и возвращались в свою страну с добычей. [34] Формула даты, подтверждающая третий момент поздней традиции, относится к году, когда Шар-Гани-Шарри заложил фундамент храма Ануниту и храма Амаль в Вавилоне, [35] доказывая не только то, что город Вавилон существовал в этот период, но и то, что Саргон посвятил себя его украшению, построив там храмы. В поздней Хронике записано, что Саргон убрал землю из траншей Вавилона, [36], а прерванный отрывок в "Знамениях", похоже, гласит, что он увеличил мощь Вавилона. [37] В этом вопросе ранняя формула датировки и поздняя традиция подтверждают и дополняют друг друга.

Таким образом, везде, где мы можем проверить достижения, приписываемые Саргону Аккадскому, путем сравнения с современными записями о правлении Шар-Гани-Шарри, мы находим полное согласие между ними. Еще одна черта в традиционной картине Саргона

прекрасно подходит основателю династии в Аккаде, в то время как она мало подходит царю Киша. Это поддержка, которую богиня Иштар, как утверждается, оказала Саргону, возведя его на трон и направив его оружие к победе.^[38] Ведь Аккад, который Шар-Гани-Шарри сделал своей столицей, был важным местом ее поклонения. Поэтому, когда позднейшая традиция сообщает, что Саргон завоевал Субарту и Казаллу, мы можем приписать эти победы Шар-Гани-Шарри, хотя они и не зафиксированы в современных памятниках, которые еще не были найдены. В любой момент может случиться так, что имя Каштубилы из Казаллу будет найдено в одном из текстов времен правления Шар-Гани-шарри, как имя Манну-данну из Магана было найдено на статуе Нарам-Сина.^[39] Такое отношение к ожиданию оправдано яркими случаями, когда поздняя традиция уже подтверждена ранними текстами; а параллелизм в языке памятника Маништусу и поздней хроники Саргона, на который была сделана ссылка, следует рассматривать как случайность. Учитывая ненадежность основ, на которых зиждились эти ранние империи, Шар-Гани-Шарри, как и Маништусу, вполне мог столкнуться с восстанием конфедерации городов, которые он подчинил своей власти. В таком случае писец Шар-Гани-Шарри, вероятно, использовал бы фразеологию, точно такую же, как в тексте Маништусу, поскольку условные формы выражения постоянно повторяются в монументальных надписях того же периода.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в поздних текстах Шар-Гани-шарри принял имя Шарру-Ги, но не более того. Учитывая общую точность поздних преданий о завоеваниях этих ранних правителей, может показаться странным, что произошла такая смена имен; но нетрудно предположить причины путаницы. Оба царя были великими завоевателями, оба принадлежали к одной эпохе и основали династии в Северной Вавилонии,^[40] и оба носили имена, которые, отчасти, не являются несхожими. Более того, было сделано предположение, что слова "Гани" и "Ги", составляющие имена, возможно, были божественными титулами,^[41] хотя мы не находим их следов в более поздних периодах истории. Но так это было или нет, и какие бы варианты имен мы ни принимали,^[42] ясно, что традиционные достижения Саргона можно приписать Шар-Гани-Шарри, который, будучи царем Агаде или Аккада, стал преемником более ранней империи царей Киша.^[43]

Рис. 58.- Медная головка колоссального вотивного копья с гравировкой имени и титула одного из ранних царей Киша. Из Телло.-Dés. pl 5 ter, No 1.

Мы уже видели основания полагать, что царей Киша отделял от империи Аккада не такой уж большой промежуток времени,[\[44\]](#) и это мнение подкрепляется не только изучением их надписей, но и тесной связью, которую можно проследить между художественными достижениями двух периодов. Эпиграфические свидетельства были поразительно усилены открытием монолита Шарру-Ги; скульптуры на нем в некоторой степени разделяют высокие художественные качества, которые до сих пор считались исключительным достоянием Аккадской династии. Моделировка фигур на стеле победы Нарам-Сина,[\[45\]](#) их естественные позы и одухотворенные взгляды, давно признаны как принадлежащие к совершенно иной категории, чем приземистые и условные изображения на стеле стервятников. Цилиндрические печати этого периода отмечены той же степенью совершенства, но между скульптурами Эаннатума и Нарам-Сина до сих пор существовал разрыв в упорядоченных этапах развития. Единственный пример гравированной работы по металлу действительно был найден, но его дата была и остается в некоторой степени неопределенной. Предмет представляет собой медную головку колоссального вотивного копья длиной около тридцати одного с половиной дюйма. На одной из граней выгравирована фигура льва, а на шейке клинка - имя кишского царя, начинающееся со знака "Шарру". Небольшое указание на дату

дает тот факт, что он был найден в Телло, недалеко от восточного угла здания Ур-Нина, но на довольно высоком уровне.^[46] Если вторая строка надписи, нечитаемая из-за окисления, содержала титул, а не часть имени, то, вероятно, мы можем восстановить имя в первой строке как имя самого Шарру-Ги. В противном случае мы должны отнести копьё к какому-то другому царю Киша, но поместим ли мы его до или после Шарру-Ги, сказать трудно.

Очевидно, что искусство более позднего периода в конечном итоге основывалось на формальных, хотя и декоративных условностях более раннего шумерского времени, но, за сомнительным исключением медного наконечника копья и грубых статуй Маништусу, ранее не было найдено ни одного примера промежуточного периода. Недостающее звено между ранней скульптурой Лагаша и Аккада теперь заполнено монолитом Шарру-Ги. Его сходство со Стелой стервятников, как по дизайну, так и по обработке, доказывает прямую преемственность с ранним шумерским искусством. Божественная сеть и грифы явно заимствованы из памятника Телло, а стражники, сопровождающие Шарру-Ги, имеют приземистый и грузный вид, который характерен для воинов Эаннатума. В то же время новый элемент вносится в сцены сражений, где дизайн и группировка более разнообразны и менее условны. Здесь скульптор дал волю своей фантазии и попытался применить натуралистическую трактовку в изображении сражающихся. Он не в полной мере достиг мастерства, характерного для стелы Нарам-Сина, но его работа является ее прямым предшественником. Если судить по ярким свидетельствам, представленным одним памятником, искусство Киша должно было быть тесно связано с аккадским. Последнее не открывало ничего совершенно нового, но зависело от своего предшественника, чьи наиболее яркие качества оно переняло и улучшило.

Как и в сфере искусства, так и в сфере политики и управления, династия Аккада не стояла у истоков, а лишь расширяла и развивала свое наследие по уже проложенным линиям. Даже в случае с Шарру-Ги ясно, что мы не достигли начала семитского движения в Северной Вавилонии, и что в этом отношении царство Киш напоминало более позднюю империю Аккад. Сцены сражений на его памятниках доказывают, что Шарру-Ги был великим завоевателем, но следы текста не дают никаких подробностей о его походах. Однако важно, что его враги - бородатые семиты, а не шумеры, что доказывает, что иммиграция семитов в Северную Вавилонию и прилегающие районы не была чем-то новым; мы можем предположить, что родственные племена давно обосновались в этой части Западной Азии и были готовы защищать свою территорию от посягательств представителей своей расы. Однако детали скульптуры Шарру-Ги доказывают, что с ним мы заметно приближаемся ко времени шумерского господства на севере. Бритые лица царской свиты или телохранителей наводят на мысль о шумерах, и их одежда, которую разделяет сам царь, также относится к этому типу. В таких деталях мы можем увидеть свидетельство сильного шумерского влияния, как в реальной жизни, так и в художественных традициях. Такая смесь шумерских и семитских черт была бы совершенно чужда династии Аккада, и вполне вероятно, что более ранние правители Киша еще не доказали, что они превосходят шумерскую опеку.

В предыдущей главе уже было рассказано о походах Маништусу и Урумуша, которые проложили путь к завоеваниям Шар-Гани-Шарри. Там мы видели, что Маништусу утверждает, что победил конфедерацию из тридцати двух городов,^[47] и, если мы правы, приписывая ему крестообразный памятник, у нас есть определенное доказательство того, что его успехи не ограничивались Аккадом и Шумером, а были перенесены за эламскую границу. Поскольку фрагменты его стел, как и сам крестообразный памятник, были найдены в Сиппаре, где они были посвящены в великом храме бога Солнца, вполне возможно, что они могут быть использованы для дополнения друг друга как памятники одной и той же кампании. В таком

случае царей тридцати двух городов следует рассматривать как начавших "восстание всех земель", которое, как сообщает нам крестообразный памятник, предшествовало завоеванию Аньшаня. Предводителем восстания, очевидно, был аньшаньский царь, так как крестообразный памятник и его дубликат особо фиксируют его поражение и депортацию. По возвращении из похода, нагруженный дарами и данью, Маништусу привел царя в качестве пленника к Шамашу, храм которого он щедро обогатил в благодарность за свою победу. Его хвастовство тем, что он правил, а также завоевал Аншан, вероятно, было основано на взимании дани; необходимость повторного завоевания Элама Урумушем, а затем Шар-Гани-Шарри, похоже, указывает на то, что власть этих ранних семитских царей в Эламе признавалась только до тех пор, пока их армия занимала страну.[48]

Уже в царствование Маништусу Аккад и его граждане пользовались большим влиянием в царстве Киш, и неудивительно, что в течение нескольких поколений она получила гегемонию в Вавилонии. Мы не знаем ни непосредственной причины смены столицы, ни того, была ли она результатом длительного периода антагонизма между соперничающими городами. На этот счет позднейшая традиция хранит молчание, фиксируя лишь, что Саргон получил "царство" с помощью Иштар. То, что Шар-Гани-Шарри был фактическим основателем своей династии, ясно из надписей на его надвратных раковинах, найденных в Ниппуре, которые не приписывают титул его отцу, Дати-Энлилю,[49] доказывая, что его семья даже не занимала патесиат или губернаторство Аккада под сюзеренитетом Киша. Действительно, традиция гласила, что родным городом Саргона был Азупиранну, и любила противопоставлять его скромное рождение и воспитание последующему великолепию его правления. Легенда о том, как его бросили в реку в ковчеге из камыша, как его спас и усыновил садовник Акки, будет привлекать внимание каждого последующего поколения и, несомненно, обеспечит Саргону положение национального героя в сознании народа. Ассоциация этой истории с его именем, способствуя сохранению памяти о нем, не должна опровергать традиции его завоеваний, которые, как мы уже видели, подтверждаются в нескольких важных деталях надписями времен его правления.

С передачей власти из Киша в Аккад семитская власть из Северной Вавилонии, похоже, распространилась на значительную часть Западной Азии. Элам больше не претендовал на основную долю внимания правителей Аккада и Шумера, и Шар-Гани-Шарри, похоже, направил свои силы на расширение своего влияния на север и, в особенности, на запад. Куту, расположенный к северо-востоку от Аккада, в холмистой местности на востоке Нижнего Заба, был завоеван в тот же год, когда Шар-Гани-Шарри заложил фундамент храмов Ануниту и Амаль в Вавилоне, а Шарлак, его царь, был взят в плен.[50] Упоминание об этом событии в официальном названии года, в котором оно происходило, свидетельствует о важности, которую придавали этой кампании. К сожалению, мы не располагаем классифицированным списком дат для династии Аккад, подобным тому, который мы составили для более поздних династий Ура и Вавилона, а датированных табличек этого периода слишком мало, чтобы мы могли попытаться провести их хронологическую классификацию по их содержанию. Таким образом, мы лишены возможности расположить завоевания Шар-Гани-Шарри в том порядке, в котором они происходили, или проследить шаги, по которым он постепенно увеличивал свою империю. Но если порядок расположения разделов на Табличке знамений имеет какое-то значение, то можно предположить, что самое важное завоевание Амурру, или "Западной земли", произошло в первые годы его царствования.

В более поздних рассказах об этом завоевании, дошедших до нас в "Табличке знамений" и в "Невавилонской хронике", наблюдается расхождение. Если в первой из них полное покорение Амурру зафиксировано "в третий год", то во второй говорится, что это событие

произошло "в одиннадцатый год". Вполне возможно примирить эти две традиции: в первом случае речь может идти о том, что на покорение страны ушло три года, во втором - что завоевание было достигнуто на одиннадцатом году правления Шар-Гани-Шарри.^[51] Действительно, тот факт, что в четырех разделах "Знамений" говорится об Амурру, похоже, подразумевает, что для полного подчинения всего региона потребовалось несколько экспедиций. Распространив свою власть на средиземноморское побережье, Шар-Гани-Шарри значительно превзошел идеалы империи, которыми обладали его предшественники на троне Киша. Но даже в этом достижении он лишь следовал по стопам еще более раннего правителя. Отрывок из текста Лугаль-заггиси, казалось бы, должен был означать, что в ходе экспедиции вдоль Евфрата ему удалось проникнуть на сирийское побережье.^[52] Но завоевание Шар-Гани-Шарри, по-видимому, носило более постоянный характер, чем набег Лугаль-Заггиси. Расположение его столицы позволяло поддерживать постоянные отношения с Западом и посылать туда карательные экспедиции в случае, если его власть окажется под вопросом.

От имени Шар-Гани-Шарри утверждалось, что он не остановился на побережье, а пересек Средиземное море до Кипра, который, как утверждается, он включил в пределы своей империи. Однако представляется, что, хотя остров мог быть косвенно подвержен вавилонскому влиянию в ранний период, нет никаких признаков прямого или активного семитского воздействия на культуру киприотов в это время.^[53] Но следы такого влияния мы должны были бы найти, если бы остров был политически подчинен Шар-Гани-Шарри и разделял сложную систему коммуникаций, которую он установил между отдаленными частями своей империи. Археологические данные сами по себе едва ли могли бы служить доказательством определенного захвата острова, если бы на табличке с предзнаменованиями Саргона не было написано, что "он пересек Западное море". Но недавно обнаруженная хроника доказывает, что истинное прочтение должно быть "море на востоке", что, несомненно, указывает на Персидский залив.

Из хроники мы узнаем, что в первоначальном варианте этот отрывок не был облечен в форму последовательного повествования. Это поэтическое резюме могущества Саргона, в котором более подробно описывается предшествующая фраза о том, что "он излил свою славу на мир". В ней положения уравниваются антитезой, а Западная земля и Восточное море, то есть Сирия и Персидский залив, упоминаются вместе как крайние пределы империи Саргона. На табличке с предзнаменованиями оригинальный текст был разрезан на части и применен по частям к различным авгурским явлениям. В новом изложении последовательного изложения событий упоминание Персидского залива явно не соответствовало завоеванию Амурру, и поэтому переписчику было вполне естественно изменить текст до той формы, в которой он дошел до нас на табличке "Знамения".^[54] В "Знамениях" сохранилось упоминание о разорении Страны моря, *то есть* побережья Персидского залива, которое Шар-Гани-Шарри, несомненно, включал в южную границу своей империи. С этой записью мы можем связать традицию, воспроизведенную в "Сказании о Саргоне", что он завоевал Дильмун, остров в Персидском заливе, и с его морским предприятием в этом регионе мы можем сравнить более поздние походы Сеннахериба, который пересек залив во время завоевания Элама. С самых ранних времен мы знаем, что реки и каналы Вавилонии были судоходными,^[55] а Персидский залив был естественным выходом для торговли шумерских городов на юге. Организуя военно-морскую экспедицию для завоевания побережья и островов, Шар-Гани-Шарри должен был иметь в своем распоряжении местные корабли и моряков, чьи знания о Персидском заливе были приобретены в ходе их регулярной прибрежной торговли.

Во внутреннем управлении своей империей Шар-Гани-Шарри, по-видимому, запустил или, во всяком случае, организовал регулярную систему связи между главными городами и столицей. Упоминания об отдельных городах, встречающиеся в современных надписях его царствования, немногочисленны. Из текстов, найденных в Ниппуре, мы знаем, что он перестроил Э-кур, великий храм Энлиля, и многие кирпичи, из которых состоял его храм-платформа и храм Нарам-Сина, были найдены на месте.^[56] Булавовидная головка из Абу Хаббы^[57] свидетельствует о том, что, как и его предшественники на троне Киша, он посвятил себя обогащению великого храма бога Солнца в Северной Вавилонии; а одна из его датированных формул подтверждает традицию о его строительной деятельности в Вавилоне.^[58] Но такие вотивные тексты и записи не проливают свет на методы его правления или на средства, которые он использовал, чтобы удержать власть над более отдаленными районами своей империи. Однако в Телло были найдены поразительные свидетельства на этот счет, и они представлены не какими-либо официальными записями или тщательно выписанными памятниками, а грубыми кусками глины, которые были разбиты и выброшены на обочину как бесполезный мусор во время правления самого Шар-Гани-Шарри и его преемника.

Наряду с датированными табличками этого периода в Телло, в кургане к юго-юго-востоку от "Телля табличек", было найдено несколько высушенных на солнце кусков глины, большинство из которых были разбиты на куски, но на их верхней поверхности сохранились следы оттисков печатей.^[59] При внимательном сравнении и осмотре оказалось, что на их нижней стороне все еще видны оттиски шнуров и узлов, и было очевидно, что глина использовалась для запечатывания тюков или связок предметов, которые были связаны и закреплены шнурами. На некоторых оттисках печатей сохранились короткие надписи, состоящие из имени царя и имени какого-либо высокопоставленного чиновника, например, "Шар-Гани-Шарри, могущественный, царь Аккада: Лугал-ушумгал, патеси Лагаша, раб твой"; здесь к царю во втором лице обращается чиновник, чье имя и титул были выгравированы на печати. Аналогичные надписи встречаются на оттисках печатей шакканакку или великого визиря, мага царского дома и царского виночерпия. Печати, очевидно, использовались чиновниками, чьи имена встречаются во второй части каждой надписи; имя царя также включено, чтобы придать им царские полномочия. Право использовать царское имя, очевидно, было привилегией только высших чиновников двора.

Из того факта, что разбитые куски глины были найдены в Телло, ясно, что запечатанные свертки были отправлены туда из Аккада, и мы имеем в них неопровержимое доказательство службы конвоев между Аккадом и Лагашем под непосредственным контролем царских чиновников. Отметим, что помимо оттисков печатей на некоторых глиняных фрагментах скорописью было написано имя чиновника или частного лица, для которого предназначался запечатанный пакет. Так, запечатанный свертки от великого визиря был адресован "Алле", от мага Дады - "Лугал-ушумгалу", чье имя встречается в печати на других фрагментах; а один, отправленный в царствование Нарам-Сина, был адресован просто "Лагашу", что указывает на место назначения пакета. Помимо того, что, за исключением Лугаль-ушумгала, высшие судебные чиновники, упомянутые на печатях, естественно, жили в Аккаде, а не в Лагаше, адреса на разных фрагментах, особенно на последнем, определенно доказывают, что печати использовались на пакетах, которые действительно отправлялись из города в город, а не хранились в каком-либо архиве или хранилище. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что во времена правления Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина между Лагашем и двором поддерживалась регулярная система связи, и можно с полным основанием предположить, что столица была связана с другими крупными городами империи.

Помимо системы официальных конвоев, торговые таблички этого периода, найденные в Телло, свидетельствуют об активном обмене товарами и продуктами между Лагашем, Аккадом и другими городами империи.^[60] Так, в некоторых из них мы читаем об отправке золота в Аккад, стад волов или отар овец, ягнят и коз. В ответ Аккад отправлял на юг зерно и финики, а также, вероятно, одежду и тканые изделия; на важность первых двух видов экспорта указывает частое употребление выражений "зерно Аккада" и "финики Аккада" в торговых текстах. Более того, изучение имен собственных, встречающихся на табличках, позволяет предположить, что в результате этих торговых отношений из Аккада и с севера происходила значительная семитская иммиграция. Среди южных шумерских городов Эрех и Умма, Нинни-эш и Адаб имели особенно тесные отношения с Лагашем, а товары, отправленные из Киша, Ниппура и Ура, отмечены в списках. Завоевания Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина отразились и на предметах торговли, поступавших на рынок Лагаша, где нередко встречались товары из Магана, Мелукха и Элама, и даже зафиксирована продажа рабов из таких далеких стран, как Гутиу и Амурру. Чтобы регулировать торговые отношения между различными городами и инструктировать своих местных чиновников о деталях управления, вероятно, цари Аккада, как и цари Первой династии Вавилона, писали письма и депеши, которые доставляли царские гонцы. Хотя не было найдено ни одного царского письма, написанного обычными эпистолярными формулами, несколько табличек этого периода содержат, очевидно, указания царя.

Вероятно, именно благодаря поощрению официальных и торговых связей между разрозненными городами, которыми он правил, Шар-Гани-Шарри смог установить эффективный контроль над империей, которая была более обширной, чем у любого из предыдущих правителей. Изучение имен на обелиске Маништусу позволяет понять, что уже при царях Киша барьеры, которые ранее окружали и изолировали каждый город-государство, начали исчезать под влиянием центральной администрации. Этот процесс ускорился в правление Шар-Гани-Шарри, и, хотя при царях Ура и Исына, по-видимому, наступила консервативная реакция, великие города так и не вернулись к прежнему состоянию изоляции даже на юге. Еще один фактор, который мог способствовать этому процессу централизации, вероятно, можно проследить в самом тексте Маништусу, а его отголоски, возможно, можно обнаружить в некоторых более поздних традициях царствования Саргона. Следует помнить, что в обелиске говорится о покупке царем крупных земельных владений в окрестностях Киша и трех других городов Северной Вавилонии, на которых он намеревался поселить некоторых граждан Аккада и их приверженцев.^[61] Такое массовое переселение значительной части населения города вполне могло быть продиктовано политическими мотивами, и не исключено, что оно было частью общей системы, начатой царями Киша с целью заменить национальное чувство местным патриотизмом города-государства. Согласно этой теории, целью Маништусу было ослабить Аккад путем депортации многих из его главных граждан в окрестности Киша.

Высокое социальное положение некоторых из переселенцев, чьи имена перечислены на обелиске, наводит на мысль о сравнении с поздними преданиями о жестоком обращении Саргона с "сыновьями своего дворца".^[62] В "Невавилонской хронике" говорится, что Саргон заставил "сыновей своего дворца", то есть своих родственников и личных слуг, поселиться на пять *касгид* вокруг, и добавляется, что над хозяевами мира он царил верховным. В "Табличке предзнаменований" некоторые вельможи или влиятельные приверженцы царя представлены как лишившиеся своих жилищ в результате пристройки к царскому дворцу; они обратились к Саргону с просьбой указать им, куда идти. Вполне возможно, что эти эпизоды в ассирийских и необавилонских текстах имели под собой какую-то историческую основу, о которой говорилось в предыдущем параграфе. Возможно, Шар-Гани-Шарри

перенял политику Маништусу и проводил ее в более широких масштабах. Депортации из Аккада, о которых говорится в поздней традиции, могли быть направлены на укрепление лояльных элементов в провинциях. С течением веков мотив, побудивший к этому движению, был забыт или неправильно понят, и его приписали бы какой-нибудь материальной причине, например, увеличению размеров царского дворца. Если это была лишь часть устоявшейся политики, можно предположить, что аналогичные изменения происходили и в населении других частей империи.

Результатом такой политики, несомненно, стало бы ослабление силы сопротивления, которой ранее обладали самостоятельные города-государства против гегемонии одного из них. В этом отношении цари Киша и Аккада лишь менее масштабно и на меньшей территории проводили политику, которую поздние ассирийские цари так безжалостно навязывали всей Западной Азии. Но, несмотря на то, что на какое-то время эта политика была успешной, ни одно государство не могло окончательно утвердиться на такой основе. Силы недовольства неизбежно должны были вырваться наружу, и в случае с Шар-Гани-Шарри мы можем, вероятно, проследить эту причину восстания всех земель, которое, как записано, произошло в его преклонном возрасте. Возможно, знаменательно и то, что Урумуш, по преданию, встретил свой конец во время дворцового переворота.^[63]

О судьбе Шар-Гани-Шарри предание ничего определенного не говорит. И в "Табличке знамений", и в "Хронике" говорится, что он был осажден в городе Аккад и что он выступил вперед и знатно разгромил своих врагов. Но последний текст заканчивает свой рассказ о правлении Саргона сообщением о катастрофе. "Из-за зла, которое он совершил, - говорится в тексте, - великий бог Мардук разгневался и уничтожил свой народ голодом. От восхода солнца до его захода они противостояли ему и не давали ему покоя". Экспедиция против Эреха и Наксу, зафиксированная в датах на некоторых табличках, начертанных во время патесиата Лугаль-ушумгала, возможно, относится к этому периоду смуты во второй половине правления Саргона.^[64] Ссылка на последние годы правления Саргона на неовавилонской табличке сделана в манере древнееврейских книг Хроник. Автор объясняет несчастья Саргона его собственными злодеяниями, в результате которых бог Мардук в наказание послал на него беды. Может показаться странным, что такая концовка следует за рассказом о блестящем и победоносном царствовании. Но, возможно, в приписываемых Саргону злодеяниях допустимо усмотреть ссылку на его политику депортации, которая могла нажить ему злейших врагов среди жречества и более консервативных элементов населения страны.

Не приходится сомневаться, что Шар-Гани-Шарри на аккадском троне сменил Нарам-Син, которого мы можем с большой долей уверенности считать не только его сыном, но и преемником. В более поздней традиции Нарам-Син представлен как сын Саргона, и, хотя в своих собственных надписях он никогда не упоминает имя отца, у нас есть современное доказательство того, что его правление и правление Шар-Гани-Шарри были очень близки друг к другу. Отношение мостовой Шар-Гани-Шарри в храме Экур к мостовой Нарам-Сина и схожий характер их строительных материалов позволяют предположить, что сооружения были заложены без большого перерыва между ними, а тот факт, что Лугаль-ушумгал, патеси Лагаша, был современником и Шар-Гани-Шарри, и Нарам-Сина^[65], подтверждает предположение, что последний был преемником Шар-Гани-Шарри на троне. Таким образом, все имеющиеся у нас свидетельства говорят в пользу принятия более поздней традиции об их отношениях друг с другом.

Слава Нарам-Сина как великого завоевателя, как и слава его отца, сохранилась и в более поздние времена. В "Таблице знамений" и "Невавилонской хронике" рассказывается о его осаде города Апирака и поражении его правителя и царя Риш-Адада. Оба текста также кратко описывают его успешную экспедицию в страну Маган. В табличке Омен имя царя отсутствует, но в недавно восстановленной хронике оно указано как Манну-данну. В этом вопросе более поздняя традиция была поразительно подтверждена находкой в Сузах основания диоритовой статуи царя, на которой записано, что он завоевал Маган и убил Мани[...],^[66] его князя или "повелителя". Точное местоположение земли Маган до сих пор не определено: одни относят ее к Синайскому полуострову, другие считают ее частью Восточной Аравии. В пользу последней точки зрения можно отметить, что из Южной Вавилонии туда было легко добраться по Персидскому заливу, а транспортировка тяжелых блоков диорита, которые Нарам-Син, а в более поздний период Гудеа, привезли из Магана, была бы легче осуществима по воде, чем по суше. В таком случае вторжение Нарам-Сина в Маган было прямым продолжением политики Шар-Гани-Шарри по расширению его империи на юг, включая берега Персидского залива.

В надписи на этой же статуе, которая, по словам Нарам-Сина, была сделана из диорита, привезенного для этой цели в Аккад с гор Магана, он претендует на гордый титул "царя четырех четвертей (мира)". Шар-Гани-Шарри, в дополнение к своим обычным титулам "могущественный, царь Аккада", в одном из текстов на своих раструбах из Ниппура называет себя "царем царства Энлиля", но ни в одной из найденных надписей он не использует титул "царь четырех четвертей". Это может быть простым совпадением, и из отсутствия титула в его текстах не следует делать никаких выводов. С другой стороны, возможно, что его принятие Нарам-Сином было основано на определенных претензиях на всемирную империю, которой его предшественник не обладал в полной мере. Как бы то ни было, у нас есть множество свидетельств военной деятельности Нарам-Сина. Во вступительных строках на уже упомянутой статуе он утверждает, что в течение одного года был победителем в девяти отдельных сражениях, к которым его вынудило нападение враждебных сил. В других надписях Нарам-Сина упоминаются завоевания Арману,^[67] и Сатуни, царя Лулубу.^[68] Последняя область лежала к востоку от Аккада, в гористой местности к северо-востоку от Элама, и ее царь, по-видимому, создал конфедерацию из соседних областей, чтобы противостоять продвижению аккадского влияния в этом направлении.

Памятник, который Нарам-Син установил и посвятил в храме своего бога в честь этой последней победы, является одним из лучших произведений вавилонской скульптуры, которые еще не были найдены.^[69] Это стела победы, на лицевой стороне которой изображен царь, побеждающий Сатуни и других своих врагов в горной стране. Царь, чья фигура крупнее остальных, находится почти на вершине высокой горы. На нем шлем, украшенный рогами быка, а в руках боевой топор и лук со стрелами. По склону горы и по тропинкам среди деревьев, покрывающих нижние склоны, за ним поднимаются союзники и воины короля, неся в руках штандарты и оружие. Некоторые из врагов короля бегут перед ним, и в бегстве они оборачиваются, чтобы просить пощады, а один все еще сжимает сломанное копье. Другой ранен царем и скорчился на земле, пытаясь вытащить стрелу из своего горла. Двое других лежат перед Нарам-Сином, который поставил ногу на грудь одного из них. Вершина горы поднимается к звездам.

Тот факт, что стела была найдена в Сузах, используется в качестве аргумента в пользу того, чтобы считать Элам зависимым от Аккада во время его правления. Но, помимо собственного текста Нарам-Сина, на стеле имеется более поздняя надпись эламского царя Шутрук-Наххунте, из чего можно сделать вывод, что она была захвачена в Северной Вавилонии и

доставлена в Сузы в качестве военного трофея. Но не исключено, что Нарам-Син, подобно Шар-Гани-Шарри и царям Киша, добился успехов в борьбе с Эламом. Апирак, о завоевании которого повествует традиция, был страной в эламском регионе, и его захват вполне мог произойти во время успешного набега. Упоминаются два ранних эламских патеси, имена которых были найдены на табличке из Телло и в архаичном тексте из Суз.^[70] Патеси из Суз, чье имя можно прочесть как Илишма, относится к периоду, когда этот город признавал сюзеренитет Аккада. Но это единственное имя не доказывает, что Элам, как бы тесно ни были связаны торговые связи с Аккадом, составлял регулярную провинцию Аккадской империи. Возможно, Илишма был назначен на престол Суз аккадским царем во время вторжения в эту страну, которое достигло кульминации в изгнании местного царя, как Шар-Гани-Шарри изгнал царей Куту и Амурру, а Маништусу - царя Аншана. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в период правления династии Аккад Сузы и Элам в целом пользовались независимостью, время от времени прерываясь.

В пределах Шумера и Аккада Нарам-Син, по-видимому, следовал политике своего отца, который оказывал материальную помощь провинциальным городам, сохраняя при этом их управление под своим непосредственным контролем. Таким образом, он продолжил службу конвоев и в то же время посвятил себя возведению храмов богам. О восстановлении им храмов Энлиля в Ниппуре и Шамаша в Сиппаре уже говорилось, а его votive vases из оникса, найденные в Телло^[71], доказывают, что он не пренебрегал святынями Лагаша. Еще одним шумерским городом, в котором он проводил строительные работы, был Нинни-эш, поскольку там он перестроил храм, посвященный богине Нинни, в тот же год, когда заложил фундамент храма в Ниппуре.^[72]

Fig. 59.

Рис. 59. Стела с фигурой Нарам-Сина, царя Аккада, найденная в Пир-Хусейне близ Диарбекра. В Императорском Османском музее.

Но, безусловно, самой интересной из его строительных записей является стела, изваянная с фигурой его самого,^[73] которая обычно известна как стела Диарбекра. Когда ее впервые привезли в Константинопольский музей, утверждалось, что она была найдена в Мардине,^[74] а позже, с большей точностью, что она была привезена из Диарбекра.^[75] На самом деле он был обнаружен в Пир-Хусейне, небольшой деревне, построенной у низкого теснины и расположенной примерно в четырех с половиной часах езды к северо-северо-востоку от Диарбекра, на реке Амбар-Су, которая поднимается на нижних склонах Тавра и, протекая параллельно Себене-Су, вливается в Тигр ниже Диарбекра. Она была найдена жителями деревни около девятнадцати лет назад, когда они копали землю в поисках строительных материалов на месте древнего города под Теллем.^[76] Нет сомнений, что стела была найдена на месте,^[77] и она служит замечательным доказательством масштабов влияния Нарам-Сина на север. Надпись на камне разрушена, но она содержит упоминание о поражении врагов

царя богом Энки, или Эа, в четырех четвертях света. То, что Нарам-Син со своей армией проник в верховья Тигра, само по себе достаточно примечательно, но то, что он воздвиг стелу победы, а возможно, и здание, по крайней мере в одном из городов, покоренных им во время похода, говорит о том, что его оккупация этого региона была эффективной в течение некоторого времени.

О преемниках Нарам-Сина на аккадском троне мы знаем немного. Имя Бин-Гани-Шарри, одного из его сыновей, было найдено на печати,^[78] и на оттиске печати из Телло,^[79] но его имя не было найдено вместе с царским титулом, так что мы не знаем, стал ли он преемником своего отца на троне. Другой сын Нарам-Сина, чтение имени которого неясно, занимал пост патеси Туту, поскольку его имя и титул сохранились на перфорированной дощечке из Телло, выгравированной Липуш-Иау, которая описывает себя как его дочь и исполнительницу на лире лунного бога Сина.^[80] Знаменитая печать писца Калки, служившего Убиль-Иштару, "брату царя", также должна быть отнесена к этому периоду, но к какому царствованию, мы сказать не можем. Сцена, выгравированная на печати^[81], дает интересное представление об одном из этих ранних семитских принцев в сопровождении его свиты. Центральная фигура, несущая топор через левое плечо, - это, вероятно, Убил-Иштар, а за ним следует шумерский слуга, которого мы можем отождествить с писцом Калки, держателем печати. Остальные сопровождающие, состоящие из егеря принца, его управляющего со служебным посохом и солдата, - все бородатые семиты. Бритая голова и одежда с бахромой, характерные для шумеров, сохранились и у писца, что говорит о том, что, хотя шумеры и были наняты своими завоевателями, расовая амальгамация произошла незначительно.

ОТТИСК ЦИЛИНДРИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПИСЦА УБИЛЬ-ИШТАРА, БРАТА РАННЕГО СЕМИТСКОГО ЦАРЯ СЕВЕРНОЙ ВАВИЛОНИИ. -Brit. Mus., No. 89137.

Впечатление от цилиндра-печати Хашхамера, сосуда Ур-Энгура, царя Ур.-Brit. Mus., No. 89126.

ВНУТРЕННЯЯ ЦИЛИНДРА-СЕАЛ, посвящённая богу Месламтае Килуллой-Гузалой от имени Дунги, царя УР.-Брит. Mus., No. 89131.

Ко времени царей Аккада следует отнести и Стелу Победы, два фрагмента которой были найдены в Телло, изваянную с обеих сторон барельефами, расположенными в регистрах, над надписью.[82] Скульптор изобразил сцены сражений как серию рукопашных схваток, и здесь мы видим бородатых семитских воинов, вооруженных копьем, топором или луком и стрелами, поражающих своих врагов. Надпись сильно разрушена, но сохранилось достаточно, чтобы понять, что она перечисляет ряд поместий или участков земли, некоторые, если не все, расположенные в окрестностях Лагаша, которые были закреплены за различными высокопоставленными чиновниками. В конце текста частично сохранилось резюме, в котором говорится, что список состоял из семнадцати главных городов и восьми

главных мест, а заканчивается он записью, которую, вероятно, можно восстановить в следующем виде: "Кроме Аккада, царство, которое он получил, [было отдано патесиату Лагаша...]" . Таким образом, похоже, что стела была установлена в Лагаше в память о его приобретении аккадским царем, который в то же время наградил своих придворных и чиновников, выделив им части завоеванной территории. Имя царя в тексте отсутствует, и мы должны полагаться на догадки, чтобы решить, к какому царствованию или периоду он относится.

Сравнение памятника со "Стелой победы" Нарам-Сина покажет, что, хотя позы фигур естественны и энергичны, скульптор не проявляет столь же высоких композиционных и художественных качеств. Этот факт можно было бы использовать в пользу отнесения стелы к периоду упадка, когда династия Шар-Гани-Шарри могла пасть перед натиском новой волны семитских орд. Но памятник производит впечатление скорее энергичного искусства, стремящегося к совершенству, чем грубого подражания более совершенному стилю, и, вероятно, мы должны датировать его ранним, а не поздним периодом этой эпохи семитского господства.^[83]

Ссылка на "Аккад, царство" в резюме в конце текста затрудняет отнесение его к раннему царю Киша, такому как Шарру-Ги, поскольку в этом случае нам придется предположить, что династия Шар-Гани-Шарри не была самой ранней из правивших в Аккаде, и

FIG. 60.

Рис. 60. Часть стелы победы одного из царей Аккада, рельефная скульптура с батальными сценами; из Телло: Cat. No. 21.

В этом городе до возвышения Киша правили еще более ранние семитские цари. Но ввиду полного отсутствия других свидетельств в пользу такого вывода, предпочтительнее условно приписать стелу из Телло самому Шар-Гани-Шарри. Следует отметить, что враги, изображенные на памятнике, являются семитами, а не шумерами, и, если наше предположение верно, мы можем видеть в них людей Киша, после поражения которых от Шар-Гани-Шарри весь Шумер, включая город Лагаш, должен был перейти под власть Аккада.^[84] В таком случае стела вполне могла быть посвящена решающей победе, благодаря которой Шар-Гани-Шарри положил конец господству Киша и основал свою собственную империю.

Отсутствие шумеров в сценах сражений на имеющихся у нас рельефах этого периода свидетельствует об их политическом уничтожении перед семитским натиском.

Fig. 61.

Рис. 61. Фрагмент стелы победы царя Аккада, рельефно украшенный батальными сценами; из Телло. Другую сторону фрагмента см. выше.

В сценах, выгравированных на стеле Шарру-Ги[85], врагами царя являются семиты, так что даже в его время мы имеем картину различных семитских кланов или племен, соперничающих между собой за обладание захваченными ими странами. О том, что расовое движение не ограничивалось Аккадом и Шумером, свидетельствуют семитские надписи правителей других областей. Ласираб, царь Гутиу, оставил нам церемониальную буланую головку, которая была найдена в Абу Хаббе.[86] Была ли она доставлена в Сиппар в качестве военного трофея или помещена туда самим Ласирабом, мы не можем сказать; но ее текст доказывает, что Гутиу управлялась семитскими монархами. Соседний район Лулубу управлялся аналогичным образом, и Ану-банини, один из его царей, оставил нам скульптурные изображения себя и своей богини Нинни, или Иштар, на лице скалы возле Сер-и-Пул-и-Зохаб.[87] Здесь река Хулван течет через естественную расселину в невысокой гряде известняковых холмов, круто поднимающихся с равнины. Дорога проходит через разлом в холмах рядом с рекой, далее к подножию перевала Загрос и через горы в Элам. Дорога, река и скала образуют удивительное сочетание, и не только Ану-банини, но и другие монархи, проходившие этим путем, оставили свои записи на скале. Одна из них, на дальнем берегу ручья, была установлена другим ранним семитским царем, на скульптуру которого повлиял Ану-банини.[88]

Среди различных семитских царств и небольших княжеств, которые были основаны и просуществовали некоторое время в этой части Западной Азии, Аккад занял главное место. В горных районах к востоку и северу от Элама переселенцы, несомненно, доминировали над страной, но они нашли там население, находящееся в состоянии культуры, немногим более развитой, чем их собственная, и, если бы не было другого влияния, они должны были бы оставаться в состоянии полуварварства. Но в Вавилонии дело обстояло иначе. Здесь энергичная природа кочевника нашла богатую почву для своего роста и развития. Древняя культура шумеров была воспринята их завоевателями, под руками которых она претерпела постепенное изменение. Скульптор постепенно освобождался от жестких условностей своих шумерских учителей и, заимствуя их техническое мастерство, преобразовывал работу их рук. Такая цилиндрическая печать, как печать Ибни-шарру, писца Шар-Ганни-шарри, с изображением коленопреклоненных героев, поливающих волосы,[89] является чудесным произведением искусства гравера; а тонкая лепка фигур на стеле Нарам-Сина, их естественные позы и декоративное решение композиции в целом не встречаются ни на одном более раннем памятнике. Более поздние скульптуры Лагаша во многом обязаны влиянию аккадских работ.

В политической сфере династия Аккада достигла аналогичного положения. Ее цари не только обеспечили себе гегемонию в Аккаде и Шумере, но и распространили свое влияние за пределы Вавилонии, создав империю в строгом смысле этого слова. Владычество над четырьмя четвертями мира, возможно, заставило Нарам-Сина добавить к своим титулам еще один, а рост их могущества, вероятно, усилил тенденцию этих ранних монархов принимать на себя атрибуты и привилегии богов. Из царей Киша у нас есть свидетельства того, что некоторые из них были обожествлены, а в двух дошедших до нас надписях перед именем Шар-Гани-Шарри стоит божественный определитель. Почти в каждом тексте о Нарам-Сине детерминатив божества предшествует его имени, а в некоторых современных надписях на печатях он даже назван "богом Аккада". При поздних царях Ура культ царствующего монарха усердно практиковался, и поклонение ему продолжалось после смерти. Нет никаких свидетельств того, что этот обычай существовал среди более ранних шумерских царей и патесисов, и мы можем с некоторой уверенностью отнести его происхождение к этому периоду семитского господства. То, что цари Аккада претендовали на божественные почести при жизни, вероятно, связано с ростом их владычества, основанного на завоеваниях,

простиравшихся от Персидского залива до Средиземноморья и от Аравии до гор Курдистана.

[1] Пишется как *Sharru-GI-NA*, так и *Sharru-DU*.

[2] Ср. "Клинописные надписи из Западной Азии", т. II (1866), пл. 39, № 5, л. 41, где имя Саргона встречается в сочетании с его титулом "царь Агады", или пл. 48, л. 40, где ему приписываются такие описания, как "царь справедливости" (*shar kitti*), "провозгласитель справедливости" (*dabib kitti*), "провозгласитель благосклонности" (*dabib damkâti*); отрывок в pl. 50, l. 64, где упоминается старый вавилонский город Дур-Шаррукин, "крепость Саргона", также был отнесен к нему.

[3] Роулинсон сообщил о своем открытии "Легенды о Саргоне" в "Аменеуме", № 2080, 7 сентября 1867 г., с. 305, где он сделал острое предположение, что Саргон Ассирийский, отец Сеннахериба, мог быть назван "поздним Саргоном" (*Sharru-ukîn arkû*), "чтобы отличить его от романтического героя, приключения которого были более известны среди ассирийского народа".

[4] "Cun. Inscr. West. Asia", Vol. III. (1870), pl. 4, No. VII.

[5] "Trans. Soc. Bibl. Arch.", Vol. I. (1872), p. 46 f.

[6] См. "Cun. Inscr. West. Asia", Vol. I. (1861), pl. 69, Col. II., ll. 29-32; Опперт восстановил имя отца Нарам-Сина как Сагарактияс (см. "Expédition scientifique en Mésopotamie", Vol. I. (1863), p. 273, и "Histoire des Empires de Chaldée et d'Assyrie" (1865), pp. 22 ff.).

[7] См. "Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres", Ser. IV., Tome V. (Oct., 1877), pp. 330 ff. Оттиск печати был отправлен из Багдада в Константинополь, откуда М. Менана получил его от М. Барре де Ланси в 1865 году. Позднее она была приобретена М. де Клерком (см. "Collection de Clercq", Tome I., 1888, № 46, pl. V., p. 49 f.).

[8] "Recherches sur la glyptique orientale", I. (1883), p. 73 f.

[9] См. Pinches, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", том V. (7 ноября 1882 г.), pp. 8 f., 12. Обсуждение даты см. выше, гл. III, с. 60 f.

[10] См. Pinches, *op. cit.*, Vol. VI. (Nov. 6, 1883), pp. 11 ff. Против этой идентификации выступил Меньян, указавший, что два последних слога имени не могут рассматриваться как титул (*op. cit.*, Feb. 5, 1884, pp. 88 ff., и "Collection de Clercq", p. 49 f.). Меньян придерживался своего прежнего мнения, что Шаргани-шар-лух (как он теперь читает это имя) был более ранним царем Агаде.

[11] См. Oppert, "Expedition scientifique", II. (1859), p. 62, и "Cun. Inscr. West. Asia", Vol. I., pl. 3, No. VII.

[12] См. Джордж Смит, "Trans. Soc. Bibl. Arch.", Vol. I., p. 52.

[13] Ср. Winckler, "Geschichte Babylonien und Assyrien" (1892), pp. 30, 39, и "Altorientalische Forschungen", I., p. 238 (1895); и Niebuhr, "Chronologie" (1896), p. 75.

[14] Хильпрехт, "Old Bab. Inscr.", I. (1893), pll. 1-3, p. 15.

[15] *Op. cit.*, II. (1896), p. 19 f.

[16] Cp. Thureau-Dangin, "Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres", Ser. IV., Tome XXIV., 1896, pp. 355 ff.; и Heuzey, "Revue d'Assyr.", IV. (1897), p. 2.

[17] См. Кинг, "Хроники о ранних вавилонских царях" (1907), том I, стр. 27 и далее.

[18] *Шаргани*, первая часть имени Шар-Гани-Шарри, была приравнена к *Шарру-Ги-На* (=укин), а вторая часть имени, читаемая как *шар-али*, "царь города", считалась опущенной в результате процесса сокращения.

[19] См. Gautier, "Recueil de travaux", Vol. XXVII, pp. 176 ff., и Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", IV., pp. 4 ff.

[20] См. выше, гл. V, с. 125, 130 и далее.

[21] См. выше, p. 217, n. 1.

[22] См. Scheil, "Textes Élam.-Sémit", IV., pp. 4 и далее.

[23] См. Thureau-Dangin, "Orient. Lit.-Zeit.", 1908, col. 313 и далее; ср. также King, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", Vol. XXX. (1908), pp. 239 ff.

[24] См. выше, с. 203.

[25] См. выше, p. 203 f.

[26] См. King, *op. cit.*, p. 240 f. М. Тьюро-Дангин впоследствии изучил текст в Константинополе и подтвердил восстановление.

[27] Cp. Scheil, "Une saison de fouilles à Sippar", p. 96.

[28] См. выше, стр. 206, 212.

[29] Кинг, "Хроники", том II, стр. 27 и далее, разделы II, IV, V и VII.

[30] Thureau-Dangin, "Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions", 1896, p. 358, No. 2 и n. 1, "Recueil de tablettes chaldéennes", p. 57, No. 124 (cf. p. 46, No. 85); см. также "Königsinschriften", p. 225.

[31] "Хроники", т. II, с. 25 f., раздел I.

[32] "Comptes rendus", 1896, p. 357, No. 1; "Recueil de tablettes", p. 60, No. 130.

[33] Военная экспедиция в Дэр (Дюр-илу), о которой говорится в "Сказании о Саргоне" (см. "Хроники", т. II, с. 92), возможно, связана с этим походом Шар-Гани-шарри.

[34] См. выше, с. 205, и ниже, с. 231, 243 и далее.

[35] "Comptes rendus", 1896, p. 359, No. 6; "Recueil de tablettes", p. 56, No. 118.

[36] "Хроники", II., с. 8, л. 18.

[37] *Op. cit.*, II., p. 27. В этом отрывке нет ссылки на Киш, как предполагает Хильпрехт, "Old Bab. Inscr.", II., p. 26.

[38] "Хроники", II., pp. 3, 30 f., 90 f.

[39] См. ниже, с. 241.

[40] Хотя у нас нет прямых доказательств в его пользу, Шарру-Ги вполне мог быть основателем своей династии; отсутствие имени его отца в генеалогии в константинопольском тексте и на крестообразном памятнике согласуется с этим предположением. Шар-Гани-шарри не приписывает титул своему отцу Дати-Энлилю (см. далее, с. 232).

[41] Ср. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", I., pp. 16, 26.

[42] Предположение Дхорма о том, что GI было идеографическим письмом для *Гани* в ранний период (см. "Orient. Lit.-Zeit.", 1909, col. 53 f.), едва ли вероятно, хотя тот факт, что самым распространенным идеографическим значением для GI было *kanû* или *ganû* ("тростник"), возможно, в какой-то мере способствовал поздней путанице. Следует также отметить, что Клэй недавно указал на появление имени *Ша-ру-ки-ин* на фрагменте раннего текста (см. "Амурру", с. 194), которое, по-видимому, относится к правителю "четырёх кварталов". Поскольку конечное *n* вряд ли можно рассматривать как нуннацию (как в слове *ir-bi-ti-in* в пятой строке текста), мы, вероятно, можем рассматривать этот отрывок как доказательство раннего существования имени *Sharrukîn*, Sargon, которое было бы естественной передачей имени Sharru-GI (см. выше, с. 221). Но титул царя в новом тексте и его описание как "возлюбленного Иштар" скорее подходят царю Аккада, чем царю Киша, что дает дополнительное оправдание путанице, допущенной поздними переписчиками.

[43] Поэтому все еще допустимо использовать имя "Саргон" как синоним Шар-Гани-шарри, предшественника Нарам-Сина на аккадском троне. Точно так же не нужно отказываться от терминов "досаргонский" и "послесаргонский". В тексте, однако, для большей ясности используются формы Шарру-Ги и Шар-Гани-Шарри.

[44] См. выше, с. 210 f.

[45] См. фронтиспис; и ср. p. 242 f.

[46] См. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", Vol. IV., p. 111.

[47] См. выше, p. 211 f.

[48] Следует отметить, что на табличке из Телло времен Аккадской династии упоминается патеси из Суз, который, должно быть, был зависимым от царствующего царя. Его имя, вероятно, следует читать как Илишма, но поскольку конец строки оборван, возможно, что речь идет об Илише, чиновнике на службе у патеси Сузы (ср. "Rec. de tabl.", p. 57, № 122, Rev., 1. 2 f.). Возможно, что к этому периоду также следует отнести патеси, чье имя, встречающееся на фрагменте архаической надписи из Суз, было условно прочитано как Ур-илим (см. Scheil, "Textes Elam.-Sémit.", III., p. 1); см. далее, p. 243 f.

[49] Ср. "Old Bab. Inscr.", Pt. II., pl. 2, No. 2; и см. далее, p. 248 f.

[50] См. Thureau-Dangin, "Comptes rendus", 1890, p. 359, No. 6; "Recueil de tablettes", p. 56, No. 118; и "Königsinschriften", p. 225.

[51] См. Кинг, "Хроники", т. I, с. 38 и далее.

[52] См. выше, p. 197 f.

[53] Обсуждение археологических доказательств, приводимых в пользу этой теории, см. далее, гл. XII, с. 343 и далее.

[54] Фраза "море на востоке", противопоставленное стране на западе, может означать только Восточное море, *то есть* Персидский залив. Было бы более чем причудливым толкованием считать, что она подразумевает морскую экспедицию в восточной части Западного моря, как предлагает Винклер (см. "Orient. Lit.-Zeit.", Nov. 1907, col. 580). Невавилонская хроника, хотя табличка, на которой она написана, более поздняя по времени, чем табличка Омен из библиотеки Ашшур-бани-пала, явно представляет собой более оригинальную версию. Не было бы никакого смысла вносить изменения в текст Хроники, в то время как его искажение в соответствии с Ливер-оменами, естественно, внесло бы несоответствия, которые было бы заманчиво для переписчика исправить.

[55] В торговых табличках периода Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина часто упоминаются перевозки по воде. Так, часто отмечается прибытие лодок с зерном в Лагаш, или договоренности об отправке скота и ослов на лодках в другие места.

[56] См. выше, с. 219.

[57] См. выше, с. 218.

[58] См. выше, с. 226.

[59] См. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", Vol. IV, pp. 2 ff.

[60] См. Thureau-Dangin, "Rec. de tabl.", pp. 44 ff., Nos. 77 ff.; "Rev. d'Assyr.", IV., pp. 71 ff.

[61] См. выше, стр. 206 и далее.

[62] См. "Хроники", I., p. 40 f.; II., pp. 5, 32.

[63] См. выше, с. 205.

[64] См. Thureau-Dangin, "Recueil de tablettes", №№ 99, 136, 176. Можно также отметить возможность того, что эта экспедиция представляет собой одну из успешных попыток Нарам-Сина в начале его правления восстановить империю своего предшественника, которая сократилась в последние годы его правления.

[65] Помимо печати Лугаль-ушумгала с обращением к Шар-Гани-шарри, была найдена еще одна с аналогичным обращением к Нарам-Сину, которую он, очевидно, использовал после восшествия последнего на престол; см. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", Vol. IV, p. 11.

[66] На памятнике отсутствует окончание имени. Шейль предложил восстановить Mani[um] (см. "Textes Élam.-Sémit.", III., p. 5), чтение, которое не противоречит следам на табличке Omen-tablet (см. King, "Chronicles", II., p. 39, n. 1). Но М. Тьюро-Дангин сообщает мне, что следы на статуэтке - это следы не знака UM, а, возможно, DAN, так что форма Mannu-dannu может быть довольно точной транскрипцией первоначального имени.

[67] См. "Comptes rendus", 1899, p. 348.

[68] См. "Textes Élam.-Sémit.", I., pp. 53 ff.

[69] См. фронтиспис к этому тому.

[70] См. выше, p. 231, n. 2.

[71] См. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", IV., p. 1. Он также построил в Лагаше храм Сину, богу Луны; см. King, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", Nov. 1909.

[72] См. даты-формулы на табличках № 86, 106 и 144 в "Rec. de tabl.", pp. 46, 53, 65; "Königsinschriften", p 226.

[73] См. с. 245, рис. 59.

[74] См. Scheil, "Rec. de trav.", Vol. XV, p. 62.

[75] См. Hilprecht, "Old Bab. Inscr.", II., p. 63, No. 120; и Мейер, "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., p. 473.

[76] Я посетил это место летом 1904 года, когда ехал из Персии в Самсун, и мне указали точное место, где была найдена стела. Здание Нарам-Сина, или платформа, находилось на более низкой площадке под городищем, на которой, вероятно, стояла цитадель. Стела была найдена на глубине около пяти футов, и очевидно, что остатки города времен Нарам-Сина не покрыты значительными скоплениями мусора, и что раскопки были бы сравнительно простым делом.

[77] Когда его обнаружили жители деревни, он не представлял особой ценности, и, поскольку был слишком велик для использования, его оставили лежать в течение трех лет на том месте, где он был найден. Затем его привез в Диарбекр владелец деревни Чиали Эффенди, который вмонтировал его в окантовку фонтана во дворе своего дома на левом берегу Тигра за городом. После своей смерти, около четырнадцати лет назад, Натик Эффенди отправил его в музей в Константинополе.

[78] См. Ménant, "Recherches sur la glyptique orientale", p. 76, pl. 1, No. 1. Печать принадлежит писцу Изинуму, который, очевидно, находился на службе у Бин-Гани-шарри.

[79] На печати писца Аби-ишара написаны имена Нарам-Сина и Бин-Гани-Шарри; см. Thureau-Dangin, "Rec. de tabl.", p. 70, No. 169. Эринда упоминается на одной из торговых табличек того периода как рабыня некоего Би-Гани-шарри (*op. cit.*, p. 48, No. 94, "Rev. d'Assyr.", IV., p. 76), которого, возможно, отождествляют с сыном Нарам-Сина.

[80] "Comptes rendus", 1899, p. 348.

[81] См. противоположную табличку.

[82] См. Heuzey, "Comptes rendus", 1895, pp. 22 и далее; "Rev. d'Assyr.", Vol. III., pp. 113 и далее; и Thureau-Dangin, "Revue Sémitique", 1897, pp. 166 и далее. Скульптуры см. с. 248 f., рис. 60 и 61.

[83] Некоторые эпиграфические особенности надписи, не характерные для саргонского периода, можно объяснить влиянием Лагаша: возможно, надпись была выгравирована писцом из этого города, который воспроизвел местные формы знаков, с которыми был знаком (ср. "Rev. Sémit.", 1897, p. 169).

[84] Поскольку стела была установлена в Лагаше, раздел, посвященный распределению земель этого города, естественно, был добавлен к исторической записи.

[85] См. выше, с. 220.

[86] См. табличку на стр. 206.

[87] См. De Morgan, "Mission scientifique en Perse", Vol. IV., p. 161, pl. ix.

[88] Проезжая этим путем в Персию из Турции весной 1904 года, я внимательно изучил все скульптурные панели по обеим сторонам Хулвана. Вторая по величине панель изображает этого раннего семитского царя; на выступе под скульптурой сохранились следы надписи, достаточной для того, чтобы доказать, что она написана на семитско-вавилонском языке. Скульптурная панель в Шейх-Хане с фрагментарной семитской надписью (De Morgan, op. cit. pl. x.) - гораздо более грубая работа, и, вероятно, значительно более позднего времени.

[89] См. панно на обложке этого тома; и ср. с. 217 f.

ГЛАВА IX

ПОЗДНИЕ ПРАВИТЕЛИ ЛАГАША

Мы видели, что династия Аккада знаменует собой кульминационный пункт, достигнутый расами Шумера и Аккада в более ранние периоды их истории. Правда, цари этого периода были многим обязаны своим непосредственным предшественникам, но они дополнили и улучшили свое наследство. В течение долгих веков медленного развития деревенская община постепенно трансформировалась в город-государство, и этот институт то расцветал, то приходил в упадок перед централизующим влиянием царств Шумера и Киша. Именно на руинах последней монархии Шар-Гани-Шарри основал свою империю, которая отличалась от Кишской скорее своими масштабами, чем принципами формирования. Такая же тесная связь прослеживается и между культурными остатками последовательных периодов, с которыми мы до сих пор имели дело. Грубые, хотя и энергичные художественные усилия ранних шумеров послужили образцами, на которых совершенствовались переселенцы-семиты из Северной Вавилонии. В скульптуре Киша и на цилиндрических печатях того периода мы видим переход между двумя стилями, когда стремление к натуралистическому изображению иногда приводило к неуклюжим и гротескным результатам. Полное достижение этой цели под покровительством аккадских царей придает их эпохе интерес и важность, которых она, возможно, не получила бы от одной только их империи.

В то время как ранние эпохи вавилонской истории представляют собой поразительную картину постепенного роста и развития, периоды, следующие за династией Аккада, отмечены определенным ретроградным движением или возвращением к прежним идеалам. Стимул, породивший империю и искусство Аккада, можно проследить в притоке свежих расовых элементов в Северную Вавилонию и их слиянии с более древними и высококультурными элементами на юге. Когда этот импульс был исчерпан и династии, которые он породил, ушли в прошлое, дальнейшего развития в этом направлении практически не происходило. Как в искусстве, так и в политике шумерская реакция последовала за периодом семитского могущества, а установление династии Ура означало нечто большее, чем перемещение политического влияния на юг. Создается впечатление, что была предпринята систематическая попытка вернуться к прежним стандартам. Но влияние Аккада и его монархов, хотя и сознательно игнорировалось и с ним боролись, было далеко не безрезультатным. Как скульптуры Гудеа во многом обязаны периоду Нарам-Сина, так и империя Дунги неизбежно подверглась влиянию завоеваний Шар-Гани-Шарри. Ни политическое, ни культурное развитие страны не было внезапно остановлено. Восстановление власти шумеров лишь изменило направление дальнейшего развития. Хотя, если смотреть с общей точки зрения, между эпохой Аккада и эпохой Ура нет разрыва

преемственности, существует некоторый недостаток информации о событиях в промежуточный период. Есть все основания полагать, что между правлением Нарам-Сина и правлением Ур-Энгура, основателя династии Ура, мы должны считать в поколениях, а не в веках, но общая продолжительность этого периода до сих пор неизвестна. Завершение правления Аккадской династии, как мы уже видели, окутано тайной, но пробел в наших знаниях, к счастью, в какой-то степени может быть ликвидирован. В этот момент нам на помощь снова приходит город Лагаш, который, предоставив имена нескольких своих патесисов, позволяет нам выстроить последовательность правителей и тем самым оценить продолжительность периода.

Следует помнить, что при Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сине некий Лугал-Ушумгал был патеси Лагаша, и что были найдены оттиски его печатей, которые он использовал во время правления этих двух монархов.^[1] Известны имена еще трех патеси Лагаша, которых также следует отнести к периоду правления династии Аккад, поскольку они упоминаются на табличках этой даты. Это Ур-Баббар, Ур-Э и Лугал-бур; первый из них, по-видимому, был современником Нарам-Сина,^[2] и в таком случае он должен был следовать за Лугалом-ушумгалом. Что касается Ур-Э и Лугал-бура, то у нас нет никакой информации, кроме того факта, что они жили в период правления царей Аккада. Еще одна группа табличек, найденная в Телло, отличающаяся по типу от табличек династии Аккада, с одной стороны, и от табличек династии Ура - с другой, дает нам имена других патесисов, относящихся к периоду до возвышения Ур-Энгура. Три из них, Баша-мама,^[3] Ур-мама и Уг-ме, вероятно, были предшественниками Ур-Бау, который оставил нам множество доказательств своей строительной деятельности в Лагаше. Мы располагаем табличкой, датированной годом воцарения Ур-мамы, и еще одной, датированной периодом патесиата Уг-ме, в год установки верховного жреца в Нина.^[4] Также была найдена печать правления этого последнего патеси, что подтверждает отнесение этой группы табличек к периоду между саргонской эпохой и эпохой Ура. Тема гравюры на печати - поклонение божеству, сцена, очень часто встречающаяся в более поздний период; но по стилю и обработке работа ярко напоминает эпоху Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина. На основании этих данных утверждается, что период Уг-ме был недалек от периода Лугал-ушумгала, Ур-Э и Лугал-бура.^[5]

Один из документов этого периода датируется периодом патесиата самого Ур-Бау, в год, когда он предпринял некоторые обширные ирригационные работы, в то время как другие датируются годом воцарения Ур-Гара и годом, который последовал за воцарением Наммахни.^[6] Из других свидетельств мы знаем, что Наммахни был зятем Ур-Бау, поскольку он взял в жены Нинганду, дочь Ур-Бау, и обеспечил через нее свой титул на престол.^[7] Ур-Гар тоже должна принадлежать к поколению, следующему за Ур-Бау, поскольку в Телло была найдена женская статуя, которую дочь Ур-Бау посвятила какому-то божеству во имя своей собственной жизни и жизни Ур-Гар, патеси.^[8] Таблички также датируются годами правления Ка-азага, Галу-Бау и Галу-Гула,^[9] а их содержание указывает на то, что они датируются примерно одним и тем же временем.^[10] Ур-Нинсун, чье имя и титул встречаются на фрагменте чаши, очень похожей на ту, что использовала жена Наммахни,^[11] не упоминается на табличках, но несколько из них датированы правлением Гудеа и его сына Ур-Нингирсу.^[12] Итак, в царствование Дунги, сына Ур-Энгура, жил верховный жрец богини Нина по имени Ур-Нингирсу; и если мы можем отождествить этого жреца с патеси этого имени, что весьма вероятно,^[13] мы получим определенную точку соприкосновения между поздней историей Лагаша и историей Ура. Но даже если считать синхронность между Ур-Нингирсу и Дунги недоказанной, нет сомнений в том, что правление Гудеа не отделяло большой промежуток времени от правления династии Ура. Характер искусства и стиль письма, которые мы находим в Лагаше в это время, настолько похожи на те, что были в Уре,

что один период должен был следовать за другим без перерыва. Ярким примером сходства, существовавшего в художественных произведениях двух городов в это время, служат вотивные медные конусы, или гвозди, Гудеа и Дунги, над которыми возвышаются фигуры быков-кушан. Один взгляд на них показывает незначительные изменения в форме и трактовке сюжета, которые были внесены мастерами по металлу в эпоху правления Дунги.

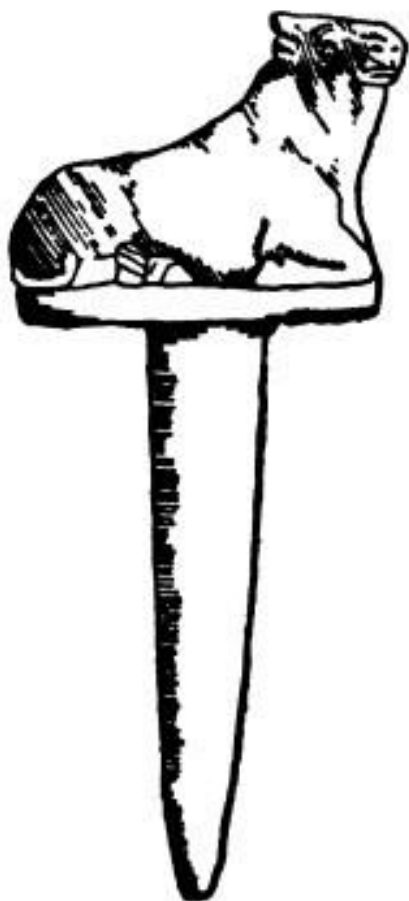

FIG. 62.

FIG. 63.

Рис. 62.- Рис. 63. Медные фигурки быков на конусах, которые использовались в качестве вотивных подношений во времена правления Гудеа и Дунги.-Déc., pl. 28, Fig. 5 и 6; Cat. №№ 159 и 162.

Из краткого обзора, приведенного в предыдущих параграфах, следует, что мы восстановили имена примерно двенадцати патесисов Лагаша, которые могут быть отнесены к периоду между династиями Аккада и Ура. Из этих двенадцати имен не менее одиннадцати встречаются на группе табличек, которые были найдены вместе в Телло, и по своей форме и содержанию относятся к одному периоду. Сами таблички сделаны из необожженной глины, и они образуют переход между типами Аккада и Ура. В последнем из упомянутых царствований, вероятно, можно проследить синхронность с династией Ура, и, хотя фактическая точка соприкосновения с династией Аккада еще не установлена, такие свидетельства, как печать Уг-ме, указывают на то, что не могло произойти значительного

разрыва во времени. То, что эти двенадцать патей были единственными, кто правил в Лагаше в течение этого промежутка времени, маловероятно, и в любой момент могут быть восстановлены имена других правителей. Но несомненно, что правления многих из этих патесисов были крайне краткими, и что мы не имеем дело с единой династией, прочно утвердившейся на протяжении всего периода, отдельные члены которой после своего воцарения занимали трон в течение всего срока своей естественной жизни. У нас есть определенные доказательства того, что некоторые из патей, такие как Ка-азаг, Галу-Бау и Галу-Гула, правили всего несколько лет, и, похоже, что в определенные моменты этого периода смена правителей происходила в Лагаше с большой частотой.

Использование титула "патеси" и полное отсутствие титула "царь" в это время позволяет предположить, что Лагаш не сумел установить свою независимость и все еще был обязан верностью какой-то чужой династии. Именно в соответствии с этим мнением даты, начертанные на торговых табличках, не относятся к событиям военного характера. Можно сделать вывод, что, во всяком случае, до правления Гудеа Лагаш и его правители не заботились о том, чтобы навязать свою власть другим городам или защитить собственные границы от нападения. Существование более могущественного города, претендовавшего на гегемонию в Вавилонии, объясняет отсутствие военной предприимчивости, отраженной в формулах дат и в записях о фундаментах того времени. Ведь такой город, гарантируя целостность каждого из своих притоков, не потерпел бы начала амбициозной политики со стороны любого из них. С другой стороны, не менее важен и сугубо местный характер событий, отмеченных в датах-формулах. Все они без исключения взяты из местной истории Лагаша и не свидетельствуют о власти иностранного сюзерена. Поэтому вполне вероятно, что в течение большей части этого периода Лагаш пользовался значительной автономией и что те узы, которые могли объединять его с центральным управлением, были гораздо менее тесными, чем во времена Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина. Как и Лагаш, ее старый соперник Умма, похоже, сохранился в качестве патесиата при более поздних семитских правителях на севере, и, вероятно, именно к этому времени мы можем отнести Галу-Баббара, патеси этого города, три вотивные шишки которого хранятся в Британском музее.^[14] В течение ранней части этого периода Лагаш представляет собой картину компактного и мирного государства, довольствующегося развитием собственных ресурсов. Значительный рост могущества замечен в правление Гудеа, самого известного правителя этого периода, который, хотя и сохранил титул патеси, должен рассматриваться как практически независимый государь, поскольку был достаточно силен, чтобы предпринять успешную кампанию в Элам, и импортировал свои строительные материалы из Аравии и с сирийского побережья.

За исключением Гудеа, единственным правителем этого периода, оставившим нам сколько-нибудь значительные записи или останки, является Ур-Бау, предшественник Наммахни и Ур-Гара на троне Лагаша. Мы располагаем небольшой диоритовой статуэткой этого правителя, которая, как и большинство найденных в Телло, лишена головы.^[15] Это стоящая фигура, и ее приземистые и обычные пропорции показывают, что она относится к более раннему периоду, чем более крупные и изящные статуи Гудеа, выполненные из того же твердого материала. Гудеа определенно утверждает, что диорит для своей серии больших статуй он привез из Магана, но Ур-Бау этим не хвастается; и, хотя ясно, что его камень должен был быть из тех же каменоломен, мы, вероятно, можем заключить, что небольшой блок, который он использовал для своей фигуры, не был добыт в результате специальной экспедиции. Фактически, те записи, которые он оставил нам, изображают его как человека, посвятившего все свои силы строительству храмов в различных кварталах своего города.^[16]

Глиняные конусы с votивными надписями патесисов Галу-Баббар, Гудеа и Ур-Бау. *Mus.*, №№ 15782, 91046 и 91063.

Глиняные конусы с votивными надписями СИН-ИДИННАМА, царя ЛАРСЫ, и СИН-ГАШИДА, царя ЕРЕХА.-*Brit. Mus.*, №№ 91152 и 91150.

Его главной заботой, по-видимому, было восстановление на новом и расширенном месте Э-нинну, великого храма Нингирсу в Лагаше, в котором он поместил свою статую, которая была восстановлена. Мало что осталось от этого храма в курганах Телло, кроме стены, нижняя

часть которой была найдена под юго-восточным углом более позднего дворца, возведенного во втором веке до нашей эры.^[17] Помимо восстановления храма города-бога, Ур-Бау сообщает, что он возвел три храма в Гирсу в честь богинь Нинхарсаг и Гештин-анны, а также Энки, "царя Эриду". В Уру-азагга он построил храм для богини Бау, а в Уру, другом квартале города, - святилище в честь Нинни, или Нин-азаг-нун, богини Иштар. Другими божествами, почитаемыми Ур-Бау подобным образом, были Ниндар, Нинмар и Нинагал, последняя из которых находилась в мистическом родстве с матерью патеси. Рядом с Э-нинну он также построил "Дом асов" в честь Эсигнуна, божества, чьей обязанностью было ухаживать за священными ослами Нингирсу.

Ур-Бау, вероятно, можно считать представителем ранних патесисов этой эпохи, которые, действуя свободно и независимо в пределах своего государства, воздерживались от политики завоеваний или экспансии. С приходом к власти Гудеа в обстоятельствах Лагаша намечались явные перемены. Как и его предшественники, он посвятил себя строительству храмов, но его работы были более масштабными и пышными. Из всех царей и патетиков Лагаша именно при нем город достиг наибольшего материального процветания, которое нашло свое выражение в пышном архитектурном творчестве. Хотя от его великого храма Э-нинну в Телло сохранилось немного, его памятники многочисленнее всех других, найденных на этом месте.^[18] Более того, тексты, выгравированные на его статуях и начертанные на больших глиняных цилиндрах, которые он зарыл в качестве фундамента в строении Э-нинну, выполнены в ярком стиле и составляют поразительный контраст с сухими вотивными формулами, использовавшимися большинством его предшественников. Особенно надписи на цилиндрах выполнены в форме живописного повествования, украшенного яркими сходствами и обилием подробных описаний, подобных которым нет ни в одном тексте другого периода. Фактически, записи Гудеа, похоже, были вдохновлены новизной и размахом его архитектурных сооружений и разнообразием сакральных орнаментов, которыми они были украшены.

У нас нет никакой информации о событиях, которые привели к его воцарению, кроме отрицательных доказательств, которые дает полное отсутствие какой-либо генеалогии в его надписях. Как и Ур-Бау, Гудеа не называет своего отца, и вполне возможно, что он был человеком неясного или сомнительного происхождения. Энергия, которую он проявил в качестве патеси, достаточна для объяснения его восхождения к власти, а успех, сопутствовавший периоду его правления, можно считать вполне оправданным разрывом в преемственности. Другая проблема, которую предлагает изучение его текстов, касается источника богатства, которое позволило ему взяться за перестройку и обновление храмов Лагаша в столь тщательных масштабах. Причину такой активности мы, естественно, должны искать в добыче, полученной во время ряда успешных кампаний, но на протяжении всех его надписей мы имеем только одно упоминание о военном акте. На статуе, изображающей его самого в образе архитектора, держащего на коленях план Э-нинну, он довольно подробно рассказывает о дальних краях, откуда он достал материалы для строительства храма Нингирсу. В конце этого перечисления мест и их товаров, как бы в продолжение своего повествования, он добавляет запись о том, что поразили своим оружием город Аншань в Эламе и принес его добычу в дар Нингирсу. Это единственное упоминание о победе, которое встречается в надписях Гудеа, и, хотя само по себе оно доказывает, что он был достаточно независим, чтобы вести войну в Эламе за свой счет, оно не проливает свет на другие причины его успеха.

Отсутствие военных записей в текстах Гудеа становится еще более поразительным, когда мы читаем названия стран, которые он обложил контрибуцией за материалы, использованные

при строительстве Э-нинну. Самый полный географический список приведен на статуе архитектора с планом,^[19] и, хотя, к сожалению, некоторые из упомянутых мест еще предстоит идентифицировать, сам текст содержит достаточно информации, чтобы продемонстрировать широкую область его деятельности. Гудеа рассказывает, что с горы Аманус, горы кедров, он привозил бревна из кедрового дерева длиной в пятьдесят и даже шестьдесят локтей, а также спускал с горы бревна из дерева уркаинну длиной в пять-двадцать локтей. Из города Урсу на горе Ибла он привез дерево забалу, большие балки из дерева ашуху и платаны. Из Уману, горы Менуа, и из Басаллы, горы Амурру, он добыл большие каменные глыбы и сделал из них стелы, которые установил во дворе Э-нинну. С Тидану, другой горы Амурру, он привез куски мрамора, а с Кагалада, горы Кимаш, добыл медь, которую, как он рассказывает, использовал для изготовления большой булавы. С гор Мелукха он привез ушу-дерево, которое использовал при строительстве храма, а с горы Кхаху добыл золотую пыль и позолотил ею булаву, вырезанную из голов трех львов. В Губине, горе дерева хулуппу, он срубил деревья хулуппу; из Мадги он добыл асфальт, который использовал при изготовлении платформы Э-нинну; а с горы Баршиб он спустил глыбы камня налуа, которые погрузил в большие лодки и перевез в Лагаш, чтобы укрепить основание храма.

Из приведенного выше перечня мест становится ясно, что дерево и камень Гудеа получал из гор на побережье Сирии и в Аравии, а медь - из рудников в Эламе. На первом из своих цилиндров он также сообщает, что эламитянин прибыл из Элама, а человек из Суз из Суз, предположительно для участия в качестве квалифицированных мастеров в строительстве храма. В этом рассказе он не упоминает названия стольких мест, как в надписи на статуе, но добавляет несколько живописных деталей, касающихся трудностей транспортировки, с которыми он столкнулся. Так, он сообщает, что в кедровой горе, куда до него не проникал ни один человек, он проложил дорогу для спуска кедров и балок из других ценных пород дерева. Он также проложил дороги в горы, где добывал камень, и, помимо золота и меди, по его словам, добывал в горах и серебро. Камень он перевозил по воде и добавляет, что корабли, привозившие битум и гипс из Мадги, были загружены так, словно это были баржи с зерном.

Третий отрывок в текстах Гудеа, касающийся транспортировки материалов на расстояние, относится к колоссальной статуе, которую он воздвиг в Э-нинну.^[20] Здесь он сообщает, что Маган, Мелухха, Губи и Дилмун собирали древесину, а в порт Лагаша приходили корабли, груженные древесиной всех видов. Более того, на восьми из одиннадцати своих статуй он пишет, что диорит, из которого он их изготовил, был привезен из Магана. В поисках строительных материалов он утверждает, что путешествовал из нижней страны в верхнюю; и, подводя итог территории, по которой он и его агенты передвигались, он использует древнюю формулу и заявляет, что Нингирсу, его любимый царь, открыл для него пути от Верхнего до Нижнего моря, то есть от Средиземного моря до Персидского залива.

Перечисление этих далеких стран и хвастливое упоминание Гудеа о Верхнем и Нижнем море, возможно, на первый взгляд можно расценить как претензию на империю, столь же обширную, как Шар-Гани-Шарри и Нарам-Син. Но примечательно, что, за исключением Лагаша и входящих в него поселений, в текстах Гудеа нет ни одного упоминания о городах или районах, расположенных в пределах Шумера и Аккада. Даже названия соседних великих городов, таких как Ур, Эрех и Ларса, не упоминаются ни разу, из чего можно сделать вывод, что они пользовались равной с Лагашем независимостью. Но если власть Гудеа не распространялась на соседние города и районы внутри его собственной страны, мы вряд ли можем заключить, что он осуществлял эффективный контроль над более отдаленными

регионами. Фактически, мы должны рассматривать его упоминания о чужих землях как свидетельство торговой, а не политической экспансии.

Кирпичный столб в Тельо времен Гудеа, патеси Ширпурлы - *Déc. en Chald.*, pl. 53.

Правление Гудеа можно рассматривать как знаменующее возрождение шумерского процветания, вызванное упадком семитского влияния и власти на севере. Тот факт, что он мог импортировать древесину и камень из Сирии и беспрепятственно перевозить их вниз по Евфрату, говорит о значительном ослаблении северных городов. Претендовал ли Аккад или какой-то другой город на номинальный сюзеренитет над южными районами, сказать невозможно, но, по крайней мере, ясно, что в правление Гудеа такие притязания не признавались и не осуществлялись. Можно предположить, что Лагаш и другие крупные города юга, освободившись от бремени семитского господства, наслаждались периодом мира и спокойствия, который каждый город использовал для развития своих материальных ресурсов. Вскоре город Ур должен был положить конец такому положению вещей, заявив о своей гегемонии среди южных городов и силой оружия основав царство Шумера и Аккада. Но во время правления Гудеа Ур, похоже, не предпринимал никаких движений, а Лагаш и другие великие города земли можно представить как поддерживающие торговые отношения друг с другом, не испытывая никаких препятствий в стремлении одного из них к политическому господству.

Не исключено, что беспрецедентная строительная активность, которой характеризовалось правление Гудеа, частично связана с развитием строительного искусства, которое, судя по всему, произошло примерно в этот период. Было высказано предположение, что и Гудеа, и Ур-Энгур, основатель династии Ура, участвовали в одном и том же великом архитектурном движении,^[21] и доказательством этого служит их общее использование квадратного кирпича меньшего размера, от двенадцати до тринадцати дюймов, который был более удобен в обработке, чем большие кирпичи, использовавшиеся в Ур-Бау и во времена династии Аккада. О преимуществах, присущих этой форме кирпича, свидетельствует то, что она сохранилась, с небольшими изменениями, вплоть до конца Вавилонской империи. То, что сам Гудеа придавал большое значение форме кирпичей, которые он использовал,

следует из фрагмента его первой надписи на цилиндре, где он описывает церемонии, с помощью которых он открыл их производство, включая жертвоприношения и возлияние в священную форму.[22] Использование улучшенного материала вполне могло побудить его перестроить большинство святилищ в Лагаше на их древних местах, но расширенных и украшенных в соответствии с новыми архитектурными идеями. Из другого отрывка в его текстах следует, что он определенно утверждал, что открыл новую форму строительства или украшения, подобную которой не использовал ни один патеси до него.[23] Смысл этой фразы не совсем ясен, но, возможно, она относится к скульптурным рельефам, которыми он украсил Э-нинну. Она также может относиться к использованию возвышенных пилястр для украшения фасадов и внешних стен - форма, характерная для поздней вавилонской архитектуры, но не встречающаяся в остатках зданий в Лагаше до времени Гудеа.

Помимо Э-нинну, великого храма города-бога Нингирсу, Гудеа сообщает, что он перестроил святилища, посвященные Бау и Нинхарсагу, и Э-анну, храм богини Нинни, а также возвел храмы Галалиму и Дуншагге, двум сыновьям Нингирсу. В Уру-азагге он перестроил храм Гатумдуга, а в Гирсу - три храма Ниндубу, Месламтае и Ниндару, последний из которых ассоциировался с богиней Нина, в честь которой он воздвиг роскошный трон. В Гирсу он также построил храм Нингишзиде, своему богу-покровителю, которого он, по-видимому, ввел в это время в пантеон Лагаша. Одной из самых оригинальных его реконструкций был Э-па, храм семи зон, который он возвел для Нингирсу. Здание Гудеа, вероятно, имело форму башни в семь ступеней, настоящего зиккурата, который можно сравнить с башнями Ур-Энгура. Но больше всего он гордился восстановлением Э-нинну, и на это он направил все ресурсы своего города. Из изучения остатков этого храма, обнаруженных в Телло М. де Сарзеком, следует, что Гудеа окружил место прежнего строительства Ур-Бау оградой, от которой остались только ворота и башня, украшенная рельефными пилястрами.[24] Они были включены в структуру позднего дворца в Телло, большая часть которого была построена из кирпичей древнего храма. Трудно определить, какое отношение эти незначительные остатки Телло имеют к зданию, описанному самим Гудеа, или к плану укрепленной крепости, который одна из статуй Гудеа, изображающая архитектора, держит на коленях. То, что план был предназначен, во всяком случае, для части храма, ясно из надписи, гласящей, что Гудеа подготовил статую для Э-нинну, которую он только что закончил.

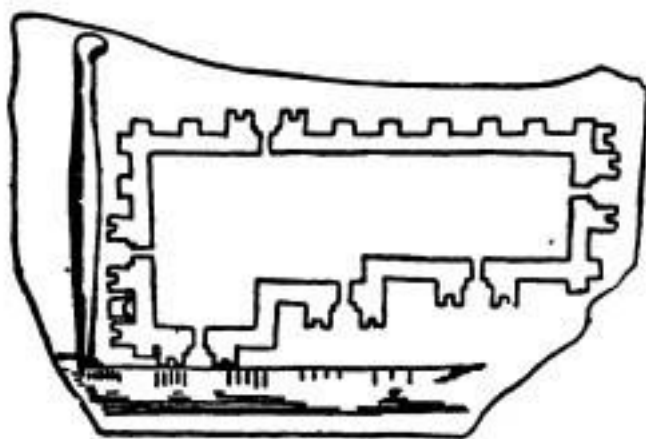

Fig. 64.

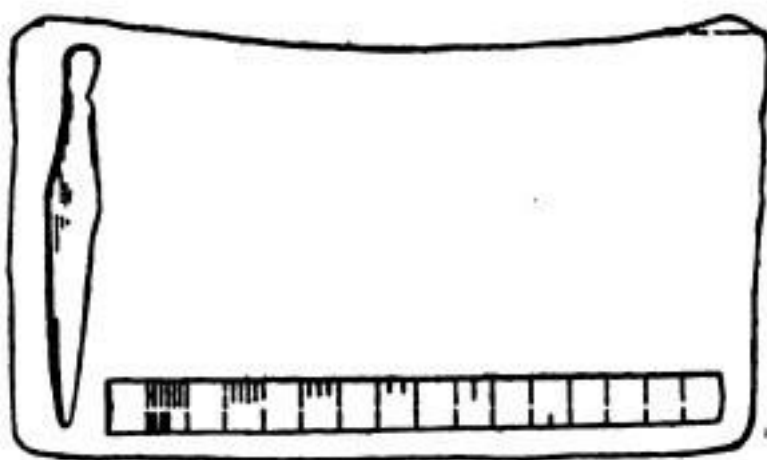

Fig. 65.

Рис. 65.- Таблицы с правилом архитектора и стилусом, которые статуи В и F Гудеа держат на коленях. На верхней табличке со статуи В выгравирован план местности -Dés., pl. 15, Fig. 1 и 2.

Подробный рассказ о строительстве этого храма, который оставил нам Гудеа, дает очень яркое представление о религиозной жизни шумеров в эту эпоху и о тщательно разработанном ритуале, в который они облекли культ и поклонение своим богам. Запись приведена на сайте на двух огромных глиняных цилиндрах, один из которых был начертан еще во время строительства, а другой - после того, как строительство и украшение храма были завершены, и Нингирсу был установлен в своем святилище. Впоследствии они были захоронены в качестве фундаментных записей в структуре самого храма, поэтому дошли до наших дней в удивительно хорошо сохранившемся состоянии и были извлечены во время французских раскопок в Телло.^[25] Из первого из цилиндров мы узнаем, что Гудеа решил перестроить храм города-бога в связи с продолжительной засухой, которую, естественно, приписали гневу богов. Вода в реках и каналах упала, урожай пострадал, и земле грозил голод, когда однажды ночью патеси было видение, с помощью которого боги передали ему свои приказы.

Гудеа рассказывает, что он был обеспокоен, так как не мог истолковать значение сна, и только после того, как он обратился за поддержкой к Нингирсу и Гатумдугу, он отправился в храм Нина, богини, которая разгадывает тайны богов. От нее он узнал, что божества,

явившиеся ему в видении, были Нингирсу, бог его города, Нингишзида, его божество-покровитель, его сестра Нидаба и Ниндуб, и что некоторые слова, которые он услышал, были приказом построить Э-нинну. Он видел, как Ниндуб чертил план на табличке из ляпис-лазури, и Нина объяснила, что это был план храма, который он должен построить. Нина добавила свои указания относительно даров и подношений, которые патеси должен был сделать Нингирсу, чью помощь она обещала ему в выполнении работы. Затем Гудеа подробно описывает, как он получил от самого Нингирсу знак, что это действительно воля богов, чтобы он построил храм, и как, посоветовавшись с предзнаменованиями и найдя их благоприятными, он приступил к очищению города с помощью специальных обрядов. В ходе этой подготовки он изгнал из Лагаша магов и колдунов, разжег огонь из кедра и других ароматных пород дерева, чтобы сделать сладкий запах для богов; завершив очищение города, он освятил окрестности, священные кедровые рощи, а также стада и скот, принадлежащие храму. Затем он рассказывает, как доставил материалы для храма из дальних стран и начал изготовление кирпичей с торжественными обрядами и церемониями.

Fig. 66.

Рис. 66. Фигура бога, сидящего на троне, которого, вероятно, можно отождествить с Нингирсу, богом города Лагаш (Ширпурла). Эпоха Гудеа.-Dés., pl 22, Fig. 5; Cat No. 24.

Мы не будем рассматривать подробное описание Гудеа нового храма, его роскошную мебель, священные эмблемы и votивные предметы, которыми он украсил его многочисленные дворы и святилища. Этому посвящена большая часть первого цилиндра, а во втором цилиндре дается не менее подробный отчет о перемещении бога Нингирсу из его

старого святилища и установке его в новом, приготовленном для него. Это событие произошло в назначенный день нового года, после того как город и его жители прошли второй курс очищения. При переезде в новую обитель Нингирсу сопровождали его жена Бау, сыновья и семь дочерей-девственниц, а также многочисленные сопровождающие божества, входившие в его семью. Среди них были Галалим, его сын, чьей особой обязанностью было охранять трон и передавать скипетр в руки правящего патеси; Дуншагга, водоносец Нингирсу; Лугал-курдуб, его предводитель в битве; Лугал-сиса, его советник и камергер; Шаканшабар, его великий визирь; Ури-зи, хранитель его харима; Энсунун, который ухаживал за его ослами и управлял его колесницей; Энлулим, пастух его детей. Среди других божеств, сопровождавших Нингирсу, были его музыкант и флейтист, певец, возделыватель его земель, следивший за машинами для орошения, хранитель священных рыбных прудов, надсмотрщик за птицами и скотом, а также бог, руководивший строительством домов в городе и крепостей на городской стене. Все эти божества были установлены в специальных святилищах внутри Э-нинну, чтобы они могли находиться рядом с Нингирсу и в любой момент быть готовыми исполнить его приказ.

Важное место, которое занимали ритуал и культ в национальной жизни шумеров, хорошо иллюстрируется этими записями о строительстве и освящении одного храма. Работа Гудеа, возможно, была гораздо более сложной, чем у его предшественников, но общие черты его плана, а также церемонии и обряды, которые он использовал, несомненно, были закреплены и освящены давней традицией. Описание *окружения* Нингирсу доказывает, что шумерский город-бог был наделен всеми атрибутами и пользовался всеми привилегиями самого патеси, его человеческого аналога и представителя. Его храм представлял собой тщательно продуманное сооружение, являвшееся истинным местом обитания его владельца и его божественного семейства; он включал в себя жилища для жрецов, сокровищницы, хранилища и зернохранилища, загоны и стойла для детей, овец и скота, предназначенных для жертвоприношения. Интересно отметить, что в процессе строительства Гудеа наткнулся на стелу Лугаль-кисальси, более раннего царя Эреха и Ура.^[26] Из названия, которое он ей дал, можно сделать вывод, что он нашел ее в Гирнуне, который, вероятно, был одним из святилищ или часовен при Э-нинну; он бережно сохранил ее и установил в преддверии храма. В своем уважении к этой ранней записи он поступил так же, как Набонид в более поздние времена, когда наткнулся на надписи основания Нарам-Сина и Шагаракти-Буриаша в ходе перестройки Э-бавбара и Э-ульмаша, храмов Шамаша и богини Ануниту.

Из художественных произведений эпохи Гудеа наиболее яркими, дошедшими до нас, являются серии диоритовых статуй самого Гудеа, которые были найдены вместе в позднем дворце в Телло. Из надписей на них ясно, что первоначально они были подготовлены патеси для посвящения в главных храмах Лагаша, которые он либо основал, либо перестроил. Три были установлены в Э-нинну, из которых одна - статуя архитектора с планом, а другая, сидящая фигура, единственная из серии колоссальных размеров. Еще три были изготовлены для храма Бау, другие - для храма Нинни в Э-анна, а также для храмов богинь Гатумдуг и Нинхарсаг. Маленькая сидящая фигурка, предназначенная для храма Нингишзиды, - единственная, от которой мы имеем голову, так как она была обнаружена комендантом Кросом во время недавних раскопок в Телло и была подогнана М. Хозеем к телу фигурки, хранившейся в Лувре в течение многих лет.[27] На фотографической репродукции видно, что размер головы значительно отличается от размера тела; и надо признать, что даже крупные статуи не все одинаково хороши. Если в некоторых из них все еще заметна жесткость архаичных условностей, то другие, такие как сидящая статуя Э-нинну и архитектор с правилом из храма Гатумдуг, отличаются тонким натурализмом и настоящим чувством меры.

Некоторые интересные вариации обработки можно отметить и в двух стоящих статуях из храма Бау. Одна из них узкая в плечах и стройная по форме, что составляет разительный контраст с другой, которая представляет собой фигуру сильного и широкоплечего мужчины. Похоже, что статуи были изваяны в разные периоды жизни Гудеа, и по наблюдаемым изменениям можно сделать вывод, что он вззошел на трон еще молодым человеком, и его правление, должно быть, было долгим. Диорит, который он использовал для их изготовления, очень высоко ценился за свою прочность и красоту, а большой блок, который потребовался для его колоссальной фигуры, кажется, когда резьба была завершена, считался гораздо более ценным, чем ляпис-лазурь, серебро и другие металлы.[28] Несомненно, подготовка столь твердого камня представляла больше трудностей, чем любого другого материала, и то, что скульпторы Гудеа научились успешно работать с такими большими массами камня, свидетельствует о значительном прогрессе в развитии их искусства.

Небольшие медные фигурки коленопреклоненного бога, держащего конус, также характерны для периода Гудеа, но по дизайну и качеству исполнения их превосходит аналогичная вотивная фигурка, датируемая периодом правления Ур-Бау.[29] Прекрасным примером рельефной резьбы является овальная панель, на которой Гудеа изображен введенным в присутствие своего бога;[30] похожая сцена поклонения, хотя и в меньшем масштабе, выгравирована на его цилиндрической печати.[31] Счастливым примером круглой резьбы, демонстрируемой небольшими предметами этого периода, является его небольшая булавовидная головка из брекчии, украшенная головами трех львов. По дизайну она явно напоминает булавовидную головку, упомянутую на одной из статуй из Э-нинну, хотя, в отличие от нее, маленькая булавовидная головка, вероятно, не была позолочена, поскольку в надписи на ней упоминается гора в Сирии, откуда была получена брекчия. Но и другие найденные резные предметы из камня вполне могли быть обогащены подобным образом, и своей сохранностью они, вероятно, обязаны материалу, лежащему в их основе.

Драгоценный металл мог быть снят с них, а каменные стержни отброшены в сторону; но подобная работа из чистого золота или серебра вряд ли ускользнула бы от рук грабителя.

За исключением периода засухи, в результате которой Гудеа решил перестроить храм Нингирсу, можно предположить, что в течение большей части его правления государство Лагаш наслаждалось беспрецедентным изобилием, которое, как говорят, последовало за завершением этой работы. В формуле даты одного из годов его правления название дано по прорытию нового канала, который он назвал Нингирсу-ушумгал, и нет сомнений, что он поддерживал в идеальном состоянии сложную систему ирригации, с помощью которой Лагаш и его территории снабжались водой. О том, что храмовые земли давали обильные запасы, можно судить по увеличению регулярных подношений, установленных Гудеа. Например, в день Нового года, в праздник Бау, после того как он отстроил ее храм, он добавил к причитающимся ей брачным дарам волов, овец, ягнят, корзины с финиками, горшки с маслом, фиги, пироги, птиц, рыб, ценные породы дерева и т. д. Он также записывает специальные подношения одежды и шерсти, которые он сделал ей, и жертвенных животных Нингирсу и богине Нина. Для нового храма в Гатумдуге он упоминает о даре стад крупного рогатого скота и отар овец вместе с их пастухами и пастушками, а также оросительных лисиц и их смотрителей для священных земель Э-нинну. Такие упоминания указывают на увеличение доходов государства, и мы можем сделать вывод, что жители Лагаша разделяли процветание своего патеси и его жречества.

Fig. 67.

Булавовидная головка из брекчии, с горы у "Верхнего моря" или Средиземного моря, посвященная Нингирсу из Гудеа.-*Déc.*, pl. 25 *bis*, рис. 1.

Хотя Гудеа посвятил себя служению своим богам, он, похоже, не обогащал храмы за счет простых людей. Он строго соблюдал традиционные привилегии, такие как свобода от налогов, которой пользовался Гу-эдин, священная равнина Нингирсу; но он не одобрял никаких вымогательств со стороны своих светских или священных чиновников. О том, что идеалом правления Гудеа был порядок, закон и справедливость, а также защита слабых, свидетельствует его описание состояния Лагаша в течение семи дней, когда он пировал со своим народом после посвящения Э-нинну. Он рассказывает, что в это привилегированное время служанка была равна своей госпоже, а господин и раб общались как друзья; могущественный и скромный человек лежали бок о бок, и вместо злых слов слышались только благожелательные; законы Нина и Нингирсу соблюдались, и богатый не обижал

сироту, а сильный не притеснял вдову. Эта ссылка на то, что, по-видимому, было юридическим кодексом, санкционированным властью бога города и богини, связанной с древним святилищем Эриду, представляет значительный интерес. Оно напоминает о реформах злополучного Урукагины, который пытался искоренить злоупотребления своего времени путем введения аналогичного законодательства.^[32] Гудеа жил в более счастливую эпоху, и он предстает перед нами не как реформатор, а как твердый защитник действующих законов.

О том, что последующие поколения жителей Лагаша считали правление Гудеа золотым веком своего города, можно судить по его обожествлению при последних царях династии Ура. Нет никаких доказательств того, что, подобно Сар-Гани-шарри и Нарам-Сину, он принял божественные почести при жизни, поскольку в его надписях его имя никогда не предваряется определителем божественности, а на печатях Гимдунпае, его жены, и Лугаль-ме, его писца, оно также встречается без божественного префикса. В более поздний период его статуям, несомненно, поклонялись, и было высказано предположение, что вечные подношения питья, еды и зерна, которые он предписывал в связи с одной из них,^[33] доказывают, что она с самого начала была приравнена к богу.^[34] Но названия его статуй указывают на то, что они носили чисто вотивный характер и не ставились в храмах в связи с какими-либо претензиями на божественность со стороны Гудеа.

В обычае шумерских патесисов было давать длинные и символические имена статуям, стелам и другим священным предметам, которые они посвящали богам, и статуи Гудеа не являются исключением из этого правила. Так, прежде чем внести статую с подношениями в Э-нинну, он торжественно назвал ее "Для моего царя, который построил этот храм, пусть жизнь будет моей наградой!". Меньшая статуя для Э-нинну была названа "Пастух, который любит своего царя, пусть моя жизнь будет долгой!", а колоссальной статуе для того же храма он дал титул "Нингирсу-царь, чья весомая сила, которую не могут выдержать земли, выделила благоприятный участок Гудеа-строителю храма". Небольшая статуя для храма Нинхарсаг носила столь же длинное название "Май-Нинтуд (*m.e.* Нинхарсаг) - мать богов - покровительница судеб - на небе и на земле - продлевает жизнь Гудеа, который построил храм!", а другая небольшая статуя для храма Бау была названа "Леди-возлюбленная-дочь-чистого-неба-матери-богини-Бау-в-Эсильсире, даровавшая-гудеа-жизнь". Статуя для храма Нингишзиды называлась "Гудеа-строителю храма дарована жизнь", а статуя для Э-анны носила титул "О Гудеа-человек, построивший храм, да продлит жизнь!". Как видно, эти имена либо утверждают, что Гудеа дарованы жизнь и счастье, либо призывают божество, к которому обращались, продлить его жизнь. Фактически, они доказывают, что статуи первоначально помещались в храмы, как и другие вотивные предметы, либо в благодарность за прошлую помощь, либо для обеспечения непрерывной божественной благосклонности.

Бронзовые конусы, каждый из которых держит коленопреклоненная фигура бога и несет
вотивную надпись Гудеа, патеси из Ширпурлы.-Brit. Mus., № 91056 и 91058.

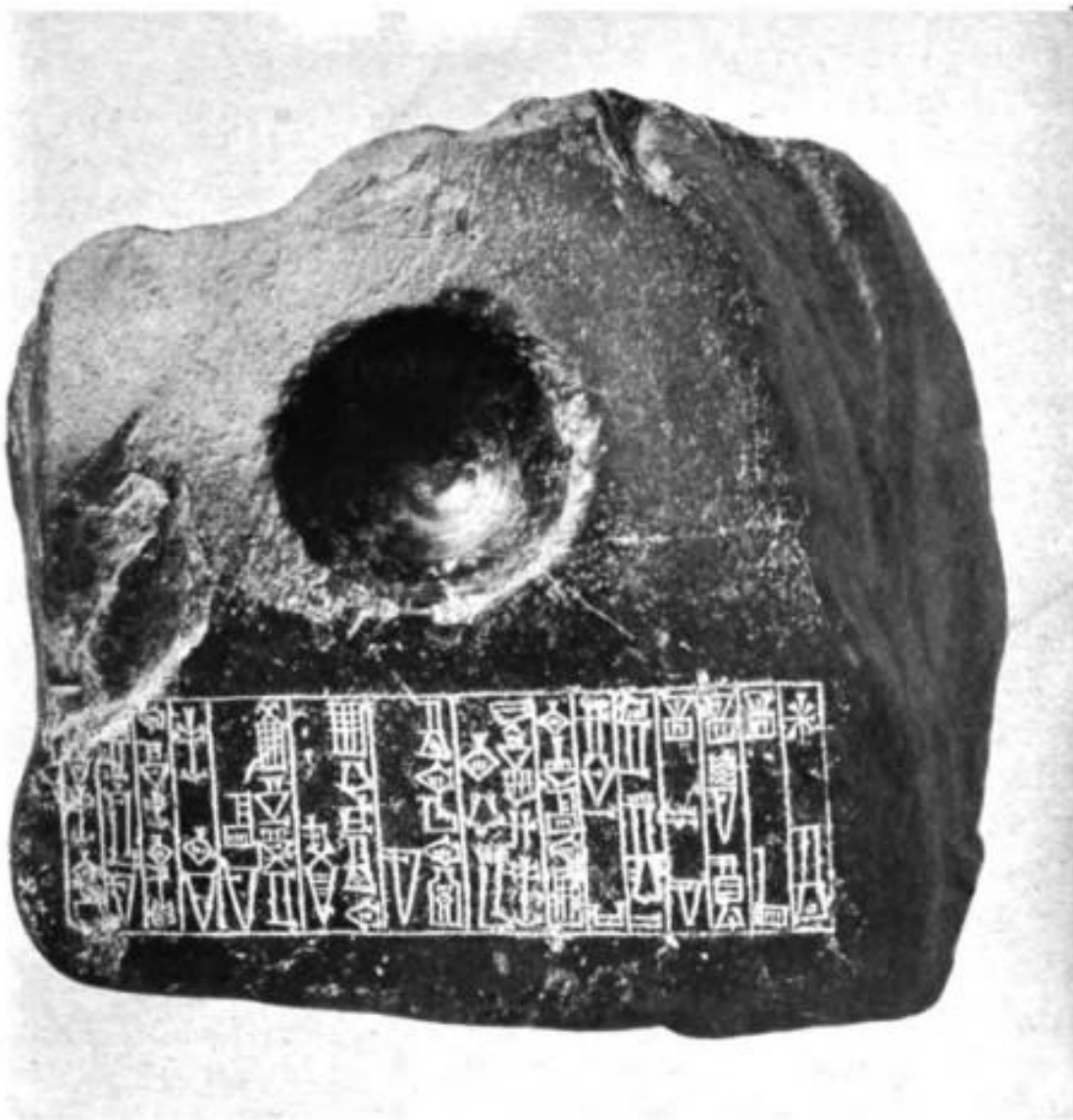

Бронзовые вотивные фигурки с надписями АРАД-СИН, царь ЛАРСА, и БУР-СИН, царь УР.-Brit. Mus., №№ 91144 и 91017.

Имеющиеся у нас свидетельства, казалось бы, показывают, что во времена Гудеа ни один шумерский правитель не претендовал на божественный сан. Правда, во время правления Лугаль-анды были сделаны подношения статуе Ур-Нина^[35], но сам Ур-Нин никогда не претендовал на божественность. Более того, другие высокопоставленные особы обращались со своими статуями подобным образом. Так, Шагшаг, жена Урукагины, делала подношения своей статуе, но нет никаких свидетельств того, что она была обожествлена. На самом деле, в более ранние периоды, а также во времена правления Гудеа, статуя, вероятно, должна была представлять поклоняющегося заступника перед своим богом.^[36] Не только при жизни, но и после смерти статуя продолжала ходатайствовать за него. Изначально подношения делались не самой статуе, но, вероятно, помещались рядом с ней, чтобы символически представить подношения владельца своему богу.

Этот обычай, возможно, подготовил почву для практики обожествления, но не зародился в ней. Действительно, более позднее развитие впервые встречается среди семитских царей Аккада и, вероятно, Киша, но оно распространилось на юг только после того, как династия Ура просуществовала более одного поколения. Ур-Энгур, как и Гудеа, не был обожествлен при жизни, и это новшество было введено только Дунги. Во время правления последних царей этой династии эта практика была принята регулярно, и именно в этот период Гудеа был обожествлен, а его культ установлен в Лагаше наряду с культом Дунги и его современника Ур-Ламы I.^[37] Постановив совершать подношения одной из своих статуй, Гудеа, несомненно, подготовил почву для своего посмертного обожествления, но сам он, похоже, не выдвигал этого требования. То, что ему была оказана такая честь после смерти, можно рассматривать как свидетельство того, что величие его правления не было забыто.

Гудеа на троне Лагаша сменил его сын Ур-Нингирсу, и с помощью этого патеси мы, вероятно, можем установить точку соприкосновения между правителями Лагаша и Ура. То, что он стал преемником своего отца, не вызывает сомнений, поскольку на церемониальной булаве, которую он посвятил Нингирсу, и в других надписях, которыми мы располагаем, он называет себя сыном Гудеа и патеси Лагаша. Во время своего правления он отремонтировал и перестроил по крайней мере часть Э-нинну, так как в Британском музее хранится раструб ворот из этого храма, а в Телло было найдено несколько его кирпичей, на которых записано, что он перестроил из кедрового дерева Гигуну, часть храма Нингирсу, которую Гудеа возвел как символ Нижнего мира.^[38] Кроме того, в Телло были найдены таблички, датированные его правлением, из которых следует, что он был патеси по меньшей мере три года, а возможно, и дольше. Из других памятников мы узнаем, что высокопоставленный религиозный деятель Лагаша, современник Дунги, также носил имя Ур-Нингирсу, и нам предстоит решить, можем ли мы отождествить этого человека с сыном Гудеа.

Шкатулка ворот Гудеа, патеси Ширпурлы, надписанная текстом, повествующим о восстановлении храма богини Нины - Brit. Mus., No. 90849; фотоснимок предоставлен компанией Messrs. Mansell & Co.

Ур-Нингирсу, чиновник, был верховным жрецом богини Нины, а также занимал должности жреца Энки и верховного жреца Ану. Более того, он был достаточно важным человеком, чтобы нанести свое имя на кирпичи, которые, вероятно, использовались при строительстве храма в Лагаше.[39] О том, что он был современником Дунги, известно из надписи на votivном парике и головном уборе из диорита, хранящемся в Британском музее, который предназначался для женской статуэтки.[40] Текст, выгравированный на этом предмете, гласит, что он был сделан неким Бау-нинамом для своей госпожи и божественной покровительницы, которой, вероятно, была богиня Бау, как украшение для ее милостивой особы, а его целью при подношении было побудить ее продлить жизнь Дунги, "могущественного человека, царя Ура". Важная часть текста касается описания Бау-нинамом себя как ремесленника, или подчиненного чиновника, на службе у Ур-Нингирсу, "любимого верховного жреца Нина". Из этого отрывка ясно, что Ур-Нингирсу был верховным жрецом в

Лагаше в тот период, когда Дунги, царь Ура, осуществлял сюзеренитет над этим городом. Поэтому, если мы хотим отождествить его с сыном и преемником Гудеа, мы должны заключить, что в это время он был смещен с поста патесиата Лагаша и назначен на священнические должности, которые, как мы видим, он занимал во время правления Дунги.

Альтернативное предположение о том, что Ур-Нингирсу мог исполнять свои священнические обязанности при жизни Гудеа, когда сам он еще был наследным принцем,^[41] опровергается последующим открытием, что во время правления отца Дунги, Ур-Энгура, на троне Лагаша находился другой патеси по имени Ур-абба; ведь в Телло были найдены таблички, датированные правлением Ур-Энгура, а также патесиатом Ур-аббы.^[42] Чтобы примирить этот новый фактор с предыдущей идентификацией, мы должны предположить, что низложение Ур-Нингирсу произошло в правление Ур-Энгура, который назначил Ур-Аббу патесием вместо него. Согласно этой точке зрения, Ур-Нингирсу не был полностью лишен почестей, но его власть была ограничена чисто религиозной сферой, и он продолжал пользоваться своими жреческими назначениями в начале царствования Дунги. В этой схеме нет ничего невозможного, и она находит поддержку в табличках из Телло, которые относятся к периоду правления Ур-Нингирсу. В некоторых табличках упоминаются поставки и приводятся списки драгоценных предметов, которые предназначались "царю", "царице", "царскому сыну" или "царской дочери" и получались от их имени дворцовым камергером.^[43] Хотя ни одна из этих табличек прямо не упоминает Ур-Нингирсу, одна из той же группы документов была составлена в год, последовавший за его вступлением на пост патеси, другая датируется более поздним годом его патесиата, и все они могут быть с определенной уверенностью отнесены к его периоду.^[44] Упоминания о "царе" в официальных списках указывают на существование царской династии, власть которой была признана в Лагаше в это время. Учитывая свидетельства, предоставленные посвящением Бау-нинама, мы можем отождествить эту династию с династией Ура.

Принятие синхронизма влечет за собой следствие: с правлением Ур-Нингирсу мы достигли еще одного поворотного пункта в истории не только Лагаша, но и всего Шумера и Аккада. Возможно, Ур-Энгур основал свою династию в Уре еще до смерти Гудеа, но нет никаких доказательств того, что ему удалось навязать свою власть Лагашу во время патесиата Гудеа; и, учитывая сравнительную краткость его правления, предпочтительнее отнести его воцарение к периоду правления сына Гудеа. Шумер, должно быть, вскоре признал его власть, а Лагаш и другие южные города, несомненно, составили ядро царства, на котором он основывал свои притязания на гегемонию в Вавилонии. Эти притязания Ура не были полностью обоснованы до правления Дунги, но в Шумере Ур-Энгур, судя по всему, почти не встречал сопротивления. Об обстоятельствах, приведших к низложению Ур-Нингирсу, нам ничего не известно, но мы можем предположить, что его признание власти Ур-Энгура не сопровождалось полной поддержкой, которой требовал его сюзерен. Как сын и преемник Гудеа он вполне мог возмутиться потерей практической автономии, которой пользовался его город, и в результате Ур-Энгур мог счесть необходимым отстранить его от патесиата. Ур-абба и его преемники были всего лишь вассалами царей Ура, а Лагаш стал провинциальным городом в царстве Шумера и Аккада.

[1] См. выше, стр. 236 f., 241.

[2] Было высказано предположение, что Ур-Э был современником Нарам-Сина, поскольку его имя и имя Нарам-Сина встречаются на одной табличке (см. Thureau-Dangin, "Rec. de tabl.", pp. iii. f., 45, No. 83, и "Königsinschriften", p. 59, n. 1); но фраза, в которой встречается имя Нарам-Сина, как и та, что предшествует ей, по-видимому, относится к прошлому событию. С другой стороны, Ур-Баббар упоминается на этой табличке в одной фразе с Нарам-Сином, и, хотя за его именем не следует титул, мы, вероятно, можем отождествить его с "Ур-Баббаром, патеси", упоминаемым на другой табличке этого класса (*op. cit.*, No. 132); здесь и в других подобных отрывках, где Лагаш не назван, он явно подразумевается. Имя Лугал-бур встречается на одной из табличек саргонского периода (см. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", Vol. V., p. 68).

[3] "Rec. de tabl.", p. 73, No. 181.

[4] Указ. соч., № 184 и 183.

[5] См. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", Vol. V., p. 68.

[6] "Rec. de tabl.", №№ 185-187.

[7] См. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", Vol. II., p. 79.

[8] См. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", Vol. V., p. 98, и "Königsinschriften", p. 62 f.

[9] "Rec. de tabl.", № 188-190.

[10] Невероятно, чтобы мы отождествляли Ка-азага, патеси, с Ка-азагом, отцом Нинкагины, которая посвятила буланую голову Ури-зи от имени своей жизни и жизни Наммахни, патеси (см. "Кун. тексты в Брит. муз.", I., pl. 50). Ведь Нинкагина была матерью Наммахни, а Ка-азаг, следовательно, его дедом. Но если бы дед Наммахни владел патесиатом, его дочь не стала бы опускать титул после его имени; кроме того, сам Наммахни получил патесиат через брак, а не по наследству.

[11] См. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", Vol. II., p. 79.

[12] "Rec. de tabl.", №№ 192 и далее, 207 и 209-211.

[13] См. ниже, стр. 274 и далее.

[14] См. противоположную табличку; и ср. "Cun. Texts", Pt. I., pl. 50.

[15] См. De Sarzec, "Déc. en Chaldée", pl. 7.

[16] См. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", pp. 60 ff.

[17] См. выше, p. 18 f.

[18] О его памятниках с надписями см. "Königsinschriften", pp. 66 и далее.

[19] См. De Sarzec, "Déc. en Chaldée", pl. 16-19.

[20] См. "Déc. en Chaldée", pl. 9.

[21] См. Heuzey, "Catalogue des antiquités chaldéennes", p. 49.

[22] Цилиндр A, col. XVIII., ll. 5 ff.

[23] Статуя B, col. VI., л. 77-кол. VII. л. 6.

- [24] Ср. Heuzey, "Comptes rendus", 1894, p. 34; и см. выше, p. 18 f.
- [25] Их текст см. в De Sarzec, "Déc. en Chaldée", pl. 33-36; Price, "The Great Cylinder Inscriptions A and B of Gudea"; и Toscanne, "Les Cylindres de Gudea"; их перевод см. в Thureau-Dangin, "Les Cylindres de Gudea" и "Königsinschriften", pp. 88 ff.; резюме и обсуждение их содержания даны в King and Hall, "Egypt and Western Asia", pp. 195 ff.
- [26] Ср. Цилиндр А, col. XXIII., лл. 8 и далее; см. выше, с. 199 и далее.
- [27] См. табличку напротив с. 268; и ср. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", Vol. VI., pp. 18 и далее.
- [28] Ср. статую В, col. VII., лл. 49-54.
- [29] См. De Sarzec, "Déc. en Chaldée", pl. 8 *bis*, Fig. 1, и Heuzey, "Catalogue", pp. 300 и далее.
- [30] См. выше, с. 47, рис. 12.
- [31] См. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", V., p. 135; "Déc. en Chaldée", p. 293 f.
- [32] См. выше, стр. 178 и далее.
- [33] См. статую В, col. I.
- [34] Ср. Scheil, "Rec. de trav.", Vol. XVIII, p. 64.
- [35] См. выше, с. 169.
- [36] Ср. Genouillac, "Tabl. sum. arch.", p. lvi. f.
- [37] См. далее, гл. X., с. 288, 298 f.
- [38] См. Thureau-Dangin, "Zeits. für Assyriol.", XVIII., p. 132.
- [39] См. "Déc. en Chaldée", pl. 37, No. 8. Сравнение этого кирпича с кирпичом из Ур-Нингирсу, патеси (см. № 9 на той же пластине), покажет сходство форм используемых символов.
- [40] См. табличку напротив стр. 206.
- [41] Ср. Winckler, "Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte", p. 42.
- [42] См. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", Vol. V., p. 7.
- [43] См. Thureau-Dangin, *op. cit.*, p. 70, и "Rec. de tabl.", p. v.
- [44] Одна из табличек этой группы датируется строительством храма Нингирсу; это не должно относиться к строительству Гудеа в Э-нинну, а скорее к работе Ур-Нингирсу над храмом или даже к более поздней реконструкции.
-

ГЛАВА X

ДИНАСТИЯ УР И ЦАРСТВА ШУМЕР И АККАД

Недавние находки в Телло позволили нам преодолеть разрыв, который ранее существовал в наших знаниях о халдейской истории и цивилизации между эпохой Нарам-Сина и

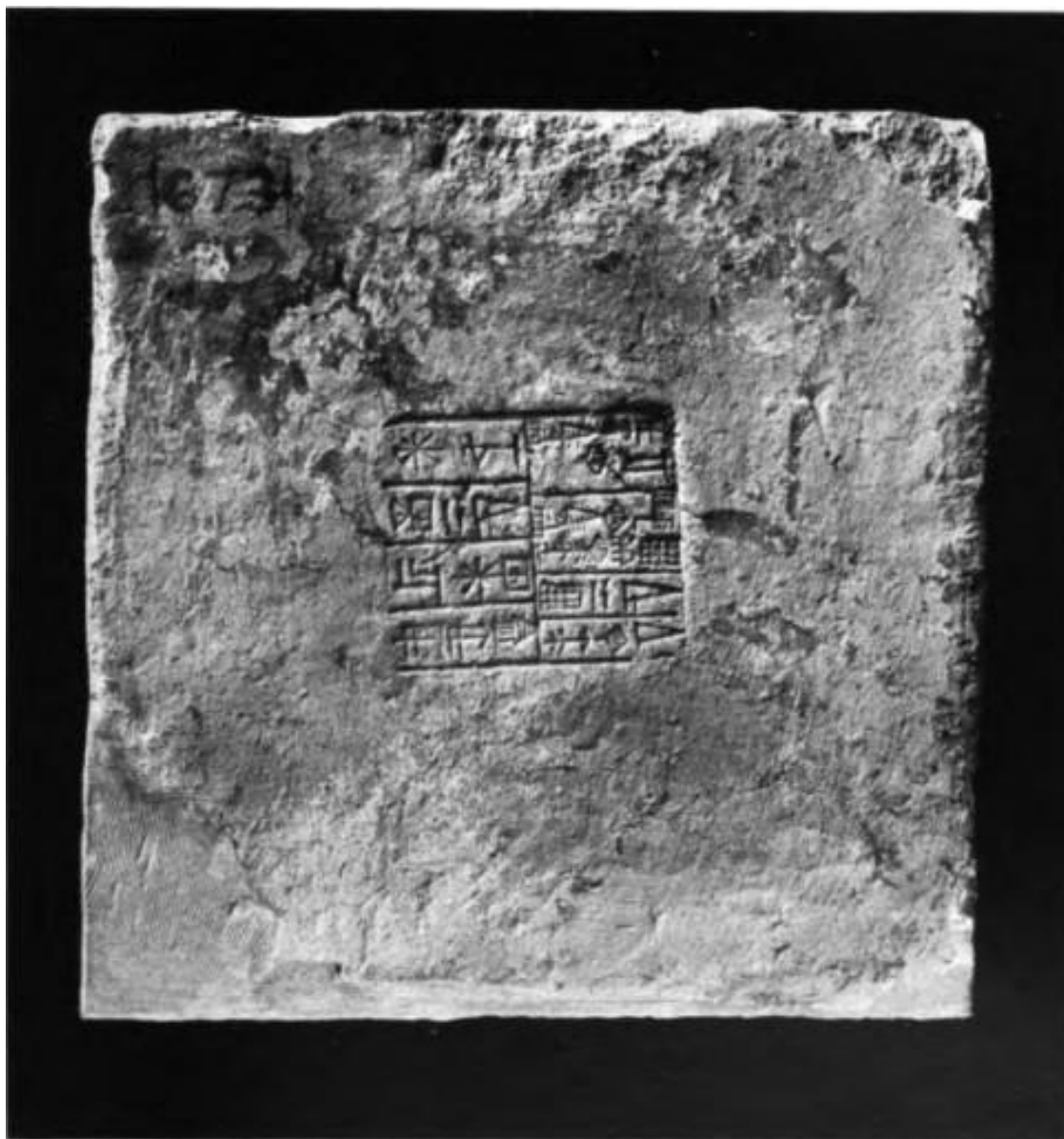
возвышением города Ур при Ур-Энгура, основателе царства Шумер и Аккад. То, что мы знаем о Лагаше в этот период, вероятно, можно считать типичным для состояния других великих шумерских городов. Система управления, с помощью которой Шар-Гани-Шарри и Нарам-Син контролировали Шумер из своей столицы на севере, несомненно, сохранялась какое-то время их преемниками; но, судя по отсутствию каких-либо следов их влияния в Телло, мы не можем считать, что их организация была столь же эффективной. Возможно, они или семитские цари какого-то другого северного города продолжали осуществлять общий сюзеренитет над всей Вавилонией, но записи Лагаша, похоже, показывают, что более крупные и отдаленные города оставались практически независимыми. Однако само существование сюзерена, унаследовавшего трон или империю Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина, должно было оказывать сдерживающее влияние на любого честолюбивого принца или патеси и, таким образом, поддерживать равновесие между отдельными государствами, из которых состояла эта империя. Мы видели, что Лагаш воспользовался этим временем сравнительного бездействия для развития своих ресурсов в мирных целях. Она с радостью вернулась к состоянию компактного города-государства, не прекращая при этом сношений с дальними странами, которые были установлены при прежних аккадских царях.

Можно предположить, что в этот период город Ур пользовался аналогичной степенью независимости, которая возрастала пропорционально падению семитского авторитета на севере. Кампания Гудеа против Аншана дает некоторое представление о способности к самостоятельным действиям, которой постепенно достигли южные города. Маловероятно, что такая инициатива со стороны Лагаша не сопровождалась аналогичной активностью в соседнем и более могущественном государстве Ур. В более раннюю эпоху царства-близнецы Ур и Эрех доминировали на юге Вавилонии, а их правители основали царство Шумер, которое активно противостояло продвижению семитского влияния на юг. Подчинение Шумера династией Аккада на время положило конец всяким помыслам о независимости отдельных городов, хотя экспедиция против Эреха и Наксу, случившаяся в патесиат Лугаль-Ушумгалья, подтверждает традицию о восстании всех земель во второй половине царствования Саргона. Ур, несомненно, был готов оказать помощь такому движению, и мы можем предположить, что она не замедлила воспользоваться постепенным ослаблением Аккада при ее последующих правителях. В то время, когда Гудеа совершал походы через эламскую границу или бесконтрольно отправлялся за припасами на средиземноморское побережье или острова Персидского залива, Ур, несомненно, организовывал свои собственные силы и, возможно, уже предпринимал пробные попытки создать коалицию из соседних государств. Ей нужен был только энергичный лидер, и он нашелся в лице Ур-Энгура, который сумел объединить разрозненные силы Шумера и тем самым подготовил почву для более важных побед своего сына.

О том, что Ур-Энгур был основателем своей династии, мы точно знаем из династической хроники, которая была найдена во время американских раскопок в Ниппуре.^[1] В этом документе он назван первым царем династии Ура, а в тексте говорится лишь о том, что он стал царем и правил восемнадцать лет. К сожалению, предшествующие колонки текста отсутствуют, и мы не знаем, какая династия была указана в списке как предшествующая династии Ура, равно как и нет никаких указаний на обстоятельства, которые привели к воцарению Ур-Энгура. Из его надписей на зданиях, которые были найдены на различных участках в Южной Вавилонии^[2], можно, однако, составить некоторое представление о его достижениях и степени его власти. Получив трон, он, по-видимому, направил свое внимание на приведение в порядок дел Ура. В двух надписях из Мукайяра Ур-Энгур носит единственный титул "царь Ура", поэтому их можно отнести к началу его правления, когда его царство не выходило за пределы родного города. В этих текстах говорится о перестройке

храма Наннара, бога Луны, а также о ремонте и расширении городской стены Ура.^[3] Работа над храмом бога города, несомненно, заручилась поддержкой жречества и укрепила его на троне, а перестроив и дополнив укрепления Ура, он обезопасил свой город от нападения, прежде чем приступить к политике расширения.

Мы можем с некоторой долей уверенности предположить, что первым городом, на который он распространил свою власть, был Эрех. Он обязательно должен был стать его первой целью, так как благодаря своему положению он блокировал любое продвижение на север. Важность, которую Ур-Энгур придавал захвату этого города, отражена в титуле "Владыка Эреха", который предшествует его обычным титулам на кирпичах из храма бога Луны в Уре, относящихся к более позднему периоду его правления; принятие им этого титула указывает на то, что Эрех был тесно связан с Уром, хотя и не на равных правах. То, что он перестроил Э-анну, великий храм Нинни в Эрехе, как мы узнаем из кирпичей, найденных в Варке, было естественным следствием его приобретения, поскольку таким образом он осуществлял свои привилегии сюзерена. Но он почтил этот город больше других, которые он приобрел, поставив там своего собственного сына верховным жрецом богини Нинни, событие, которое дало официальное название одному из годов его правления. У нас есть точные доказательства того, что он также владел соседним городом Ларса, поскольку в Сенкере были найдены кирпичи, свидетельствующие о перестройке им храма Баббара, бога Солнца. С приобретением Лагаша он, несомненно, был достаточно силен, чтобы добиться признания своей власти во всем Шумере.

КИРПИЧ УР-ЭНГУРА, ЦАРЯ УРА, ЗАПИСЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ХРАМА БОГИНИ НИННИ В ГОРОДЕ ЭРЕХ.-Фронт *Варка*; *Brit. Mus.*, No. 90015; фото предоставлено компанией *Messrs. Mansell & Co.*

Единственный другой город, в котором были найдены прямые доказательства строительной деятельности Ур-Энгура, - это Ниппур. Из американских раскопок на этом месте мы узнаем, что он перестроил Э-кур, великий храм Энлиля, а также храм Нинлиль, его супруги. Несомненно, именно благодаря тому, что он удерживал Ниппур, он принял титул царя Шумера и Аккада. Насколько его власть была признана в Аккаде, сказать невозможно, но необходимость завоевания Вавилона в царствование Дунги, по-видимому, подразумевает, что сюзеренитет Ур-Энгура над по крайней мере частью страны был более или менее номинальным. Хашхаммер, патеси Ишкун-Сина, чья печать сейчас хранится в Британском музее, [4] был его подданным, а семитский характер названия его города позволяет предположить, что он находился в Северной Вавилонии. Более того, некоторые таблички, составленные в его царствование, датируются "годом, в который царь Ур-Энгур прошел свой путь из нижней страны в верхнюю", фраза, которая, возможно, подразумевает военный поход на север. Таким образом, некоторые части Аккада могли эффективно удерживаться Ур-

Энгуrom, но несомненно, что полное подчинение страны было осуществлено только во время правления Дунги.

В Шумере же власть Ур-Энгура не вызывала сомнений. Его назначение Ур-аббы патеси Лагаша, вероятно, было характерно для его отношения к южным городам: поставив своих приверженцев вместо правящих патеси, он обеспечил бы себе лояльную поддержку в управлении зависимыми государствами. У нас есть свидетельство одного из его административных актов, касающихся Лагаша. На глиняном конусе из Телло записано, что после строительства храма Энлиля он прорыл канал в честь бога Луны Наннара, который назвал Наннар-гугал. Он описывает канал как пограничную канаву, и мы можем предположить, что он ознаменовал пересмотр границы между территориями двух городов, возможно, между Лагашем и землями, принадлежащими городу Ур. В той же надписи он говорит нам, что в соответствии с законами бога Солнца он обеспечил торжество справедливости, и это утверждение дает некоторое представление о духе, в котором он управлял городами, включенными в его царство.

В правление Дунги, который сменил своего отца на троне и унаследовал от него царство Шумера и Аккада, вся Северная Вавилония признала сюзеренитет Ура. Значительный свет на политику Дунги и, косвенно, на политику всей династии Ур-Энгура пролила недавно опубликованная хроника о ранних вавилонских царях, на которую уже была сделана ссылка. За предыдущими разделами этого документа, посвященными правлению Саргона и Нарам-Сина, следует краткий рассказ о правлении Дунги, из которого мы узнаем два факта, имеющих большое значение.^[5] Первый из них заключается в том, что Дунги "очень заботился о городе Эриду, который находился на берегу моря", а второй - в том, что "он искал зла, и сокровища Эсагила и Вавилона он вывез как трофей". Следует отметить, что автор хроники, который, вероятно, был жрецом храма Эс-Сагила, не одобрял его обращения с Вавилоном, в результате чего, как он утверждает, Бел (*m.e.* Мардук) покончил с ним. Учитывая, что Дунги царствовал не менее пятидесяти восьми лет и создал обширную империю, не исключено, что злая судьба, приписываемая ему в хронике, была вызвана вавилонскими предрассудками. Однако вавилонская окраска повествования не влияет на историческую ценность других традиций, а скорее усиливает ее. Ведь очевидно, что катастрофа, постигшая город и Эсагилу, не была выдумкой, а, напротив, должна была быть весьма значительной, чтобы ее запись сохранилась в самом Вавилоне для последующих поколений.

В обращении Дунги с Вавилоном и в его осквернении храма бога города мы имеем яркое доказательство того, что возвышение династии Ура сопровождалось как религиозной, так и политической революцией. Поздняя традиция сохранила память о строительной деятельности Саргона в Вавилоне, и при его преемниках на аккадском троне великий храм Эс-сагила вполне мог стать самым важным святилищем Северной Вавилонии и центром семитского культа. Эриду, с другой стороны, находился на крайнем юге Шумера и содержал самый древний и наиболее почитаемый храм шумеров. Забота Дунги о последнем городе в ущерб Вавилону, подчеркнутая контрастом в поздних записях его правления, позволяет предположить, что он стремился к полному изменению условий, которые преобладали в предыдущую эпоху. Настало время для шумерской реакции, и первоначальный успех Ур-Энгура в объединении южных городов в конфедерацию государств под его собственным сюзеренитетом можно отнести к началу этого расового движения. Дунги продолжил и расширил политику своего отца, и его разграбление Вавилона, вероятно, можно

рассматривать как решающий удар в борьбе, которая велась против последних центров семитского влияния на севере.

Нет недостатка и в других свидетельствах шумерского национального возрождения, характерного для периода правления царей Шумера и Аккада. Все надписи Ур-Энгура написаны на шумерском языке, что разительно отличается от текстов, относящихся ко времени Шар-Гани-Шарри и Нарам-Сина. Из еще более многочисленных записей о правлении Дунги только две короткие вотивные формулы написаны на семитском вавилонском, и одна из них - из северного города Кутха. Преобладающее использование шумерского языка также характеризует тексты остальных членов династии Ур-Энгура и немногие найденные надписи династии Исина. [6] На самом деле, только одна из них на семитском языке, короткая надпись на кирпиче с именем и титулами Гимил-Сина, была найдена в Сузах. Правда, три последних царя династии Ура, очевидно, носят семитские имена, а у правителей династии Исина семитский характер большинства имен не вызывает сомнений. Но это само по себе не доказывает, что их носители были семитами, а изучение собственных имен, встречающихся в многочисленных коммерческих документах и табличках, составленных при царях Ура и Исина, неизменно показывает, что они носят шумерский характер. [7] Более убедительный тест, чем царские имена, дают цилиндрические печати того периода. В них и сюжет, и обработка - шумерские, они напоминают печати Лагаша времен Гудеа и имеют мало общего с печатями династии Аккад. Более того, поклоняющиеся, выгравированные на печатях, - шумеры, а не семиты. Два ярких примера - печать Хашхамера, современника и зависимого от Ур-Энгура, и печать, которую Килуллагузала, [8] сын Ур-баги, посвятил Месламтею за сохранение жизни Дунги. [9] Можно заметить, что на каждой из этих печатей поклоняющийся имеет бритую голову и носит шумерскую тунику с бахромой. Поэтому не приходится сомневаться, что Ур-Энгур и его потомки были шумерами, и мы, вероятно, можем рассматривать династию Исина как продолжение того же расового движения, которое привело к созданию царства Шумера и Аккада. [10]

Помимо информации о расовых характеристиках жителей Южной Вавилонии, официальные списки и торговые документы этого периода косвенно проливают свет на исторические события. В первой большой коллекции табличек, найденной М. де Сарзекком в Телло, большинство из них, относящихся к периоду правления Дунги, датируются более поздними годами его правления; но среди табличек, найденных во время более поздних раскопок на этом месте, есть много датированных более ранними годами его правления. Формулировки дат, начертанные на этих документах, в сочетании с фрагментарными списками дат, позволили расположить названия годов по порядку для большей части его правления; а поскольку годы были названы в честь важных событий, таких как строительство или открытие храмов в разных городах и успешное проведение иностранных кампаний, они представляют собой ценный источник информации, касающейся истории этого периода. [11] Из них мы можем получить некоторое представление о том, какими шагами Дунги увеличивал свою империю, и о периодах его правления, в течение которых он добился своих главных завоеваний. Похоже, что в первые годы своего правления он был занят обеспечением полного контроля над районами Северной Вавилонии, которые он номинально унаследовал от своего отца. Разграбление Вавилона вполне могло быть отмечено в титуле года, в котором оно произошло, и если это так, то оно должно быть отнесено к первому десятилетию его правления, где в нашей последовательности датирующих формул имеется пробел. Более ранние титулы, которые удалось восстановить, в основном относятся к строительству

дворцов и храмов, установке божеств в их святилищах и т. п. Только на тридцать четвертом году его правления появляется четкое упоминание об иноземных завоеваниях.

Но и до этого периода есть признаки того, что империя Дунги уже расширялась. В девятнадцатый год своего правления он установил богиню Кади в ее храме в Дер, что доказывает, что главный пограничный город на эламской границе в это время находился в его владении. В следующем году он установил в своем храме бога Нутугмушда из Казаллу, что свидетельствует о том, что он установил свой сюзеренитет над этой страной, завоевание которой, согласно поздней традиции, было заметным достижением царствования Саргона. На двадцать шестом году своего правления он назначил свою дочь "владычицей" эламской области Мархарши, что бросает интересный свет на положение, которое занимали женщины у шумеров. Эти и другие области, о которых мы ничего не знаем, вполне могли быть завоеваны путем завоевания, поскольку очевидно, что официальные формулы дат не могли учитывать каждую военную экспедицию, особенно в годы, когда происходило важное религиозное событие. Но в случае с тремя упомянутыми странами также возможно, что их присоединению не оказывалось особого сопротивления, и по этой причине название года могло просто фиксировать выполнение Дунги его главной привилегии как сюзерена или назначение его представителя правителем. Какое бы объяснение ни было принято, ясно, что Дунги уже овладевал регионами, входившими в империю семитских царей Аккада.

Помимо приобретения их территории, Дунги, по-видимому, также заимствовал у семитов одно из их самых эффективных видов оружия, поскольку двадцать восьмой год его правления известен как год, когда он зачислил сыновей Ура в ряды лучников. Главным оружием ранних шумеров было копье, и они атаковали в тесном строю, а копьеносцы были защищены в линии боя тяжелыми щитами, которые несли щитоносцы. Для других целей нападения они полагались в основном на боевой топор и, возможно, дротик, но это было вспомогательное оружие, предназначенное скорее для преследования летящего врага, когда основная атака уже была проведена. Победы Эаннатума свидетельствуют об успехе, достигнутом методом атаки в составе тяжелой фаланги против противника с более слабым вооружением. Лук, похоже, появился у семитов, и, возможно, своим успехом в бою они во многом обязаны его использованию: он позволял им разбивать и деморализовывать стройные ряды шумеров, прежде чем те успевали сойтись с ними вплотную. Дунги, несомненно, осознавал преимущество, которое это оружие давало его собственным войскам, особенно при сражении в холмистой местности, где тяжелое копье и щит были бы малопригодны, и было бы трудно сохранять плотный строй. Можно предположить, что роты лучников оказали ему значительную помощь в ряде успешных кампаний, которые он провел в Эламе и соседних областях во второй половине своего правления.

Из этих кампаний мы знаем, что первое завоевание Ганхара произошло на тридцать четвертом году правления Дунги, а Симуру - в следующем году. Последний район, по-видимому, не покорился аннексии, так как на тридцать шестом году Дунги счел необходимым отправить новую экспедицию для его повторного завоевания. В следующем году он продолжил эти успехи завоеванием Харши и Хумурти. Ганхар и Симуру, вероятно, располагались в горных районах к востоку от Тигра, вокруг верхнего течения Диялы, по соседству с Лулубу; четыре страны - Урбилу, Симуру, Лулубу и Ганхар - составляли объект одной экспедиции, предпринятой Дунги на пятьдесят пятом году его жизни.^[12] Харши, или Хариши, по-видимому, также находились в регионе к востоку от Тигра.^[13] Эти победы, несомненно, привели к подчинению других районов, так как в сороковой год Дунги выдал одну из своих дочерей замуж за патеси Аншана, одного из самых важных эламских государств. О воинственном характере эламитов свидетельствует то, с каким трудом Дунги

удерживал контроль над этими районами после их включения в состав своей империи. В сорок первом году своего правления он был вынужден предпринять повторное завоевание Ганхара, а через два года отправить туда третью экспедицию; в сорок третьем году он в третий раз покорил Симуру, а в сорок четвертом восстал сам Аншан, который пришлось отвоевывать силой оружия.

В течение этих десяти лет Дунги, вероятно, присоединил большую часть Элама и поставил свою империю на прочную основу. Правда, в последние годы своего правления он предпринял новую серию походов, завоевав Шашру в пятьдесят втором году, покорив Симуру и Лулубу в пятьдесят четвертом году "в девятый раз", а Урбилу, Кимаш, Хумурти и Харши - в течение последних четырех лет своего правления. Но более ранние победы, с помощью которых он распространил свою власть далеко за пределы Шумера и Аккада, можно считать главной эпохой расширения его империи. Вероятно, именно в этот период он добавил к своим другим титулам более всеобъемлющий - "царь четырех четвертей (мира)", тем самым возродив титул, который уже был принят Нарам-Синем в то время, когда империя Аккада достигла своего зенита. Еще одним новшеством, которое Дунги ввел во время своего правления, в период, как кажется, незадолго до принятия им титула Нарам-Сина, было принятие божественного ранга, на что указывает добавление определителя божественности перед его именем. Подобно Нарам-Сину, который провозгласил себя богом Аккада, он назвал себя богом своей земли и основал храмы, в которых его статуя стала объектом общественного культа. Он также учредил национальный праздник в свою честь и переименовал седьмой месяц года, в течение которого он отмечался, в месяц праздника Дунги. Похоже, он был первым шумерским правителем, претендовавшим на божественные почести. Этим он, несомненно, бросил вызов сравнениям с царями Аккада, с чьей империей он мог соперничать своими завоеваниями.

Диоритовые вотивные таблечки Дунги, царя Ура, Рим-Сина, царя Ларсы, и Бур-Сина, царя Ура - Brit. Mus., №№ 90897, 90898 и 91014.

ИЗВЕСТНЯКОВЫЕ ВОТИВНЫЕ ТАБЛИЧКИ ВРЕМЕН РИМ-СИНА, ЦАРЯ ЛАРСЫ, И СИН-ГАМИЛА, ЦАРЯ ЭРЕХА; СЛЕВА - НОВОРОЖДЕННЫЙ. Лонийская копия в глине вотивной надписи Син-Гашида, царя Эреха. Mus., №№ 91081, 90899 и 91082.

Управление Дунги эламскими провинциями его империи, по-видимому, носило гораздо более постоянный характер, чем управление, установленное любым более ранним завоевателем из Вавилонии. В ходе этой истории мы часто отмечаем случаи, когда Элам вступал в контакт с центрами цивилизации в долине Тигра и Евфрата. Фактически, в силу своего географического положения, он был не только ближайшим иностранным соседом Шумера и Аккада, но и должен был влиять на них и, в свою очередь, подвергаться их влиянию. Для ранних шумерских правителей Элам был именем ужаса, связанным с дерзкими набегами через Тигр со стороны выносливых горных рас. Семитские цари Киша, вторгшись на эламскую территорию, изменили ситуацию, а их завоевания и завоевания царей Аккада открыли путь к установлению тесных торговых отношений между двумя странами. Хотя их походы, возможно, были предприняты с целью получения добычи, а не приобретения территории, несомненно, они привели к значительной иммиграции семитов в страну. Более того, семитские завоеватели принесли с собой цивилизацию, которую сами же и приобрели. Для своих мемориальных и монументальных записей князя Элама переняли от своих завоевателей клинопись и даже семитский язык, хотя для обычных целей жизни продолжали использовать более раннее родное письмо.^[14] Баша-Шушинак,^[15] патеси Сузы и правитель Элама, которого, вероятно, можно отнести к более раннему периоду, чем династия Ура, использует семитский вавилонский язык для записи своих подношений, и он не только призывает месть Шушинака к нечестивцам, но и добавляет обращения к таким чисто вавилонским божествам, как Шамаш, Нергал, Энлиль, Энки или Эа, Син, Нинни или Иштар, и Нинхарсаг. Более яркого свидетельства роста семитского влияния в Эламе в период, последовавший за победами эламитов над царями Киша и Аккада, мы не можем найти.

Тесные торговые отношения поддерживались также между Эламом и Шумером, и завоевание Гудеа Аншана можно считать первым шагом к шумерскому господству в стране.

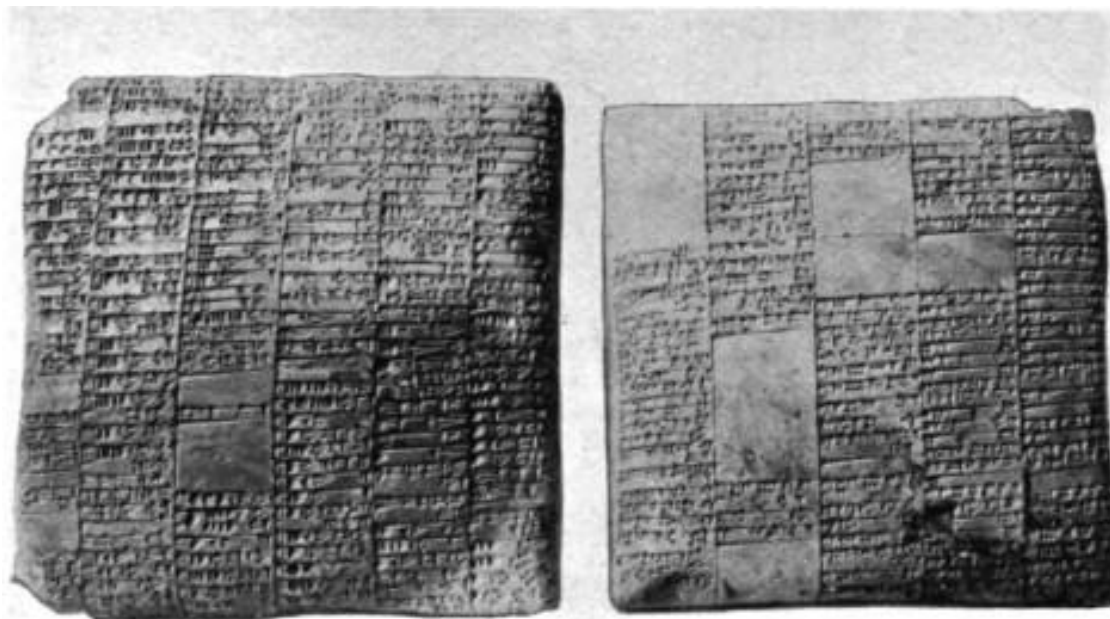
Устанавливая свою власть в Эламе, Дунги должен был обнаружить, что многие районы, и особенно город Сузы, подверглись влиянию шумерской культуры, хотя в основном через семитских переселенцев из Северной Вавилонии. Таким образом, его задача по управлению завоеванными провинциями была пропорционально облегчена. О том, что его экспедиции были не просто набегами, а приводили к постоянной оккупации страны, свидетельствует ряд табличек, найденных в Телло, которые проливают значительный свет на методы, с помощью которых он управлял империей из своей столицы в Уре. Многие из этих документов содержат приказы о поставках, выделенных чиновникам на царской службе, которые проезжали через Лагаш во время путешествий между Уром и своими округами в Эламе. В табличках перечисляются количества зерна, крепкого напитка и масла, которые были выделены им либо для пропитания во время пребывания в Лагаше, либо в качестве провизии на время путешествия после отъезда.

Интересно отметить, что города или страны, из которых они пришли или в которые отправились на обратном пути из Ура, обычно указываются. Помимо Суз, мы встречаем названия Аншан, Хариши, Кимаш и Мархарши, завоевание или присоединение которых Дунги, как мы уже видели, зафиксировано в датирующих формулах. Другими местами, должностные лица которых упоминаются, были Хухнури, Шимаш, Сабу, Улу, Урри, Заула, Гиша, Сири, Сиу, Нехуне и Сигиреш. Как и предыдущие округа, все они находились в Эламе, а Аз, Шабара, Симашги, Махар и Адамдун, с которыми были связаны другие офицеры, вероятно, лежали в том же регионе.^[16] Из количества отдельных мест, названия которых уже были найдены на табличках из Телло, становится ясно, что власть Дунги в Эламе не ограничивалась несколькими главными городами, а была фактически установлена на большей части страны. Хотя большая часть его административной работы направлялась из Ура, вполне вероятно, что Сузы были его местной столицей. Из надписей, найденных во время французских раскопок на этом месте, мы знаем, что Дунги перестроил там храм национального бога Шушинака^[17], и можно предположить, что он сделал город своей штаб-квартирой во время своего пребывания в стране.

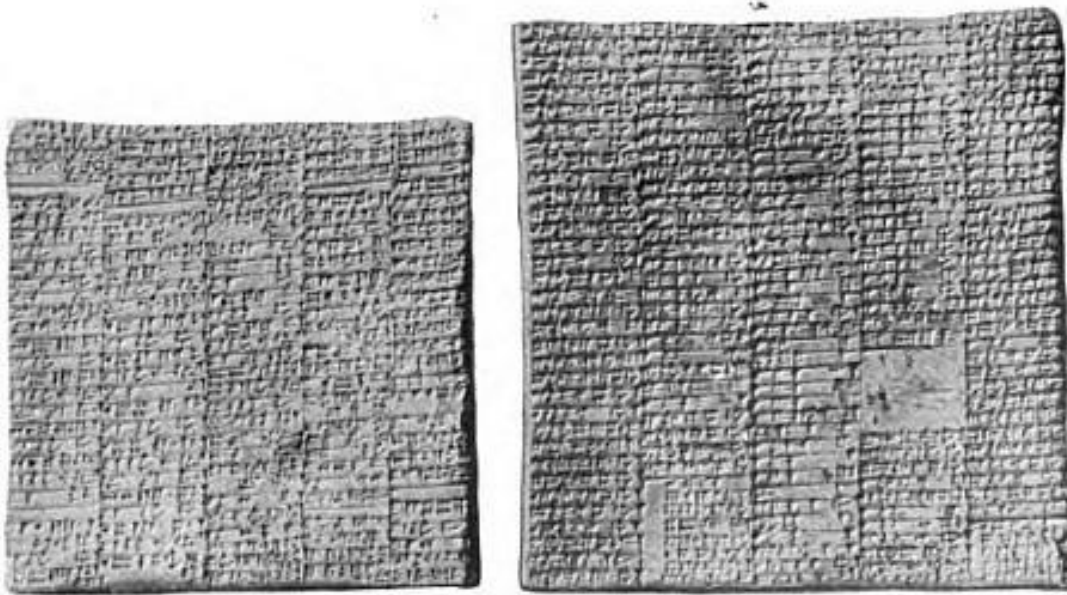
Функции многих чиновников трудно определить, но некоторые титулы можно объяснить: курьеры и царские гонцы, которым поручались депеши. В случае чиновников более высокого ранга на табличке иногда указывается цель их миссии, и видно, что большинство из них руководили сбором и распределением припасов, перевозкой строительных материалов и предоставлением рабочей силы для общественных работ, проводимых королем. На самом деле, очень многие царские офицеры были заняты набором общественных рабов в Эламе и доставкой их в Ур и другие города для работы в строящихся храмах и дворцах. Учитывая положение Лагаша на большой дороге между Уром и Сузами, вполне естественно, что большинство чиновников, упомянутых на табличках, направлялись в Элам или из него, но иногда упоминаются и те, чьи дела лежали в других направлениях. Так, некоторые из них были из городов в непосредственной близости от Лагаша, таких как Тиг-абба, в то время как другие направлялись на север в Ниппур. Другие же направлялись на юг, к побережью, и даже на остров Дильмун в Персидском заливе.

Среди высших чиновников, чье пребывание в Лагаше зафиксировано или чьи представители проезжали через город по делам, иногда упоминаются префект, местный губернатор и даже патеси, и из этого источника информации мы узнаем имена некоторых патеси, которые правили в Сузах под сюзеренитетом Дунги и его преемников на троне Ура. Так, на нескольких табличках записано снабжение пайком Уркия, патеси Сузы, когда он возвращался в этот город во время правления Дунги. В другой табличке упоминается слуга Зарика, патеси Сузы, который прибыл из Ниппура, а третьим патеси Сузы, который был обязан верностью одному

из поздних царей Ура, был Бели-арик. [18]Примечательно, что эти имена, как и имя Липума, патеси Аншана, который также упоминается, не эламские, а семито-вавилонские, в то время как Ур-гигир и Нагидда, которые были патеси Адамдуна в этот период, - шумерские. Поэтому очевидно, что, завоевав Элам, Дунги сместил местных правителей и заменил их чиновниками из Вавилонии, и эта практика была продолжена его преемниками на троне. В этом мы видим убедительное доказательство постоянного и детального контроля над управлением страной, который обеспечивали последующие цари Ура. Такая политика, несомненно, привела к созданию очень эффективной системы управления, но ее успех зависел от наличия достаточной силы, способной подавить любые признаки оппозиции. О том, что эламиты сами возмущались иностранным господством, свидетельствует количество военных экспедиций, которые требовались для подавления мятежей и повторного завоевания восставших провинций. Суровые методы завоевателей не могли обеспечить лояльного принятия их правления со стороны подвластной расы, и, вероятно, именно по этой причине мы можем проследить события, которые привели не только к возрождению эламитов, но и к падению самой династии Ура.

Глиняные таблички с надписями из шумерских храмов, посвященных ослам и кошкам, а также овцам и ягнятам, начертанные во времена правления Дунги, царя Ура -Brit. Mus., №№ 19024 и 12231.

ГЛИНЯНЫЕ ТАБЛЕТКИ С НАПИСЬЮ С СУМЕРИЙСКИМИ ХРАМОВЫМИ АККУРАТАМИ О ЗЕРНАХ И ТРУДЕ, НАПИСАННЫЕ В ПРАВОСЛАВИЕ ДУНГИ, ЦАРЯ УР.-Brit. Mus., №№ 18957 и 18344.

Очевидно, что Элам под управлением Дунги был богатым источником поставок тех материальных продуктов, в пышной демонстрации которых любили предаваться позднейшие правители Шумера. Ее каменоломни, рудники и леса были заложены, а города лишились накопленных богатств во время многочисленных военных походов, в ходе которых были захвачены ее провинции. Из трофеев своих походов Дунги смог обогатить храмы своей собственной земли, а присвоив продукты страны, он получил в изобилии металл, камень и дерево для строительства и украшения своих зданий. Необходимую рабочую силу обеспечивали большие массы государственных рабов, которые постоянно пополнялись из числа пленных, взятых в бою, а также из городов и деревень, заподозренных в участии в восстаниях. Таким образом, он получил возможность продолжить, в еще более сложных масштабах, перестройку древних храмов своей страны, начатую его отцом, Ур-Энгуром.

Из городов Аккада мы знаем, что в Куте он перестроил Э-меслам, великий храм Нергала, бога города, но именно из Шумера дошли основные свидетельства его строительной деятельности. Позднейшая традиция о том, что он очень благоволил к городу Эриду, подтверждается вотивным текстом в Британском музее, в котором говорится о восстановлении им храма Энки в этом городе; кроме того, при Дунги главный жрец Эриду пользовался большим расположением и влиянием. Другим городом на юге, в котором он проводил крупные строительные работы, был Эрех; здесь он восстановил Э-анну, храм богини Нинни, и построил большую стену, вероятно, в связи с системой обороны города. Мы знаем мало подробностей о состоянии этих городов, но богатство, которым пользовались храмы Лагаша, можно считать типичным для других великих шумерских религиозных центров во время правления Дунги. Среди табличек из обожженной глины из Телло, относящихся к этому периоду, есть обширные списки крупного рогатого скота, овец и ослов, принадлежавших храмам, а также подробные таблицы счетов, касающихся управления богатыми храмовыми землями. Интересно отметить, что эти документы, которые по характеру глины и красоте письма являются одними из лучших образцов, найденных в Вавилонии,^[19] были обнаружены М. де Сарзекком в оригинальных архивных камерах, в которых они

хранились шумерскими жрецами. Хотя, очевидно, они были потревожены в какой-то более поздний период, большинство из них все еще были расположены слоями, один на другом, на земляных скамьях, которые шли по обеим сторонам узких подземных галерей.[20]

Несмотря на преданность Дунги древнему шумерскому культу Энки на юге, он не пренебрегал Ниппуром, хотя, похоже, внес некоторые новшества в отношения, которые поддерживал с этим центральным святилищем Вавилонии. На пятнадцатом году своего правления он, по-видимому, подчеркнул политическую связь между Ниппуром и столицей, а шесть лет спустя он посвятил местное святилище богу Луны в бывшем городе, в котором установил статую Наннара, бога города Ур. Энлиль и его супруга Нинлиль не были смещены со своего места во главе шумерского пантеона; бог Луны, как божество-покровитель города-сюзерена, просто получил местный центр поклонения рядом с Э-курром, великим храмом своего отца. Действительно, при преемниках Дунги Энлиль занимал все более важное положение; но не исключено, что в это время с Наннаром начался тот же процесс эволюции, который в более поздний период характеризовал рост значения Мардука, вавилонского городского бога. Но короткая продолжительность правления династии Ура не дала времени для развития этого процесса дальше его начальных стадий. В Ниппуре Дунги также построил храм в честь богини Дамгалнунны, и мы располагаем цилиндрической печатью, которую Ур-Наббад,[21] патеси Ниппура, посвятил Нуску, главному министру Энлиля, от имени жизни Дунги. Ур-Наббад называет себя сыном Лугаль-эзэндуга, которому он также присваивает титул патеси Ниппура. Вероятно, в Ниппуре должность патеси оставалась наследственной, несмотря на политические перемены, - привилегия, которой он, несомненно, пользовался в силу своего особого священного характера.

В своей столице в Уре Дунги, естественно, еще более расширил большой храм, воздвигнутый Ур-Энгуrom в честь бога Луны, и, вероятно, именно в Уре он построил храм в честь Ниниб, культу которой он особенно благоволил. Он также возвел там два царских дворца: один из них, Э-харсаг, на восемнадцатом году своего правления, а другой, Э-хальби, тремя годами позже. В Уре мы также получаем свидетельства важной административной реформы: здесь были восстановлены три весовые единицы - полмане, два мане и двенадцать мане соответственно. Надпись на одной из них гласит, что она была проверена и признана полной в доме печати, посвященном Наннару. Дунги, по сути, ввел единый стандарт веса для использования, по крайней мере, в вавилонской части своей империи; и он стремился сделать свои законы в отношении них эффективными, создав официальную испытательную палату в Уре, которая, вероятно, была прикреплена к храму бога Луны и находилась под руководством центрального жречества. Здесь сохранялись оригинальные стандарты, а все местные стандарты, предназначенные для использования в других городах, несомненно, должны были быть заверены официальной надписью царя. Можно добавить, что, помимо найденных весов его собственного периода, сохранилась копия одного из них, изготовленного по его образцу в неовавилонский период.[22]

Значительная часть наших знаний о правлении Дунги почерпнута из табличек, найденных в Телло, и из них мы также получаем косвенные доказательства единообразного характера его системы управления. Как он ввел фиксированный стандарт веса для использования во всей Вавилонии, так он применил единую систему отсчета времени вместо местных систем датировки, которые до правления его отца преобладали в разных городах со времен падения династии Аккада. Официальное название каждого года было установлено в Уре, а затем опубликовано в каждом городе его империи, где оно было принято в качестве правильной формулы. Эти изменения начались еще при Ур-Энгуре, который, вероятно, ввел центральную систему в каждом городе, над которым он получил контроль; с Дунги мы можем сделать

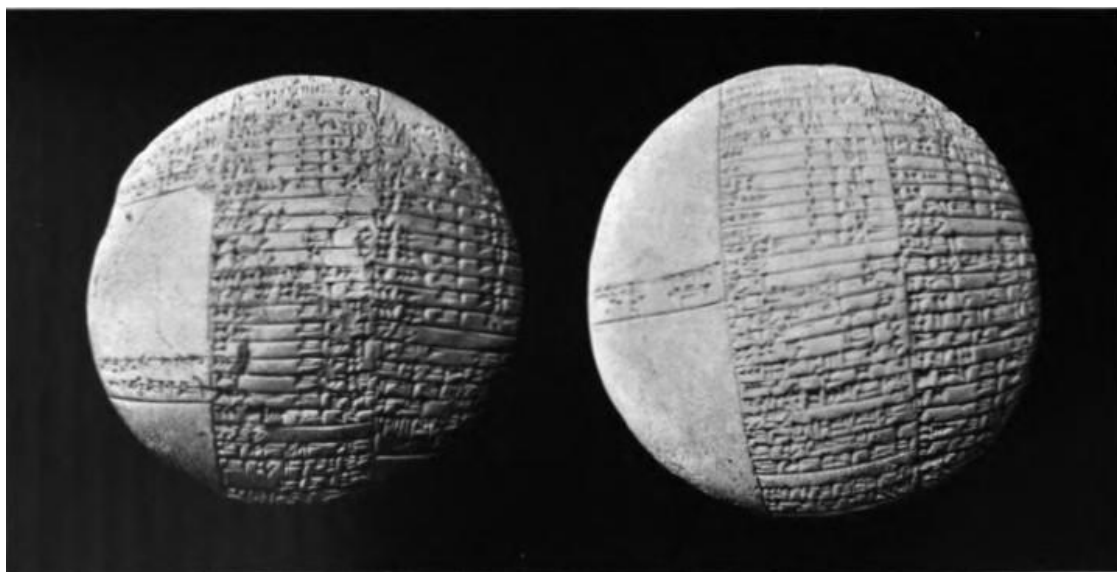
вывод, что она стала универсальной не только в Шумере и Аккаде, но и в отдаленных провинциях его империи. В провинциальных городах писцы часто добавляли к формуле даты имя местного патеси, занимавшего в то время свой пост, и из таких записей на табличках из Телло мы узнаем имена четырех патеси из Лагаша, которые были современниками Дунги в течение последних двадцати лет его правления. Аналогичным образом на табличках, найденных в Джохе[23], мы узнаем, что на сорок четвертом году правления Дунги Ур-несу был патеси города Умма; а печать-оттиск на другой табличке из Телло сообщает имя Ур-Пасага, который был патеси города Дунги-Баббар. Печати на табличках этого периода дают некоторое представление о снижении влияния должности патеси в результате централизации власти в Уре. Подчиненные чиновники могли использовать на своих печатях имя Дунги, а не местного патеси, что доказывало, что, как и сам патеси, они получали свои назначения непосредственно от царя.

Из патеси, занимавших должность в Лагаше в ранние годы правления Дунги, удалось восстановить имя только одного, некоего Галу-казала. Он посвятил вазу Нингирсу за сохранение жизни Дунги,[24] и его дочь Хала-Лама преподнесли замечательную женскую статуэтку богине Бау с той же целью.[25] Из более поздних патесиатов мы знаем, что Галу-андул занимал свой пост на тридцать девятом году правления Дунги, а Ур-Лама I. правил по меньшей мере семь лет с сорок второго по сорок восьмой год. Патесиат Аллы, который находился на своем посту в пятидесятый год, был очень коротким, так как в следующем году его сменил Ур-Лама II, который пережил Дунги и продолжал править в Лагаше в течение трех, а возможно, и четырех лет правления Бура-Сина. Среди общественных работ, проведенных Дунги в Лагаше, мы знаем, что он перестроил Э-нинну, храм Нингирсу, большой храм, посвященный богине Нина, и Э-салгилса, святилище богини Нинмар в Гирсу. Раскопки на других участках, несомненно, обнаружат следы других зданий, которые он возвел за время своего долгого правления, длившегося пятьдесят восемь лет. Действительно, уже найденные тексты содержат упоминания о работах по возведению зданий, местоположение которых пока не установлено, таких как восстановление Убары и основание Бад-мада, "Стены (или укрепления) земли". Поскольку последняя была построена на сорок седьмом году его жизни, после основной эпохи его эламских походов, она могла быть сильно укрепленным городом-гарнизонам на границе, из которого он мог осуществлять контроль над недавно приобретенными провинциями.

Учитывая исключительно долгое правление Дунги, можно предположить, что Бур-Син был уже в преклонном возрасте, когда сменил своего отца на троне Ура. Однако, как бы то ни было, он царствовал всего девять лет, а Гимил-Син, его сын, сменивший его, - всего семь лет.[26] Более продолжительным было правление Иби-Сина, сына и преемника Гимил-Сина, который удерживал свой трон в течение целого поколения, но в конце концов потерял его и положил бесславный конец династии Ур-Энгура. Эти последние правители династии Ура, по-видимому, придерживались общих направлений политики Дунги, которую они унаследовали от него вместе с его империей. Эламские провинции нужно было держать в узде, посылая туда военные экспедиции, но в самой Вавилонии власть Ура принималась без вопросов, и ее цари могли посвятить себя украшению великих храмов страны. Интересно отметить, что при Бур-Сине и его сыне значение центрального святилища в Ниппуре было полностью признано, и акцент был сделан на положении Энлиля во главе вавилонского пантеона. Об этом свидетельствуют дополнительные титулы, которые эти два правителя приняли в своих закладных надписях и вотивных текстах, дошедших до нас. Обычные титулы Бура-Сина - "царь Ура, царь четырех кварталов" - обычно предваряются фразой "чье имя Энлиль произнес в Ниппуре, кто поднял голову храма Энлиля", а Гимил-Син называет себя "возлюбленным Энлиля", "кого Энлиль избрал возлюбленным своего сердца" или "кого

Энлиль в своем сердце избрал пастырем земли и четырех кварталов". Из надписей, найденных в Ниппуре, мы знаем, что Бур-Син пристроил большой храм Э-Кур, а также построил хранилище для подношений меда, масла и вина, а третий год его правления был отмечен возведением большого трона в честь Энлиля. Гимил-Син, по-видимому, был столь же активен в своей преданности святыне, поскольку два года его короткого правления получили свои названия благодаря установке большой стелы и строительству священной лодки, обе в честь Энлиля и его супруги.

Особые почести, воздаваемые Энлилю, по-видимому, не повлияли на культ бога Луны, божества-покровителя Ура, поскольку и Бур-Син, и Гимил-Син перестроили и дополнили великий храм Сина, или Наннара, в своей столице.^[27] Они также последовали за Дунги в его заботе о святилище Энки в Эриду; есть свидетельства, что Бур-Син перестроил храм Нинни в Эрехе, а последний год правления Гимил-Сина ознаменовался восстановлением городского храма в Умме. Таким образом, очевидно, что последующие члены династии Ур-Энгура продолжили перестройку храмов Вавилонии, которая была характерна для его правления и правления Дунги. Другой практикой, которую они унаследовали, было обожествление царствующего царя. Они не только ставили божественный детерминатив перед своими именами, но Бур-Син называет себя "праведным богом своей земли" или "праведным богом, солнцем своей земли". Он также установил свою статую, которую назвал "Бур-Син, возлюбленный Ура", и поместил ее в храм бога Луны под защиту Наннара и Нингала. По-видимому, в это время вошло в обычай, что правящий царь воздвигал статуи самого себя в великих храмах страны, где им регулярно совершались подношения, как и статуям самих богов. Так, табличка из Телло упоминает о неких подношениях, совершаемых в праздник новолуния статуям Гимил-Сина, которые стояли в двух главных храмах Лагаша - Нингирсу и богини Бау.^[28] Следует добавить, что табличка датируется пятым годом правления Гимил-Сина. Ввиду того, что Наннар был богом города-сюзерена, праздники новолуния, естественно, даже в провинциальных городах имели особое значение в священном календаре.

ДВЕ ТАБЛИЧКИ ИЗ ОБОЖЖЕННОЙ ГЛИНЫ, НА КОТОРЫХ НАЧЕРТАНЫ ПОДРОБНОСТИ ОБСЛЕДОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ВЛАДЕНИЙ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ БУР-СИНА, ЦАРЯ УРА. -Brit. Mus., № 18039 и 19030; фото, Messrs. Mansell & Co.

Всякий раз, когда царь перестраивал или пристраивал храм, мы можем предположить, что он открывал там новый центр своего культа, но несомненно, что возводились и храмы, полностью посвященные его поклонению. Так, Дунги датировал год своего правления назначением первосвященника своего культа, что позволяет предположить, что, приняв божественный сан, он основал храм в свою честь. Более того, при его преемниках высокопоставленные чиновники добивались царского расположения, строя и посвящая святилища правящему царю. Об этом свидетельствует votive надпись Лугаль-магурри, патеси Ура и начальника крепости, в которой говорится, что он основал храм в честь Гимил-Сина, "своего бога". После смерти царя его культ не умер вместе с ним, но ему продолжали поклоняться и приносили ему жертвы на праздник новолуния. На табличках из Телло, датированных поздними годами правления династии Ура, записано совершение таких подношений Дунги, и примечательно, что патесисы Ур-Лама и Гудеа также почитались подобным образом. Мы видели, что Гудеа, вероятно, не был обожествлен при жизни, но в этот период он занимает место рядом с богом Дунпэ в обрядах новолуния. Жертвоприношения в его честь, сопровождаемые жертвоприношениями, повторялись шесть раз в год, и к его служению был приставлен особый класс жрецов.[29] Интересный след этой практики сохранился в пояснительном списке богов, составленном для библиотеки Ашшур-бани-пала в Ниневии, где имя Бур-Сина объясняется как имя сопровождающего божества, служащего богу Луны.[30]

Позднейшие цари Ура, по-видимому, сохранили владение империей, приобретенной Дунги, но мы можем предположить, что, как и он, они были вынуждены постоянно укреплять свою власть. В Сузах были найдены таблички, датированные официальными формулами Бур-Сина,[31], доказывающие, что столица Элама оставалась под его контролем, но, не пробыв на троне и двух лет, он был вынужден предпринять повторное завоевание Урбилу. Другие успешные экспедиции были предприняты в шестой и седьмой годы его правления, в результате которых были покорены Шашру и Хухнури, или Хухнури. В формуле даты правления Гимил-Сина записано, что в третий год он завоевал Симану, а через четыре года - землю Забшали, в то время как единственное завоевание Иби-Сина, о котором мы имеем сведения, - это завоевание Симуру. В формуле даты этого периода также отмечается женитьба патеси Забшали на Тукин-хатти-мигрише, дочери царя, но нет уверенности в том, к какому царствованию следует отнести это событие. О масштабах власти Гимил-Сина в направлении Средиземноморья можно судить по формуле даты его четвертого года, который посвящен строительству Западной стены, или укрепления, под названием Мурик-Тидним. Поскольку Тидну объясняется ассирийскими географами как другое название Амурру[32] и может быть связано с Тидану, горой в Амурру, из которой Гудеа получал свой мрамор,[33] мы можем заключить, что по крайней мере часть Сирии признала сюзеренитет Ура во время его правления.

О сравнительно долгом правлении Иби-Сина и о событиях, предшествовавших падению династии Ура, мы знаем немного, но уже во время правления его предшественников можно проследить некоторые причины, приведшие к упадку могущества города. Богатство, полученное от эламских провинций, и значительное увеличение числа государственных рабов должны были привнести в шумерскую жизнь элемент роскоши, что должно было подорвать воинские качества народа и его склонность к внешней службе. Объединение Шумера и Аккада в единую империю уничтожило последние следы политического разделения между великими городами страны, и, хотя это положило конец местному патриотизму, оно не способствовало росту какого-либо чувства лояльности к городу-

сюзерену. Все великие провинциальные города, несомненно, должны были поставлять контингенты для многочисленных военных кампаний того периода, и они не могли испытывать особого удовлетворения, видя, как плоды их завоеваний направляются на возвеличивание другого города, кроме их собственного. Принятие божественного сана поздними царями Ура само по себе может рассматриваться как симптом духа, который управлял их правлением. В случае с Дунги это нововведение последовало за внезапным расширением его империи, и его принятие было основано как на политических, так и на личных мотивах. Но при его потомках эта практика была доведена до более экстравагантных пределов, и она, несомненно, давала возможность царским фаворитам получить с помощью лести неоправданное влияние в государстве.

Мы уже видели, что Лугаль-магурри, совмещавший гражданскую должность патеси Ура с военным назначением коменданта крепости, основал храм для поклонения Гимил-Сину, и очевидно, что такой поступок открыл бы более легкий путь к царской благосклонности, чем успешное проведение кампании. Вероятно, именно с помощью таких методов министры при дворе Ура добились того, что они стали пользоваться множеством должностей, которые раньше с гораздо большей эффективностью управлялись отдельными людьми. Наиболее ярким примером является Арад-Наннар, чье имя как патеси Лагаша часто упоминается на датированных табличках из Телло. Он был "суккал-махом", или главным министром, при трех последних царях Ура и, похоже, сменил своего отца Ур-Дунпае, который занимал этот пост в правление Дунги. Из табличек Телло мы знаем, что он также занимал патесиат Лагаша в этот период, поскольку он получил это назначение в конце правления Бур-Сина^[34] и продолжал занимать его при Иби-Сине. Но патесиат Лагаша был лишь одной из многих должностей, которые он совмещал. В Телло были найдены двое ворот-розетки, которые первоначально были частью храма, основанного Арад-Наннаром в Гирсу для культа Гимил-Сина, и в надписях на них он оставил нам список своих назначений.^[35]

Помимо должностей главного министра и патеси Лагаша, он был жрецом Энки, правителем Узаргаршана, правителем Бабишуэ, патеси Сабу и земли Гутебу, правителем Тимат-Энлиля, патеси Аль-Гимил-Сина,^[36] правителем Урбилу, патеси Хамаси и Ганхара, правителем Ихи, правителем народа су и земли Кардака. Таким образом, в определенное время правления Гимил-Сина Арад-Наннар совмещал в своем лице двенадцать важных назначений, включавших в себя управление не менее чем тринадцатью отдельными городами и провинциями. Положение некоторых из перечисленных мест остается неясным, но ясно, что некоторые из них были сильно удалены друг от друга. Например, Лагаш находился на юге Шумера, Сабу - в Эламе, а Урбилу и Ганхар - севернее, в районе гор Загрос.

Эта централизация власти при поздних царях Ура, несомненно, уничтожила власть, принадлежавшую патесиату в то время, когда отдельные города земли пользовались практической автономией; и это, кстати, объясняет сохранение титула при первой династии Вавилона как титула сравнительно подчиненного класса чиновников. Но политика централизации должна была оказать более непосредственное влияние на общее управление империей. Ведь она, несомненно, уменьшила ответственность местных правителей и передала центральную власть, которой ранее пользовался сам царь, в руки нескольких придворных чиновников. Обожествление царя, несомненно, способствовало его отстранению от активного управления делами, и, пока его божественные обряды совершались должным образом, он, вероятно, был доволен тем, что без вопросов принимал доклады, которые представляли ему его придворные. Такая система правления должна была закончиться национальной катастрофой, и неудивительно, что династия прекратилась через

сорок один год после смерти Дунги. Мы можем отложить до следующей главы рассказ о том, как гегемония в Вавилонии перешла от города Ур к Исину.

[1] См. Hilprecht, "Math., Met., and Chron. Tablets", p. 46 f.

[2] См. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", pp. 186 и далее.

[3] Восстановление стены Ура также отмечено в формуле даты одного из ранних годов его правления.

[4] См. табличку напротив с. 246.

[5] См. Кинг, "Хроники о ранних вавилонских царях", т. I, с. 60 и далее; т. II, с. 11.

[6] Те же характеристики, вероятно, были представлены в вотивных текстах местных патеси, которые были современниками царей Шумера и Аккада. Так, Халадда, патеси Шуруппака и сын Дады, который был патеси до него, записывает на шумерском языке, что он построил большую дверь бога или богини этого города; см. его надпись на конусе, найденную в Фаре и опубликованную в "Mitteil. der Deutsch. Orient-Gesellschaft", No. 16, 1902-3, p. 13. С другой стороны, семитское влияние заметно в надписи Итур-Шамаша, высокопоставленного чиновника (*rabiânu*), который строил в Кисурре и на кирпиче с надписью, найденном в Абу-Хатабе, называет себя сыном Идин-илу, патеси Кисурры (*op. cit.*, No. 15, 1902, p. 13).

[7] См. Huber, "Die Personennamen ... aus der Zeit der Könige von Ur und Nisin", и Langdon, "Zeits. der Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft", Bd. LXII., p. 399.

[8] Или лучше: "Килулла, гузалу"; ср. "Königsinschriften", p. 194 f.

[9] См. табличку напротив с. 246.

[10] Несмотря на использование шумерского языка в надписях и продолжение традиций Ура, Мейер предполагает, что династия Исина могла быть аморейского происхождения (см. "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., p. 501 f.). Но присутствие имени бога Дагана в двух царских именах едва ли достаточно для обоснования этой точки зрения, тем более что предполагаемое вторжение амореев в царствование Либит-Иштар было полностью опровергнуто; см. ниже, p. 315 f.

[11] См. Thureau-Dangin, "Comptes rendus", 1902, pp. 77 ff., "Rev. d'Assyr.", Vol. V., pp. 67 ff., и "Königsinschriften", pp. 229 ff.

[12] Ср. Thureau-Dangin, "Orient. Lit.-Zeit.", 1898, col. 169, n. 2, и "Comptes rendus", 1902, p. 85.

[13] Возможно, он связан с Хуршиту (см. Meyer, "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., p. 498 f.), на местоположение которого указывает кирпич из дворца Пухии, царя Хуршиту, который был найден в Туз-Хурмати на реке Адем (см. Scheil, "Rec. de trav.", XVI., p. 186; XIX., p. 61). Пухия, вероятно, был современником самых ранних правителей Ашшура.

[14] См. ниже, гл. XII, с. 338.

[15] Это имя также читается как Карибу-ша-Шушинак. Судя по всему, он не унаследовал свой патесиат, поскольку в своих надписях он не присваивает титул своему отцу Шимби-ишхуку.

[16] См. Thureau-Dangin, "Comptes rendus", 1902, p. 88 f.

- [17] См. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", III., p. 20 f.
- [18] См. Scheil, "Rec. de trav.", Vol. XXII, p. 153. Хуннини, патеси Кимаша и правитель Мадки, чья печать в Эрмитаже в Санкт-Петербурге опубликована Сайсом ("Zeits. für Assy.", VI., p. 161), вероятно, также должен быть отнесен к этому периоду. Мадка должна быть отождествлена с Мадгой, откуда Гудеа получал битум; см. выше, с. 261 и далее.
- [19] См. табличку напротив с. 292.
- [20] Ср. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", III., p. 66.
- [21] Чтение последнего слога этого названия неясно.
- [22] Brit. Mus. No 91,005; ср. "Guide", p. 193 f.
- [23] Ср. Scheil, "Rec. de trav.", XIX., p. 62 f.
- [24] См. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", IV., p. 90.
- [25] Ср. "Déc. en Chaldée", pl. 21, Fig. 4.
- [26] Гимил-Син, возможно, правил девять лет; см. Kugler, "Sternkunde", II., p. 151 f. Другим сыном Бура-Сина был Ур-Бау, имя которого встречается на печати из Телло (см. Scheil, "Rec. de trav.", XIX., p. 49).
- [27] Преданность богу Луны также выражается их именами и именем Иби-Сина.
- [28] Ср. Thureau-Dangin, "Rec. de trav.", XIX., pp. 185 и далее.
- [29] См. Scheil, "Rec. de trav.", XVIII., pp. 64 ff.
- [30] См. "Клинописные тексты в Британском музее", т. XXV, с. 7.
- [31] Ср. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", IV., p. 73 f.
- [32] Ср. Thureau-Dangin, "Rec. de trav.", XIX., p. 185.
- [33] См. выше, р. 261.
- [34] Еще один патеси, чтение имени которого неясно, по-видимому, отделял Арад-Наннар от Ур-Ламы II.
- [35] См. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyr.", V., pp. 99 ff.; VI., p. 67 ff.; и "Königsinschriften", pp. 148 ff.; ср. также "Comptes rendus", 1902, pp. 91 ff.
- [36] "Город Гимил-Син", т. е. город, названный в честь царствующего короля и, вероятно, основанный им.
-

ГЛАВА XI

РАННИЕ ПРАВИТЕЛИ ЭЛАМА, ДИНАСТИЯ ИСИНА И ВОЗВЫШЕНИЕ ВАВИЛОНА

Царство Шумера и Аккада, основанное Ур-Энгуром, пережило падение его династии, и центр власти просто перешел из одного города в другой. Смена столицы не означала

существования какого-либо нового расового движения, подобного тому, которое привело к возвышению Киша и Аккадской империи. Цари Исины, вероятно, были шумерами, как и их непосредственные предшественники, и разделяли с ними те же идеалы и культуру. Несомненно, между великими шумерскими городами существовало соперничество, и любой из них был бы готов оспорить власть Ура, если бы существовала перспектива успеха. На первый взгляд может показаться, что Исин вышел победителем из такой борьбы за гегемонию. В династической хронике из Ниппура конец династии Ура и возвышение Исины кратко зафиксированы словами: "Власть Ура была свергнута, Исин занял его царство". Только на основании этого отрывка можно предположить, что Ишби-Ура, основатель династии Исин, возглавил восстание против правления Ура и был непосредственным виновником низложения Иби-Сина.

Но падение династии Ура, как и первой династии Вавилона, было вызвано внешними причинами, а не какими-либо движениями в пределах самой Вавилонии. Мы не располагаем современными записями о катастрофе, которая в это время захлестнула империю, но ее отголосок сохранился в тексте-предзнаменовании, начертанном на ассирийской табличке из библиотеки Ашур-бани-пала. Мы уже отмечали случаи, когда подлинные исторические традиции включались в позднюю авгуровскую литературу, и нам не нужно сомневаться в исторической точности этой ссылки на события прошлого. В рассматриваемом тексте перечисляются определенные предзнаменования, которые он связывает с падением "Иби-Сина, царя Ура", который, как утверждается, был уведен в плен в Аншан.^[1] Таким образом, мы можем сделать вывод, что именно эламское вторжение положило конец династии Ура. Иноземные провинции, на владении которыми Дунги основывал свои притязания на управление четырьмя четвертями мира, в конечном итоге стали причиной падения его империи.

У нас мало данных, позволяющих оценить масштабы эламского завоевания Вавилонии или период, в течение которого страна или ее часть находилась в руках захватчиков. Изгнание царя Ура вряд ли могло быть результатом спазматического набега, последовавшего за одним из многочисленных восстаний в провинциях, которые в конце концов увенчались успехом. Гораздо вероятнее, что захват последовал за падением самого Ура, и такое достижение доказывает существование в Эламе организованной силы, на создание которой должно было уйти несколько лет. Поэтому можно предположить, что в течение двадцати пяти лет своего правления Иби-Син постепенно терял власть над эламской частью своей империи, и в Эламе образовалось независимое царство под властью местного правителя. Некоторое время Иби-Син мог продолжать удерживать отдельные районы, но после успешного вторжения в Вавилонию весь Элам, а на какое-то время и часть самой Вавилонии, возможно, перешли к завоевателю.

Было бы заманчиво связать падение Ура с разграблением соседнего города Эрех эламским царем Кудур-Нанхунди, о котором говорится в надписи Ашшур-бани-пала. Захватив Сузы в 650 году до н. э., ассирийский царь сообщает, что вернул изображение богини Нана, которое Кудур-Нанхунди вывез из Эреха за шестнадцать сотен и тридцать пять лет до этого.^[2] Приняв эти цифры, вторжение Кудур-Нанхунди было отнесено к приблизительной дате 2285 года до н. э., и ранее предполагалось, что это был эпизод эламитских войн Первой династии Вавилона. Но в связи с сокращением дат, вызванным последними открытиями, следует, что, если принять данные Ашшур-бани-пала за верные, вторжение Кудур-Нанхунди должно было произойти до возвышения Вавилона. Оно не могло произойти в то время, когда цари Ура были всемогущи в Вавилонии и все еще сохраняли эффективную власть над Эламом; так что, если не относить вторжение к какому-то периоду беспорядков во времена династии Исины,

не существует более вероятной эпохи, чем эламское вторжение, которое положило конец династии Ура и позволило Исину обеспечить гегемонию в Вавилонии.

Отсутствие синхронности или фиксированной точки соприкосновения между ранней историей Элама и историей Шумера и Аккада затрудняет определение периода правления тех коренных эламских правителей, чьи имена встречаются в надписях на зданиях, найденных во время французских раскопок в Сузах. В некоторых текстах перечисляется череда эламских князей, которые, в свою очередь, принимали участие в реконструкции зданий в этом городе,^[3] и, хотя мы можем расположить их имена в относительном хронологическом порядке, только ближе к концу Первой династии Вавилона мы можем определенно установить дату правления кого-либо из них. Из более ранних правителей члены династии Хутран-тепти, вероятно, правили в период, следующий за периодом правления Баша-Шушинака.^[4] Помимо самого Хутран-тепти, удалось восстановить имена трех его потомков: Итадду I, его сына Кал-Рухуратира и внука Итадду II. Поскольку эти правители носили титул патеси Сузы, возможно, что, подобно Уркию, Зарику и Белиа-рику, которые упоминаются на табличках из Телло,^[5] они были обязаны подданством Вавилонии в период правления династии Ура.^[6] Более поздней эламской династией была та, которая вела свое происхождение от Эбарты или от его сына Шилхаха. Двумя потомками Шилхаха^[7] были Ширукду' или Ширукдух, и Симебалар-хуппак, которых отделил от более поздней группы Кук-Кирмеш, сын Ланкуку. Более поздняя группа его потомков, имена которых пока не удалось восстановить, состоит из Адда-Пакшу, Темти-Халки и Кук-Нашура, или Кукка-Нашера, потомка Кал-Ули.^[8] Какие промежутки времени отделяли разных представителей династии друг от друга, остается только догадываться.

Примечательно, что члены династии Эбарты, чьи надписи удалось восстановить, носят иные титулы, чем представители более ранней династии Хутран-тепти. Если последние называли себя патесисами Сузы и правителями (*шакканакку*) Элама, то их преемники претендуют на титул *суккаль* Элама, Симаша и Сузы. Было высказано предположение, что титул *суккалу* мог нести в себе идею независимости от иностранного контроля, отсутствующую в титуле патеси, а изменение титула рассматривалось как отражение соответствующих изменений в политическом состоянии Элама. Была выдвинута точка зрения, что правители Элама, называвшие себя *суккалу*, правили в период, когда Элам был независимым и, возможно, осуществлял сюзеренитет над соседними районами Вавилонии.^[9] Предполагалось, что виновником этих перемен был Кудур-Наххунди, и в поддержку этого предположения указывалось, что некий Кутир-Наххунте, чье имя встречается в вотивной надписи того периода, возможно, должен быть отождествлен с завоевателем Эреха. Он упоминается на кирпичях Темти-агуна, *суккаля* Сузы и потомка Ширукдуха, из храма, построенного этим правителем с целью продления собственной жизни и жизни четырех других эламитов, среди которых был Кутир-Наххунте.^[10] Считалось возможным, что Темти-агун мог быть местным правителем Сузы в то время, когда Кутир-Наххунте осуществлял контроль над всем Эламом и значительной частью Вавилонии.

Предполагаемый синхронизм, если бы он был установлен, оказал бы значительную помощь в организации хронологии неясного периода истории, но он не может считаться вероятным. В Темти-агуне нет титула после имени Кутир-Наххунте, и это упущение вряд ли совместимо с теорией о том, что он был его начальником и сюзереном. Более того, теперь можно с уверенностью сказать, что титул *суккалу*, отнюдь не означавший независимости, был отличительным знаком подчинения иностранному контролю. Недавно была опубликована надпись *суккаля* Кукка-Нашера,^[11] которая датируется формулой Амми-задуги, последнего царя, но одного из первой вавилонской династии, что доказывает, что он управлял Сузами от

имени Амми-задуги. Эта синхронность - единственная определенная в ранней истории двух стран, поскольку она, вероятно, устраняет другую, недавно предложенную между Адда-Пакшу и Суму-абу, основателем вавилонской монархии. Договор-таблица эпохи Адда-Пакшу датируется "годом Шуму-аби", который был отождествлен с Суму-абу, вавилонским царем.[12] Помимо того, что за именем Шуму-аби не следует никакого титула, было отмечено, что Адда-Пакшу от Кук-Нашура отделяет гораздо меньший промежуток времени.[13] Таким образом, мы приходим к выводу, что, во всяком случае, поздние члены династии Эбартти были обязаны верностью Вавилону, и вполне законно предположить, что более ранние правители, которые также носили титул *суккалу*, признавали сюзеренитет либо Вавилона, либо Исины. Контроль, осуществляемый суверенным государством, несомненно, часто был номинальным, и вполне вероятно, что пограничные войны были нередким явлением. Отражение такого положения дел, вероятно, можно увидеть в короткой надписи Ану-мутабиля, правителя города Дер, которую он выгравировал на камне в форме оливы, хранящемся сейчас в Британском музее.[14] Этот местный магнат, живший, вероятно, примерно в период правления династии Исин, хвастается тем, что разбил головы людям из Аншана, Элама и Симаша и завоевал Бараксу.

Таким образом, из местных эламских источников мы не получаем никаких доказательств того, что Элам осуществлял контроль над частью Вавилонии в течение сколько-нибудь значительного периода после падения Ура. Вторжение в страну, приведшее к изгнанию Иби-Сина, несомненно, освободило Элам на некоторое время от иностранного контроля и, вполне возможно, привело к созданию ряда независимых государств под управлением местных эламских правителей. Помимо Кудур-Нанхунди, к этому периоду мы можем условно отнести Кисари, царя Ганхара,[15] район, который ранее находился во владении царей Ура. Но, похоже, что эламские государства после долгого периода подчинения не были достаточно сильны и едины, чтобы повторить успех, достигнутый Аншаном. В династической хронике из Ниппура записано, что Исин захватил царство Ур, и можно предположить, что Ишби-Ура не заставил себя долго ждать, чтобы восстановить царство Шумера и Аккада со своим собственным городом в качестве его столицы. Вторжение эламитов вполне могло ограничиться югом Шумера, а среди городов, оставшихся незатронутыми, естественно, утвердился бы самый могущественный. Свидетельством того, что Ишби-Ура вскоре освободился от эламского вмешательства, может служить упоминание о нем на ассирийской табличке, где говорится, что "у него не было соперников".[16] Фраза, конечно, расплывчата, но она, по крайней мере, свидетельствует о репутации, которую его достижения обеспечили ему в традициях более поздней эпохи.

У нас мало записей о царях Исины, и большая часть нашей информации о династии содержится в династическом списке Ниппура. Из этого документа мы знаем, что она просуществовала двести двадцать пять лет и шесть месяцев и состояла из шестнадцати царей. Естественно, они делятся на четыре группы. Первая группа включает в себя семью Ишби-Уры, четверо из прямых потомков которого сменили его на троне, и их правление вместе с его правлением длилось девяносто четыре года. Вторая группа состоит из Ур-Ниниба и трех его потомков, которые правили в течение шестидесяти одного года. Затем последовал период в тридцать шесть с половиной лет, в течение которого в Исине правили не менее пяти царей, и, поскольку ни один из них не был родственником, это явно было время больших политических волнений. Более стабильное положение вещей, по-видимому, преобладало в заключительный тридцатичетырехлетний период, занятый правлением Син-магира и его сына Дамик-илишу, при котором династия завершилась. Несколько табличек, датированных периодом правления династии Исин, были найдены в Нифере и, по крайней мере, одна в Абу-Хаббе, а несколько коротких вотивных надписей некоторых царей были

найжены в этих двух местах, а также в Уре и Вавилоне. Упоминания о четырех царях Исина в поздних вавилонских традициях дополняют материал, из которого можно почерпнуть знания об этом периоде. Информация, полученная из этих довольно скудных источников, в сочетании с последовательностью правителей в списке Ниппура, позволяет нам в общих чертах обрисовать ход событий, но, естественно, оставляет нерешенными многие проблемы, для решения которых мы должны ожидать дальнейших открытий.

Позднейшая традиция об успешном правлении Ишби-Уры подтверждается тем, что он правил тридцать два года и прочно утвердил свою семью на троне Исина. Ему наследовал его сын Гимил-Илишу, который правил десять лет. Очень фрагментарная надпись Идин-Дагана, сына Гимил-Илишу, который царствовал двадцать один год, была найдена в Абу-Хаббе,^[17] доказывающая, что Сиппар признавал его власть. Действительно, вполне вероятно, что уже в правление Ишби-Уры Аккад и Шумер входили в состав царства Исина, и доказательством того, что это было нормальным положением вещей, может служить тот факт, что каждый царь Исина, о котором мы имеем надпись на здании или votive текст, претендует на титул царя Шумера и Аккада. Самая ранняя запись такого характера - надпись на кирпичах, найденных в Мукайяре и относящихся к периоду правления Ишме-Дагана, сына и преемника Идин-Дагана. Помимо титулов царя Исина и царя Шумера и Аккада, он называет себя владыкой Эреха и в различных выражениях описывает благосклонность, которую он проявил к городам Ниппур, Ур и Эриду; о его строительной деятельности в Ниппуре свидетельствуют многочисленные кирпичи с его именем и титулами, найденные на этом месте. Эти же города упоминаются в титулах Либит-Иштар, сына Ишме-Дагана, который занял трон после двадцатилетнего правления своего отца. Оба этих правителя, похоже, посвятили себя культу Нинни, великой богини Эреха, а Ишме-Даган даже называет себя ее "возлюбленным супругом". Его притязания на роль супруга богини, несомненно, были основаны на принятии им божественного сана - практика, которую цари Исина унаследовали от династии Ура.^[18]

БРИКСЫ БУР-СИНА, ЦАРЯ УРА, И ИШМЕ-ДАГАНА, ЦАРЯ ИСИНА.- Из Мукайяра; *Brit. Mus.*, № 90056 и 90178; фото, *Messrs. Mansell & Co.*

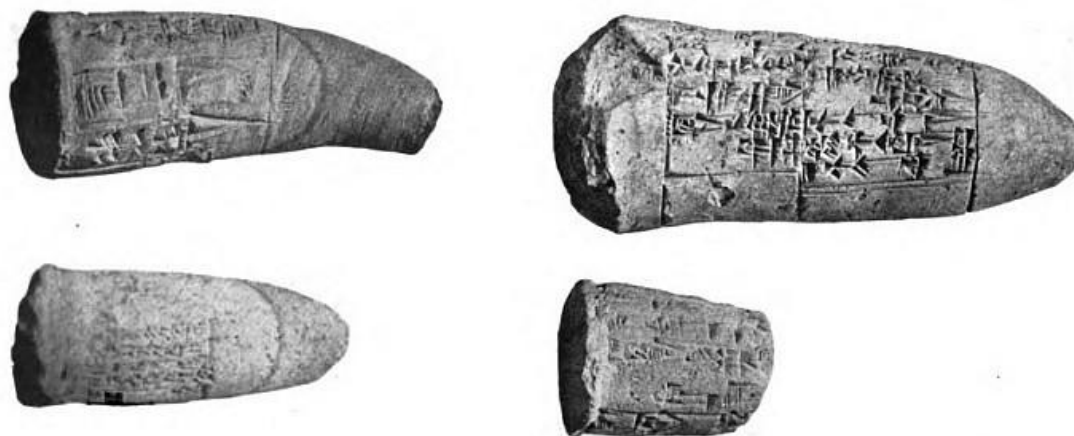
Либит-Иштар был последним членом семьи Ишби-Ура, занимавшим трон Исина. Он правил одиннадцать лет, и с его преемником, Ур-Нинибом, трон перешел к другой семье. Вероятно, мы можем связать это изменение в престолонаследии с тем, что примерно в это время в Ларсе и Уре появляется независимое царство. Другой сын Ишме-Дагана, по имени Эннантум, который был главным жрецом в храме бога Луны в Уре, оставил нам надпись на глиняных конусах, в которой он сообщает, что перестроил храм бога Солнца в Ларсе ради сохранения своей жизни и жизни Гунгуну, царя Ура.^[19] Сам Гунгуну на кирпичной надписи, посвященной строительству им великой стены Ларсы, утверждает, что является царем этого города, а также всего Шумера и Аккада. Таким образом, похоже, что к концу правления Либит-Иштар или сразу после него Гунгуну основал независимое царство со столицей в Ларсе. Странно, что в городе Ур, который находился под его властью, сын Ишме-Дагана продолжал занимать должность главного жреца или был наделен ею, и есть что-то в пользу предположения, что падение Либит-Иштара могло быть вызвано не активной враждебностью со стороны Гунгуну, а иностранным вторжением из Элама.^[20]

Согласно этой точке зрения, Исин был захвачен захватчиками,^[21] и в последовавшей за этим неразберихе Ларса обеспечил себе гегемонию в Шумере. Как бы то ни было, вероятно, власть Гунгуну была недолгой; ведь Ур-Ниниб представлен в династическом списке как непосредственный преемник Либит-Иштара, а в собственной надписи на кирпиче из Ниппура он не только претендует на титулы царя Исина и царя Шумера и Аккада, но и, подобно предыдущему царю Ишме-Дагану, называет себя владыкой Эреха и покровителем Ниппура, Ура и Эриду.^[22] Поэтому можно предположить, что Ур-Нинибу удалось восстановить власть Исина и вновь объединить под своей властью весь Шумер и Аккад. После двадцативосьмилетнего правления его сменил сын Бур-Син II, носивший те же титулы, что и его отец, и упоминавший тот же список городов, пользовавшихся его особой благосклонностью. Его сравнительно долгое правление (двадцать один год) - еще одно свидетельство того, что восстановление порядка Ур-Нинибом было эффективным. Последние два потомка Ур-Ниниба, занявшие трон Исина, были сыновьями Бур-Сина. Об Итер-каше, правившем всего пять лет, мы ничего не знаем, но имя его брата Ура-имитти и странная манера, в которой он встретил свою смерть после назначения преемника, сохранились в поздней вавилонской традиции.

В хронике о Саргоне Аккадском и других ранних вавилонских царях, на которую уже делалась ссылка,^[23] есть раздел, посвященный Ура-имитти, из которого мы узнаем, что, не имея сына, который мог бы сменить его на троне, он назначил своим преемником Энлиля-бани, своего садовника.^[24] В тексте говорится, что, возложив корону своего правления на голову Энлиль-бани, он встретил свою смерть в своем дворце либо от несчастного случая, либо от яда.^[25] Таким образом, вместе с ним закончился род Ур-Ниниба, и, учитывая странный способ его смерти и скромное положение назначенного им преемника, вполне естественно, что притязания Энлиль-бани на престол не были сразу и повсеместно признаны. Во время борьбы, последовавшей за смертью Ур-имитти, некий Син-икиша^[26] утвердился в Исине и в течение шести месяцев удерживал трон. Но по истечении этого срока Энлиль-бани удалось сместить его с этого поста, и, закрепив за собой трон, он продолжал править в Исине в течение двадцати четырех лет. Поскольку он был призван на трон Ура-имитти, его нельзя считать узурпатором, но основать устойчивую династию ему не удалось. Последовавший за ним Замбия^[27] был узурпатором, и спустя всего три года он был в свою очередь смещен. Два других узурпатора занимали трон в течение пяти и четырех лет соответственно, и только с Син-магиром, пятнадцатым царем Исина, вновь установилась оседлая династия.

Вероятно, в этот период смятения внутренние проблемы Исины отразились на его политическом влиянии в Вавилонии. Возможно также, что быстрые изменения в престолонаследии отчасти были вызваны событиями, происходившими в других городах Шумера и Аккада.[28] Было высказано предположение, что династия Исины и первая династия Вавилона накладывались друг на друга,[29] как это было доказано в случае с первыми тремя династиями вавилонского списка царей. Если бы это было так, то не только ранние вавилонские цари, но и цари Ларсы и менее могущественные цари Эреха царствовали бы одновременно с поздними царями Исины. Фактически, мы должны представить себе царство Шумера и Аккада как разделенное на ряд мелких княжеств, каждое из которых соперничало с другим в борьбе за гегемонию и сохраняло сравнительно независимое правление в своих собственных границах. Такое положение дел вполне объясняет путаницу в престолонаследии в Исине, а наши скудные знания об этом периоде могут быть дополнены информацией из источников, касающихся истории предыдущих вавилонских царей.

Эта точка зрения, безусловно, привлекательна, но именно по этой причине необходимо тщательно изучить основания, на которых она базируется. Для решения вопроса о взаимосвязи первых трех династий вавилонского царского списка у нас есть определенные синхронизмы, установленные между представителями разных династий.[30] Но между царями Вавилона и Исины такой синхронности в текстах не обнаружено. Теория о том, что эти две династии были частично одновременными, опирается на данные, которые допускают более чем одно толкование, а дополнительные причины, приведенные в ее поддержку, с тех пор были опровергнуты.

СПЕЦИМЕНТЫ вавилонских глиняных конусов с votивными надписями Гудеа, патеси Ширпурлы, Нур-Адада, царя Ларсы, Эннантума, чиновника в Уре во время правления Гунгуну, и Ур-Энгур, царя Уры -Brit. Mus., №№ 30089, 30070, 30062 и 30090; фото, Messrs. Mansell & Co.

Главный факт, на который опираются сторонники этой теории, заключается в том, что взятие города Исин отмечено в формуле семнадцатого года правления Син-мубаллита, пятого царя Первой династии Вавилона и отца Хаммурапи.[31] Теперь захват города Исин Рим-Сином, царем Ларсы, также зафиксирован в формулах на договорных табличках, найденных в Телль-

Сифре, а о том, что этому событию придавалось большое значение на местном уровне, свидетельствует тот факт, что оно стало эпохой для датировки табличек в этом районе.[32] Теория требует двух предположений: во-первых, что формулы даты Рим-Син и Син-мубаллит относятся к одному и тому же захвату города; и, во-вторых, что это событие положило конец династии Исин. Если принять эти гипотезы, то двадцать третий год Дамик-илишу совпал бы с семнадцатым годом Син-мубаллита, и династии Исина и Вавилона совпали бы на период около девяти лет. Таким образом, Суму-абу, основатель первой вавилонской династии, был бы современником Бура-Сина II, царя Исина, на шестом году правления которого он взойшел бы на вавилонский престол. С принятием этой теории не только определены отношения двух династий, но и хронология более поздних периодов шумерской истории ставится на сравнительно прочную основу, по крайней мере, до эпохи Ур-Энгура и Гудеа.

Дополнительные основания в пользу этой теории были получены из таблички в Британском музее, которая датируется "годом, когда Амурру изгнал Либит-Иштар".[33] Мы уже видели на основании информации, предоставленной династическим списком Ниппура, что с Либит-Иштаром, пятым царем династии Исина, род Ишби-Уры, ее основателя, закончился, а с Ур-Нинибом на троне утвердился новый род. Если отождествить царя Либит-Иштар с человеком, упомянутым в формуле даты, то получится, что он потерял свой трон в результате нашествия амурру, или западных семитов, которые изгнали его из города. Но, предположительно, они были сразу же вытеснены Ур-Нинибом, который вновь захватил город и утвердил на троне свою собственную семью. Согласно этой точке зрения, предполагаемое вторжение было лишь предварительной волной расового движения, которое в конечном итоге должно было захлестнуть всю Вавилонию. Примерно тридцать три года спустя, в царствование Бур-Сина, сына Ур-Ниниба, западные семиты вновь вторгаются в страну, и, хотя на этот раз они не проникают в Исин, им удается основать в Вавилоне собственную династию.

Но на пути к принятию этого дальнейшего развития первоначальной теории возникают трудности. Прежде всего, следует отметить, что в уже приведенной формуле даты за именем Либит-Иштар не следует никакого титула, и нет никаких особых причин отождествлять это нередкое имя с царем Исина. Кроме того, было отмечено, что другая табличка из Британского музея,[34], относящаяся примерно к тому же периоду, содержит упоминание о Либит-Иштар, которая, конечно, не была царем Исина, но, судя по всему, занимала важный пост губернатора провинциального города, вероятно, Сиппара.[35] Автор этой таблички рассказывает, как он был заключен в тюрьму и обратился к Либит-Иштару с просьбой рассмотреть его дело и освободить его, но получил отказ, и после этого он обратился с аналогичной просьбой к Аманану, которому он приписывает титул правителя. В этом отрывке Либит-Иштар не имеет титула, но поскольку к нему могли обращаться с апелляциями по судебным делам, он, вероятно, занимал ту же должность, что и Аманану, - правителя города. В некоторых договорных табличках царствования Апиль-Сина Либит-Иштар также упоминается на почетном месте во главе списков свидетелей, и его тоже, вероятно, следует отождествить с тем же чиновником. Поэтому мы можем заключить, что Либит-Иштар, указанный в формуле даты, служил местным правителем Сиппара во времена Апиль-Сина, пока его не изгнали амурру. Следует ли в данном случае рассматривать амурру как жителей соседнего города[36] или как новую волну западных семитов, не имеет значения. Поскольку изгнанный Либит-Иштар не был царем Исина, аргументы, выведенные из таблички в пользу совпадения династий Исина и Вавилона, больше не применимы.

Остается только обсудить первоначальные основания для предположения, что Дамик-илишу был современником Син-мубаллита, и что падение династии Исина следует отнести к семнадцатому году правления последнего. Согласно этой точке зрения, завоевателем Исина должен был быть Рим-Син, которому помогал его вассал Син-мубаллит. Но недавнее открытие показало, что Рим-Син вряд ли мог быть современником Син-мубаллита, или, во всяком случае, достаточно взрослым в семнадцатом году правления последнего, чтобы захватить город Исин. Из хроники о первых вавилонских царях мы уже знаем, что он не был окончательно побежден на тридцать первом году правления Хаммурапи, а дожил до царствования Самсу-илуны, которым он, очевидно, был побежден или убит.^[37] Правда, отрывок оборван, и было высказано предположение, что речь идет о сыне Рим-Сина, а не о самом Рим-Сине.^[38] Но теперь было отмечено, что две таблички с договорами, найденные в Телль-Сифре, которые, похоже, фиксируют тот же акт купли-продажи и записаны именами тех же свидетелей, датированы: одна - Ром-Сином, другая - десятым годом Самсу-илуны.^[39] Как бы мы ни объясняли существование этих двух почти идентичных копий одного и того же документа, их даты определенно означают, что Рим-Син владел частью Вавилонии по крайней мере до девятого года царствования Самсу-илуны.^[40] Если, следовательно, он захватил Исин в семнадцатом году правления Син-мубаллита, деда Самсу-илуны, то мы должны предположить, что его военная деятельность в Вавилонии продолжалась не менее пятидесяти шести лет, а возможно, и дольше. Такое достижение находится в пределах возможного, но его нельзя считать вероятным.

Но, помимо этого возражения, нет достаточных оснований считать, что Син-мубаллит был вассалом Рим-Сина или что они могли принимать участие в каких-либо совместных действиях в этот период. На самом деле все имеющиеся у нас данные указывают на то, что Син-мубаллит захватил Исин на семнадцатом году своего правления именно у царя Ларсы.^[41] Тремя годами ранее в формуле даты четырнадцатого года его правления отмечалось поражение армии Ура, и есть все основания полагать, что Ур действовал в это время с армией царя Ларсы. Ведь некоторые таблички датируются годом, в котором Син-мубаллит разгромил армию Ларсы, и мы можем с определенной долей уверенности считать это вариантом формулы четырнадцатого года.^[42] Таким образом, через три года после победы над царем Ларсы Син-мубаллит продолжил свой успех, захватив город Исин, что и было отмечено в формуле семнадцатого года. Но он не мог удерживать его долго, так как вскоре он был вновь захвачен Ларсой, а затем снова взят в седьмой год Хаммурапи.^[43] Таким образом, менее чем за одиннадцать лет, с семнадцатого года правления Син-мубаллита до седьмого года правления Хаммурапи, город Исин трижды переходил из рук в руки. Таким образом, мы можем сделать вывод, что формула даты семнадцатого года Син-мубаллита и те, что найдены на табличках из Телль-Сифра,^[44] не были связаны с падением династии Исин в царствование Дамик-Илишу, а основывались на двух эпизодах борьбы за город, которая происходила позднее, между царями Ларсы и Вавилона.

Учитывая важность вопроса, мы довольно подробно рассмотрели доказательства, приведенные в пользу теории, согласно которой поздние цари Исина были современниками ранних правителей Вавилона. Как видно, трудности, связанные с предполагаемым синхронизмом между Дамик-илишу и Син-мубаллитом, слишком серьезны, чтобы допустить его принятие, в то время как они полностью исчезают при отнесении спорных дат-формул к их естественному месту в борьбе между Вавилоном и Ларсой. Это не исключает возможности того, что династии могли пересекаться в течение более короткого периода, чем девяносто девять лет. Но ввиду полного отсутствия какой-либо информации на этот счет, предпочтительнее придерживаться мнения, что вавилонская монархия не была установлена до конца правления династии Исина.^[45] Какие бы беды ни постигли Исин после

прекращения правления семьи Ур-Ниниба, несомненно, что при двух последних царях влияние города было восстановлено, и он осуществлял контроль над самим Вавилоном. В ходе немецких раскопок в храме Э-патутила в Вавилоне был найден глиняный конус с votивной надписью Син-магира, пятнадцатого царя Исина; очевидно, он посвятил его в качестве votивного подношения в качестве сюзерена города.^[46] Более того, в этом тексте он претендует на власть над Шумером и Аккадом. Аккад, как и Шумер, также принадлежал его сыну Дамик-Илишу, который сменил его на троне. В Абу-Хаббе была найдена табличка, датированная годом, в котором Дамик-Илишу построил стену Исина,^[47] а дата на табличке из Ниппура отмечает его строительство храма Шамаша, названного Э-дитар-калама, который, вероятно, находился в Вавилоне.^[48] Таким образом, и Сиппар, и Вавилон были подчинены городу Исину при последнем из ее правителей, который, как и его отец до него, эффективно удерживал царство Шумера и Аккада.

С возвышением Вавилона начинается новая эпоха в истории двух стран. Теперь власть окончательно переходит на север, и за всю долгую историю своего беспокойного существования город Вавилон так и не был смещен со своего положения столицы. Иностранные вторжения могли привести к падению династий, цари могли быть избраны из других городов и земель, но Вавилон оставался центром их правления. Более того, после новой волны иммиграции, которая привела к установлению первой династии, расовый характер Вавилонии стал преимущественно семитским. Перед приходом новых захватчиков шумеры, как правило, отходили на юг, в прибрежные районы Персидского залива, и отсюда некоторое время независимая династия, в основном шумерского происхождения, пыталась оспаривать у Вавилона его главенство. Но с падением Исина политическая карьера шумеров как расы может считаться завершенной. Однако их культурное влияние надолго сохранилось. В области искусства, литературы, религии и права они оставили после себя наследие, которому суждено было сформировать цивилизацию более поздних жителей страны, а через них оказать влияние на другие и более отдаленные расы.

[1] См. Boissier, "Choix de textes relatifs à la divination", II., p. 64, и Meissner, "Orient. Lit.-Zeit.", март, 1907, col. 114, n. 1.

[2] См. "Кун. Инскр. West. Asia", Vol. III., pl. 38, No. 1, Obv., l. 16.

[3] Ср. Scheil, "Textes Élam.-Anzan.", II., p. 20; "Textes Élam.-Sémit.", III., p. 29, и IV., p. 15.

[4] См. выше, с. 289.

[5] См. выше, с. 291.

[6] Патеси Ур-Нингишзида, Ибальпель, Белаку и [...]машу, правившие в Туплиаше, или Ашнуннаке, в окрестностях Элама (см. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 174 f.), вероятно, были обязаны верностью царям Ура или Исина. Ур-Нингирсу, о котором также говорили, что он был патеси Туплиаша, - это просто неправильное прочтение имени Ур-Нингишзида; см. Ungnad, "Orient. Lit.-Zeit.", 1909, col. 161 f.

[7] Фразу "сын сестры сестры", которая встречается в надписях, явно не следует понимать буквально, она используется в смысле потомка (ср. Thureau-Dangin, "Königsinschriften", p. 183, n. 2); она не обязательно подразумевает, что трон действительно перешел по женской ветви (как предполагает Мейер, "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., p. 542), кроме, возможно, отсутствия прямых потомков по мужской линии.

- [8] Один из местных текстов ставит Кук-Нашур перед Темти-Халки, но это, очевидно, из-за путаницы с Адда-Пакшу; ср. Ungnad, "Beitr. zur Assyр.", Bd. VI., No. 5, p. 6.
- [9] Ср. Scheil, "Textes Élam.-Anzan.", II., p. x.
- [10] Ср. "Textes Élam.-Sémit.", III., p. 23, pl. 7, Nos. 1-3.
- [11] См. "Vorderasiatische Schriftdenkmäler", VII., p. 28, № 67, и ср. Ungnad, "Beitr. zur. Assyр.", Bd. VI., № 5, p. 3 f.
- [12] См. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", IV., pp. 18 и 20.
- [13] Титулы Кук-Кирмеша, правившего до Адда-Пакшу, и Темти-Халки и Кук-Нашура настолько похожи, что вряд ли их периоды были разделены большими политическими потрясениями, произошедшими в правление Хаммурапи; см. Ungnad, "Beitr. zur Assyр.", Bd. VI., No. 5, p. 6 f.
- [14] Ср. "Cun. Texts in the Brit. Mus.", Pt. XXI., pl. 1 и "Königsinschriften", p. 176 f.
- [15] Его имя встречается на цилиндрической печати Масиама-Иштара, чиновника на его службе; см. "Collection de Clercq", p. 83, pl. xiv., No. 121, и "Königsinschriften", p. 174 f.
- [16] См. Boissier, "Doc. rel. à la div.", I., p. 30, K. 3970, Rev. l. 16, и Meissner, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 114, n. 1.
- [17] См. Scheil, "Rec. de trav.", Vol. XVI, pp. 187 ff., и Radau, "Early Bab. Hist.", p. 232 f.
- [18] Это доказывает тот факт, что в их собственных надписях, которые были восстановлены, определитель божественности предшествует их именам.
- [19] Изображение одного из конусов см. на табличке напротив с. 314. В надписи на кирпиче из Мукайяра с именем и титулом Энаннатума он называет себя сыном Ишме-Дагана, царя Шумера и Аккада; вполне возможно, что он получил должность жреца бога Луны при жизни своего отца или в правление его брата Либит-Ислитара.
- [20] Ср. Hilprecht, "Math., Met., and Chron. Tablets", p. 54. Альтернативное предположение о том, что вторжение произошло из Амурру, см. ниже, p. 315 f.
- [21] Ниппур, возможно, тоже разделил подобную судьбу, если разбитие и разбрасывание votivных предметов, помещенных предыдущими царями в храм Энлиля, можно отнести к этому нашествию.
- [22] Смерть Гунгуну зафиксирована в формуле даты на табличке из Сенкеры (Ларса), которая гласит: "год, в который умер Гунгуну" (см. Scheil, "Rec. de trav.", Vol. XXI, p. 125.) Поскольку смерть царя от естественных причин никогда не отмечалась подобным образом, мы можем заключить, что он был убит в битве, вероятно, Ур-Нинибом.
- [23] См. выше, с. 220, 225 и далее, 282 и далее.
- [24] В истории Агафия (II., 25, ed. Dindorf, p. 222) также рассказывается о Белеусе и Белетарасе, которые описываются им как ранние ассирийские цари (см. King, "Chronicles", I., p. 63 f.). Но нет никаких сомнений в том, что Ура-имитти был девятым царем Исина, поскольку Хильпрехт расшифровал следы его имени в династическом списке Ниппура, а также нашел его в формуле даты на раннем договоре из Ниппура (см. "Zeits. für Assyр.", pp. 20 ff.). Более того, имя Энлиль-бани встречается в ниппурском списке как имя одиннадцатого царя Исина.

[25] Смысл фраз в тексте крайне неясен; ср. King, "Chronicles", I., p. 64 f., n. 1.

[26] Имя Син-икиша, выбитое в ниппурском списке, было восстановлено по договору-таблице, хранящемуся в Пенсильванском музее (см. Poebel, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 461 ff.). Договор датирован годом, в котором Син-икиша изготовил изображение из золота и серебра для бога Солнца.

[27] О восстановлении имени Замбии с помощью договорной таблички в Константинополе, датированной годом его воцарения, см. Hilprecht, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 385 и далее. Хоммель и Хильпрехт (см. "Zeits. für Assyriol.", XXI., p. 29) считают Замбию сокращенной формой имени Саб-Даган, которое встречается как имя царя на аверсе неовавилонской карты мира, хранящейся в Британском музее ("Cun. Texts", XXII., pl. 48, Obv., l. 10). Но название города или земли, которое следовало за титулом царя, отсутствует, а предложенное Хильпрехтом прочтение имени, предшествующего Саб-Дагану, как имени Ура-имитти не подтверждается следами на табличке. Имя бога написано четко как Шамаш, а не Ура.

[28] Вероятно, в этот период правил Суму-илу, ранний царь Ура. Его имя известно по стеатитовой фигурке собаки, которую жрец Абба-дугга, сын некоего Урукагины, посвятил от его имени богине Нин-Исин, "Госпоже Исин" (см. Thureau-Dangin, "Rev. d'Assyriol.", VI., p. 69 f.). Его дата точно не определена, но, как и Гунгуну, он мог воспользоваться проблемами в Исине, чтобы на время основать независимое царство в Уре.

[29] См. Hilprecht, "Math., Met., and Chron. Tablets", pp. 43, 49 f., n. 5. Я также упоминал о такой возможности в "Chronicles", I., p. 168, n. 1, и эта точка зрения была принята Ранке, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 109 и далее, и Унгнад, "Zeits. der Deutsch. Morgenländ. Gesellschaft", Bd. LXI., p. 714, и "Orient. Lit.-Zeit.", 1908, col. 66. Мейер также принимает эту гипотезу; см. "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., pp. 344 f., 504 f.

[30] См. выше, с. 62.

[31] См. King, "Letters of Hammurabi", III., p. 228 f.

[32] *Op. cit.*, p. 228 f., n. 39. Нет никаких определенных указаний на *происхождение* таблички, на которую ссылается Шейль в "Rec. de trav.", XXI., p. 125, хотя он подразумевает, что она была найдена в Сенкере, от которого Телль-Сифр находится недалеко. Имеющиеся свидетельства, похоже, указывают на то, что исинская эпоха ограничивалась Ларсой и ее окрестностями.

[33] См. Ранке, "Восток. Lit.-Zeit.", 1907, col. 109 и далее. Табличка, о которой идет речь, опубликована в "Cun. Texts", Pt. IV., pl. 22, No. 78 395 (Bu. 88-5-12, 294).

[34] Ср. "Cun. Texts", Pt. VI., pl. 8, № 80 163 (Bu. 91-5-9, 279).

[35] См. Мейсснер, "Восток. Lit.-Zeit.", 1907, col. 113 ff.

[36] Также Мейсснер, *loc. cit.*

[37] Ср. "Хроники", II., p. 18 f.

[38] Ср. Винклер, "Восток. Lit.-Zeit.", 1907, col. 585 f., и Грозный, "Wiener Zeitschrift", Bd. 21 (1908), p. 382. Но Винклер и Грозный в своем переводе игнорируют тот факт, что в этих поздних хрониках "сын" всегда выражается через TUR (*mâru*) и никогда через A (*aplu*).

[39] См. Ungnad, "Zeits. für Assyriol.", XXIII., pp. 73 ff.

- [40] Теперь получено подтверждение этой точки зрения. От М. Тур-Дангина я узнал, что он нашел вариант даты десятого года Самсу-илуны, в котором упоминаются не только города Эрех и Исин, но и земля Иамутбал (см. "Journal asiatique", 1909, pp. 335 ff.).
- [41] См. Delitzsch, "Beitr. zur Assyrl.", IV., p. 406 f., и Thureau-Dangin, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 256 f.
- [42] См. Thureau-Dangin, *op. cit.*, col. 256, и King, "Hammurabi", III., p. 229, n. 41. Единственным возможным годом правления Син-мубаллита был бы двадцатый, формула которого нарушена в основном списке дат А; я заново изучил табличку, и небольшие следы, сохранившиеся в начале строки, не позволяют предположить такое восстановление, хотя оно возможно.
- [43] См. King, "Hammurabi", III., p. 230 f., и "Chronicles", I., p. 166. Следы на списке дат D указывают на то, что в формуле этого года записано разрушение, а не строительство стены Исина. Теперь это не вызывает сомнений благодаря формуле на договоре царствования Хаммурапи, датированном годом взятия Эреха и Исина (см. Thureau-Dangin, "Orient. Lit.-Zeit.", 1907, col. 257, n. 2).
- [44] Следует добавить, что местная система датировки табличек в Телль-Сифре не обязательно была непрерывной. Если город переходил из рук в руки, завоеватель снова вводил свои собственные формулы дат, как это, как мы видели, делал Самсу-илуна.
- [45] Хотя поздние цари Исина были сюзеренами Вавилона, мало сомнений в том, что ранние цари Вавилона контролировали не только свой город, но и значительную часть Аккада. Так, из формул дат Суму-абу, основателя Первой династии, следует, что его власть была признана в Дильбате и Кише и что он был достаточно силен, чтобы предпринять завоевание Казаллу на тринадцатом году своего правления; более того, договор, вероятно, из Сиппара, датируется его правлением (см. King, "Hammurabi", III., p. 212 f., и Thureau-Dangin, "Journal des savants", 1908, p. 200).
- [46] Cp. Weissbach, "Babylonische Miscellen", p. 1.
- [47] Cp. Scheil, "Rec. de trav.", XXIII., p. 94, и "Une saison de fouilles à Sippar", p. 140.
- [48] См. Hilprecht, "Math., Met., and Chron. Tablets", p. 49 f., n. 5.
-

ГЛАВА XII

КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ ШУМЕРА В ЕГИПТЕ, АЗИИ И НА ЗАПАДЕ

На предыдущих страницах мы проследили историю шумерской расы с момента ее самого раннего поселения в Вавилонии до того времени, когда ее политическое могущество подошло к концу. Описан постепенный рост государства, от первых грубых поселений вокруг ряда древних культовых центров, через фазу высокоразвитых, но все еще независимых городов-государств, к объединенному царству Шумера и Аккада, основанному на идеалах, унаследованных от семитского Севера. Мы проследили взаимосвязь Севера и Юга, шумеров и семитов, и проследили, как менялись их судьбы в расовом конфликте, который занимает столь значительное место в истории двух стран. Также были отмечены точки, в которых контакт с другими землями может быть исторически доказан, и таким образом стало

возможным оценить границы царств, которые были основаны в Шумере или Аккаде в более поздние периоды. Из чужих земель, которые вступили в непосредственные отношения с Вавилонией, Элам играет, безусловно, самую заметную роль. Во времена городов-государств он вторгается в земли Шумера, а затем, в свою очередь, завоевывается аккадскими и шумерскими царями. Естественно, возникает вопрос, насколько тесный политический контакт повлиял на культурное развитие двух стран, и напрашивается дальнейший вопрос, в какой степени их цивилизации имели общее происхождение.

Другим регионом, фигурирующим в списке завоеванных стран, является Амурру, или "Западная земля", и необходимо попытаться проследить пути вавилонского влияния за пределы Сирии и установить его последствия в области эгейской культуры. Более поздние торговые пути, несомненно, уже существовали, и археологические исследования часто могут обнаружить свидетельства культурных связей в то время, когда о каких-либо политических контактах не может быть и речи. Более того, несмотря на отсутствие неолитических поселений в Вавилонии и сравнительно высокий уровень культуры, характерный для самых ранних шумерских стоянок, вполне возможно, что контакты с другими и далекими расами имели место уже в доисторические времена. Одна из самых увлекательных проблем, связанных с ранней историей Шумера, касается связи его культуры с культурой Египта. Недавние раскопки пролили значительный свет на этот вопрос, и, поскольку предполагаемая связь, прямая или косвенная, должна была иметь место в отдаленную эпоху, будет хорошо рассмотреть эту проблему, прежде чем обсуждать отношения Шумера с другими великими центрами древней цивилизации.

Несмотря на то, что в более ранние исторические периоды не было доказано прямого контакта между Вавилонией и Египтом, очень распространено мнение, что египетская цивилизация на первых этапах своего развития в значительной степени испытала влияние Вавилонии. Использование египтянами каменного цилиндра-печати, безусловно, является очень убедительным аргументом в пользу того, что какая-то ранняя культурная связь должна была иметь место; и, поскольку цилиндр-печать был характерен для Вавилонии во все периоды, в то время как его использование постепенно прекратилось в Египте, вывод о том, что он был оригинальным продуктом Вавилонии, откуда он попал в Египет в поздние додинастические или ранние династические времена, кажется очевидным. Эта точка зрения находила поддержку и в других моментах сходства, которые были отмечены между ранним искусством и культурой двух стран. Булавочные наконечники луковичной или яйцевидной формы использовались ранними жителями обеих стран. Египетская резьба по шиферу времен Первой династии была сравнена с ранними барельефами и гравированными печатями шумеров, и сходство было отмечено как в тематике, так и в симметричном расположении рисунков. Использование кирпича, вместо камня, в качестве строительного материала, считалось результатом вавилонского влияния; а кренулированные стены раннеегипетских зданий, существование которых доказывалось не только изображениями на грифельной резьбе, но и остатками реальных зданий, таких как мастаба-гробница царя Аха в Накаде и древняя крепость Абидоса, известная как Шунет-эз-Зебиб, рассматривались как заимствованные из шумерских оригиналов. То, что ирригация практиковалась как на берегах Нила, так и в долине Евфрата, и что пшеница выращивалась в обеих странах, приводилось в качестве дополнительных доказательств того, что Вавилония должна была оказать заметное влияние на египетскую культуру на ранних этапах ее развития.

Чтобы объяснить такое сходство между ранними культурами Шумера и Египта, необходимо было найти какой-то канал, по которому влияние первой страны могло достичь долины Нила; и решение проблемы было найдено в теории семитского вторжения в Верхний Египет в конце

додинастического периода. То, что семитский элемент существовал в составе древнеегипетского языка, не вызывает сомнений; и этот факт в сочетании с египетскими легендами об их происхождении на побережье Красного моря и положением преддинастических и раннединастических кладбищ в Верхнем Египте подтверждает теорию о том, что семитские племена, уже проникнутые шумерской культурой, достигли Нила с берегов Красного моря через Вади-Хаммамат. Согласно этой точке зрения, неолитическое и додинастическое население Египта было иной расы, чем египтяне ранней династии. Первые считались коренными жителями страны, говорившими на языке, возможно, родственном берберским диалектам Северной Африки. Не имея практически никаких знаний о металлах, они представлялись как люди, оказывающие упорное, но безуспешное сопротивление своим семитским завоевателям. Предполагалось, что последние принесли с собой культуру медного века, в конечном итоге заимствованную у шумеров из Вавилонии. Перейдя из южной Аравии через Баб-эль-Мандебский пролив и двигаясь на север вдоль западного берега Красного моря, они должны были достичь Нила в районе Коптоса. Здесь они создали бы свои первые поселения и, покорив более древних жителей Верхнего Египта, двинулись бы на север по долине Нила.[1]

Нет сомнений, что объединение Верхнего и Нижнего Египта в единую монархию, традиционно приписываемое Мену, легендарному основателю первой египетской династии, действительно произошло в результате завоевания севера югом. Сам Мена считался выходцем из рода местных правителей, основанных в Тисе, или Тинисе, в окрестностях Абидоса, а также основателем Мемфиса в верховьях Дельты, куда он перенес свой трон. Дальнейшие следы завоевания Севера Югом сохранились в легендах о последователях Хоруса, божества-покровителя первых царей Верхнего Египта. Продвижение бога неба из Эдфу с его Месниу или "Кузнецами", [2], которые, как говорят, выигрывали битву за битвой, продвигаясь на север, достаточно подтверждается памятниками ранней династии, которые были найдены в результате раскопок. Резьба Нармера, на которой изображена победа Гора над царством Гарпуна у Канопического рукава Нила, вполне может представлять собой одну из последних решающих побед поклонников Гора, когда они распространяли свою власть на север до моря.[3] Об историческом характере этого завоевания Нижнего Египта царями Юга, которое привело к объединению всей страны под властью единой монархии, сегодня нет двух мнений. Вопрос, относительно которого до сих пор существует некоторая неопределенность, касается расового характера завоевателей и происхождения их более высокой культуры, благодаря которой были одержаны победы.

Согласно гипотезе семитского вторжения, высшие элементы ранней культуры Египта, как мы видели, должны быть отнесены к неегипетскому источнику. Предполагается, что семитские иммигранты привнесли не только использование металла, но и знание письма. Шумерская система письма рассматривается как родитель египетских иероглифов, и проводится сравнение между именами шумерских и египетских богов.[4] Также было выдвинуто предположение, что мода на расширенное погребение, которая в Египте постепенно вытеснила сжатое положение трупа, также была обусловлена вавилонским влиянием.

Следует признать, что до недавнего времени эта точка зрения представляла собой весьма правдоподобное объяснение различных моментов сходства, отмеченных между цивилизациями двух стран. Более того, свидетельства, полученные при раскопках ранних памятников, определенно указывали на явный разрыв между додинастической и раннединастической культурами Египта. Чтобы объяснить столь внезапное изменение характера египетской цивилизации, теория иностранного вторжения казалась почти неизбежной. Но публикация результатов раскопок д-ра Рейснера в Нага-эд-Дере и других

ранних кладбищах Верхнего Египта[5] сделала необходимым пересмотр этой теории; а еще более поздние раскопки М. Навилля в Абидосе доказывают, что изменения в некоторых районах были даже более постепенными, чем предполагалось ранее.

Если говорить кратко, то вывод доктора Рейснера заключается в том, что между неолитической и раннединастической культурами Египта не было резкого разрыва преемственности. Его обширное и кропотливое сравнение додинастических погребений с погребениями Первой и Второй династий показало, что в представлении египтян о жизни после смерти, а также в обрядах и практиках, сопровождавших погребение тела, не произошло никаких существенных изменений. В раннединастический период, как и во времена неолита, тело умершего человека клали в сжатом положении на левый бок и головой на юг, а в могилу по-прежнему клали еду, оружие, инструменты и украшения. Более того, изменения, наблюдаемые в конструкции самой могилы и в характере находящихся в ней предметов, не были вызваны внезапным влиянием какой-либо чужеродной расы, а вполне могли быть результатом постепенного процесса совершенствования технического мастерства самих египтян.

Три наиболее ярких различия между изделиями додинастического и династического периодов связаны с характером керамики и сосудов для домашнего использования, материалом, использованным для изготовления инструментов и оружия, и изобретением письменности. Теперь кажется, что все эти изменения происходили постепенно, и один период перетекает в другой без какой-либо четко выраженной линии разделения между ними. Знание меди всегда приписывалось поздним додинастическим египтянам, и теперь можно проследить, как постепенно изобретался практический метод ее обработки. Медные украшения и предметы, найденные в могилах ранее среднего преддинастического периода, малы и не имеют практической пользы, по сравнению с прекрасно отшлифованными кремневыми ножами, кинжалами и копьями, которые все еще сохраняли то значение, которым они пользовались в чисто неолитические времена. На более позднем этапе, в додинастический период, медные кинжалы и адзы были изготовлены в подражание кремневым и каменным формам, и они знаменуют собой переход к тяжелому оружию и инструментам из меди, которые в раннединастический период в значительной степени вытеснили кремневые и каменные орудия для практического использования.

Постепенное достижение ранними египтянами мастерства в обработке медной руды оказало заметное влияние на весь статус их культуры. Усовершенствованное оружие позволило им в результате завоеваний получать сырье с гораздо более обширных территорий, а приспособление медных инструментов к добыче каменных блоков, несомненно, привело к расширению их использования в качестве более прочного и постоянного заменителя глины. Использование медного зубила также объясняет сложную резьбу на раннединастических сланцах, а изобретение каменного бура привело к постепенному вытеснению керамики каменными сосудами для хозяйственных нужд. Таким образом, хотя литье металла и обработка камня совершенствовались, они происходили за счет более древних искусств - обтесывания кремня и изготовления керамики вручную, которые имели тенденцию к вырождению и вымиранию. Доктор Рейснер уже предположил, что для церемониальных целей, в отличие от повседневных нужд, продолжали использоваться как кремневые орудия, так и некоторые ранние типы керамики. А раскопки М. Навилля в Абидосе в сезон 1909-10 годов, похоже, доказывают, что этот процесс был еще более медленным и менее равномерным, чем считалось ранее. На самом деле, по мнению раскопщиков, в некоторых районах Египта модифицированная форма додинастической культуры, использующая характерную красно-черную керамику, сохранилась вплоть до Шестой династии; известно

также, что в Нубии тип керамики, близкий к той же доисторической посуде, продолжал использоваться вплоть до Восемнадцатой династии.^[6] Как бы ни объяснялись такие случаи выживания, начало династического периода в Египте не является разрывом ни расовой, ни культурной преемственности. Действительно, между ранним династическим периодом и периодом, представленным Третьей и Четвертой династиями, можно проследить точно параллельное развитие, когда ни о каком разрыве не может быть и речи. Поскольку каменные сосуды первых двух династий доказали свое превосходство над ручной керамикой в практических целях, они, в свою очередь, были вытеснены гончарными изделиями, изготовленными на колесах.^[7] Эти изменения можно отнести к постепенному совершенствованию производства; такие искусства, как плетение циновки и изготовление бус, на которые не повлияли новые изобретения, продолжали практиковаться без изменений в раннединастический, как и в додинастический периоды.

Таким образом, последние археологические исследования оставляют мало места для теории о том, что египетская культура подверглась сильному иностранному влиянию в раннединастические времена, и их выводы на этот счет подтверждаются анатомическими данными. Систематическое измерение и сравнение черепов из додинастических и династических захоронений, проведенное доктором Эллиотом Смитом из Медицинской школы Хедивиаля в сотрудничестве с экспедицией Херста, продемонстрировало линейное происхождение династических египтян от додинастических. Эти две группы во всех смыслах и целях представляют собой один и тот же народ, и в более поздний период нет никаких следов какого-либо нового расового элемента или примеси какого-либо инородного штамма. Таким образом, теория о вторжении в Египет семитских племен в конце додинастического периода должна быть отброшена, и хотя это само по себе не отрицает возможности того, что шумерское влияние достигло Египта по каналам торговых связей, это требует более тщательного изучения различных точек сходства между культурами двух стран, на которых была основана первоначальная теория.

Один из вопросов, на котором настаивают крайние сторонники теории, касается изобретения египетской системы письма, которая, как они утверждают, была заимствована из Вавилонии. Но следует отметить, что те знаки, которые соответствуют друг другу в двух системах, являются такими, которые, естественно, были бы идентичными в любых двух системах пиктографического письма, развивавшихся независимо, но в схожих условиях. Солнце во всем мире изображалось бы кругом, гора - грубым очертанием горной вершины, бык - рогатой головой и так далее. Чтобы доказать связь между двумя системами, необходимо установить сходство между более условными знаками, и здесь сравнение полностью обрывается. Следует также отметить, что египетская система дошла до нас в гораздо более примитивном состоянии, чем вавилонская. В то время как иероглифические знаки представляют собой реальные изображения изображаемых объектов, даже самые ранние линейные знаки Шумера настолько условны, что их первоначальная форма едва ли была бы распознана, если бы их значение не было уже известно. На самом деле, до сих пор не найдено ни одного образца шумерского письма, который мог бы послужить образцом для египетского писца.

Более того, появление письменности в Египте не было столь внезапным событием, как это часто представляют. Булатная керамика додинастических времен, украшенная красными линиями, доказывает, что египтяне обладали природной способностью рисовать людей, животных, растения, лодки и обычные узоры. В этих рисунках додинастического периода мы можем увидеть основу иероглифической системы письма, поскольку в них уже развито использование символизма. Использование фетишистских эмблем или символов для

изображения различных богов[8] само по себе является грубой формой идеографического выражения, и если бы оно развивалось по своим собственным линиям, то естественно привело бы к изобретению регулярной идеографической формы письма. Мало сомнений в том, что именно этот процесс и происходил на самом деле. Первый толчок, возможно, был дан необходимостью в знаках частной собственности, а также потребностью в передаче власти от вождя к подчиненным на расстоянии. Символы для имен правителей и мест вскоре добавились к символам для богов, а когда возникла необходимость отметить какую-то победу или великое достижение царя, такие символы, естественно, стали использоваться в сочетании. Этот процесс можно проследить на ранних памятниках Первой династии, записи на которых до сих пор носят практически идеографический характер. Очень похожий процесс, несомненно, привел к изобретению клинописи, и нет необходимости предполагать, что Египет или Вавилония были обязаны другой стране своими знаниями о письменности.

Аналогичный результат мы получаем и в случае с другими моментами сходства, которые приводятся в качестве доказательства тесной связи между ранними культурами двух стран. Значительный акцент был сделан на определенном сходстве, которое египетская резьба по шиферу династического периода имеет с образцами ранней шумерской скульптуры и гравюры. Действительно, составные существа характерны для искусства обеих стран, а их расположение на камне часто носит "геральдический" и симметричный характер. Но человекообразный бык, излюбленное чудовище шумерского искусства, никогда не встречается на египетских памятниках, на которых не только природные звери, но и составные существа неизменно имеют египетский или африканский характер. Общее сходство в стиле также преувеличено. В качестве примера можно привести сравнение "Стелы грифов" с резьбой на разбитом шифере из Британского музея под номером 20791.[9] На первой изображены стервятники, отрывающие конечности убитых, а на второй - пленники, выброшенные в пустыню на съедение хищным птицам и зверям. Но стиль этих двух памятников сильно отличается, и египетский гораздо более разнообразен по характеру. Помимо одного стервятника, мы видим несколько воронов, ястреба, орла и льва, привлеченных мертвецами; и расположение композиции, и сама техника совершенно не похожи на шумерские работы. Также нет необходимости объяснять симметричное расположение других египетских композиций вавилонским влиянием, поскольку, если дать овальную доску для украшения, оставив в центре круглое пространство, симметричное расположение возникнет само собой.[10]

Еще одна египетская особенность, которую также приписывают вавилонскому влиянию, - обычай длительного погребения с мумификацией, который начинает встречаться только во времена Третьей и Четвертой династий. Поскольку на Стеле стервятников мертвые изображены в вытянутом положении под курганом,[11] ранее предполагалось, что это обычная шумерская практика; а сжатые формы погребения, найденные в Варке, Мукайяре, Сургуле, Нифере и других вавилонских местах, обычно относили к очень позднему периоду. Раскопки в Фаре и Абу Хатабе исправили это предположение и доказали, что шумерский труп регулярно укладывался для погребения в сжатом положении, лежа на боку.[12] Очевидное исключение из этого правила на Стеле грифов, вероятно, можно рассматривать как характерное только для погребения на поле боя. Там, должно быть, часто было невозможно предоставить каждому трупу отдельную могилу или обеспечить регулярные подношения и мебель, которые сопровождали индивидуальное погребение. Поэтому тела укладывали рядом в общую могилу и засыпали землей, чтобы обеспечить им вход в подземный мир. Но это была явно временная форма погребения, вызванная исключительными обстоятельствами, и не являлась обычной шумерской практикой того

периода.[13] Что бы ни послужило причиной египетских изменений в погребальных обычаях, причину следует искать не в вавилонском влиянии.

Еще один момент, прояснившийся в результате недавних раскопок на раннеавилонских участках, касается зубчатой формы зданий, которая ранее считалась характерной для шумерской архитектуры раннего периода и оказавшей влияние на египетскую. Теперь известно, что эта форма внешнего декора не встречается в Вавилонии до периода Гудеа и царей Ура. Таким образом, если и происходило какое-то заимствование, то, скорее всего, со стороны Вавилонии. Использование кирпича в качестве строительного материала, возможно, также было развито в Египте без какой-либо подсказки со стороны Вавилонии, поскольку формы кирпича, используемые в обеих странах, совершенно различны. Своеобразный плосковыпуклый кирпич, характерный для ранних шумерских построек, никогда не встречается в Египте, где прямоугольная продолговатая форма использовалась с самого раннего периода.[14] Таким образом, многие моменты сходства, которые раньше считались свидетельством тесной культурной связи между двумя странами, теперь кажутся гораздо менее поразительными, чем это было раньше.[15] Другие же можно объяснить как следствие египетского влияния на вавилонскую культуру, а не как результат обратного процесса. Например, сходство между круглой скульптурой Гудеа и скульптурой Четвертой династии в Египте, на которое указывают, может быть неслучайным. Ведь Гудеа поддерживал тесные торговые отношения с сирийским побережьем, где в то время уже давно действовало египетское влияние.

Остается рассмотреть использование булавовидной головки и каменной цилиндрической печати, которые являются яркими характеристиками ранних египетских и шумерских культур. Трудно считать, что эти классы предметов, и особенно последний, развивались независимо в Египте и у шумеров. В Вавилонии цилиндрическая печать уже была высокоразвитой, когда ее нашли на самых ранних шумерских стоянках, и, судя по всему, шумерские переселенцы принесли ее с собой в страну, вместе с системой письма и другими элементами сравнительно развитой цивилизации. Сами ли они развили его на своей родине, или же получили от какой-то другой расы, с которой вступали в контакт до того, как достигли долины Евфрата, пока сказать невозможно. Свидетельства из Суз пока не пролили свет на этот вопрос. Хотя в самом нижнем слое кургана было найдено несколько каменных печатей и глиняных пломб, они не цилиндрические, а в виде плоских штампов. Однако цилиндрическая печать, по-видимому, появилась в Сузах сравнительно рано, поскольку, как говорят, примеры были найдены в группе слоев, представляющих "Второй период", на глубине от пятнадцати до двадцати метров под поверхностью. Опубликованные материалы пока не позволяют с уверенностью говорить о ранней истории цилиндрической печати и ее миграциях. В пользу точки зрения, которая рассматривает его как независимый продукт ранних египтян, можно отметить, что дерево, а не камень, было самым распространенным материалом для цилиндров в самый ранний период.[16] Но если додинастический цилиндр Египта следует рассматривать как в конечном счете происходящий из Азии, то эта связь должна быть установлена в период, предшествующий самым ранним шумерским поселениям, которые еще не были идентифицированы.

Таким образом, результаты недавних раскопок и исследований как в Египте, так и в Вавилонии, скорее уменьшают, чем увеличивают доказательства тесной связи между ранними культурами этих двух стран. Однако, помимо вавилонского влияния, существует множество доказательств наличия семитского элемента не только в языке, но и в религии Древнего Египта. Египетское поклонение солнцу, которое составляет столь разительный контраст с местными куктами животных и поклонением мертвым, вероятно, было

семитского происхождения, и могло либо попасть в Верхний Египет из Южной Аравии,^[17] либо попасть в Нижний Египет через восточную Дельту. Последний регион всегда был открытой дверью в Египет, и вторжение гиксосов вполне могло иметь свой прототип в додинастические времена. Враги, чье завоевание отмечено на нескольких раннединастических сланцевых гравюрах, не египетского типа; возможно, они были потомками таких семитских иммигрантов, если только это не были ливийские переселенцы с запада. В исторический период у нас есть свидетельства прямого контакта между Сирией и Египтом во времена Третьей династии, поскольку Палермская стела сообщает о прибытии в Египет сорока кораблей, груженных кедровой древесиной, в правление Снеферу. Очевидно, это была экспедиция, отправленная морем в Ливан, и мы можем предположить, что предшественники Снеферу уже распространили свое влияние на сирийское побережье.^[18] Именно в Сирии мы также можем установить первый контакт между цивилизациями Египта и Вавилонии в исторические времена. Ранний шумерский правитель Лугаль-заггиси хвастается тем, что достиг побережья Средиземного моря, и его экспедиция была лишь прелюдией к завоеванию Сирии Шар-Гани-Шарри из Аккада.^[19] Действительно, было высказано предположение, что в обожествлении ранних вавилонских царей прослеживается египетское влияние, последовавшее за сирийским походом последнего.^[20] И хотя теперь эта практика с большей вероятностью может быть отнесена к шумерскому источнику,^[21] можно не сомневаться, что начиная с правления Шар-Гани-Шарри и далее Сирия была связующим звеном между двумя великими цивилизациями на Евфрате и Ниле.

Гораздо более тесными, чем отношения с Египтом, были узы, связывавшие Вавилонию с великим центром цивилизации, находившимся на ее восточной границе. В ходе этой истории часто упоминались контакты, которые с самого раннего исторического периода постоянно происходили между Эламом и шумерскими и семитскими правителями Шумера и Аккада. Такие политические отношения, естественно, сопровождались тесным торговым общением, и последствия шумерского влияния на культуру Элама были полностью проиллюстрированы раскопками, проведенными в Сузах "Делегацией Персии".^[22] Расположенный на реке Керха, Сузы занимали важное стратегическое положение в начале караванных путей, которые связывали Иранское плато с нижней долиной Тигра и Евфрата и берегами Персидского залива. Река омывала подножие невысоких холмов, на которых был построен город, и создавала естественную защиту от нападения с запада. Расположение города на левом берегу реки свидетельствует о том, что еще в ранний период его основатели стремились защитить себя от опасности внезапных набегов со стороны Шумера и Аккада. Самые ранние шумерские записи также отражают враждебные чувства к Эламу, которыми руководствовались их авторы. Но из этих разрозненных упоминаний следует, что эламиты в это время, как правило, были агрессорами, и что им удалось оградить свою страну от какого-либо политического вмешательства со стороны более могущественных шумерских городов-государств. Только в период семитской экспансии, во времена позднего царства Киш и империи Аккад, в стране стало преобладать вавилонское влияние.

Мы не можем найти более яркого свидетельства того, насколько Элам в это время стал подвержен влиянию семитской культуры, чем принятие вавилонского характера и языка местными правителями страны. Мы встречаемся со странной картиной, когда родные патетики Сузы и правители Элама записывают свои вотивные приношения на чужом письме и языке и обращаются с воззваниями к чисто вавилонским божествам.^[23] Вавилонский шрифт был принят и для написания надписей на родном эламском языке, и если бы не было других доказательств, можно было бы утверждать, что использование семитского языка для

вотивных текстов было продиктовано чисто временными соображениями политического характера. Однако нет никаких сомнений в том, что семитское завоевание Элама сопровождалось, а возможно, и предшествовало, широкой семитской иммиграцией. Даже во времена династии Ура, когда Элам находился под прямым шумерским контролем, семитское влияние Аккада слишком прочно укоренилось, чтобы быть вытесненным, и получило новый импульс при более поздних правителях Первой династии Вавилона. Глиняные таблички торгового и сельскохозяйственного характера, относящиеся к периоду Адда-Пакшу,[24] написаны вавилонским шрифтом и языком,[25] как и те, что были найдены в Мал-Амире к востоку от Суз.[26] Последние датируются периодом не ранее 1000 г. до н.э., и они бросают интересный свет на постоянный характер вавилонского влияния в стране. Измененные формы вавилонских знаков, которые использовались ахеменидскими царями для эламского столбца их трехязычных надписей, имеют сравнительно позднее происхождение. Развитие письменности, представленной в неанзанитских текстах, может быть связано с национальным возрождением, характерным для поздней эламской монархии.

Археологические находки подтверждают, что со времен семитских царей Киша и Аккада культурное развитие Элама в значительной степени формировалось под влиянием Вавилонии. Но найденные поздние изделия эламского ремесла не являются рабскими копиями вавилонских оригиналов, а ранние образцы скульптуры и гравировки имеют совершенно иной характер, чем те, что были найдены на вавилонской земле.[27] Более того, в литье металла и ювелирном искусстве Элам, несомненно, со временем превзошел своего соседа[28], и даже в более поздние периоды его искусство предстает как энергично развивающееся, правда, под влиянием вавилонского, но черпающее свой импульс и вдохновение из чисто местных источников. Важно также отметить, что чем раньше были найдены останки, тем меньше они выдают следы иностранного влияния.

Очень ярким доказательством независимого развития эламской культуры до семитского завоевания служат тексты, написанные так называемой "протоэламской" системой письма.[29] Большинство из них представляют собой небольшие глиняные таблички грубой формы, а знаки на них - это либо фигуры, либо идеограммы, обозначающие различные предметы. Хотя они не были полностью расшифрованы, ясно, что это таблички для ведения счетов и инвентаризации. Очень немногие знаки, такие как "табличка" и "итог", напоминают соответствующие вавилонские иероглифы, но большинство совершенно другие и были созданы по собственной системе. Лапидарные формы этих знаков были найдены в надписях, сопровождающих семитские тексты Баша-Шушинака;[30] и, исходя из расположения каждого из них на камне, было сделано предположение, что сначала был выгравирован семитский текст, а затем к нему добавлена протоэламская часть. То, что это были современные дополнения, казалось вероятным, и теперь это не вызывает сомнений благодаря находке в Сузах каменной статуэтки, сидящей на троне, которая была посвящена богине Баша-Шушинак.[31] На передней части трона по обе стороны от сидящей фигуры находится надпись: слева - семитская, справа - протоэламская. Одна из них явно является переводом другой, а их симметричное расположение не оставляет сомнений в том, что они были начертаны в одно и то же время.

Таким образом, очевидно, что во времена Баша-Шушинака два языка и письменность иногда использовались бок о бок для вотивных надписей, а глиняные таблички доказывают, что

родная письменность еще не была вытеснена для целей повседневной жизни. В "протоэламских" иероглифах очень мало параллелей с вавилонскими знаками, а те, что встречаются, явно являются более поздними вкраплениями. Так, было бы вполне естественно заимствовать вавилонский знак для обозначения "таблетки" в то время, когда глиняная табличка сама нашла свой путь через границу; и, хотя знаки для обозначения "итога" соответствуют, эламские цифры отличаются и основаны на десятичной, а не на шестидесятеричной системе счисления. Таким образом, можно сделать вывод, что эта письменность не имела никакой связи с шумерской и была изобретена независимо от системы, использовавшейся в самые ранние периоды в Вавилонии. Возможно, это была всего лишь местная форма письма, которая не использовалась повсеместно в Эламе, но ее существование делает вероятным, что район, в котором находились Сузы, не подвергался сильному влиянию Вавилонии в эпоху, предшествующую семитской экспансии. Это предположение подкрепляется изучением оттисков печатей на многих табличках; [32] рисунки состоят из фигурных изображений животных и составных чудовищ, и их обработка полностью отличается от той, что встречается на ранних шумерских цилиндрах. В полном исчезновении местной письменности Каппадокия предлагает интересную параллель с Эламом. Хеттские иероглифы, очевидно, были чисто местного происхождения, но они не пережили внедрения глиняной таблички и клинописи.

Более ранние слои курганов в Сузах, относящиеся к доисторическому периоду истории города, оказались в некотором беспорядке, как показали французские раскопки; однако недавно было найдено объяснение многим несоответствиям в уровне, которые отмечались ранее. [33] По-видимому, северная и южная оконечности Цитадели Телль были самыми древними местами обитания, и по этой причине образовались два небольших холма, которые сохранялись в течение ранних периодов истории города. Со временем земля между ними была занята и постепенно засыпана, так что прежний контур кургана был утрачен. Таким образом, получается, что если в центре телля на глубине от пятнадцати до двадцати метров найдены останки касситского периода, то на двух его окраинах они залегают не более чем на десять метров ниже поверхности. Тем не менее, более поздний из двух доисторических пластов, расположенных по краям кургана, представляющий эпоху, предшествующую эпохе "протоэламских" надписей, содержит лишь разрозненные предметы, и проследить постепенную эволюцию культуры, происходившую в этот и еще более ранний период, пока сложно. Следует также отметить, что наличие единого слоя, заключающего в себе остатки чисто неолитического периода, в Сузах пока не установлено. Однако мало сомнений в том, что такой слой когда-то существовал, поскольку каменные топоры, наконечники стрел, ножи и скребки, представляющие период неолитической культуры, разбросаны на всех уровнях кургана. Таким образом, возможно, что, несмотря на присутствие металла в том же слое, большая часть ранних останков, обнаруженных в Сузах, и особенно ранние формы расписной керамики, [34] должны быть отнесены к неолитическому поселению на этом месте.

К счастью, для изучения ранней керамики Элама мы не должны полагаться только на неубедительные данные, которые пока предоставили раскопки в Сузах. Раскопки также проводились в группе курганов, расположенных примерно в девяноста трех милях к западу от Сузы, которые образуют яркую особенность на караванном пути в Керманшах. Центральный и самый важный из этих курганов известен как Тепе Муссис, и его название часто используется в качестве общего обозначения группы. В результате раскопок, проведенных здесь зимой 1902-3 годов, была обнаружена серия расписных изделий, датированных от чисто неолитического периода до эпохи, когда уже начал появляться металл. [35] Этот богатый материал ценен для сравнения с очень похожей керамикой из Сузы

и дает дополнительные данные для определения культурных связей ранних жителей страны. Узоры на более тонких классах расписной посуды, как в Сузах, так и в Муссии, не только геометрические по характеру, но и включают растительные и животные формы. Некоторые из последних, как считается, имеют определенное сходство с рисунками, которые встречаются на более поздней керамике додинастического периода в Египте, и в основном именно на основании таких точек сходства М. де Морган прослеживает связь между ранними культурами двух стран.[36]

Но помимо возражений, основанных на большой разнице в технике, отсутствие керамики, похожей на египетскую, в Вавилонии и Северной Сирии затрудняет принятие этого предположения; и только в других областях мы, возможно, обнаружим следы культуры, похожей на ту, что была в Эламе в более ранний период. Сходство между более геометрическими узорами на эламской керамике и керамикой, обнаруженной в Кара-Уюке в Каппадокии, было отмечено профессором Сайсом;[37], а мистер Холл недавно подробно сравнил их с очень похожими горшками, обнаруженными экспедицией Пампелли в Анау в Русском Туркестане,[38] и профессором Гарстангом[39] в Сакджеджузи в Сирии.[40] Следует отметить, что в отношении Элама сходство относится только к одному классу узоров ранней расписной керамики и не включает в себя животные и большинство растительных мотивов. Однако оно достаточно поразительно, чтобы указать направление, в котором мы можем искать дальнейший свет на эту проблему. Будущие раскопки в самих Сузах и в местах в Малой Азии, несомненно, покажут, насколько далеко мы можем продвинуть предложенную теорию ранней культурной связи.

Пока подобные предположения находятся в туманном состоянии, было бы опрометчиво догматизировать отношение этих доисторических народов к эламитах в истории. Однако изучение орнаментов на эламских горшках ясно показывает, что между культурами двух периодов не было резкого разрыва. Ведь многие из животных мотивов более условного характера, очевидно, происходят от специфически эламских форм составных чудовищ, которые воспроизводятся в оттисках печатей на "протоэламских" табличках.[41] Более того, указывается, что среди декоративных мотивов на горшках-шезлонгах, недавно обнаруженных в самом нижнем слое в Сузах, есть ряд изображений чисто религиозного характера.[42] Не исключено, что они окажутся предками некоторых священных эмблем, которые, развившись на эламской почве, попали в Вавилонию в касситский период.[43] Насколько Вавилония участвовала в доисторической культуре Элама, сказать сложно, поскольку ни в Шумере, ни в Аккаде до сих пор не обнаружено ни одного неолитического поселения. Более того, ранняя шумерская керамика, обнаруженная в Телло и относящаяся к эпохе, когда знания о металле были уже достаточно развиты, не похожа на доисторические изделия Элама ни по составу, ни по дизайну. Однако следует отметить, что терракотовые женские фигурки, хорошо известного вавилонского типа, встречаются в Эламе и в Анау[44]; и возможно, что в Вавилонии они были реликтами доисторической культуры. На участках в аллювиальной части страны, вероятно, сохранилось мало неолитических остатков.[45] Но следует отметить, что в Куюнджике были найдены фрагменты расписной керамики, которые имеют поразительное сходство с ранней сиро-каппадокийской посудой;[46] и они вполне могут принадлежать неолитическому поселению на месте Ниневии.[47] Таким образом, возможно, что доисторическая культура, имевшая место в Эламе, распространилась и на Южную Ассирию, и на неаллювиальные места на границах Вавилонской равнины.

Похоже, что влияние шумерской культуры в исторический период впервые стало ощущаться за пределами Вавилонии во времена семитской экспансии. Завоевание Сирии Шар-Гани-Шарри, несомненно, имело важные последствия для распространения вавилонской

культуры. Теперь доказано, что запись, которая была истолкована как означающая, что он отправился еще дальше на запад и пересек Средиземное море до Кипра, была вызвана недоразумением одного из поздних писцов.[48] Правда, на Кипре были найдены некоторые печати, свидетельствующие о вавилонском влиянии на острове, но они относятся к периоду, значительно более позднему, чем период существования Аккадской империи. Из них одна, найденная в сокровищнице храма в Куриуме генералом ди Чеснола, относится к обожествленному Нарам-Сину,[49] но стиль ее исполнения и техника определенно доказывают, что она сиро-каппадокийской работы и не относится к более раннему периоду, чем Первая династия Вавилона. Самое беглое сравнение печати с глиняными печатями периода Нарам-Сина, которые были найдены в Телло,[50], убедит любого в этом факте. Другой, найденный в отложениях раннего бронзового века в Агия Параскеви с оригинальным золотым креплением, может быть определенно датирован периодом Первой вавилонской династии[51], а Нудубтум, его первоначальный владелец, называющий себя слугой бога Марту (Амурру), вполне мог быть сирийского или западносемитского происхождения. Однако за пределами таких изолированных цилиндров нет никаких следов раннего вавилонского влияния на Кипре.[52] Это вряд ли совместимо с предположением о семитской оккупации во время правления Шар-Гани-Шарри; вполне возможно, что с островом существовали сравнительно ранние торговые связи, но не более того.

Тем не менее, предполагаемое завоевание Кипра Шар-Гани-Шарри привело к самым диким сравнениям между эгейским и вавилонским искусством. Не оставив его на Кипре, профессор Уинклер мечтал о дальнейших морских экспедициях с его стороны на Родос, Крит и даже на материковую часть Греции.[53] Для таких фантазий нет никаких оснований, и археолог должен довольствоваться тем, что следует за доказательствами, а не опережает их. Вавилонское влияние, естественно, было бы сильнее на Кипре, чем на Крите, но ни с тем, ни с другим у нас нет доказательств сильного или прямого контакта. Тем не менее, есть определенные черты эгейской культуры, которые можно отнести к вавилонскому источнику, хотя некоторые из предложенных сравнений вряд ли убедительны. Например, дома в Фаре снабжены очень сложной системой дренажа, а в досаргонской толще в Ниппуре, Сургуле и на большинстве ранних шумерских стоянок, где проводились раскопки, были найдены дренажи и водопропускные трубы. Их сравнивают с системой дренажа и канализации в Кноссе.[54] Правда, в древности не было приведено ни одной параллели с критской системой, но, по сути, эти две системы не очень похожи, и в любом случае было бы трудно проследить путь, по которому могла возникнуть столь ранняя связь. Высказывались предположения, что и Вавилония, и Крит могли унаследовать элементы какой-то доисторической культуры, общей для восточного мира, и что то, что выглядит как пример влияния, на самом деле может иметь общее происхождение.[55] Но, как и в случае с несколькими параллелями между ранней египетской и эламской культурой, гораздо более вероятно, что такие отдельные моменты сходства являются простым совпадением.

Гораздо более вероятным является предположение, что глиняные таблички и стилусы попали на Крит из Вавилонии.[56] До ее появления минойские иероглифы, или пиктограммы, просто гравировались на камнях-печатах, но с принятием нового материала для письма они стали использоваться для списков, описей и тому подобного, и эти формы стали более линейными.[57] Тот факт, что клинописная система письма не была введена вместе с табличкой, как это произошло в Анатолии, является достаточным доказательством того, что связь между Вавилонией и Критом была не прямой. Несомненно, именно через Анатолию глиняная табличка попала на Крит,[58] так как находки в Кара-Уюке доказывают, что еще до эпохи Хаммурапи и табличка, и клинопись проникли на запад за Тавр.[59] Благодаря своему

появлению на Крите вавилонская табличка, вероятно, может рассматриваться как прямой предок восковой таблички и стилуса греков и римлян.[60]

В отличие от глиняной таблички, цилиндрическая печать так и не стала характерной чертой эгейского культурного ареала, где печать по-прежнему имела форму штампа или пуговицы. Цилиндрическая печать действительно была найдена в ларнакском погребении в Палайкастро, на восточном побережье Крита; это настоящий цилиндр, перфорированный от конца до конца, и он предназначался для прокатки, а не для штамповки на глине.[61] Рисунки на нем чисто минойские, но расположение фигур, которое совсем не египетское по характеру, похоже на месопотамский цилиндр.[62] Несмотря на редкость типа среди критских печатей, этот единственный пример из Палайкастро наводит на мысль о вавилонском влиянии, оказанном через сиро-каппадокийский канал, по которому глиняная табличка, несомненно, попала на Крит.

Таким образом, Анатолия стала вспомогательным центром для дальнейшего распространения вавилонской культуры, которая достигла ее через Северную Сирию, прежде чем пересечь Тавр. Важность последнего района в этой связи уже подчеркивал мистер Хогарт.[63] Каждый путешественник от побережья до региона Хабура подтвердит его описание огромной группы курганов, заброшенных мест древних городов, которые отмечают поверхность страны. За одним или двумя исключениями они все еще ждут лопаты экскаватора, и, когда самые нижние слои откроют свои секреты, мы узнаем гораздо больше о ранних этапах распространения вавилонской культуры на запад. Мы уже отмечали роль Сирии как связующего звена между цивилизациями Евфрата и Нила,[64] и она играет не менее важную роль в установлении связей между ними и центром ранней хеттской культуры в Малой Азии. Именно через прибрежные районы Сирии первые семитские переселенцы с юга достигли Евфрата, и именно в Сирию вернулся поток семитского влияния, теперь уже пропитанный шумерской культурой. Море стало преградой для дальнейшего продвижения в этом направлении, и тогда поток разошелся, прошел на юг в Сиро-Палестинскую область и на север через Киликийские ворота, откуда по хеттским каналам проник в западные районы Малой Азии. Здесь море снова стало преградой для дальнейшего продвижения на запад, и азиатское побережье Эгейского моря стало западным пределом азиатского влияния. До конца существования Хеттской державы эгейские мореходы или переселенцы с материковой Греции не предпринимали попыток обосноваться на западном побережье Малой Азии[65], и поэтому неудивительно, что эгейская культура обнаруживает столь скудные следы вавилонского влияния.

О том, какую роль шумеры сыграли в зарождении и формировании цивилизации Вавилонии, нет необходимости подробно рассказывать. Пожалуй, самым важным их достижением было изобретение клинописи, которая со временем была принята в качестве общего письма на всем Востоке и стала родоначальницей других систем такого же характера. Но не менее важным было их наследие в других сферах деятельности. В искусстве скульптуры и гравировки на печатях их собственные достижения были достаточно заметны, и они вдохновили семитские работы более поздних времен. Великий свод законов Хаммурапи, который, как утверждается, повлиял на западные кодексы, а также сформировал большую часть Моисеева законодательства, теперь точно известно, что он шумерского происхождения, а законодательные усилия Урукагины были прямым предшественником более успешного обращения Хаммурапи к традициям прошлого. Литература Вавилона и Ассирии почти во всем основана на шумерских оригиналах, а древние ритуалы шумерских культов сохранились в поздних храмах обеих стран. Уже сейчас мы видим, как Гудеа советуется с предзнаменованиями, прежде чем приступить к закладке фундамента Э-нинну,

а практика гепатоскопии, вероятно, может быть отнесена к периоду самого раннего шумерского патесиса. Шумер, по сути, был главным источником вавилонской цивилизации, и изучение его культуры дает ключ ко многим последующим событиям в Западной Азии. Надписи уже дали достаточно полное представление о политической эволюции народа, от деревенской общины и города-государства до империи, которая включала в себя эффективный контроль над иностранными провинциями. Археологические данные не столь полны, но в этом направлении мы можем с уверенностью рассчитывать на дальнейший свет от будущих раскопок и исследований.

[1] Обсуждение достоинств этой теории с учетом признанного сходства некоторых черт в цивилизациях Вавилонии и Египта см. в King and Hall, "Egypt and Western Asia", pp. 32 ff., и Sayce, "The Archaeology of the Cuneiform Inscriptions"; ср. также De Morgan, "Les premières civilisations", pp. 170 ff. Публикация результатов, полученных в ходе длительных раскопок д-ра Рейснера, дополненных более поздними работами М. Навилля в Абидосе, значительно расширила материал, на котором можно основывать более определенное решение. Я могу добавить, что мистер Холл согласен со мной в отношении необходимости изменения многих пунктов теории в связи с дополнительной информацией, которая недавно стала доступна для использования. Следует отметить, что в своей работе "Древнейшая цивилизация Греции", p. 179, n. 1, он уже подчеркивал местное происхождение большей части египетской культуры; ср. также "Египет и Западная Азия", p. 45 f.

[2] В качестве вспомогательного значения слово, возможно, передает идею воинов, вооруженных кинжалом и копьем; см. Масперо, "Библиотека египтологии", II., с. 313 и далее. На стенах храма в Эдфу Месниу изображены держащими в левой руке нечто вроде кинжала, а в правой - легкий дротик с металлическим наконечником. Важная роль, которую играл металл в их вооружении, подчеркивается этими поздними изображениями, как и именем, присвоенным им в "Легенде об Эдфу". Они имели такое же отношение к своему божеству-покровителю, как Шемсу-Хор, или "Последователи Гора", к нему в его другом аспекте, как сыну Исиды.

[3] Ср. Ньюберри, "Анналы археологии", стр. 17 и далее.

[4] Наиболее ярким из этих сравнений является сравнение *Асару*, шумерского бога, который впоследствии был отождествлен с Мардуком, и *Асара*, египетского бога Осириса. Ибо налицо не только идентичность имени-звука, но и сходство между египетскими и шумерскими группами знаков для имен (см. Sayce, "The Archaeology of the Cuneiform Inscriptions", p. 119). Сходство, однако, не столь близко, как это иногда представляется, поскольку шумерский знак *eri* или *uru* неизменно используется для обозначения "города", а это значение никогда не придается иероглифу *as* в соответствующей половине египетской группы. Чтобы считать это сходство не просто совпадением, необходимо предположить очень тесную связь между ранними религиозными идеями Шумера и Египта, а это предположение может быть оправдано только самыми убедительными доказательствами связи с археологической стороны.

[5] См. Reisner, "The Early Dynastic Cemeteries of Naga-ed-Dêr," Part I., опубликованный как Vol. II. в "University of California Publications," 1908.

[6] Ср. Масивер и Вулли, "Арейка", стр. 14 и далее. Г-н Масивер также ссылается на появление аналогичной краснолаковой посуды с черным верхом на участках в Египте, датировемых между Двенадцатой и Восемнадцатой династиями (*op. cit.*, p. 16).

[7] См. Reisner, "Naga-ed-Dêr", I., p. 133 f.

[8] О тождестве додинастических эмблем с богами династического периода см. Budge, "The Gods of the Egyptians", I., p. 30 f., Foucart, "Comptes rendus", 1905, pp. 262 ff., и Reisner, "Naga-ed-Dêr", p. 125; ср. также Legge, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXXI., pp. 205 и далее.

[9] Репродукцию и описание резьбы на грифельной доске см. в Legge, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", Vol. XXII., pl. vi; ср. также Vol. XXXI., p. 204 f. Как бы ни относиться к церемониальным целям, для которых предназначались эти грифели, ясно, что резьба по грифелю не была чем-то новым в Египте в этот период. На многих практических грифельных палитрах из Накада, на некоторых из которых были обнаружены следы шлифовки малахита и гематита для раскраски лица (см. Petrie, "Naqada and Balias", p. 43), вырезаны формы животных. Можно добавить, что найденные в Фаре цветные диски для раскрашивания лица или тела совершенно отличаются по форме и материалу от египетских грифельных палитр. Они из алебаstra, с отделениями для отдельных красок, и обычно стоят на четырех ножках (см. Andræ, "Mitteil. der Deutsch. Orient-Gesellschaft", No. 17, p. 6); таким образом, они образуют более близкую параллель с маленькими коническими вазами из глины или камня, все еще содержащими краски, которые были найдены в самом нижнем слое кургана Сузы и относятся к периоду ее первого поселения (см. De Morgan, "Rev. d'Assyr.", VI., p. 5).

[10] Ср. Мейер, "Geschichte des Altertums", Bd. I., Hft. II., p. 107 f.

[11] См. табличку на с. 138.

[12] См. выше, стр. 26 и далее.

[13] Возможно также, что изобразить сжатое положение трупов было не под силу скульптору Эаннатума. Более того, использование общей могилы под курганом на поле боя, возможно, было модифицированным выживанием более ранней практики, сохранение которой было продиктовано удобством. Хотя при раскопках в Вавилонии не было отмечено ни одного случая его появления, мы находим очень похожую форму захоронения в Сузах в период их первого заселения. Судя по всему, умерших хоронили за пределами земляного вала, обозначавшего городскую стену, без какого-либо особого порядка или направления, не закрывая ни циновкой, ни горшком, ни саркофагом. Тела помещали в общий ров и засыпали землей, время от времени рядом с ними или поверх них добавляли другие, так что иногда обнаруживалось четыре или пять слоев скелетов, наложенных друг на друга. То, что трупы здесь погребались отдельно, следует из того факта, что каждый из них сопровождается собственными погребальными приношениями и мебелью, расставленной вокруг головы; см. De Morgan, "Rev. d'Assyr.". Vol. VII., No. 1 (1909), p. 4 f. Можно добавить, что шумеры, как и египтяне додинастического и раннединастического периодов, не бальзамировали своих умерших. Использование масла и меда для этой цели (см. King, "Babylonian Religion", p. 49 f.), последнее из которых Геродот приписывает вавилонянам (I., 198), по-видимому, было сравнительно поздним и было предложено египетскими процессами мумификации. Интересно отметить, что, согласно свидетельствам, полученным М. Навиллем в Абидосе в сезон 1909-10 годов, договорная форма погребения сохранилась в Египте по крайней мере до Шестой династии.

[14] Использование высушенного на солнце кирпича из нильского ила и измельченной соломы вполне могло быть разработано самими египтянами. Что касается первоначальной родины пшеницы, то доказательств мало, хотя можно отметить, что следы культивированной пшеницы и ячменя были найдены в самом раннем слое в Анау в Русском Туркестане; см. Pumpelly, "Explorations in Turkestan", p. 39 f.

[15] Негативные свидетельства также указывают в том же направлении. Например, широкое использование слоновой кости додинастическими и династическими египтянами находится в поразительном контрасте с тем фактом, что ни один предмет из слоновой кости не был найден М. де Сарзекком в Телло. У шумеров ее место заняла раковина; см. выше, с. 78.

[16] Против этой точки зрения можно привести постепенное прекращение использования цилиндра в Египте, что наводит на мысль об иноземном происхождении. Было найдено сравнительно немного деревянных цилиндров-печатей. Однако тот факт, что излюбленным материалом было дерево, а не камень, был установлен на основании многих оттисков печатей, на которых сверху вниз по знакам проходит рельефная линия. Это могло произойти только в результате раскола дерева, из которого был сделан цилиндр; см. Petrie, "Royal Tombs", I, p. 27, и Newberry, "Scarabs", p. 48. Самой ранней формой цилиндра-печати вполне мог быть кусок тростника с насечками.

[17] Если землю Пунт можно отнести к Абиссинии и Сомалиленду, то возможно, что она была вторичным центром семитского влияния в этом регионе; см. Кинг и Холл, "Египет и Западная Азия", с. 40.

[18] См. Meyer, "Geschichte", Bd. I., Hft. II., pp. 155, 162, 393 f.; и ср. Breasted, "Ancient Records", I., p. 66. Согласно переводу Шефера, сорок кораблей были сделаны из кедрового дерева, а не нагружены им (см. "Ein Bruchstück altägyptischer Annalen", p. 30). Но это не влияет на вывод, сделанный из этого отрывка, поскольку кедр должен был быть получен в Ливане, а запись в любом случае доказывает связь между Египтом и Сирией в период правления Снеферу.

[19] См. выше, с. 197 и далее, 233 и далее.

[20] См. Thureau-Dangin, "Recueil de travaux", XIX, p. 187.

[21] См. выше, p. 273 f.

[22] См. De Morgan, "Recherches archéologiques", опубликованные как первый, седьмой и восьмой тома "Mémoires de la Délégation en Perse".

[23] То, как семитская культура Вавилонии продолжала влиять на культуру Элама в религиозной сфере, хорошо иллюстрирует бронзовая вотивная табличка Шилхак-ин-Шушинак, недавно найденная в Сузах; см. Готье, "Rec. de trav.", XXXI, pp. 41 и далее. Она называется "Сит-Шамши" и, вероятно, представляет собой обряд очищения, который совершался на восходе солнца. Как следует из названия, этот обряд был телесно перенят эламитам и вместе с семитским названием включен в местный ритуал.

[24] См. выше, p. 306 f.

[25] Ср. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", IV., pp. 14 ff.

[26] "Textes Élam.-Sémit.", II., pp. 169 ff.

[27] Хорошим примером эламской скульптуры более раннего периода является фрагмент барельефа, опубликованный Де Морганом в "Recherches archéologiques", II., pl. i., A; в изображении мифологического существа, получеловека-полузверя, который держит священное дерево, он совершенно не похож на ранние работы Шумера или Аккада. О том, что, несмотря на вавилонское и ассирийское влияние, эламский скульптор продолжал сохранять свою индивидуальность, свидетельствует такая работа, как известный "барельеф

прядильщицы", который, вероятно, относится ко времени Саргонидов (*op. cit.*, I., pl. ix., p. 159 f.).

[28] Украшенный стол и барельеф, опубликованные в "Recherches", I., pl. xii и xiii, являются прекрасными примерами литья из бронзы. Они относятся к периоду Шутрук-Наххунте и как по дизайну, так и по технике исполнения превосходят все бронзовые отливки, найденные в Вавилонии. Разнообразные украшения, драгоценности и статуэтки из золота, серебра, меди и драгоценных камней, опубликованные в "Rech. arch.", II., pp. 65 ff., pl. xii ff. как "подношения фундамента" из храма Шушинак в Сузах, являются прекрасными образцами более тонкого класса эламских металлических изделий; трудно точно определить их дату, но беспорядок, в котором они были найдены, говорит против теории единого фундамента, и различные группы вполне могут относиться к разным периодам.

[29] См. Scheil, "Textes Élam.-Sémit.", III., pp. 57 ff.

[30] См. выше, с. 289. Лапидарные формы иероглифов более линейные и менее витиеватые, чем на табличках. Но различия таковы, что естественно возникли из-за использования более твердого материала, и мы, вероятно, можем отнести оба класса примерно к одному и тому же периоду.

[31] См. Scheil, "Rev. d'Assyr.", Vol. VI, p. 48.

[32] Ср. Jéquier, в "Recherches archéologiques", III., pp. 7 ff.

[33] См. де Морган, "Rev. d'Assyr.", VI., p. 8.

[34] Цветные репродукции сусианских изделий см. в De Morgan, "Recherches archéologiques", I., pl xvii-xxii; ср. также pp. 183 и далее.

[35] См. Готье и Лампре, "Fouilles de Moussian", в "Recherches archéologiques", III., pp. 59 и далее.

[36] См. де Морган, "Revue de l'École d'Anthropologie", 1907, p. 410 f. Еще менее убедительные параллели между ранними культурами Крита и Элама проводит Лагранж в "La Crète ancienne", pp. 80 ff.

[37] См. "Археология клинописных надписей", с. 47.

[38] См. Пампелли, "Исследования в Туркестане", т. II, раздел Шмидта "Археологические раскопки", с. 127 и далее; см. далее, с. 355.

[39] Ср. "Анналы археологии", I., стр. 97 и далее.

[40] См. Холл, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXXI., pp. 311 и далее. Он также приводит общее сходство, которое эти три класса керамики имеют с геометрическими узорами на изделиях неолитического периода из Беотии и Фессалии. На основании этого сходства мистер Холл предполагает, что в Иране и в Северной Греции могли существовать две близкородственные культуры, использующие камень, из которых первая достигла возраста металла гораздо раньше, чем вторая. Однако он считает возможным, что неолитическое искусство Северной Греции восходит к 3000 году до н.э. или даже раньше. Согласно этой точке зрения, геометрическая и часто полихромная керамика, найденная на таких широко разбросанных доисторических объектах, как Элам, Закаспий, Сирия, Каппадокия, Кипр и Северная Греция, представляет собой развитие, совершенно независимое от искусства Эгейского региона, с которым, возможно, связано раннее искусство Египта. Описание керамики Северной Греции

с примерами и ссылками на новейшую литературу см. в докладах Уэйса, Друпа и Томпсона в "Анналах археологии", I., pp. 118 и далее. Следует признать, что предполагаемое сходство между ранней керамикой Северной Греции и Западной Азии не столь разительно, как между отдельными представителями последней группы.

[41] Сравните, например, животные мотивы из мусской керамики, изображенные в "Recherches archéologiques", III., p. 134 f., Figs. 262-264, с получеловеческими быками-монстрами из "протоэламитских" оттисков печати на Рис. 22-26, p. 11 f.

[42] См. де Морган, "Rev. d'Assyr.", VI., p. 5.

[43] Примечательно, что "греческий крест", который является очень характерной эмблемой на касситских цилиндрических печатях из Вавилонии, а также встречается на "протоэламитских" оттисках печатей, уже встречается в качестве декоративного символа на ранней расписной керамике Сузы и Муссии. Возможно также, что копьеносная эмблема бога Мардука в конечном итоге была эламского происхождения; она вполне могла быть перенесена на Мардука во времена касситских царей Вавилона.

[44] См. ниже, с. 356.

[45] См. выше, p. 2 f.

[46] См. Myres, "The Early Pot-Fabrics of Asia Minor" в "The Journal of the Anthropological Institute", Vol. XXXIII., p. 379. Профессор Майрес считает их саргонидскими, и это правда, что некоторые фрагменты расписной керамики этого периода были найдены в Куянджике. Но последние можно отличить, как по предмету, так и по технике, от тех, которые воспроизводят характеристики каппадокийской посуды и, вероятно, являются очень ранними (см. Hall, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXXI., p. 313 f., n. 137).

[47] Во время раскопок в Куянджике при проходке шахт в самом нижнем слое, чуть выше уровня равнины, я наткнулся на обсидиановые орудия и слои пепла, указывающие на существование неолитического поселения.

[48] См. выше, стр. 234 f.

[49] Репродукцию печати см. в Sayce, "Trans. Soc. Bibl. Arch.", Vol. V., p. 442.

[50] О печатях см. Heuzey, "Rev. d'Assyr.", IV., pp. 3 ff. Можно резюмировать контрастные моменты, представленные кипрской печатью: (1) Знаки, использованные в надписи, относятся не к периоду Нарам-Сина, а ко времени Первой династии. (2) Присутствие бога бури, количество и характер религиозных эмблем, расположение рисунка, продиктованное *horror vacui*, и гравировка самой печати с ее нескрываемым использованием сверла - все это сиро-каппадокийский характер; они разительно отличаются от красоты пропорций и сдержанного дизайна фигур, расположенных на простом поле ранними семитскими граверами печати Аккада. (3) Обожествление Нарам-Сина, конечно, не является доказательством того, что он был мертв (см. выше, стр. 251). Но следует отметить, что на печатях периода Нарам-Сина, где упоминается царствующий царь или член его семьи, царское имя включается для того, чтобы указать на передачу полномочий. Текст всегда написан во втором лице, в форме обращения, и царское имя неизменно упоминается первым. Если бы владелец печати, Маир-Иштар, был современником Нарам-Сина, то надпись на печати гласила бы: "О Нарам-Син, бог Аккада (*или* царь Аккада), Мир-Иштар,

(здесь следует название его должности), раб твой". На самом деле надпись гласит: "Мэр-Иштар, сын Илу-бани, слуга бога Нарам-Сина". Здесь на первом месте стоит имя Мара-Иштара, затем имя его отца и, наконец, имя его божества-покровителя. Нарам-Син больше не живой бог Аккада, а обычное божество, занимающее место обычного божества на печати. Сохранение его имени как имени бога в период западных семитов параллельно появлению имени Бур-Сина I, царя Ура, как имени божества из свиты Лунного бога, в списке богов седьмого века до н. э.; см. выше, с. 299.

[51] Репродукцию печати см. в Bezold, "Zeits. für Keilschrift.", II., pp. 191 ff.; ср. также Myres и Ohnefalsch-Richter, "Catalogue of the Cyprus Museum", pp. 15, 134.

[52] Из цилиндрических печатей Энкоми, например, только две являются чисто вавилонскими (первой династии), а остальные, за исключением нескольких грубых образцов кипрской работы, являются сиро-каппадокийскими и хеттскими импортами.

[53] См. Winckler, "Die Euphratländer und das Mittelmeer," in "Der Alte Orient," VII., 2 (1905), p. 10.

[54] См. Burrows, "The Discoveries in Crete", p. 9.

[55] *Op. cit.*, p. 134.

[56] См. Sayce, "Archaeology of the Cuneiform Inscriptions", p. 181, Burrows, "The Discoveries in Crete", p. 139, и Hall, "Proc. Soc. Bibl. Arch.", XXXI., p. 225.

[57] Об эволюции минойской письменности см. в Evans, "Scripta Minoa", I., pp. 19 ff., 28 ff.

[58] В поддержку этой точки зрения можно привести глиняный диск с иероглифами, обнаруженный профессором Хальбхерром в Фестосе. Исследовав иероглифы на нем, доктор Эванс приходит к выводу, что первоначальную родину своеобразной некритской формы письма следует искать на юго-западном побережье Малой Азии или на острове, тесно соприкасающемся с материком. Диск относится к периоду, когда линейная форма письма сменила иероглифическую на самом Крите (см. "Scripta Minoa", I., pp. 22 ff., 273 ff.).

[59] Именно через хеттскую среду, возможно, прослеживается связь между составными монстрами вавилонского и минойского искусства; см. Sayce, *op. cit.*, p. 180. Следует, однако, отметить, что, хотя идея, лежащая в основе рисунков на печатях Закро, может быть иностранного происхождения, разработка вариантов многих форм чудовищ была чисто местной и ограничивалась одним периодом (см. Хогарт, "Журнал эллинских исследований", том XXII, стр. 91). Более того, быки-монстры, или "минотавры", эгейского искусства, очевидно, были заимствованы из местного культа Кносса; в крылатых и птицеподобных типах более вероятно каппадокийское влияние.

[60] См. Burrows, "Discoveries in Crete", p. 149.

[61] В этом отношении он представляет собой разительный контраст с глиняным цилиндром из погребального хранилища Агиос Онуфриос близ Фестоса. Последний не имеет перфорации, а рисунки вырезаны на каждом конце печати; таким образом, это не настоящий цилиндр, а просто печать с двумя кнопками (см. Evans, "Cretan Pictographs," pp. 105, 107).

[62] Фигуры, выгравированные на печати, состоят из львиноголового демона и двух женских фигур, возможно, с головами животных; они расположены по полю цилиндра от края до края. Печать сделана из мягкого черного камня, сильно изношенного (см. Bosanquet, "Ежегодник Британской школы в Афинах", № VIII, p. 302).

[63] См. "Иония и Восток", р. 96 f.

[64] См. выше, р. 334 f.

[65] Ср. Хогарт, "Иония и Восток", с. 47 f.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.- Недавние исследования в Туркестане в их связи с шумерской проблемой.

II.- Хронологический список царей и правителей Шумера и Аккада.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

НЕДАВНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ В ИХ СВЯЗИ С ШУМЕРСКОЙ ПРОБЛЕМОЙ.

Во второй главе этого тома было высказано мнение, что, несмотря на несостоятельность некоторых аргументов в пользу этой теории, первоначальную родину шумеров следует искать за горами к востоку от Вавилонской равнины.^[1] Таким образом, прибытие шумеров на берега Евфрата стало бы единичным эпизодом в череде подобных миграций с востока, которые, как известно, в исторический период появились в этой части Западной Азии. До недавнего времени можно было лишь предполагать, что подобные миграции связаны с расовыми волнениями в более отдаленных регионах, и было мало данных для поддержки какой-либо детальной теории о причинах этого периодического давления на запад. Однако в результате недавних исследований в Русском и Китайском Туркестане были получены важные данные, имеющие как прямое, так и косвенное отношение к этой проблеме.

Две экспедиции, проведенные г-ном Рафаэлем Пампелли по поручению Вашингтонского института Карнеги в 1903 и 1904 годах, результаты которых теперь полностью опубликованы, были заняты в основном работой в Закаспийской провинции Русского Туркестана. Физиографические наблюдения, собранные первой экспедицией Пампелли, во время второй были дополнены археологическими данными, полученными в результате раскопок в Анау близ Асхабада и в Мервском оазисе под руководством д-ра Хуберта Шмидта из Берлина, который вошел в состав экспедиции с этой целью. Оба класса свидетельств имеют непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме.

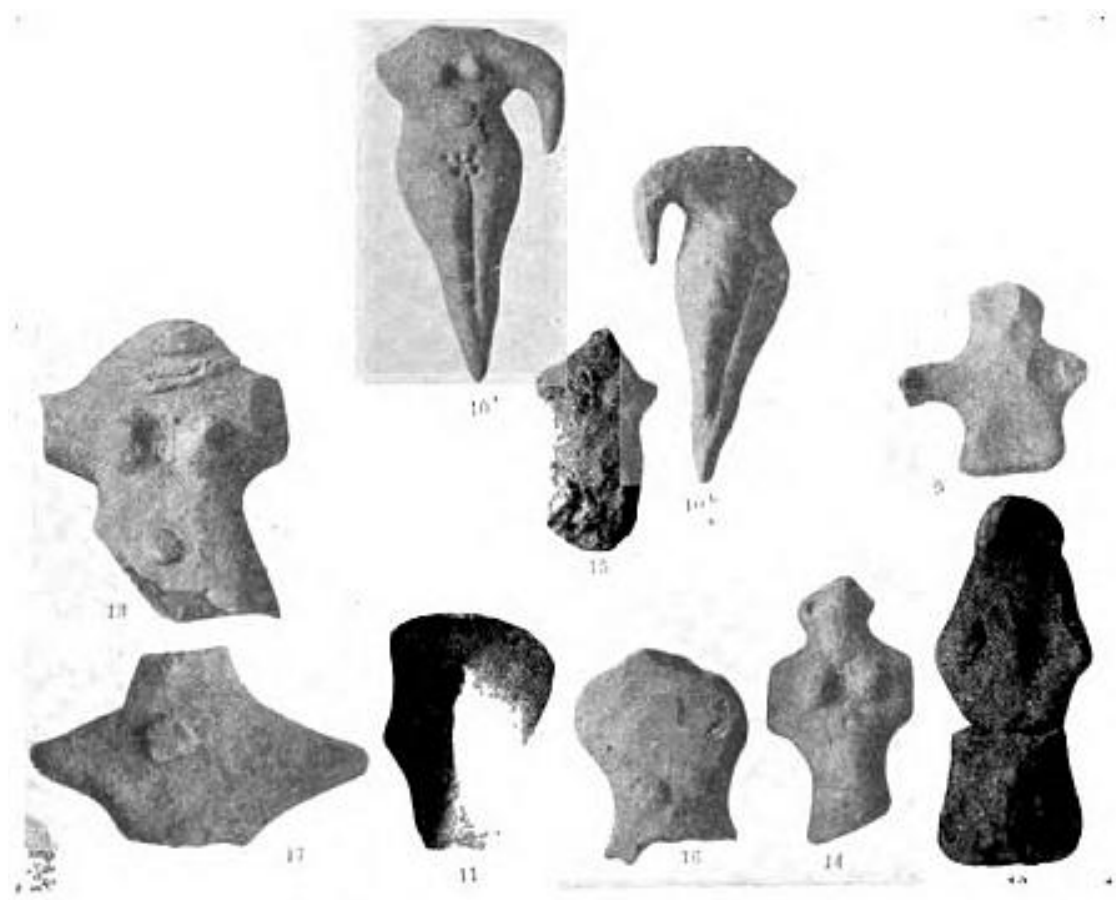
Более отдаленный интерес в данной связи представляют исследования и раскопки, проведенные доктором Штейном в Китайском Туркестане по поручению индийского правительства во время его поездок в 1900-1 и 1906-8 годах. Расположенная в бассейне Тарима к востоку от Памира, основная арена его трудов находится далеко от тех регионов Западной и Центральной Азии, откуда можно ожидать прямого света на шумерскую проблему. Но Хотанские оазисы и пустыня Такламакан во многих отношениях представляют собой интересную параллель с условиями, преобладающими в южных районах российской провинции; они иллюстрируют в более поздние исторические периоды климатические и геологические процессы, следы которых в последнем регионе были отмечены гораздо

раньше. Исследование археологических останков, до недавнего времени погребенных в Хотане, также продемонстрировало сравнительно короткий период времени, необходимый для того, чтобы произошли обширные физические изменения. Наконец, физиографические исследования мистера Эллсворта Хантингтона, сопровождавшего первую экспедицию Пампелли, были продолжены в 1905-7 годах в регионе путешествий доктора Штейна, вдоль южной и восточной границ пустыни Такламакан, и привели к получению подтверждающих доказательств теорий, уже выведенных из наблюдений в Русском Туркестане.

Уже отмечалось, что работа экспедиции Пампелли носила двоякий характер. С одной стороны, большинство членов экспедиции посвятили себя сбору материалов, касающихся физиографии пустынь и оазисов Центральной Азии; в результате их трудов была выпущена ценная серия монографий, иллюстрирующих климатические и физические изменения, происходившие в этом регионе мира. С другой стороны, раскопки, проведенные в Анау доктором Шмидтом, сопровождались тщательным представлением археологического материала, включая очень полную керамическую запись. Общее обсуждение результатов было предпринято руководителем экспедиций г-ном Рафаэлем Пампелли, который дал умелое и наводящее резюме того, что он считает их общим значением, не только с геологической стороны, но и в их отношении к ранней истории западноазиатской и даже североафриканской культуры.[2] Прежде всего следует отметить, что в археологическом плане некоторые обобщения г-на Пампелли кажутся слишком далеко идущими, а некоторые выводы он, похоже, выводит за рамки имеющихся у него данных. Но это несколько не умаляет ценности новых данных, в получении которых он в значительной степени участвовал.

I.- СЕВЕРНЫЙ КУРГАН В АНАУ И ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ ПАМПЕЛЛИ. II.- ЮЖНЫЙ КУРГАН В АНАУ, ПОКАЗЫВАЮЩИЙ ПРОХОДЯЩИЕ ЭКСКАВАТОРЫ - Из *Pumpelly, Expl. in Turk. 1, c. 17, рис. 5 и 6*

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ ЮЖНОГО КУРГАНА В АНАУ. -Из *Pumpelly, Expl. in Turk.*, 1, pl. 46, Figs. 9-17

Мы не рассматриваем здесь детали более ранних геологических данных, за исключением тех случаев, когда они иллюстрируют или объясняют физические изменения в характере страны в более поздние времена. Давно признано, что пустыни Центральной Азии обязаны своим существованием процессу высыхания, который происходил с ледниковой эпохи,^[3] а недавние исследования показали, что контраст с современными условиями был еще более заметным, чем предполагалось ранее. Члены первой экспедиции Пампелли отметили, что ледники существовали в значительно больших масштабах по всем горам, граничащим с великими бассейнами Центральной Азии на юге и востоке, и доказали существование нескольких больших ледниковых расширений, каждое из которых естественным образом отразилось на климате центрального региона. В подледниковый период наблюдалась общая тенденция к опустошению, и высохший ил морей и рек переносился ветром по поверхности земли. Наиболее легкий материал переносился дальше всего, и там, где скудная растительность могла его удержать, он откладывался в виде пластов "лёсса", необычайно тонкой и плодородной почвы, которая покрывает большую часть Северного Китая и Туркестана и простирается непрерывной зоной от севера Каспия до Центральной Европы.^[4] Более тяжелые илы в виде песков двигались медленнее под напором ветра, и они

образовывали большие пустыни песчаных дюн, нагроможденных местами высотой более ста футов. Именно смещению или образованию таких песчаных пустынь в исторические времена мы обязаны захоронением городов в районе Хотана, которые так успешно раскопал доктор Штейн для индийского правительства.[5]

Хотя очевидно, что со времен ледникового периода наблюдалась общая тенденция к нынешнему засушливому состоянию Центральной Азии, есть основания полагать, что, как и в ледниковую эпоху, последующие климатические изменения не были равномерными. Бывали периоды экстремальной засухи, когда состояние некоторых регионов могло быть более пустынным, чем сейчас. Но они, по-видимому, чередовались с более влажными периодами, когда опустевшие территории вновь становились пригодными для жизни. Однако уже в доисторический период море песчаных дюн вторглось на плодородные лессовые равнины, и следы человеческой деятельности были обнаружены в основном в дельтах оазисов, образованных потоками, стекающими с гор, или в местах, где крупные реки теряются на равнине, как в Мерве.

По всей области оазисов в Южном Туркестане, к северу от Копет-Дага, экспедиция Пампелли постоянно отмечала места бывших поселений в районах, которые сейчас пустынные. Там, где сегодня существуют деревни, есть не только следы пребывания, но и большие территории, которые, должно быть, когда-то были густо заселены, хотя сейчас они пустынные. Нынешние запасы воды в этом регионе могли бы прокормить лишь небольшую часть его прежних жителей, поэтому следует предположить, что либо осадков выпадало больше, либо испарение было менее быстрым из-за более низкой температуры. Аналогичные свидетельства были собраны в отношении прежнего состояния Китайского Туркестана,[6] , и очевидно, что обширные территории Центральной Азии, которые сейчас заброшены в пустыню, в свое время были местом проживания значительного населения. Факты указывают на изменение климатических условий, которое повлияло на характер страны таким образом, что вызвало расовые миграции.[7]

В надежде пролить свет на характер бывших обитателей пустынных районов Русского Туркестана вторая экспедиция Пампелли провела раскопки на отдельных участках. В Гяур Кала в Мервском оазисе было установлено, что самый ранний период заселения не превышает нескольких веков до нашей эры, хотя вполне вероятно, что среди большого количества курганов в оазисе некоторые имеют значительно более раннюю дату. Гораздо важнее результаты, полученные при раскопках в районе под северными склонами Копет-Дага. Именно в одном из дельта-оазисов, в Анау, близ Асхабада, примерно в трехстах милях к востоку от Каспия, экспедиция Пампелли обнаружила следы доисторических культур и получила основной материал для археологического изучения.

Недалеко от середины оазиса Анау и примерно в миле друг от друга находятся два холма с округлыми очертаниями, возвышающиеся над равниной на сорок и пятьдесят футов и обозначающие места давно забытых городов. Структура Северного Кургана, или кургана, уже была обнажена траншеей, прорытой в нем около двадцати пяти лет назад генералом Коморофом, в которой были обнаружены наслоившиеся останки, включая кости животных и горшки с гладкой и расписной посудой. Именно эта траншея впервые привлекла внимание мистера Пампелли к кургану во время его первой экспедиции, и последующие раскопки, как здесь, так и в Южном Кургане, выявили ту же самую слоистую структуру.

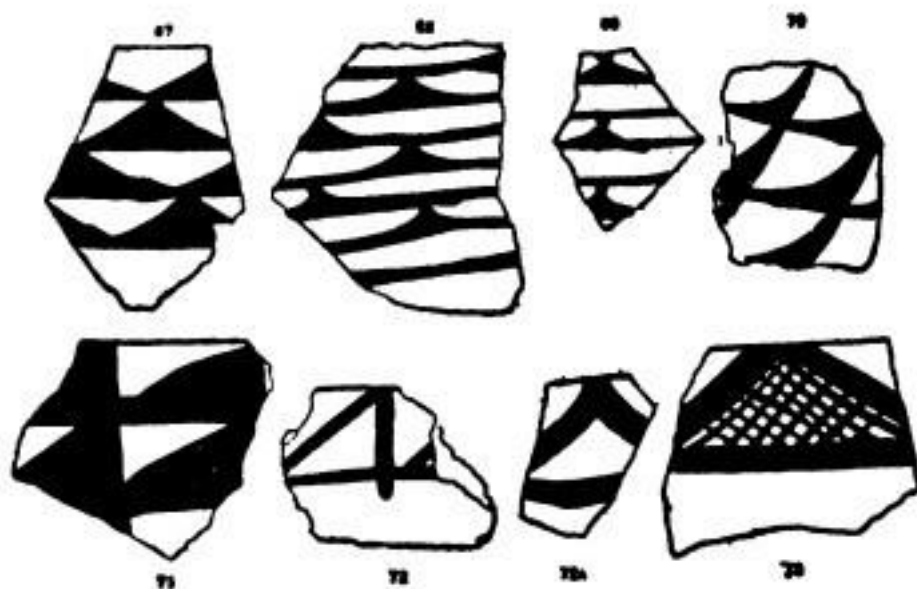

Fig. 68.

Рис. 68. Рисунки на расписных горшках неолитического периода (культура I.) из Северного кургана в Анау. - Из Pumpelly, *Expl. in Turk.*, I., p. 128, Nos. 67-73.

Эти слои представляют собой последовательную оккупацию этого места, и, поскольку его обитатели жили в домах, построенных из высушенных на солнце кирпичей, холмы постепенно поднимались в высоту. Из двух холмов Северный Курган был самым ранним, его ранние слои содержали остатки каменной культуры, а верхняя культура представляла собой энеолитическую стадию цивилизации. Третья культура - самая нижняя в Южном Кургане - относится к медному веку. Археологической частью работ руководил д-р Шмидт, и именно его замечательному методу отмечать точное место и уровень каждого найденного предмета мы обязаны возможностью проследить постепенное развитие культуры в течение последовательных периодов заселения. Кроме того, Закаспийская железная дорога проходит чуть более чем в полумиле к северу от северного кургана, или Кургана. Таким образом, доставка в Европу всего полученного археологического материала не представляла трудностей и была сопряжена с небольшим риском. Коллекция костей животных с Северного кургана весила почти полтонны, но они были без проблем отправлены доктору Дуэрсту из Цюриха, который приложил отчет о них к отчетам второй экспедиции.

Fig. 69.

Рис. 69. Узоры на расписных горшках энеолитического периода (культура II) из Северного Кургана в Анау. - Из Pumpelly, *Expl. in Turk.*, I., p. 133, Nos. 106-113.

Культурный прогресс трех периодов, однако, наиболее отчетливо проявляется в керамике, которая демонстрирует постепенную эволюцию форм, техники и декора. Хотя сосуды первых двух культур сделаны вручную, а колесо появилось только в культуре III, сосуды обеих более ранних эпох являются превосходными керамическими изделиями. Уже отмечалось, что многие геометрические узоры, встречающиеся на керамике ранних периодов из Северного Кургана, имеют определенное сходство с аналогичной керамикой, найденной ММ. Готье и Лампре в Муссине, а также М. де Морганом в Сузах. Это может указывать на некоторую связь между каменной и ранней металлообрабатывающей культурами Транскаспия и Элама; в то время как фигурки из обожженной глины из медной культуры Южного Кургана могут служить доказательством какого-то раннего культурного контакта с шумерами.^[8]

Сам мистер Пампелли считает центральноазиатские оазисы источником западноазиатской культуры. Согласно его теории, они были изолированы от Европы и Африки начиная с ледникового периода и далее, и их культурные потребности развивались в полной независимости. Однако произошли изменения в климатических условиях, в результате

которых ранние цивилизации в этих регионах стали исчезать, что породило обширные миграции, которые, в свою очередь, отреагировали на внешний мир. В поддержку своей теории он объясняет раннее появление пшеницы и ячменя в Египте и Вавилонии, а также наличие некоторых пород домашних животных тем, что они впервые появились в Закаспийских оазисах. Но, помимо различий в керамике, полное отсутствие какой-либо формы письменности в курганах Анау говорит против любой теории, требующей очень тесной расовой связи между ранними жителями оазисов и шумерами Вавилонии.

Фактически, эти данные не оправдывают нас в том, что первоначальная родина шумеров находилась в Анау, как и в любом другом месте Центральной Азии или Ирана, которое еще не было исследовано. Но они указывают на регион мира, в котором мы можем ожидать, что будущие раскопки выявят данные более убедительного характера. Возможно, разрушенные памятники Сеистана и провинции Кирман покажут более близкие параллели с цивилизациями Элама и Шумера. Между тем очевидно, что между ранними народами этих стран и поселениями к северу от Копет-Дага должны были происходить какие-то контакты. Таким образом, мы можем представить шумеров до их прихода в Вавилонию как жителей некоего района к востоку от долины Евфрата, где они развивали элементы своей культуры, которая уже находится на сравнительно продвинутой стадии развития на самых ранних южноавиловских стоянках.

Еще одним результатом недавних исследований в Туркестане стало то, что появилось адекватное объяснение волнений в Центральной Азии, которые привели к шумерской иммиграции и аналогичным расовым движениям на запад. Теперь можно считать установленным, что периоды высыхания и крайней засушливости привели к запустению обширных территорий, в результате чего их бывшие жители время от времени были вынуждены искать убежище в более благоприятных районах. В то время как кочевые племена в поисках свежих пастбищ могут кочевать по широким степям к северу и западу от Туркестана, земледельческие народы на его южной границе вынуждены повернуть к югу от Каспия. Мрачные возвышенности Иранского плоскогорья мало привлекательны для постоянного поселения, а маршруты переселенческих племен, естественно, будут вести в сторону Малой Азии и Месопотамской равнины. Такое состояние беспорядков в Центральной Азии, естественно, отразилось бы на народах, находящихся на значительном расстоянии, и этот факт объясняет периодические вторжения, которым Вавилония подвергалась с востока. Можно добавить, что иммиграция семитских племен в Сирию и Северную Вавилонию, возможно, связана с физическими причинами аналогичного характера. Возможно, в центральных районах Аравийского континента случались периоды засухи, которые и послужили причиной семитских вторжений в доисторические и исторические времена.

Таким образом, возможно, что две расы, которые мы находим во владении Шумера и Аккада в самые ранние исторические периоды, хотя и пришли из противоположных мест, были вынуждены переселиться в регион Евфрата по причинам совершенно одинакового характера. Как семиты, двигаясь на север из Аравии, колонизировали сирийское побережье, через которое они проходили, так и шумерская раса вполне могла оставить постоянные следы своего присутствия в долинах и более плодородных оазисах Ирана. Уже есть основания полагать, что работы на сирийских и западно-месопотамских территориях прольют свет на проблемы ранней семитской истории, и, возможно, удачливому раскопщику выпадет на долю в каком-нибудь регионе к востоку от долины Евфрата восстановить культовые изображения первобытных шумерских богов и выявить примеры рисуночного письма, из которого были получены ранние клинописные знаки.

[1] См. выше, с. 53 и далее.

[2] Отчеты о первой экспедиции были опубликованы под названием "Исследования в Туркестане" в публикации № 26 Вашингтонского института Карнеги (1905). Различные монографии о результатах второй экспедиции опубликованы в двух томах под названием "Explorations in Turkestan; Expedition of 1904" в публикации № 73 (1908) того же учреждения. Обе работы были отредактированы г-ном Рафаэлем Пампелли, который в 1906 году уже обобщил свои выводы в президентской речи перед Геологическим обществом Америки (см. "Bulletin of the Geol. Soc. of Amer.", Vol. 17, pp. 637 ff.). В отдельном томе, озаглавленном "Пульс Азии", г-н Хантингтон дал отчет о своем недавнем путешествии.

[3] Cp. Geikie, "The Great Ice Age and its Relation to the Antiquity of Man", 3rd ed., pp. 694, 698. В 1894 году профессор Джеймс Гейки отметил вероятность того, что ледниковые явления были более широко развиты в горах и на плоскогорьях Азии, чем он считал оправданным представить в своей "Карте ледникового периода Азии". В нее он включил только результаты предыдущих наблюдений, подчеркнув при этом ее "неизбежно неудовлетворительный характер" (*op. cit.*, p. 831, Pl. xiii.). В настоящее время этот недостаток доказательств в значительной степени устранен.

[4] Раньше лёсс считался просто отложением ледникового или речного происхождения, но теперь общепризнанной является теория Рихтхофена о том, что его последующее распространение в значительной степени обусловлено переносом ветром (см. "Китай", Bd. I., pp. 56 и далее). Тот факт, что его находят нагроможденным на склонах гор и содержащим сухопутные, а не водные раковины, является неопровержимым доказательством. Об общем характере и распределении раковин см. в "Учебнике геологии" сэра Арчибальда Гейки, 4-е изд., I., pp. 439 f.; II., p. 1351. Можно отметить, что образование лёссовых отложений и песчаных пустынь продолжается и в настоящее время, при сильных ветрах, которые преобладают в определенные сезоны в Центральной Азии; и даже при слабом ветре воздух часто бывает густым от мелкой пыли. Обратная сторона этого процесса видна в эффектах ветровой эрозии, очень яркие примеры которой были описаны д-ром Штейном; см. например, "Руины Хотана", стр. 189 и далее, и "Древний Хотан". I., p. 107.

[5] Следует отметить, что вещество дюн вокруг Хотана следует отличать от настоящего дрейфующего песка других среднеазиатских пустынь. Профессор де Лочи показал с помощью анализа, что существует почти полное единообразие в составе между недавно сформировавшимся плодородным лёссом Йоткана (место древней столицы Хотана) и подвижным "песком", который сейчас окружает и покрывает древние места в пустыне; см. "Древний Хотан", I., pp. 127 f., 199, 242. Толщина чистого лёсса над культурным слоем в Йоткане составляла не менее девяти-одиннадцати футов, что заставило более ранних европейских посетителей предположить, что старый город был разрушен какой-то катастрофой, например, большим наводнением. Это всего лишь яркий пример того, как растительность при орошении улавливает и удерживает плавающую лессовую пыль.

[6] После своего недавнего путешествия д-р Штейн пишет о Хотанском регионе, что, как ему кажется, он уверен, что "запасы воды, имеющиеся в настоящее время в Юрунг-Каше, ни при какой системе не могли бы быть достаточными для орошения всех больших участков, ныне заброшенных в пустыню, и только иссушение дает адекватное объяснение этому факту"; см. "Географический журнал", т. xxxiv. (1909), с. 17.

[7] Обсуждение современных теорий относительно законов, управляющих климатическими изменениями, и возможности их циклического повторения см. в Huntington, "The Pulse of Asia", pp. 365 ff. Наиболее вероятным представляется солнечное происхождение изменений, вызванных различными формами тепла и другой энергии, получаемой от солнца. Такие изменения будут сильнее ощущаться в средних районах континента, где высокие горы перехватывают влагу с моря, которая беспрепятственно выпадает в периферийных или прибрежных районах.

[8] См. выше, с. 340 и далее. Фотографические репродукции глиняных статуэток из Южного Кургана см. на с. 352. Следует отметить, что фигурки явно вавилонского типа. Сходство можно подчеркнуть контрастом с терракотовыми фигурками гораздо более позднего времени, обнаруженными д-ром Штейном в Йоткане; см. "Руины Хотана", стр. 261. Более того, ляпис-лазурь встречается уже во второй культуре Северного Кургана. Это указывает на торговое взаимодействие поселений Анау с регионами, расположенными еще дальше на восток; но использование лазурита шумерами может быть приведено в качестве дополнительного доказательства в пользу какой-то ранней культурной связи между ними и Анау.

ПРИЛОЖЕНИЕ II
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ЦАРЕЙ И ПРАВИТЕЛЕЙ ШУМЕРА И АККАДА

I. САМЫЕ РАННИЕ ПРАВИТЕЛИ ШУМЕРА И АККАДА

I. THE EARLIEST RULERS OF SUMER AND AKKAD			
Approximate Dates.	KISH, OPIS, AND AKKAD.	LAGASH.	UMMA, ERECH, AND UR.
B.C.	(Utug p.)		
	Mesilim k.	Lugal-shag-engur p.	
	(Urzage k.)	(Badu k.)	
	(Lugal-tarsi k.)	(Enkhegal k.)	
3000		Ur-Ninā k., Akurgal p.,	
2900	Al[...] k. of Kish; and } Zuzu k. of Opis. }	Eannatum p. and k.	{ Ush p., Enakalli p., Urlumma
2850		Enannatum I. p.,	{ Ili
		Entemena p.,	
		Enannatum II. p.	
		Enetarzi p.	
2800	(Enbi-Ishtar k.)	Enlitarzi p., Lugal-anda p., Urnikagina k.	Ukosh p., Lugal-zaggisi k. of Erech and Sumer (Lugal-kigub-nidudu k. of Erech and Ur) (Lugal-kisalsi k. of Erech and Ur) (Enshagkushanna lord of Sumer)
	Dynasty of Kish.		
2750	Sharru-Gi k.		
2700	Manishtusu k.	Engilsa p.	Kur-shesh p. of Umma
	Urumush [or Rimush] k.		
2650	Dynasty of Akkad [see Table II.]		

[увеличить]

II. АККАДСКАЯ ДИНАСТИЯ И ЕЕ ПРЕЕМНИКИ

II. THE DYNASTY OF AKKAD AND ITS SUCCESSORS

Approximate Dates.	AKKAD.	LAGASH.	UMMA AND UR.
B.C.	<i>Dynasty of Akkad.</i>	<i>Patesis of Lagash.</i>	
2650	Shar-Gani-sharri, }	Lugal-ushumgal	
2600	Narām-Sin }	Ur-Babbar	
		(Ur-E)	
		(Lugal-bur)	
2550		(Baasha-mama)	
		(Ur-mama)	
		(Ug-me)	
2500		Ur-Bau	
		Nammakhni	
		Ur-gar	
		(Ka-azag)	
		(Galu-Bau)	
		(Galu-Gula)	
		(Ur-Ninsun)	(Galu-Babbar p. of Umma)
2450		Gudea,	
		Ur-Ningirsu	
		[probably survived into Dungi's reign ; see Table III.]	<i>Dynasty of Ur</i>

EXPLANATORY NOTE.—p. = patesi ; k. = king ; a comma after a ruler's name indicates that he was succeeded by his son. A dotted line (.....) joins the names of rulers who are proved to have been contemporaries ; the position of names within parentheses is conjectural. In Table I., Col. II. the rulers belong to Kish, and in Col. IV. to Umma, unless otherwise stated. In Table III. (see p. 362) the figures which follow the name of a king represent the number of years he ruled.

[увеличить]

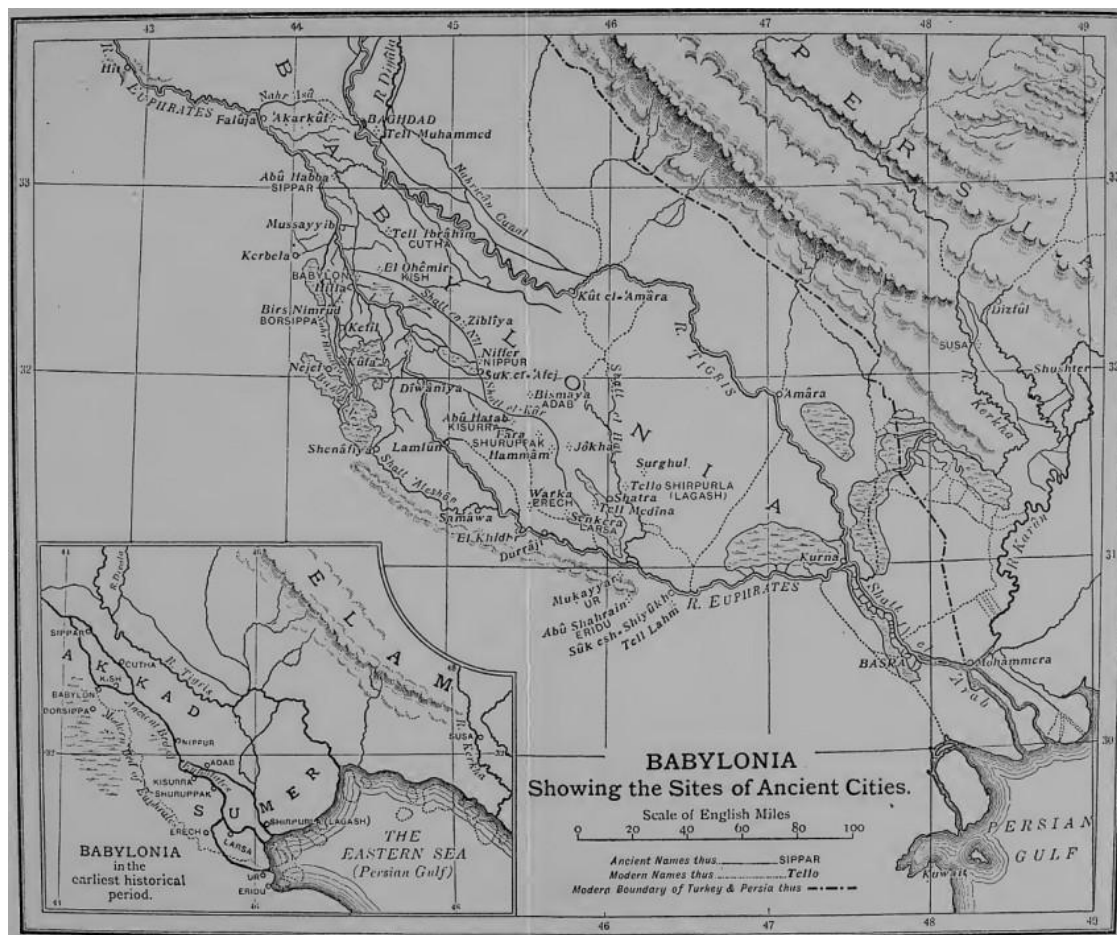
ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА: p. = patesi; k. = king; запятая после имени правителя означает, что его сменил сын. Пунктирная линия (.....) соединяет имена правителей, которые, как доказано, были современниками; расположение имен в скобках - предположительное. В таблице I., столбец II. правители относятся к Кишу, а в столбце IV. к Умме, если не указано иное. В таблице III. (см. с. 362) цифры, которые следуют за именем царя, означают количество лет его правления.

III. ЦАРСТВО ШУМЕРА И АККАДА

III. THE KINGDOM OF SUMER AND AKKAD

Approximate Dates.	SUMER AND AKKAD.	LAGASH.	UMMA, LARSA, ETC.
	<i>Dynasty of Ur (117 or 119 yrs.)</i>	<i>Patris of Lagash.</i>	
	YEARS.		
2400	Ur-Engur, (18)	{ Ur-Ningirsu Ur-abba	
		{ Galu-kazal Galu-andul	
	Dungi, (58)	Ur-Lama I.	Ur-nesu p. of Umma
2350	Bur-Sin I., (9)	Alla	
	Gimil-Sin, (7 or 9)	{ Ur-Lama II. [.....]-kam	
	Ibi-Sin (25)	Arad-Nannar	
	<i>Dynasty of Isin (225½ yrs.)</i>		
2300	Ishbi-Ura, (32)		
	Gimil-ilishu, (10)		
2250	Idin-Dagan, (21)		
	Ishme-Dagan, (20)		
	Lisit-Ishtar (11)		
2200	Ur-Ninib, (28)		Gungunu k. of Larsa and Ur
	Bur-Sin II., (21)		
	Itér-kasha (5)		
2150	Ura-imitti (7)		
	Sin-ikisha (4)		
	Enlil-bani (24)		
	Zambia (3)		
	[.....] (5)		(Samu-ilu k. of Ur)
	Ea- [.....] (4)		
2100	Sin-magir, (11)		
	Damīk-ilishu (23)		

[увеличить]

Вавилония с изображением мест расположения древних городов. [\[увеличить\]](#)